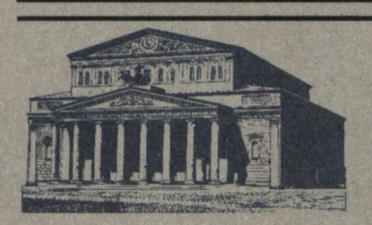
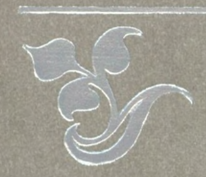
ВОЙНА И МУЗЫКА

1941/1945

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Пиковая дама

Вторник, 14 июля 1942 года

Цена 10 коп.

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

ЗА РОДИНУ!

ая Армия и

ации оркестра
ПРЕСМАН.
КАУФМАН.

е бандиты напа-

ФИЛИАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР

Понедельник 17 апреля
в фонд помощи детям фронтовиков
КОНЦЕРТ
Заслуженной артистки РСФСР
Марии Петровны
МАКСАКОВОЙ
при участии:
Лауреата Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей
Веры ДУЛОВОЙ (арфа)
Засл. арт. РСФСР
Б. М. ЕВЛАХОВА
А. ЖУК, Б. И. ВЕЛЬТМАНА,
ГУРВИЧА, И. М. БУРАВСКОГО
Солиста оперы
М. А. СОЛОВЬЕВА
Солистов балета
ВАСИЛЬЕВОЙ, В. В. ДОЛУХИНОЙ,
В. ЖУКОВА, А. А. ЦАРМАНА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Вильгельм Телль

Воскресенье, 8 ноября 1942 г.

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

Засл. деятель искусств А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ
Режиссер—Р. В. Захаров
Ассистенты: Н. А. Глан и И. Э. Сучков.
Танцы поставлены Р. В. Захаровым
Декорации и костюмы по эскизам художника П. В. Вильямс
Главный хормейстер—М. А. Купер
Художественный руководитель— Лауреат Сталинской премии Народный артист СССР
С. А. САМОСУД

ЕО33367 Заказ № 4214. Тир. 700 экз.
Тип. изд-ва „Волжская коммуна", г. Куйбышев

МУЗЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Алые паруса

Среда, 30 декабря 1942 года

проклятья на фашист

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР СОЮЗА ССР

Воскресенье 26 сентября

ОТКРЫТИЕ ТЕАТРА

1944 год

М. И. ГЛИНКА
ИВАН СУСАНИН

МОСКВА
1943 год

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР
ДИРЕКЦИЯ

Тов. ЗОЛОТОВСКОМУ В.Б.

Дирекция, Художественное руководство, партийная организация и местный комитет Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР, от имени всего коллектива театра, с чувством глубокого восхищения шлют Вам свое приветствие по поводу Вашего высоко патриотического поступка, выразившегося в пожертвовании в фонд обороны полученного Вами по наследству слитка золота.

Доказывая этим своим поступком истинную любовь к родине, Вы делаете весьма ценный вклад в дело укрепления обороны нашей страны, способствуя полному освобождению ее от немецко-фашистских захватчиков и окончательной победе над ними.

ДИРЕКТОР: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
СЕКРЕТАРЬ ПАРТ-БЮРО: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТКОМА:

ФИЛИАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Понедельник 6 марта
в фонд помощи детям фронтовиков
КОНЦЕРТ
Заслуженной артистки РСФСР, лауреата Сталинской премии
Ольги
ЛЕПЕШИНСКОЙ

1944 год

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
ЧЕРЕВИЧКИ
комико-фантастическая опера в (9 картинах)

ВАКУЛА—Ф. П. Федотов
ЧУБ—С. Н. Колтыпин
ГОЛОВА—Народный артист РСФСР В. Н. Лубенцов
БЕС—А. П. Иванов
СОЛОХА—Е. И. Антонова
ОКСАНА—М. Ф. Бутенина
ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ — Заслуженный РСФСР С. Н. Стрельцов
СВЕТЛЕЙШИЙ—Заслуженный артист В. Р. Славинский
ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР—Ф. П. Св
ПАНАС—Ф. М. Годовкин
ДЕЖУРНЫЙ—М. К. Новоженин
СТАРЫЙ ЗАПОРОЖЕЦ—Я. Н. Лу
ЦАРИЦА—Б. А. Амборская
ЛЕШИЙ—М. В. Сказин
Дирижер—Заслуженный деятель иск А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ.
Постановка Народного артиста РСФ Р. Н. СИМОНОВА
Режиссер—Б. П. ИВАНОВ
Художник—Заслуженный деятель ис А. Г. ПЕТРИЦКИЙ
Балетмейстер—В. И. ВАЙНОНЕН
Главный хормейстер—М. А. КУПЕР
Художественный руководитель—Лау Сталинской премии Народный а С. А. САМОСУД

МУЗЕЙ

но содействовать ук

ФИЛИАЛ
Государственного Ордена ЛЕНИНА Академич
Большого Театра Союза ССР

Четверг 24 декабря 1942 года

ДОН-КИХОТ

в 4 действиях засл. арт. РСФСР А. А. Горского.
Минкуса в инструментовке Б. М. Погребова. Либр
М. Петипа в обработке Ю. О. Слонимского

Кихот Ламанчский . . . А. К. Мацкевич
о-Пансо, его оруженосец В. А. Рябцев, засл. деят. иск
О. В. Лепешинская, засл. арт. лауреат Сталинской премии
А. М. Руденко
А. В. Панов
О. К. Николаидис
А. С. Антавкина, Н. А. Све
Н. Н. Кузнецов
Т. С. Ткаченко
С. Г. Корень, засл. арт. РСФСР
Я. Г. Сангович, В. К. Ивановский,
С. А. Греков, В. С. Кузнецов
Т. С. Ткаченко
В. П. Васильева,
И. В. Македонская, Н. В. Чидсон
Я. Г. Сангович, С. А. Греков,
Н. А. Гербер,
А. А. Жуков, засл. арт. РСФСР
М. С. Боголюбская
Т. Тучкина, уч. хореогр. уч.
Т. В. Васильева
М. С. Боголюбская
В. П. Васильева,
С. Г. Корень, засл. арт. РСФ

на скрипке—Г. М. Трессман, на виолончели—А. М.
на флейте—Н. А. Михельсон, на кларнете—
А. В. Володин, на арфе—Т. В. Каницева,
на ксилофоне—И. Н. Джерелиевский

Начало спектакля в 6 ч. 30 м. веч.
Цена 10 коп.

Зак. 954 Тир. 600 Тип. ГАБТ Петровский п

За железную дисциплину!

Государственный ордена Ленина Академический
Большой Театр Союза ССР

5 марта 1942 года.

СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ

Д. Шостакович

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ
(впервые исполняется)

1. Аллегро
2. Скерцо
3. Адажио
4. Финал

Исполняет
Оркестр Большого Театра Союза ССР
Дирижер—Лауреат Сталинской премии Народный артист СССР
С. А. САМОСУД

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

Наступил решительный час борьбы

Наглое посягательство ге

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ
Опера в 4 действиях, 6 картинах
Текст и либретто в обработке С. Н. Левик, стихи Кузьмина

Вильгельм Телль . . . . . . В. Н. Прокошев
Арнольд . . . Лауреат Сталинской премии
Засл. арт. РСФСР Г. Ф. БОЛЬШАКОВ
Матильда . . Лауреат Сталинской премии
Засл. арт. РСФСР Н. Д. ШПИЛЛЕР
Геслер . . Засл. арт. РСФСР Б. Н. Бугайский
Вальтер . . Засл. арт. РСФСР С. А. Красовский
Мельхталь . Нар. арт. РСФСР В. Н. ЛУБЕНЦОВ
Джемми . . . . Е. И. Шумилова
Ядвига . . . . В. Д. Гагарина
Рыбак . . . . С. М. Хромченко
Рудольф . . . . Ф. М. Годовкин
Лейтгольд . . . . Ф. В. Светланов
Старик . . . . Я. Н. Лубенцов
Крестьянка . . . . Л. Г. Рудницкая
В танцах участвуют: А. И. Абрамова, В. Ф. Галецкая, Н. А. Капустина, В. Ф. Петрова, М. Л. Петрова, В. В. Кузряшев, Засл. арт. РСФСР Л. А. Лащилин, И. Д. Лентовский, К. Б. Рихтер, В. И. Цаплин.
Соло на виолончели—Н. М. Буравский, на гобое—Засл. арт. РСФСР М. А. Иванов, на флейте—Г. Т. Игнатенко, на английском рожке Т. С. Кабатов.
Дирижер—Лауреат Сталинской премии
Засл. деятель искусств А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ
Режиссер—Р. В. Захаров
Ассистенты: Н. А. Глан и И. Э. Сучков.
Танцы поставлены Р. В. Захаровым
Декорации и костюмы по эскизам художника П. В. Вильямс
Главный хормейстер—М. А. Купер
Художественный руководитель— Лауреат Сталинской премии Народный артист СССР
С. А. САМОСУД

ЕО33367 Заказ № 4214. Тир. 700 экз.
Тип. изд-ва „Волжская коммуна", г. Куйбышев

МУЗЕЙ

ИВАН СУСАНИН

Сусанин . . . . . . М. Д. Михайлов
Антонида . . . . . В. В. Барсова
Сабинин . . . . . . Н. С. Ханаев
Ваня . . . . В. Я. Златогорова
Сигизмунд III, король польский . . . Ф. П. Светланов
Начальник польского отряда . . . А. А. Яхонтов
Адъютант начальника польского отряда . . . В. С. Шевцов
Гонец польского отряда . . . И. М. Ионов
Запевало в прологе . . . А. Р. Хоссон

В танцах участвуют:
О. В. Лепешинская, Засл. арт. РСФСР
А. М. Мессерер
В. А. Рябцев
А. И. Радунский
А. М. Папа, В. Ф. Галецкая,
Н. А. Капустина,
Я. Г. Сангович, В. Н. Воронов,
Н. М. Голышев
и артисты балета

Дирижер—С. А. САМОСУД
Постановка С. А. САМОСУД
2-й акт поставлен балетмейстером Р. В. Захаровым
Художник—П. В. Вильямс
Режиссеры—Б. П. Иванов и Е. Н. Соколова
Хормейстеры—М. А. Купер и М. Ю. Шорин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Пиковая дама

Вторник, 14 июля 1942 года

Цена 10 коп.

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР
Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

Четверг 27 мая 1943 года

ДОН-КИХОТ

Балет в 4 действиях с прологом Заслуженного артиста РСФСР А. А. ГОРСКОГО в новой редакции Р. В. ЗАХАРОВА. Музыка Л. МИНКУСА
Либретто Мариуса ПЕТИПА

Китри, она же Дульцинея . . . . . С. М. Мессерер
Базиль, цирюльник . . Лауреат Сталинской премии Засл. арт. РСФСР А. М. МЕССЕРЕР
Дон-Кихот Ламанчский . . Засл. арт. РСФСР Вик. В. Смольцов
Санчо - Пансо, его слуга . . . . . Н. И. Авалиани
Жуанитта подруги В. В. Прохорова
Пикиллия Китри Ф. М. Смирнова
Гамаш, богатый дворянин . . . . Л. А. Поспехин
Уличная танцовщица А. И. Абрамова
Эспада . . . . . Н. М. Голышев
Мерседес . . . . Н. А. Капустина
Три испанки . . . Н. Н. Симонова
Г. К. Кузнецова
З. Н. Нацкая
Джига . . . . . . Е. М. Садовская
А. И. Ларионов
И. Д. Лентовский
Л. А. Швачкин

и труды, вырожде
искусства, за ними
ества. На нашей
патриотизм двух
рода, сильная

ТРАВИАТА
Опера в 4 действиях, музыка ВЕРДИ
Виолетта . . . . . Е. М. Боровская
Альфред . Лауреат Сталинской премии
Нар. арт. СССР И. С. Козловский
Жермон . . . . . . И. И. Прокошев
Гастон . . . . . . М. К. Новоженин
Флора . . . . . . В. Д. Гагарина
Барон . . . . . . Ф. П. Светланов
Маркиз . . . . . К. Н. Терехин
Доктор . . . . . Я. Н. Лубенцов
Аннина . . . . . Т. А. Парфененко
Слуга . . . . . . М. В. Сказин

ву требует от каждого
стия и помощи в деле

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ
Опера в 4 действиях, 6 картинах
Текст и либретто в обработке С. Н. Левик, стихи Кузьмина
Вильгельм Телль . . . . . . В. Н. Прокошев
Арнольд . . . Лауреат Сталинской премии
Засл. арт. РСФСР Г. Ф. БОЛЬШАКОВ
Матильда . . Лауреат Сталинской премии
Засл. арт. РСФСР Н. Д. ШПИЛЛЕР
Геслер . . Засл. арт. РСФСР Б. Н. Бугайский
Вальтер . . Засл. арт. РСФСР С. А. Красовский
Мельхталь . Нар. арт. РСФСР В. Н. ЛУБЕНЦОВ
Джемми . . . . Е. И. Шумилова
Ядвига . . . . В. Д. Гагарина
Рыбак . . . . С. М. Хромченко

Нанесем смертел
удар злодея

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945гг.

Участникам боев и ветеранам Большого театра России посвящается

Мы сегодня поминаем павших,
Всех, кому военною судьбой
Выпало уйти гораздо раньше
Должного, нас заменив собой.
Мы сегодня выпьем за здоровье
Всех, пока оставшихся в живых...

Владимир ВАСИЛЬЕВ

К ЧИТАТЕЛЮ

Возвращаясь памятью к годам Великой Отечественной войны, поражаешься масштабу деятельности Большого театра в то время, становится яснее ее значительность.

С момента объявления о нападении фашистов на нашу страну слова «нет и не может быть мирных профессий» стали руководством к действию для всех, в том числе и для артистов, и работников Большого театра.

И театр, еще вчера такой светлый и мирный, где пели и танцевали для людей, а люди слушали музыку и радовались, тоже стал фронтом.

Из всех коллективов уходили призывники и добровольцы в действующую армию, следом за ними по всем фронтам разъезжались концертные бригады; те, кто остался в тылу, продолжали трудиться в театре.

В эти годы искусство стало грозным оружием против врага. Оно поднимало боевой дух сражающихся на фронтах и укрепляло силы тружеников тыла. И вселяло веру в нашу неизбежную Победу.

Об этом и рассказывает книга «Война и музыка», включившая в себя воспоминания, рассказы, хронику событий – все, что отразило жизнь и работу Большого театра в военное время.

Эта книга – память о людях Большого театра. О тех, кто сражался, кто во фронтовых бригадах шел наравне с солдатами по страшным дорогам войны, кто, преодолевая невзгоды, трудился в военной Москве и в эвакуации.

И еще о детях, учениках хореографического училища при Большом театре, которые работали в Москве и в эвакуации в Васильсурске наравне со взрослыми в спектаклях и шефских концертах. Музыка помогала всем, она помогла нам победить войну.

Каждый год 9 мая ветераны, пережившие войну, встречаются в Белом фойе театра у Доски памяти. Какими многолюдными были эти встречи в прежние годы и сколько захватывающих воспоминаний, сколько звучало прекрасных благодарных слов! Но сейчас, накануне 60-летия Победы, с горечью осознаешь, как мало их остается, каким еще более просторным будет фойе театра. У жизни свои законы, и уход военного поколения неизбежен. У искусства, у музыки судьба иная.

Так пусть вечно звучит музыка, но... без войны.

ВЛАДИМИР
"ФОЛИАНТ"
2005

УДК 947.8
ББК 63.3(2)622ю14
В65

Автор идеи и составитель
Л.Д.РЫБАКОВА,
старший научный сотрудник музея Большого театра
Консультант ***С.Н.ЗВЯГИНА,***
солистка балета, Заслуженная артистка РФ,
участник Великой Отечественной войны,
председатель Совета ветеранов театра

В65 **Война** и музыка, 1945/2005 / авт. идеи и сост. Л.Д.Рыбакова; консультант С.Н.Звягина. – Владимир: Фолиант, 2005. – 304 с., [48] л. фот.
ISBN 5-94210-039
CIP ГУ "Владимирская областная научная библиотека"
УДК 947.8
ББК 63.3(2)622ю14

ISBN 5-94210-039-X

И.АГАФОННИКОВ
хормейстер

ТОРЖЕСТВО НАРОДА

Великая Отечественная война! Сейчас это уже история. История, которую познают в школе маленькие граждане, не ведавшие ее ужасов; история, которую изучают в институтах будущие инженеры, знающие о ней лишь по воспоминаниям своих отцов; история, ставшая самым серьезным для нашей Родины испытанием за все время ее существования, равным которому была только гражданская война.

Июнь 1941 года превратил всю страну в сжатую до предела мощную стальную пружину, сдержать которую не хватило сил у международной реакции и ее свирепого авангарда – гитлеровского фашизма. Четыре года эта пружина неуклонно разжималась; разжималась мужеством, беспримерным патриотизмом и страшной в гневе силой 200-миллионного народа.

«Все для фронта, все для Победы!» — это было не просто лозунгом. Это было единственной целью, единственным помыслом каждого советского человека. Чудеса героизма – и какого! – показывали мужчины и женщины, взрослые и дети, на передовой и в тылу.

«Все для фронта, все для Победы!» — иначе не могло быть. Страна Советов держала суровый экзамен на прочность!

«Все для Победы!»

И она пришла. Пришла неожиданно, как приходит все, чего очень ждешь; пришла неожиданно, хотя все в ней были уверены. Пришла из репродукторов и приемников ставшим таким родным голосом Левитана, сверкнув тысячами солнц прожекторов на Красной площади и гирляндами праздничного салюта.

Кажется, весь Советский Союз был 9 мая у стен Кремля. Слезы и улыбки одновременно сияли на счастливых лицах, а люди в военной форме двигались буквально по воздуху – из рук в руки, из объятий в объятия, иногда взмывая вверх вместе с машинами, в которых они находились.

Безмерна была радость советского народа-освободителя. Сама природа, казалось, расцвела в честь великого праздника.

Один день 9 мая сумел затмить все пережитые тягости, все неимоверные утраты четырех лет, прожитых с нечеловеческим напряжением.

С Праздником Победы, дорогие товарищи!

СИМВОЛ МИРА И СВОБОДЫ

Зачем попал ты на чужбину,
Советской Армии солдат?
Зачем тебе, России сыну,
Винтовка или автомат?
Тебе бы с плугом поиграться,
С пилой двухручной, с топором,
С веселой девкой прошептаться
Всю ночь у речки, где паром,
Где под тальянку перед зорькой
В деревне петухи поют.
Тебе б кричать на свадьбе:
«Горько!» —
А ты в Берлине... Вот он, тут!
Прижав к груди чужую дочку,
Девчонку лет шести-семи,
Мечом войны поставил точку
Ты на другом конце земли!
Я помню день войны начала,
Я видел это лично сам,
Как зубы сжав, страна молчала,
Не веря собственным глазам.
Как уходили строй за строем
Отцы и братья, и мужья,
Как получали – «пал героем»...
Все это видел лично я.
В великой схватке под Москвою
Впервые русской бабы сын
Поверил, что войдет он с боем
В тебя, поверженный Берлин.
Он шел к победе шаг за шагом
Под градом пуль, полями мин.
Он, погибая под рейхстагом,
Спасал детей твоих, Берлин.
Теперь ты мирной стройкой занят,
Другая жизнь в тебе кипит.
Но в тихом парке, на кургане,
Стоит, как символ, монолит.
Как символ мира и свободы,
Как символ воли и побед
Многоязыкого народа,
Сказавшего фашизму – нет!
Я вспоминаю все, как было,
Один с солдатом на один.
Москва об этом не забыла,
Не забывай и ты, Берлин!

И.АГАФОННИКОВ

Газета «Советский артист», 7 мая 1991г.

ЧАСТЬ 1

Длинны дороги войны

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИСТОВ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Дорогие земляки, дорогие друзья-ветераны!
Что в человеке главное? Память. Чтобы жила она в сердце каждого, чтобы не терялась связь поколений, мы должны неустанно рассказывать молодежи о героической военной поре, о том, что пережила страна. Вместе с детским хором мы даем концерт Памяти, посвященный павшим на полях сражений и нашей Великой Победе.

Иван КОЗЛОВСКИЙ

И.С.КОЗЛОВСКИЙ
солист оперы

ДЛИННЫ ДОРОГИ ВОЙНЫ

Война ворвалась в нашу жизнь внезапно. Перед нами, артистами Большого театра, встал главный вопрос: как помочь фронту? Многие считали, что для музыки сейчас не время. Но жизнь рассудила по-своему. Уже первые месяцы войны показали, как важно и нужно для фронта наше искусство, как бойцы ждут концертные бригады в короткие часы затишья.

В середине октября основная труппа ГАБТа эвакуировалась в Куйбышев. Добирались кто как мог. Сесть в поезд было практически невозможно. Мы 14 суток ехали на машинах. В Куйбышеве долгое время жили в железнодорожном вагоне. Концерты наши в Куйбышеве начались практически сразу, а вот наладить работу театра оказалось нелегко. Во время эвакуации фашисты разбомбили эшелон с декорациями и костюмами. Погибли сопровождающие его рабочие сцены и заведующий постановочной частью театра Л.Исаев. Декорации писались заново, но возобновить костюмы в условиях военного времени и в очень короткие сроки было невозможно. Тогда дирижер театра С.Самосуд предложил единственно реальный выход из создавшегося положения: нужно ставить спектакли, в которых артисты смогут выступать в своих обычных концертных костюмах. Таким образом, первыми спектаклями театра в Куйбышеве стали «Евгений Онегин» и «Травиата». Премьеры прошли с блеском, и я уверен, что зрителям даже не приходило в голову, что герои на сцене одеты «не по форме».

Жизнь постепенно налаживалась, но мысли каждого были обращены к Москве. Я часто бывал в Москве. Пел в госпиталях и на заводах, в Краснознаменном зале ЦДКА и на киностудиях, которые снимали фильмы «Концерт – фронту». Но самым памятным выступлением навсегда остался концерт 6 ноября 1941 года, когда на станции метро «Маяковская» фронтовики и рабочие столицы собрались на праздничное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции. Осаждаемая врагами Москва не нарушила своей традиции. В ночь перед концертом готовилась импровизированная сцена, на платформе устанавливали стулья, привезенные из разных залов и театров. Артистическими и гримерными стали вагоны метро по одной стороне платформы. Военная летопись рассказывает, что за два часа до начала праздничного концерта множество вражеских самолетов двинулось к Москве для нанесения массированного удара. Но зенитные батареи не пустили врага.

Главной нашей работой военных лет были концерты в воинских частях на передовой и в прифронтовой полосе. В 1941 году на фронтах выступало более 4 тысяч концертных бригад. Мы готовились к выступлениям серьезно и тщательно, прекрасно понимая, что война не дает права ни на какие скидки. Выступали в концертных костюмах. «Главным» музыкальным инструментом, как правило, был баян. Землянки, уцелевшие хаты, а иногда просто лесные поляны становились сценой. Вспоминаю наши поездки с Максимом Дормидонтовичем Михайловым. Невысокий, плотный, иногда с седой бородой, Михайлов (Сусанин) так просто и светло пел о родной земле, что замирали люди, и я видел на глазах слезы. На фронтовых концертах мы спели с Максимом Дормидонтовичем много дуэтов. Особенно полюбился солдатам «Яр хмель», часто нас засыпали заказами.

Длинны дороги войны. Повидали мы и страшное, и смешное. Однажды в январе 1942 года долго искали воинскую часть, в которой предстояло выступать. Замерзли страшно. Когда наконец добрались до места, то с удовольствием обогрелись у раскаленной добела печки. И кто бы знал, каких хлопот она нам наделает. Вышел на сцену, вдруг чувствую: откуда-то сверху брызги. Уж не дождь ли среди зимы? Рядом М.Рейзен с удивлением разглядывает залитые водой ноты. Оказалось, что от печной трубы загорелся чердак, потом занялась и крыша. А вода – это растопленный огнем снег. Заметили пожар далеко не сразу, так что к концу концерта и артистам, и слушателям пришлось срочно расходиться.

Жизнь концертных бригад на фронте была нелегка. Но прошло вот уже 40 лет, а я никак не могу забыть то чувство смущения, даже вины, которое мучило меня на фронтовых концертах... Ведь бойцы, сидевшие перед нами, часто мои ровесники, шли в бой, умирали, а мы все-таки оставались в тылу. Не корил ли нас солдат в свой последний миг?

Недавно я получил письмо от бойцов 165-й стрелковой дивизии: «Дорогой Иван Семенович! Из газеты «Правда» от 15 января 1985 года мы узнали, что Вы уже давно шефствуете над детским хором в селе Марьяновка. В июле 1941 года наша дивизия в этом селе отбивала яростные атаки 6-й немецкой армии и 1-й танковой армии Клейста, которые рвались в Киев. В течение двух недель немцы топтались на месте, теряя живую силу и танки, но очень много наших товарищей полегло в тех боях. Вот почему нам так дорого село Марьяновка...»

9 мая мы обязательно встретимся с ними в Марьяновке, и я с детьми спою на братской могиле. Нашим детям и внукам предстоит беречь мир, и пусть святой традицией станет для них светлая минута памяти в день Великой Победы!

Длинны дороги войны... (Беседу вела Е.Пухова.) –
Журнал «Огонек», 1985, 13 марта

* * *

25 лет тому назад, в 1943 году, мы стояли на улице перед памятником Шевченко в Харькове, когда на Холодной горе находились еще остатки фашистских войск. Город был в дыму, кругом руины. Нас окружили люди. Сколько было вопросов! Очень искренних, подчас совершенно неожиданных.

Вспоминается и другое. Летели мы над харьковской землей. Летели высоко, города не видно. Вдруг командир просит меня подойти и взять наушники. Я услышал украинскую песню «Солнце низенько» в моем исполнении. Очень странное чувство – самого себя слышать в облаках.

В первые дни освобождения Харькова мы с А.Довженко на «пикапе» ездили по городу, там, где можно было, между руин. Знаменитый довженковский текст кинохроники «Украина в огне» писался им у разрытых массовых могил в Харькове. «Смотрите! Не отворачивайтесь! Наша смерть – это Ваша жизнь, это Ваше духовное воскресенье». Вспоминается встреча, тоже в те дни, с А.Толстым, председателем комиссии по расследованию злодеяний; с Павло Тычиной. Незабываема беседа с командованием наших войск в полуподвальном помещении, которое освещалось керосиновыми лампами и свечами. Помню, как на окраине Харькова я видел падающий в огне наш разбитый самолет. А село Нижние Проходы, где мы базировались, хата, где я жил! Все это я хочу навестить, увидеть еще раз. Местам героических сражений хочу благодарно поклониться.

И вот сегодня, 23 августа, мы доброй и благодарной памятью вспоминаем отдавших жизнь за нас, за нашу Родину, за наш сегодняшний мирный день.

Низко склоняем голову!

Вспоминая те дни... - Газета «Красное знамя», Харьков, 1968, 23 авг.

* * *

Я бывал на многих фронтах и видел тяжелое, незабываемое. Но выступать без винтовки артисту на фронте... Сложно. Об этом надо подумать. И тогда у меня было отчетливо в сознании – как бы не зародилась мысль у того, кто идет через минуту в сраженье, в атаку: я иду защищать Родину, а в землянке – все же в тылу, остался человек, который тоже мог бы взять в руки винтовку. Прошло уже столько лет, но мои чувства такие же, какие были тогда, на фронте. Сложно это.

* * *

Помню эпизод из военной хроники, собственно, одну из немногих своих съемок на фронте, которую я видел тогда же, во время войны.

Я с гитарой, вокруг – бойцы. Они необычайно дисциплинированные, очень внимательно слушали. Я думал, что они так слушают, потому что я, мол, такой певец... Но оказалось, что самолет, который пролетел во время съемки над нами, был немецким разведчиком, и командир дал неслышную команду «сидеть смирно», чтобы не выдать своего присутствия. Люди военные знают, что за разведчиком сразу может быть налет авиации. Потом мне говорил оператор этой съемки: «Сейчас после разведчика будет налет и будет не один самолет». А я ему отвечаю: «Вот Вы сейчас бы меня сняли, когда я понял, что это было на самом деле. Вовсе уж не такой я храбрый!».

Надо сказать о кинооператорах на войне. Много они сделали, и многие-многие не вернулись! Честь им и слава!

* * *

23 августа 1943 года. Наши войска вторично вошли в Харьков. Положение было трудное. Тот, кто помнит Харьков, знает, что немецкая артиллерия еще стояла на Холодной горе, а мы уже входили там, где сейчас Парк имени Шевченко. В этой части города.

Нам прежде всего угрожало удушье: нечем было дышать. Все эти старинные одноэтажные домики – они не горели, дымились, тлели. И от этого был страшный смрад.

Я помню многие лица. И помню, как один человек подошел и говорит: «Спасибо Вам, что Вы такой». Я отнес это к своей профессии. Оказалось другое. Он вынул из кармана листовку и говорит: «Вот Ваш пропуск».

Во время войны мы писали антифашистские воззвания. И не только я. Под этими воззваниями подписывались Бажан, Довженко, Петрицкий. И ночью с самолетов листовки с текстами этих воззваний сбрасывали в немецкий тыл. Вот с такой листовкой и подошел ко мне человек в Харькове.

...Затем площадь Шевченко, замечательный памятник Шевченко, созданный Манизером, и митинг по случаю освобождения Харькова с присутствием маршалов Жукова Г.К., Конева И.С. Вечером в подвале дома на этой же площади был накрыт фронтовой стол. Света не было. Были свечи. Инструмента не было. Я

пел без аккомпанемента, и все подпевали. И там был ласковый и сердечный по отношению ко всем, в том числе и ко мне, Георгий Константинович Жуков.

* * *

Вспоминаю наши выезды на фронт, в Перхушково, где был штаб во время обороны Москвы. Помню, как играл Эмиль Гилельс – рояль стоял на двух грузовиках.

А сколько погибло наших товарищей – Окаемов, Радикульцев, Корф, Рудин... Сколько кинооператоров... Светлая им память!

* * *

Победа! Какое это слово – короткое и могучее. Как хорошо оно звучит: Побе-да!

Все плакали в тот незабываемый день... И я плакал. Радовались несказанной радостью. Сожалели о многом. И по сей день почти нет семьи, где не было бы ушедших на войну и не вернувшихся...

Из телефильма ТЦ «Пел много, как никогда» (1985, май, режиссер Ю.Сааков).

И.Козловский. Музыка – радость и боль моя! Изд-во «Композитор», 1992

С.Я.ЛЕМЕШЕВ
солист оперы

1941-й

Премьера «Ромео и Джульетта» прошла в филиале Большого театра 22 июня 1941 года, в первый день Великой Отечественной войны. Надо ли говорить, как трудно было выйти на сцену, сколько нужно было усилий, чтобы хоть немного отвлечься от действительности и почувствовать себя шекспировскими героями. Мы все словно раздвоились в этот вечер...

Я столько готовил, переживал своего Ромео, так ждал спектакля! Еще проснувшись утром, я мысленно пропел и прочувствовал свою роль. И вдруг вместе с сообщением радио в жизнь ворвалось такое страшное, что вся наша работа показалась просто ненужной... Тем не менее премьера состоялась: зал филиала был полон. Зрители горячо принимали спектакль, исполнители делали все, что было в их силах. Но как только падал занавес, мы все мчались к репродукторам, чтобы узнать, что происходит на фронте, с тайной надеждой услышать о контрударе советских войск. Сейчас я даже не могу вспомнить своего поведения, творческого ощущения на этом спектакле. Все поглотила мысль о начавшейся войне, о беде, которая свалилась на всех нас...

Спектакль прошел еще два или три раза... и я надолго простился со своим героем.

Осенью наш коллектив готовился к эвакуации, которая началась в десятых числах октября.

Тот, кто не был в Москве в это время, не знает, что она пережила в ночь с 15 на 16 октября. Уже утро было тревожное. Из городского транспорта исчезли автобусы – это как-то сразу бросилось в глаза. Стояли очереди за хлебом – молчаливые, суровые. На улицах почти не было милиционеров. Как потом мы узнали, они

 ушли на фронт защищать родную столицу. Их место по охране порядка в городе заняли штатские, с винтовкой на ремне, с усталыми лицами от бессонных ночей. Падал мокрый снег вперемежку с дождем. Сотни машин, мчавшихся по направлению Горьковского шоссе, поднимали грязные фонтаны тяжелых брызг... Над городом стояла небывалая, настороженная тишина. Ночной силуэт Москвы был темен и печален. Его еще усиливали поднятые в небо аэростаты, неподвижной массой застывшие над насупившимися крышами. Всю ночь на улицах не прекращалось движение. В этом было что-то необъяснимо пугающее: ведь в Москве действовал комендантский час. Значит, на фронте произошло что-то такое, что заставило нарушить приказ.

Под фонарями собирались группками люди. У ног были сложены чемоданы, вещевые мешки... Они ждали машин. В шесть часов утра щелкнул репродуктор, и привычно суровый голос Левитана произнес: «Положение под Москвой ухудшилось...» Дальше я не стал слушать. Все и так было слишком ясно.

Семнадцатого я должен был уезжать с третьей, последней группой театра. Утром мы приехали на Комсомольскую площадь. Сели на чемоданы в ожидании распоряжения о посадке. Нашей отправкой руководил Михаил Борисович Храпченко, председатель Комитета по делам искусств. Помню, артисты все искали его на площади и справлялись, когда же, наконец, нас посадят в поезд. Погода была очень холодная, а я почему-то оделся довольно легко и очень быстро замерз. Михаил Борисович посоветовал мне поехать домой отогреться, сказав:

- Поезжайте, уедем не скоро, пути сильно забиты.

Так я ездил домой два раза, а в третий, уехав с вокзала часов в десять вечера, выпил горячего чаю и... заснул. Наутро ехать уже было не с кем. Через три дня у меня началось воспаление легких, затем плеврит. 7 ноября, помню, чувствовал себя уже прилично, настолько, что в красном уголке нашего дома слушал по радио передачу парада на Красной площади и речь Сталина. Стоял 25-градусный мороз, и радио доносило до наших ушей скрип гусениц по первому снегу, выпавшему накануне. Прямо с парада войска шли на фронт, в бой... Я жил на улице Горького и видел, как двигались танки, эти чудища войны. Грим камуфляжа и комья снега придавали им суровый, «рабочий» вид.

Я начал работать, пел в концертах для формирующихся на фронт частей, выступал в госпиталях, на призывных пунктах.

В Куйбышеве Большой театр открыл свой новый сезон.

Но и в Москве остался кое-кто. Михаил Маркович Габович получил разрешение организовать работу филиала. Мы пришли на первое собрание не без волнения. Сколько же нас? Оказалось, не так уж мало: вот горделивая, величественная фигура Обуховой, открыто приветливое лицо Катульской, строгая Степанова, неизменно сдержанный Ханаев, всегда живой, темпераментный Головин, скромный Бурлак, кое-кто из балета: Бессмертнова, Руденко, Литавкина, Чичинадзе... Одним словом – труппа. Если и небольшая, то уж и не такая маленькая, чтобы с ней нельзя было работать. Составился и оркестр, и хор.

В эти трудные дни мы буквально открыли в Габовиче незаменимого «фронтового» директора. Замечательный танцовщик, блестящий артист, он, как оказалось, обладал врожденным даром организатора и руководителя; был деликатен, дружелюбен, но и непримирим в принципиальных вопросах. А ведь на его плечи

легло все – и репертуар, и обеспечение художественного уровня спектаклей, и квартиры, и пайки, и питание, и дрова... И всем надо было помочь, и никого не обидеть, потому что каждый работал на своем месте, не считаясь ни со временем, ни с самочувствием. А сколько трудностей выпало на долю нашего старшего поколения: концерты, спектакли, выступления в госпиталях. Но я не припомню случая, чтобы «Севильский цирюльник», например, не пошел из-за болезни Катульской, чтобы «Травиата» сорвалась из-за Степановой или из-за недомогания не смогла бы принять участие в концерте Обухова.

Итак, 19 ноября, когда фронт находился всего в тридцати-сорока километрах от столицы, мы открыли в филиале наш первый сезон большим концертом. Все имена были представлены в нем. Не скрою, что я собирался впервые присоединиться к «куйбышевцам». Угнетали тревоги, темнота, холод, особенно лютый в ту зиму. Да и чувствовал я себя неважно. Однако генерал Д.Журавлев, командующий воздушной обороной Москвы, думал иначе. Встретившись со мной на одном из первых концертов, он сказал:

- Как хорошо, что вы остались! Сейчас так важно, чтобы театр работал, чтобы бойцы могли отдохнуть, послушать музыку, перед тем как идти бить фрицев. Москвы немцам не видать, а вы здесь нужнее.

И я остался в Москве.

Вскоре «Евгением Онегиным» начались систематические спектакли филиала. Кроме этой оперы, прошедшей наибольшее количество раз, с успехом исполнялись «Травиата», «Севильский цирюльник», «Коппелия» и концертные программы...

Спектакли шли днем, начинаясь в полдень или в два часа дня. По вечерам в затемненной Москве передвигаться было весьма затруднительно, да и тревоги мешали. Транспорт не работал. Весь город, включая и улицу Горького, был завален снежными сугробами, среди которых вились узкие тропинки, проложенные редкими пешеходами. За весь путь от дома до театра встретишь, бывало, всего двух-трех человек... Казалось, город спит под мохнатым покровом зимы. Только солнце щедро светило по утрам, да бодро похрустывал снег под валенками. Но театр был всегда полон, и настроение в зале стояло самое приподнятое, несмотря на то, что фронт был близко и воздушные тревоги объявлялись довольно часто. Как-то перед выходом на сцену я зашел в ложу и разговорился с генералом Д.Журавлевым, который стал нашим постоянным посетителем. Разговор был прерван адъютантом, который доложил, что фашисты предприняли очередной налет на Москву в количестве сорока-пятидесяти самолетов. Как он сказал, атака была отражена, но двум «юнкерсам» все же удалось прорваться в пределы города. Генерал отменил «тревогу», но потребовал «поддать немцам жару». Я же пошел на сцену петь русские песни и романсы, и далее – «по требованию публики». Зрительный зал был заполнен фронтовиками с автоматами, в шинелях и валенках. Видно, приехали в город всего на несколько часов перед боем. Поэтому я решил не исполнять грустной музыки, вроде «Куда, куда вы удалились» Ленского. Но зрители как раз это-то и просили: они хотели услышать свои любимые арии, в том числе думку Ионтека из «Гальки», которую я тогда часто пел. Все принималось с энтузиазмом и благодарностью. Тот факт, что в Москве работает театр и поют известные артисты, действовал на бойцов, как они говорили сами, очень ободряюще. Памятью об этих незабываемых днях остались письма с фронта и из госпиталей, от слушателей. Многие из них я храню до сих пор.

Помню концерт на сборном пункте, кажется, в школе. Аудитория сплошь молодежная, многие еще в штатском: формируется новая часть из юношей призывного возраста. Все, конечно, просили, чтобы я спел Ленского. Потом на прощанье мы снимались вместе с ними... И тяжело было сознавать, что эти мальчики, так смущенно-трогательно просившие исполнить любимые арии, через несколько дней, а может быть, и раньше станут солдатами... Многие ли из них дожили до Победы?

Весь ноябрь сорок первого года проходил в напряженных боях. О них говорили скупые строки сводок Информбюро. Но точнее сводок рассказывали о боях зарницы, непрестанно вспыхивавшие на горизонте, и тяжелое гудение земли под ногами...

Навсегда запомнилось утро 6 ноября: торжественное заседание в вестибюле станции метро «Маяковская». И, наконец, в декабре, кажется, числа 12-го, радио заговорило голосом Левитана в неурочное время – часов в десять вечера:

- Разгром фашистских войск под Москвой, - сказал репродуктор, а дальше пошли названия частей, освобожденных городов – Волоколамск, Дмитров, Яхрома...

Как по волшебству, в Москве сразу стало больше людей, а в 1943 году вернулся «домой» Большой театр, открывший свой московский сезон «Иваном Сусаниным».

Очень запомнился мне один концерт в 1944 году в Иванове. В антракте перед моим выступлением пришел товарищ из обкома и сообщил, что нашими войсками освобожден Минск. Меня попросили объявить об этом зрителям. Кажется, я еще ни разу так не волновался! Но зато какие овации выпали мне на долю, сколько просили «бисов»!

Но все эти радости пришли позже. До них мне пришлось пережить еще одну беду, которая, как часто случается, подкралась незаметно.

Не успел я в первую военную зиму спеть десятка два спектаклей и концертов, как у меня открылся активный процесс в правом легком. Вместо театра я очутился в больнице. Стоял ветреный и вьюжный февраль 1942 года. Через два месяца меня отправили на лечение в Елабугу, небольшой старинный городок на Каме, в двухстах километрах от Казани. Это родина знаменитого русского живописца Шишкина. Можно по-разному относиться к его полотнам (очень уж надоели невероятно размножившиеся их плохие репродукции). Но когда сам увидишь природу, перенесенную художником на холст, обязательно поймешь их прелесть. И впрямь, только могучий сосновый бор, окружавший Елабугу, ее огромные лесные массивы могли родить его образы.

Чистый, смоляной воздух быстро помог мне почувствовать себя здоровым – в лесу пелось свободно, легко! И действительно, вернувшись в Москву, я весьма удачно выступил в «Риголетто».

С.Лемешев. Путь к искусству. М., «Искусство», 1968

* * *

Война и музыка... Как эти понятия безмерно далеки одно от другого! Кто из нас, артистов, в первые дни не подумал о том, что сегодня труд солдата больше нужен, чем труд артиста? Искусство прекрасно. Но можно ли работать только в искусстве, не помогая вот сейчас, неотложно своей стране, фронту? Скоро, однако, от таких сомнений не осталось и следа. В дни самых страшных и горьких испы-

таний любовь к музыке не покинула русский народ. Она живет в его душе. И песня, спетая русскому солдату, помогает ему переносить тяготы войны. В этом я убедился лично.

...Вместе с многотысячной армией работников искусств артисты Большого театра Союза ССР выступали на мобилизационных пунктах, в госпиталях, во фронтовых бригадах, в воинских частях – перед пехотинцами, летчиками, артиллеристами... Вспоминается сборный пункт райвоенкомата, который находился в помещении школы. Сюда приехала бригада Большого театра, чтобы выступить перед бойцами и командирами. Среди нас – певцы, инструменталисты, артисты балета.

В просторном чистом классе мы ждем начала концерта. Непрерывно на сборный пункт идут сотни людей, чтобы сдать повестки, получить назначение и уехать в армию – на фронт. Приходят русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне – представители многих национальностей необъятного Советского Союза. Еще вчера они стояли у своих станков, преподавали в институтах, играли на сцене, работали на колхозных полях и совхозных фермах. Они занимались мирным трудом, который подло, вероломно нарушила зарвавшаяся клика фашистских правителей.

На мобилизационный пункт люди являются в точно назначенное время. Спокойные и решительные, они соблюдают образцовую воинскую дисциплину. Оформляя свои документы, они отказываются от того, чтобы лишний раз показаться врачу. Они нужны Родине, и Родина на них может положиться!

Наблюдая эту картину, я испытывал гордость за свой народ, за его достойных сынов, за мудрое Советское правительство. И невольно вспоминал, как проходила мобилизация «запасных» во время первой империалистической войны. Это было в 1914 году. Жил тогда я у дяди в Петербурге (был в подмастерьях у сапожников), недалеко от полицейского участка, где находилось воинское присутствие. Подолгу томились мобилизованные у ворот, толкались по грязным заплеванным помещениям. Плакали «запасные». На улице причитали их отцы, матери, жены и дети.

Стоял такой рев, что мне, в то время мальчишке, становилось страшно, хотелось самому расплакаться. Как непохоже это на советский мобилизационный пункт, куда являются отважные советские патриоты, чтобы отсюда отправиться в путь – на фашистских псов!

Молодые бойцы и видавшие виды старые командиры встретились здесь, на пункте, впервые. Объединенные общим делом, общим интересом, они быстро знакомились, сближались, становились друзьями. Они увидели в каждом близкого товарища, родного человека. И действительно, ведь многим из них вместе придется воевать бок о бок.

Начинается концерт. В большой комнате тесным кольцом окружили нас бойцы. Сохраняя абсолютную тишину, они внимательно слушают наши выступления. Какая прекрасная, чуткая, отзывчивая аудитория! Я исполняю «Письмо пограничника в Москву» Н.Богословского, песню Леньки из оперы «В бурю» Т.Хренникова, русские народные песни. Бойцы просят спеть им еще любимые арии из опер русских композиторов. И кажется, никогда не будет окончен этот памятный для всех нас концерт. Никто из нас не чувствует усталости в этой исключительно дружеской приподнятой обстановке.

Здесь хотелось петь и петь, прославляя мужественных сынов советского народа, нашу партию.

Но наступило время прощаться. Подали машины. По-военному, четко отбивая шаг, проходят по двору колонны. Бойцы и командиры садятся на грузовики, которые отвезут их на вокзалы, а оттуда наши славные железнодорожники домчат их до передовых позиций.

Последние объятия, дружеские рукопожатия. Бойцы тепло благодарят нас и на прощание заявляют:

– Враг будет разбит, выполним долг перед Родиной, защитим свою страну... Спасибо, товарищи артисты...

– До скорого свидания на фронте, – отвечаем им мы.

За время войны мне довелось сниматься в двух киноконцертах. Это был подарок работников искусства фронту, нашим воинам-героям. Киноленты делались по заявкам, полученным с фронта. И маленькие треугольники писем с далеких, раскинутых по фронту полевых почт, где под просьбами выступить с ариями Ленского и Герцога значились сотни красноармейских подписей, были мне дороже бурных театральных аплодисментов и восторженных оваций столицы.

19 ноября 1941 года, когда фронт находился всего в тридцати-сорока километрах от Москвы, филиал Большого театра открыл первый сезон большим концертом, в котором все мы, оставшиеся в столице, приняли участие.

Мне вспоминается осеннее утро в Москве – тогда прифронтовом городе, подвергавшемся почти беспрерывным бомбежкам. В это утро на улицах появились афиши, возвещавшие о возобновлении спектаклей в филиале Большого театра. И вот, идя на репетицию, я увидел около театра огромную толпу. Сотни людей пришли купить билеты на премьеру, и многим их не хватило. Премьера прошла с успехом.

Необычайный слушатель пришел в наш театр. Нашими зрителями, может быть, на восемьдесят процентов были воины, оказавшиеся на один день в Москве и завтра уже отправлявшиеся на фронт. На спектакль приезжали зенитчики Подмосковной зоны, летчики, только что сбившие вражеские машины, люди, целый день рывшие противотанковые рвы, девушки с оборонных заводов. И эти суровые люди, многие из которых не раз смотрели в глаза смерти, слушали музыку Чайковского и Верди как-то по-особенному взволнованно. Я не помню зрителей, которые бы были так внимательны, так горячо принимали и к которым мы, артисты, обращались бы с такими переполненными сердцами. Об атмосфере зрительного зала филиала в ноябре-декабре 1941 года я и сейчас не могу вспоминать без волнения. Репертуар нашего театра в те дни был не очень велик. Мы ставили «Евгения Онегина», «Травиату», «Риголетто», «Севильского цирюльника». Я часто пел Ленского, мою любимую партию, вдохновеннейшее создание любимого композитора. Пел Альмавиву, Герцога, Альфреда. Конечно, спектакли не всегда проходили гладко. Очень часто бал у Лариных или моя дуэль с Онегиным прерывались воздушной тревогой.

Во время тревоги публика почти вся оставалась в зрительном зале, хотя рядом с театром есть станция метро – прекрасное бомбоубежище. Зрители терпеливо ждали продолжения спектакля. Отбой... И снова гремит оркестр и по сцене плывут в полонезе гости петербургского бала.

В 1943 году вернулся домой Большой театр и открыл московский сезон «Иваном Сусаниным». Успех спектакля был поразителен.

С.Я.Лемешев. «Из биографических записок». М., «Советский композитор», 1987

М.О.РЕЙЗЕН
солист оперы

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Когда я вспоминаю Великую Отечественную войну, перед глазами возникают многие эпизоды той трагической поры, эпизоды, казалось бы, разрозненные и в то же время связанные между собой, потому что тогда каждый советский человек переживал чувства острой тревоги и вместе с тем уверенной надежды на скорейшую победу над врагом.

Начну с эпизода, который произошел еще за несколько лет до войны, но для меня связанного с нею непосредственно.

Летом 1937 года мы с женой получили возможность поехать за границу. Путешествие выдалось замечательное. Сперва мы отдыхали в Мариенбаде, а затем через Вену, Будапешт, Швейцарию отправились в Париж, где в это время открывалась Всемирная выставка. Едва приехав в столицу Франции, мы узнали приятную новость, что здесь гастролирует Московский Художественный театр. Через несколько дней артисты МХАТа отбывали домой, и в честь них был устроен прощальный вечер. Мы провели несколько незабываемых часов в обществе О.Книппер-Чеховой, Л.Леонидова, И.Москвина, Н.Хмелева, А.Тарасовой. Обстановка вечера была очень непринужденной, артисты шутили, разыгрывали сценки. Меня попросили спеть.

Через несколько дней в советском посольстве я встретил Михаила Громова, который только что совершил свой знаменитый беспосадочный перелет в Америку и теперь тоже возвращался на родину. Мы познакомились. Он был настолько любезен, что взялся передать в Москву куклу для нашей маленькой дочки.

И вот настала пора ехать на родину и нам. Переполненные впечатлениями и предвкушая радость от возвращения домой, мы выехали из Парижа в прекрасном настроении. Спустя некоторое время поезд остановился на германской границе – и от хорошего настроения, которое сопутствовало нам в продолжение всего путешествия, мгновенно не осталось и следа. Купе заполнили люди в мундирах со свастикой на рукавах, руки в перчатках тянутся за паспортами, под высокими форменными фуражками лица-маски. Не скрывая своего презрения и отвращения, я беру паспорта назад. Мундиры исчезают...

Так я впервые увидел фашистов...

...Теплый летний день. Я стою посреди своего дачного участка в Снегирях и вдруг глазам своим не верю: совсем низко проносится непривычных очертаний аэроплан с черными крестами на крыльях. Позднее я узнал, что это был самолет, на котором летел Риббентроп на переговоры в Москву.

Прошло не так уж много времени, и эта дача сгорела во время бомбежки. Вместе с домом сгорели библиотека, прекрасный рояль и большая часть моего архива.

Вместе с жильцами нашего дома в Брюсовском переулке (теперь улица Неждановой), моими коллегами по театру – я дежурил по ночам. По сигналу воздушной тревоги все мы занимали свои места. Я взбирался на крышу, надевая специальные рукавицы, и зорко следил за «зажигалками», сбрасывая их или засыпая песком. Жена-врач занимала пост санитарки. Прямого попадания в наш дом, к

счастью, не было, но раскаленные осколки от зенитных снарядов нет-нет да стучали по крыше. Бомбы падали очень близко, одна, например, у нас на глазах упала на противоположной стороне переулка и взорвалась. Жена поспешила к разрушенному дому. Оказалось, что пострадал лишь один человек. Она оказала ему первую помощь, а подъехавшая вскоре машина «скорой» увезла его в госпиталь.

Вспоминается и комический случай.

Те, кто знает улицу Герцена, да и все москвичи – любители музыки, бывающие в концертных залах консерватории, вероятно, хорошо представляют себе небольшой скверик, находящийся прямо напротив, через улицу от знаменитого храма музыки. До войны на месте этого скверика помещалась пивная.

Во время очередной ночной тревоги, когда мы заняли свои посты на крыше, сквозь удары зениток со стороны улицы Герцена раздался леденящий душу свист, а затем грохот близкого разрыва. Мы увидели отсветы огня и густой дым. Первым делом подумалось, что попали в консерваторию. Страшно было представить, что «святая святых» музыкальной Москвы разрушена. Уже под утро, когда рассвело, прозвучал отбой воздушной тревоги, и мы спустились с крыши, кто-то принес «трагическую» весть: «Пивнушку разбомбили!». После напряженной ночи наступила разрядка: смеялись от души. Николай Семенович Голованов предложил пройтись, посмотреть. Мы все, кто дежурил ночью, отправились к месту взрыва. Оглядев зияющую чернотой воронку, мы повернули обратно, и вдруг всех охватили новые приступы смеха. Так как смешно было всем, кроме меня, я сделал вывод, что смеются надо мной. Оказалось, что, вскочив по звуку сирены с постели, в темноте я надел на одну ногу светло-коричневый башмак, на другую – черный. Мне ничего не оставалось, как разделить общее веселье по этому поводу...

Приходит на память и совсем невеселый случай. В начале войны в Москве жил, правда, в преклонном возрасте, известный в прошлом певец, служивший еще в императорском театре и давно вышедший на пенсию, – Андрей Маркович Лабинский. Вероятно, ему и его пожилой супруге тяжело было по ночам спускаться по темным лестницам в подвал, а может быть, они надеялись на провидение, но так или иначе, в бомбоубежище они не ходили. Только однажды соседи, которые всегда убеждали их уходить в бомбоубежище, оказались настойчивее, чем обычно, и уговорили стариков оставить квартиру. И вот именно этой ночью прямое попадание крупной фугасной бомбы разворотило убежище и похоронило их там... Когда кто-то из артистов театра пришел на следующий день к Лабинскому, на столе стояли две чашки с недопитым чаем, чайник и начатый домашний пирог...

...14 октября 1941 года Большой театр был эвакуирован в Куйбышев. Я ехал туда с семидесятивосьмилетней матерью; жена с дочерью в это время были уже в Свердловске. Через некоторое время после приезда в Куйбышев мне удалось перевезти и их.

В дни разгрома немецких войск под Москвой, 3 декабря 1941 года, артисты Большого театра выступали на сцене Дворца культуры имени В.В.Куйбышева. Сцены из «Ивана Сусанина», исполненные в первом отделении концерта, представленные без декораций и костюмов (последние еще не успели прибыть в Куйбышев), воспринимались и исполнителями, и публикой с особой горячностью. Антониду пела Барсова, Сабинина – Большаков, я – Сусанина, дирижировал Са-

мосуд. Второе отделение было отдано балету, из участников помню Лепешинскую, Мессерера, Файера.

А вскоре морозной ночью вместе с В.Барсовой, И.Козловским, П.Норцовым, М.Михайловым и концертмейстером С.Стучевским я летел обратно в Москву. Самолет наш был грузовым, только вдоль фюзеляжа имелись скамьи, на которых мы сидели, тесно прижавшись друг к другу – было очень холодно. Когда подлетали к Москве, летчик снизился почти до верхушек деревьев и несся на бреющем полете. Было жутковато, так как отчетливо виднелись крыши с торчащими на них трубами, и казалось, что самолет вот-вот в них врежется. Кругом были немцы, а на небольшой высоте, как объяснил нам потом пилот, зенитки в нас не могли попасть.

Москву я застал заснеженной и пустынной. С сумерками на улицы опускалась тьма: ни света из окон, ни горящих фонарей. Но когда январским вечером, предъявив специальный пропуск, я вошел в станцию метро «Маяковская» и спустился вниз, в подземный вестибюль, то не поверил своим глазам. Вестибюль был залит светом, сталь и мрамор колонн сияли, и контраст с темнотой на улицах и слабым освещением в домах был настолько велик, что все вокруг выглядело чем-то сказочным, а точнее – принадлежащим миру, в котором мы некогда жили и который уже казался таким далеким.

В этот вечер Москва, как и всегда, по традиции отмечала память В.И.Ленина. Здесь, на подземной станции, проводилось посвященное этой дате торжественное собрание, и вестибюль был специально подготовлен для этой цели. Я осматривался вокруг с любопытством. На путях по обе стороны платформы стояли вагоны. Центральная часть перрона была занята рядами кресел. В противоположном конце станции соорудили возвышение – нечто вроде эстрады, где были места президиума, а затем после торжественной части оно было предоставлено выступавшим в концерте. Но сколь ни казалось все происходящее необыкновенным, все же не удивление было самым сильным чувством, владевшим нами в течение всего вечера. Каждый из нас, артистов, и, вероятно, все присутствовавшие ощущали одно: уверенность в неминуемой победе над врагом.

...Итак, я вновь в Москве. В моей квартире стоял лютый холод – в доме не топили. Мне, как и другим моим товарищам, пришлось поселиться в гостинице. Мы выступали в воинских частях, в госпиталях. Над одним из госпиталей, в Лефортово, артисты Большого театра взяли шефство, там мы давали концерты чаще, чем в других местах.

Ездили выступать и к самой передовой.

...Однажды наша бригада долго добиралась до какой-то воинской части. Дело уже было к вечеру, машина шла с притушенными фарами лесом, и чем дальше, тем чаще останавливали нас для проверки. Наконец, въехали в какое-то затерянное среди чащоб большое село. Нас уже ждали. Красноармейцы квартировавшей здесь части собрались быстро, и концерт начался.

Выступали мы в довольно большом деревянном здании, в котором помещалось человек четыреста-пятьсот. Воинское начальство позаботилось об артистах: протопили этот зал так, что дышать было почти что нечем, да вдобавок здорово тянуло гарью и дымком. Каждый из нас исполнил по несколько номеров. Затем я и Козловский пели дуэт Вильбоа «Нелюдимо наше море». К этому моменту даже сверхвыдержанная военная публика стала заметно волноваться: от неизвестно

 откуда шедшего дыма в зале уже стоял плотный сизый туман. Во время нашего исполнения на эстраду вышел ведущий концерта Н.Смирнов-Сокольский и со свойственной ему непринужденностью, извинившись, остановил нас и обратился к слушателям:

– Товарищи! Просьба не волноваться! Я все выяснил: ничего особенного, в доме оказались неисправны дымоходы, очень плохо тянет. Придется вытерпеть это неудобство. Дым сейчас выветрится.

И, повернувшись к нам, предложил продолжить концерт:

– Прошу вас.

Открыли окна и двери, пахнуло холодом, кое-кто стал уходить. Мы с Козловским начали дуэт сначала. Где-то в середине исполнения на ноты, которые я держал в руках, сверху закапала вода. Как мы допели свой дуэт, не помню. Едва закончили, народ быстро стал покидать помещение. Мы, только что страдавшие от духоты, теперь ежились от пронизывающего сквозняка. Командование части пригласило пройти в другое помещение – в столовую, где нас ожидал ужин. Там отогревались, ели, беседовали с гостеприимными хозяевами. Вышли мы из столовой часа через два-два с половиной. Вышли и в изумлении остановились: клуба, в котором мы только недавно пели, как не бывало. Сгорел до последнего бревнышка, пока мы грелись в столовой!.. Оказалось, когда Козловский и я пели, на чердаке над нами уже горело вовсю, и там обливали водой стропила. Вероятно, в помещении действительно были неисправны печи, дом давно не топили, а в нашу честь поддали жару…

Деятельность артистов Большого театра, бывших в Москве, не ограничивалась концертными выступлениями. В то время в столице функционировал филиал. Он начал действовать по инициативе солиста балета театра Михаила Габовича, который и возглавил всю творческую работу труппы. Повел он дело в трудных условиях с энтузиазмом и умением. Конечно, далеко не все спектакли можно было восстановить – не хватало людей, декорации были увезены в Куйбышев. Но все же сложился вполне удачный оперный и балетный репертуар. Мне, в частности, в эти военные годы довелось петь на сцене филиала в «Русалке», «Евгении Онегине», «Севильском цирюльнике».

А москвичи, истосковавшиеся по музыке, по театру, переполняли зал. Часто давались спектакли специально для военнослужащих, для бойцов, отправлявшихся на фронт. Несмотря на нелегкий московский быт – я имею в виду и условия жизни москвичей вообще и артистов в частности, – требования к исполнению не снижались, и никаких скидок не делалось.

Кроме филиала, еще одной сценической площадкой, на которой сравнительно часто выступали артисты Большого театра, стал Колонный зал Дома союзов. Впервые, если не ошибаюсь, в 1943 году здесь были даны фрагменты из русских опер в концертном исполнении. Мне предложили спеть партию Досифея в сценах из «Хованщины». Петь Досифея во фраке – это мне казалось по меньшей мере рискованно! Дойдет ли такое исполнение до публики? Ведь в партии Досифея даже нет монолога, подобного тому, каков есть в «Борисе», а старославянская речь – возможно ли все это без сцены, без костюма и грима?

Но художественный «голод» испытывала не только московская публика, – все мы, артисты, горели желанием работать, и любая возможность возродить то, что прежде шло в Большом театре, встречалась с радостью. В день этой необычной премьеры Колонный зал был переполнен. Я обратил внимание, что многие

пришли с клавирами в руках и, слушая оперу, с наслаждением погружались в ноты. Принимали нас великолепно. Концерт транслировался по радио на всю страну, так что слушателей у нас было неизмеримо больше тех, которых мы видели перед собою. Оказалось, что Досифей может быть все тем же неистовым старцем-раскольником из XVII века, даже если ты во фраке и гладко выбрит...

За «Хованщиной» последовал «Борис» и «Садко», который был дан также в концертном исполнении и тоже транслировался по радио. Успех снова был большим, публика принимала как должное то, что, когда Варяжский гость – Рейзен поет, Индийский гость – Лемешев в ожидании своей очереди сидит рядом на стуле...

Из других концертов военных лет мне запомнился вечер английской музыки, устроенный в честь союзников-англичан. Специально для этого вечера я разучил три песни, которые обработал для голоса в сопровождении симфонического оркестра Д.Шостакович. Одна из песен была шотландская на слова Роберта Бернса – «Джон Андерсон», другая – старинная песня «Король Артур», третья – современная военная песня «Караван» – о героизме моряков, ведущих караваны транспортных судов, с постоянным риском быть потопленными противником...

М.О.Рейзен. Автобиографические записки. М., «Советский композитор», 1980

А.П.ИВАНОВ
солист оперы

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

I

Нет необходимости распространяться относительно того, как самоотверженно, а порою и героически работали актеры советских театров на фронтах Великой Отечественной войны. Это всем известно. Но какой ничтожной казалась нам наша работа в сравнении с грозными событиями, в сравнении с нечеловечески гигантскими усилиями, которые прилагал весь советский народ для отражения врага. Тем большую благодарность испытывали артисты к партии и правительству, нашедшим среди неимоверных своих забот время и возможность подумать и позаботиться о спасении театров, об эвакуации творческих работников...

Приехавшие в Куйбышев с первым эшелоном разместились в школе. Меня поселили в классе химии, где вместе со мной стали жить еще 28 человек, в том числе семьи дирижера В.Небольсина, солистов оперы А.Батурина, В.Сливинского, В.Прокошева, Е.Антоновой, М.Бутениной, Е.Межерауп.

Сначала расположились прямо на полу. Постелили пальто, костюмы, натянули веревки, а на них повесили простыни, платки и прочее – таким способом класс был разделен занавесками на несколько «квартир». Постепенно обзаводились койками, стульями, табуретками, самодельными столами – это уже комфорт.

22 октября в Куйбышев прибыл и второй эшелон с нашими работниками. В их распоряжение предоставили другую школу.

Вскоре, однако, городские власти начали выдавать театру ордера на комнаты. Местные жители, что называется, самоуплотнялись, уступали часть своего жилья эвакуированным. Недаром говорится: друзья познаются в беде. Настал час проверки на деле, и дружба оказалась настоящей: куйбышевские артисты охотно потеснились, чтобы взять к себе артистов Большого театра. Я поселился в квартире своего старого товарища по Ленинградской консерватории К.Л.Дорожинско-

 го, который уже несколько лет работал вместе с женой Л.И.Борейко в Куйбышеве. В распоряжение Большого театра предоставили Театр оперы и балета имени В.В.Куйбышева, а местную оперную труппу слили с театром оперетты. Таким образом, мои друзья Л.Борейко и К.Дорожинский оказались в труппе оперетты. Между прочим, в этой труппе я встретил еще несколько человек своих однокашников по консерватории: баса И.Ивашкевича, с которым вместе учился у Боссэ, баритона А.Здановича, тенора А.Белоусова.

Для открытия сезона назначена была опера «Иван Сусанин», как нельзя более отвечавшая духу времени. Нам казалось, что именно этим спектаклем мы внесем свой вклад в общее дело. Максим Дормидонтович Михайлов, всегда исполнявший эту партию великолепно, теперь превзошел себя, пел с необыкновенным подъемом. Валерия Владимировна Барсова в роли Антониды была бесконечно трогательна. Очень ярко сыграл Собинина Григорий Большаков, обладавший звучным лирико-драматическим тенором. Партию Вани исполняла Бронислава Яковлевна Златогорова – у нее было меццо-сопрано контральтового тембра, и ей всегда очень удавались мужские роли (она пела и Ратмира, и Зибеля). Одним словом, опера игралась и принималась с восторгом.

Приближалась 24-я годовщина Великой Октябрьской революции. Большой театр готовил большую праздничную концертную программу.

7 ноября на центральной площади Куйбышева, около театра, состоялся парад, а вечером в театре – большой концерт.

Мы подготовили еще несколько концертных программ, потому что артисты, не занятые в «Иване Сусанине», не желали сидеть без дела, а ставить другие спектакли из нашего обычного репертуара театр не имел возможности: декорации и костюмы были отправлены из Москвы позднее, третьим эшелоном. Я выступал во всех концертах. Билеты продавались заблаговременно, и раскупали их мгновенно: ведь в Куйбышеве, кроме местных жителей, обосновалось около миллиона эвакуированных из Москвы и других городов.

15 ноября прибыл, наконец, третий эшелон. Он отправился из Москвы еще 25 октября и находился в пути три недели. На станции Рузаевка скопилось тринадцать поездов, образовалась пробка. Вражеская авиация совершила налет на станцию. Было много человеческих жертв. В числе погибших оказался заведующий постановочной частью Большого театра А.Н.Исаев, сопровождавший эшелон с декорациями. Он лежал в товарном вагоне на свернутых полотнах декораций. В вагон попал осколок бомбы...

Мы видели эти декорации и черные пятна запекшейся крови на них...

II

По прибытии третьего эшелона театр начал восстанавливать свой оперный и балетный репертуар. В первую очередь взялись за оперы «Пиковая дама» и «Севильский цирюльник», так как они не требуют большой сцены. Дирижер Василий Васильевич Небольсин предложил мне готовить партию Фигаро, которую я никогда прежде не пел.

– По «Черевичкам» я понял, что у вас должен хорошо получиться Фигаро, – убеждал меня дирижер.

В первом составе эту партию пел Норцов, я должен был его дублировать.

Постановкой «Севильского цирюльника» руководил С.А.Самосуд – он и дирижер, он и режиссер.

И вот премьера. Состав исполнителей великолепный: П.Норцов – Фигаро, В.Барсова – Розина, И.Козловский – Альмавива, М.Рейзен – Базилио.

Вскоре театр сумел возродить спектакли «Евгений Онегин», «Травиату», балет «Лебединое озеро». Начали подготовку к возобновлению «Черевичек», «Аиды», «Ромео и Джульетты». В концертные программы стали включать отдельные сцены из опер и балетов, причем исполняли их в костюмах и с оформлением...

Мы жили сводками с фронтов, затаив дыхание слушали сообщения Совинформбюро. Сообщения были безрадостными – наши войска отступали. Враг был у стен Ленинграда, подошел к Москве. Полные тревог дни...

И вот сообщение Советского Информбюро – сначала о поражении немецких войск под Москвой, а потом о взятии Калинина.

20 декабря Советское Информбюро передало сводку, сообщавшую об успехах войск Ленинградского фронта. Все мы понимали – в военных событиях произошел перелом.

После разгрома немцев под Москвой возник вопрос о возвращении театра в родные стены. По вызову Комитета по делам искусств в Москву вылетел исполняющий обязанности директора Я.Л.Леонтьев. Там уже начал работать филиал Большого, собравший труппу из оставшихся в столице актеров нашего театра и Театра имени К.С.Станиславского. Возглавлял филиал артист балета М.М.Габович.

Факт существования такого театра в прифронтовой Москве трудно переоценить. Для жителей города – это в некотором смысле символ прочности и надежности. Для актеров он стал центром притяжения, организующим началом. В репертуаре филиала – «Евгений Онегин», «Травиата», «Севильский цирюльник», «Риголетто», «Демон», «Русалка» и несколько балетных постановок. В помощь филиалу предполагалось регулярно посылать из Куйбышева лучших артистов. Здание Большого театра повреждено бомбой: разрушен вестибюль бельэтажа с мраморными лестницами. Зрительный зал и сцена не пострадали.

В январе 1942 года в Москву отправилась группа солистов – В.Барсова, И.Козловский, М.Михайлов, М.Рейзен и П.Норцов, а также хормейстер, режиссер и художник, которые должны были помочь филиалу ГАБТа.

III

5 марта 1942 года в Куйбышеве впервые прозвучала Седьмая симфония Д.Д.Шостаковича. Дирижировал С.А.Самосуд. Не берусь описывать, какое впечатление произвела на нас эта музыка и какие мы испытывали чувства, слушая победный финал симфонии. Это невозможно передать словами. У многих в глазах стояли слезы, некоторые сидели, сжав кулаки...

Я усиленно занимался подготовкой партии Фигаро. Оперой дирижировал уже не Самосуд, а Небольсин. Вместе со мной готовились новые исполнители и других партий, поскольку участники премьеры «Севильского цирюльника» отбыли в Москву. Режиссером назначили Евгения Николаевича Соковнина, талантливого человека, сторонника академических форм исполнения. Режиссер и дирижер с новым составом «причесали» прежнюю постановку, но, к сожалению, мы не провели необходимого количества репетиций на сцене, а оркестровая репетиция была только одна. Несмотря на это, новая постановка пользовалась у публики не меньшим успехом, чем премьера, в которой участвовали самые признанные наши мастера.

IV

Нам часто доводилось выезжать с шефскими концертами в воинские части. Эти поездки укрепляли уверенность в непобедимости нашей армии. В районе одной маленькой станции базировалось несколько десятков эскадрилий штурмовой авиации, сыгравшей впоследствии важную роль в разгроме немцев под Сталинградом. Как-то мы вдвоем в И.С.Козловским отправились туда на ручной дрезине, чтобы дать концерт для летчиков-штурмовиков. В пристанционном поселке располагалось училище морской авиации. Наши концерты проходили в клубе, где помещалось училище. Зальчик там был крохотный, поэтому концерт шел, так сказать, в несколько сеансов: одно подразделение прослушает несколько номеров – его заменяет другое. Это была замечательная аудитория, для них хотелось петь без конца... Нас, уставших после концерта, командиры приглашали в какой-нибудь домик поужинать, и, тесно сидя за столом, мы вели с нашими хозяевами долгие дружеские беседы, кончавшиеся далеко за полночь. Так мы познакомились с полковником морской авиации Героем Советского Союза Василием Раковым. Его тогда называли «героем Балтики» – за то, что еще в финскую кампанию он совершил дерзкий налет на вражеский флот, потопил крупные военные суда. Облик Ракова никак не вязался со словом «герой». Рядом сидел скромный, даже несколько застенчивый и молчаливый молодой человек, среднего роста, внешне ничем не примечательный. А человек этот, оказывается, обладал огромной силой воли, способной совершать чудеса.

Много позже я прочел в газете «Известия» целый подвал о Василии Ракове, повторившем на Балтийском море свой героический подвиг и награжденном второй Звездой Героя Советского Союза.

В течение всего лета 1942 года Большой театр был занят подготовкой оперы Россини «Вильгельм Телль», в которой рассказывается о швейцарском герое-патриоте, поднявшем свой кантон на борьбу с захватчиками. Опера эта, подобно «Ивану Сусанину», была созвучна времени, будила патриотические чувства и мысли. Чудесная музыка «Вильгельма Телля» совершенно иная, чем в «Севильском цирюльнике», как будто ее писал не тот же Дж.Россини, а совсем другой композитор. Партию Телля исполняли певцы с великолепными голосами – А.Батурин и В.Прокошев. Очень ярко пел партию Арнольда Г.Большаков. Роль Матильды исполняли Е.Кругликова и Н.Шпиллер, очень хорошие певицы. Дирижировал А.Мелик-Пашаев, ставил спектакль балетмейстер Р.Захаров. Опера имела очень большой успех и по праву была удостоена Государственной премии. Я начал тоже готовить партию Телля, но встал вопрос о моем отъезде в Москву, и поэтому, к величайшему сожалению, мне пришлось выключиться из этой интереснейшей работы. 15 ноября я получил из Москвы от С.А.Самосуда телеграмму: «Москве стоите на афише двадцатого. Заняты ряде спектаклей. Телеграфьте возможный срок выезда».

Телеграмма была адресована не театру, а прямо на мое имя. Это повергло меня в смущение: легко сказать – «телеграфьте возможный срок выезда»! А что скажет дирекция? И как я поеду в Москву? Туда же требуются специальные пропуска... Пошел к Я.Л.Леонтьеву, показал телеграмму.

– Я вообще противник того, чтобы артисты поодиночке уезжали из Куйбышева. Это дезорганизует работу коллектива, – сердито сказал он. – Ночью буду говорить с Москвой.

На следующий день Леонтьев сообщил, что вызов подтверждает М.Б.Храпченко, председатель Комитета по делам искусств. Следовательно, мне надо отправляться.

В ночь с 21 на 22 ноября я выехал в Москву.

V

С первого же дня я окунулся в работу. Предстояло петь обширный старый репертуар и готовить новую оперу Д.Кабалевского «Под Москвой». Сюжетом для нее послужил разгром немцев под Москвой в декабре 1941 года. Темпы подготовки были взяты небывалые: композитор пишет музыку и готовые листки по одному отсылает исполнителям для разучивания. Они разучат, ждут продолжения, а оно еще не готово.

Театр испытывал вполне понятное желание быть актуальным, быстрее откликаться на события Великой Отечественной войны. Разгромив гитлеровцев под Москвой, наши войска пядь за пядью отвоевывали советскую землю, теснили врага к западу. И естественно, что нам уже не хотелось говорить только о событиях пусть и переломных, но касающихся лишь операции под Москвой. Нам хотелось шире и эпичнее рассказать о подвиге Красной Армии. Значит, необходимо было переделать и либретто и, соответственно, музыку. Дело затягивалось. По этому поводу уже начинали острить: дескать, пока мы тут решаем свои творческие вопросы, наши Берлин возьмут. В конце концов первичный сюжет претерпел такие значительные изменения, что оставлять название «Под Москвой» сочли неудобным и дали новое – «В огне». Под ним оперу и показали зрителю.

Художественным руководителем постановки и дирижером был С.А.Самосуд, в качестве сопостановщика выступал приглашенный из Горького на постоянную работу молодой режиссер Б.А.Покровский. Партия Комиссара, центральная в опере, была поручена мне.

После долгих творческих мук и переделок 28 ноября 1943 года состоялась, наконец, премьера.

Тогда до открытых афишных спектаклей было принято устраивать так называемые общественные просмотры. Опера «В огне» не составила исключения, и премьеру смотрели зрители, пришедшие по пригласительным билетам. А потом состоялось еще несколько общественных просмотров. Обыкновенно зрительный зал наполовину заполнялся военными. На одном из представлений присутствовал знакомый полковник, прибывший с фронта, и его друзья-офицеры. У них выдался свободный вечер, и я пригласил их послушать оперу «В огне». После спектакля мы всей компанией отправились ко мне домой. Я поинтересовался их впечатлениями.

– Ничего, очень даже хорошо воюете! – сказал полковник. – Мы вдоволь посмеялись.

Я сменил тему. Для актеров нет ничего убийственнее, когда их самые серьезные намерения вызывают смех... Мы действительно старались «воевать» на сцене: пролетали «в небе» самолеты, слышались разрывы бомб, шарили лучи прожекторов, веерами рассыпались трассирующие пули всех цветов радуги, даже появлялся танк, а дома горели похлеще, чем на настоящем пожаре. Но все эти зрительные эффекты представлялись фронтовикам, ежеминутно смотревшим в глаза смерти, не более чем жалкими натуралистическими ухищрениями. Конечно, театр, и особенно опера, - это всегда условность. И мои гости-офицеры это отлично понимали. Нельзя требовать, чтобы на сцене показывался настоящий бой.

 Но в том-то и заключается суть подлинного искусства, что оно своими театральными, условными средствами передает дыхание подлинной жизни, заставляет зрителя переживать театральное действие как событие живой действительности. С оперой «В огне» этого волшебства не произошло. И музыка Д.Кабалевского тут ни при чем. Вероятно, для этого сложного и оригинального произведения не годились обычные оперные штампы – оно требовало иных, столь же оригинальных постановочных решений.

VI

А сейчас хочу вернуться немножко назад, в лето 1943 года.

По случаю второй годовщины сформирования 11-й гвардейской армии, над которой шефствовал коллектив Большого театра, группа артистов, в которой был и я, выехала на фронт.

Проезжая по местам недавних сражений, мы не отрывались от окон поезда, и сердце ныло. Город Нарофоминск уничтожен до основания – только трубы торчат, да печи, да закопченные каменные стены. Даже лес, там, где он не сгорел, являл собой жуткое зрелище: стоят голые ободранные стволы со срезанными верхушками, лишь кое-где на уцелевших сучках зеленеют побеги. Израненные города, израненная земля, израненные деревья... Но... вон там, подальше, меж стволов, тянутся к солнцу молоденькие деревца, и сердцу становится легче. Жизнь продолжается! Сейчас не 41-й на дворе, а 43-й год...

Доехали до станции Сухиничи, дальше поезда не шли. Там нас ждала военная машина. На ней мы и добрались до штаба армии, находившегося километрах в пятидесяти от станции.

За Сухиничами по обе стороны дороги, насколько хватало глаз, тянулась безлюдная пустыня, поросшая бурьяном. Край словно бы вымер. Придорожные деревни сожжены, а те, что укрылись в отдалении, в низинах и оврагах, – необитаемы. В одном из таких брошенных селений и располагался штаб армии. Сельская школа на скорую руку переоборудована под гарнизонный клуб – здесь мы и должны выступать. Напротив школы – полуразрушенная церковь с колокольней, превращенной в наблюдательный пункт, а внутри церкви – военный склад. Пол, двери и косяки выломаны, так что туда можно въезжать прямо на машине.

Село живописно раскинулось по склонам огромного старого оврага. Вокруг – засеянные поля, а между домами огороды, возделанные руками солдат. По улицам и в поле разгуливает всякая случайная живность: в поисках, чего бы поклевать, бродят куры, на лугу пасется несколько коров и овец, в луже уютно расположилась свинья. Пастораль, идиллия! Однако вон стоят самоходные орудия и танки. Издали с одинаковыми промежутками доносится уханье тяжелой артиллерии.

Едва мы начали концерт, в зрительном зале почувствовалась какая-то напряженность. В перерывах между номерами на сцену выходил дежурный с красной повязкой на рукаве и громко выкрикивал одну или несколько фамилий. Назвав фамилии, он добавлял: «На выход!» К присутствовавшим на нашем концерте командирам то и дело подходили адъютанты, что-то шептали им на ухо. В короткие моменты тишины мы слышали, что артиллерийская канонада нарастает. Волнение зала начинало передаваться и нам, и мы понимали, что за стенами клуба происходит что-то серьезное. Перед началом концерта нас просили не делать антракта, и два часа подряд мы не уходили со сцены. Когда концерт окончился,

нас поблагодарили – горячо, но торопливо. Извинившись, что намеченный банкет состояться не может, пригласили наскоро перекусить. И только в машине, когда мы ехали обратно, объяснили, что по всему участку фронта от Белгорода до Курска начались крупные операции.

Стемнело. Навстречу двигались танки, артиллерия, над головой гудели самолеты. Где-то на половине пути наш автобус резко свернул с дороги и въехал в густой кустарник – ветки царапнули по бортам. Фары были погашены. Сопровождавший нас офицер спокойно сказал: «Всем выйти. Рассеяться и укрыться». Мы спрятались в кустах. Вокруг все ревело. Земля сотрясалась. В отдалении ритмично зажигались и гасли полосы орудийных залпов. Время от времени эти полосы прерывались вспышками рвущихся бомб. Когда через час была дана команда «По местам!» и автобус понесся по дороге, нам казалось, что мы вырвались из ада – не из театрального, а из самого настоящего.

В Сухиничах мы уже не увидели вокзала – от него осталась груда развалин. Рельсы разворочены. Однако на запасном пути нас, как ни в чем не бывало, ожидал паровозик с прицепленным к нему вагоном. Со стороны командования армии это было красноречивее самых пламенных благодарственных словоизлияний.

В конце августа 1943 года в Москву из Куйбышева возвратилась вся труппа Большого театра, вернулись и наши семьи. Приехали они по Волге на двух пароходах. Радостно встречали мы эти пароходы на Химкинском речном вокзале.

Театр мог, наконец, на полном дыхании приступить к работе...

Осенью 1943 года правительство объявило конкурс на музыку Гимна Советского Союза. Слова написали С.Михалков и Г.Эль-Регистан, их текст уже был утвержден. В конкурсе принимали участие известные и неизвестные композиторы, и было представлено больше 200 гимнов. Для предварительного отбора создали комиссию во главе с К.Е.Ворошиловым и А.С.Щербаковым. Мы, артисты Большого театра, исполняли эти гимны перед комиссией. Я должен был исполнить около десятка произведений. В первый день прослушивания я спел два гимна С.Прокофьева и один – Д.Шостаковича. Их произведения не произвели на комиссию благоприятного впечатления. Пел я гимны А.Хачатуряна, М.Коваля и других авторов, но во всех было много недостатков, главный из которых – музыкальная сложность, не позволявшая рассчитывать на массовое исполнение. Некоторые гимны были трудны даже для нас, профессионалов.

В конце концов в гимн была переделана популярная песня А.В.Александрова, написанная еще до войны и исполнявшаяся Краснознаменным ансамблем. Текст подошел по размеру.

VIII

В новом, 1944 году художественным руководителем Большого театра был назначен крупный музыкант Арий Моисеевич Пазовский, возглавлявший до того времени Театр оперы и балета имени С.М.Кирова в Ленинграде. Вместе с ним в театр пришел в качестве главного режиссера Леонид Васильевич Баратов. Они сработались в Ленинграде и теперь возглавили Большой театр СССР как единомышленники.

6 января было созвано общее театральное собрание, где новые руководители изложили свое кредо.

– Ритм есть пульс спектакля, – заявил А.М.Пазовский. – Если он неровный, то спектакль больной...

Пазовский исповедовал «культ ритма». На первых порах он уделил сугубое внимание оркестру, с которым хотел найти общий язык.

Известная жесткость и педантизм нового художественного руководителя были на пользу театру, потому что за годы войны – тут и эвакуация, и разобщенность филиала и основной сцены, и текучесть творческого состава – художественный ансамбль нарушился. Его нужно было строго организовать. Эта миссия и пала на плечи нового худрука.

А.М.Пазовский сразу начал знакомиться с текущим репертуаром. Его можно было видеть в ложе на всех спектаклях, шедших на основной сцене Большого театра и в филиале. Так Арий Моисеевич знакомился одновременно и с певцами. В этот период заканчивалась подготовка оперы «Князь Игорь» в постановке В.А.Лосского и в оформлении Ф.Ф.Федоровского. Дирижировал А.Ш.Мелик-Пашаев. В спектакль были внесены некоторые изменения против обычного – например, в финале Игорь, вернувшийся из половецкого плена, вновь собирается в поход. В этом эпизоде была использована музыка первого акта. После арии Кончака был вставлен половецкий марш из третьего акта – под эту музыку вели русских пленников, которые тянулись понуро, как эфиопские пленники в опере «Аида». Сцена между Игорем и Кончаком, таким образом, разрывалась на два куска.

А.М.Пазовский спектакль не принял и категорически потребовал, чтобы постановщики придерживались авторских указаний. Постановка оперы была отложена, и впоследствии ее осуществил уже Л.В.Баратов, и такой она идет на сцене Большого театра и по сей день.

Новое руководство предложило срочно возобновить на сцене филиала оперу «Черевички». Мне было трудно вновь приниматься за исполнение партии Беса. Но Пазовский очень хотел, чтобы опера «Черевички» шла с моим участием. Ф.П.Бондаренко вызвал меня и начал разговор издалека:

– Какие у вас имеются претензии?

– Вы новый человек, какие же у меня к вам могут быть претензии?

Судя по удивлению, которое выразилось на его лице, он ждал целого списка жалоб. Не получив его, Федор Пименович не стал играть в кошки-мышки, а прямо попросил меня, от имени Пазовского и от себя лично, принять участие в «Черевичках».

Пока я молчал, он добавил:

– Я знаю, вы очень устали и измотались за три года работы без отдыха, да и питание, конечно, не то. Но теперь жизнь налаживается, потерпите уж еще немного. Ведь речь-то все-таки идет о вашей любимой роли...

Признаюсь, мне стало неловко, особенно когда он упомянул о питании: ведь со мной говорил один из ленинградцев, а они-то лучше нас знают, что такое настоящий голод. В это время Ленфильм собирался по нашей фонограмме экранизировать «Черевички». Кроме меня пригласили на съемки Г.Большакова (Вакула) и М.Михайлова (Чуб). Ленфильм был эвакуирован в Ташкент, и съемки должны были происходить летом.

– Как же вы собираетесь изображать метель в такую жару? – спросил я постановщиков.

– Привезем несколько вагонов мела и нафталина, поставим самолетные моторы с пропеллерами, и вся механика...

Я живо представил себе, каково придется Бесу, и отказался.

IX

После возобновления «Черевичек» А.М.Пазовский предложил мне участвовать в постановке другой оперы Чайковского – «Чародейки». Этот спектакль был хорошо сделан еще до войны на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С.М.Кирова. Дирижировал А.Пазовский, режиссером был Л.Баратов, художником Ф.Федоровский. «Чародейка» получила высокую оценку – ей была присуждена Государственная премия СССР. Теперь явилась мысль осуществить спектакль на сцене Большого театра в том же составе постановщиков. Мне А.Пазовский отвел партию князя Никиты Курлятева. Работа с таким требовательным, скрупулезно-принципиальным музыкантом, каким был Пазовский, очень привлекала, но вместе с тем, говоря откровенно, и пугала. Вообще певцы и музыканты весьма побаивались дирижера Пазовского, не прощавшего никому ни малейших погрешностей, в особенности ритмического порядка. И все-таки было заманчиво приготовить под его руководством такую «сумасшедшую» партию.

Вскоре Л.В.Баратов, постановщик спектакля «Чародейка», собрал всех участников в Бетховенском зале.

– Как вам известно по ленинградской постановке этой оперы, у нас с дирижером полное содружество, – начал беседу Леонид Васильевич Баратов. Он любил пересыпать свою речь остротами и сейчас тоже не отказал себе в этом удовольствии. Однако сдобренная шуточками речь его заключала в себе серьезные мысли. Баратов подверг уничтожающей критике текст либреттиста Шпажинского – забегая вперед, скажу, что позже либретто выправили сами постановщики с помощью поэта Сергея Городецкого.

Затем Леонид Васильевич очень точно и выразительно обрисовал образы героев «Чародейки». Говорил он три с лишним часа – никто и не заметил, как они пролетели, и все было интересно, поучительно, иногда неожиданно.

Партию Князя я готовил с прекрасным концертмейстером Большого театра С.С.Погребовым и осилил ее за месяц. Вскоре А.М.Пазовский пригласил меня на занятия. Идя к нему в первый раз, я испытывал невольный трепет. Но все мои предубеждения, вскормленные слухами о строгости, развеялись, как только он заговорил.

– Нам нужна художественная правда, которая достигается посредством трех основных элементов выразительности: музыкальная чистота, осмысленное пение и эстетичность.

Увы, постановку «Чародейки» под руководством Пазовского осуществить не удалось. Присутствуя на одном из спектаклей в Большом театре, Сталин вызвал в правительственную ложу А.М.Пазовского и предложил срочно возобновить оперу «Иван Сусанин», к которой был сделан новый текст..

И.В.Сталин постоянно интересовался работой театра, и особенно одной из любимых своих опер – «Иваном Сусаниным». Однажды на спектакле он опять вызвал к себе руководителей и спросил, что сделал театр с момента смены руководства. В ответ – смущенное молчание, виноватое пожимание плечами.

– А ведь за это время наши войска успели с боями пройти от берегов Дона до берегов Дуная, – заметил Сталин.

Похвастаться действительно было нечем.

Прекратив подготовку «Чародейки», я спел Грязного – «Царская невеста» шла в постановке Б.Покровского – и принял участие в новой постановке оперы

«Севильский цирюльник», которая была поручена режиссеру-балетмейстеру Р.В.Захарову (дирижировал ею В.В.Небольсин).

Как балетмейстер, Р.В.Захаров много внимания уделял шлифовке движений, пластике. Сам прекрасный артист балета, Ростислав Владимирович, увлекшись оперой, и тут проявил свое высокое искусство. В Куйбышеве он поставил «Вильгельма Телля», впоследствии он вложил колоссальный труд в постановку «Руслана и Людмилы». С актерами Захаров работать умел, и мы на долгие годы остались друзьями...

Наступил 1945 год, год Победы. Война близилась к концу. Фашистская армия под безудержным напором наших войск откатывалась все дальше на запад. И оживающая природа будто отдавала свои силы уставшим от тягот войны людям. Приближалась весна, дни становились длиннее, солнечнее. Воскресало давно забытое чувство безотчетной радости, которую испытывает каждую весну человек, когда видит на деревьях набухшие почки, вот-вот готовые выпустить на свет острую стрелку листа...

9 мая 1945 года в театре шла опера «Черевички», и я как «монопольный Бес», конечно, пел в этот исторический день. Настроение у зрителей было приподнятое. Нам на сцене казалось, что к нам льются токи, заряженные счастьем...

Вечером в честь Победы был салют. Он совпал с антрактом, и все, кто находился в театре – зрители и артисты, поспешили под открытое небо. Вокруг творилось что-то невообразимое. Улицы и площадь запружены народом. В воздух летят цветы, фуражки. После каждого залпа толпа, озаренная разноцветными огнями фейерверка, издает громоподобное «Ура!». Я выскочил на улицу как был – в гриме и костюме, с рожками и хвостом – и восторженно, неистово, кричал «Ура!» вместе со всеми. В чувство меня привел чей-то веселый возглас:

– Смотрите, даже черти радуются!

Гомерический хохот покрыл эти слова.

Иванов А.П. Жизнь артиста. М., «Советская Россия», 1978

Сусанна ЗВЯГИНА
солистка балета

В НЕЗАБЫВАЕМОМ СОРОК ПЕРВОМ...

Тяжелые, волнующие воспоминания. Большой театр окружен высоким забором. Сезон закрылся в конце апреля, намного раньше, чем обычно. Не имея возможности давать спектакли на основной сцене, руководство театра сформировало несколько концертных бригад, которые отправились во все концы Советского Союза. Путь нашей группы лежал еще дальше – в Монголию. Концертов было бесконечно много, переездов еще больше. Останавливаясь в пустынной, казалось, степи, мы удивлялись, когда не проходило и часа, как появлялись грузовики, служившие нам импровизированной сценой, а вокруг них прямо на траве рассаживались зрители, появлявшиеся буквально из-под земли.

Исколесив всю Монголию, мы 21 июня вернулись домой и спустя несколько часов снова оказались в боевой обстановке, узнав о вероломном нападении гитлеровских полчищ на нашу Родину. Совинформбюро потрясло наши души, и мы поняли, что в Монголии мы были не случайно.

В Большом театре сразу стали создаваться группы противовоздушной обо-

роны, знаменитая громадная сцена превратилась в учебный плац: на ней проводились военные занятия. А в залах продолжались не только текущие репетиции к спектаклям, проходившим в филиале, но даже постановочные – под руководством Касьяна Голейзовского готовилась премьера «Коппелии».

Незабываемо прощание с ополченцами – колонна из двухсот человек была сформирована в театре. Первым из балета ушел на фронт Миша Сулханишвили, весельчак и балагур, лучше всех в труппе танцевавший лезгинку. Провожали его дружной балетной семьей. Он уверенно говорил: «Вернусь, носы не вешать!» Но вскоре мы получили известие о его гибели. Имя его, как и других наших товарищей, отдавших жизнь за Родину, на веки вечные высечено на мемориальной доске золотыми буквами в белом фойе Большого театра. Ушел в ополчение и наш ведущий солист-премьер Михаил Габович. Молодежь театра отправилась рыть окопы, строить оборонительные рубежи, включалась в многочасовые дежурства на эвакуационных пунктах. На обслуживание действующей армии систематически начали выезжать фронтовые бригады, сформированные из артистов разных коллективов Москвы. Пример в этом начинании подавали и наши мастера, корифеи сцены И.Козловский и С.Лемешев, Е.Гельцер и В.Рябцев, М.Михайлов и Е.Степанова, О.Лепешинская и А.Мессерер, С.Панова и В.Кригер, Е.Кругликова и П.Селиванов... Пусть простят меня мои коллеги: перечислить всех невозможно. Концерты наших фронтовых бригад постоянно превращались в политические митинги, на которых воины клялись верности Родине и просили передать Москве только одно: враг будет разбит!

Обстановка под Москвой складывалась тяжелая – фашисты рвались к столице, не считаясь с потерями. Город превратился в боевую крепость – его жители все силы отдавали фронту, трудились, не зная сна и отдыха... Не отставали от других и наши артисты. Они круглосуточно дежурили на крыше здания Большого театра, с тем, чтобы предотвратить возможность возникновения очагов пожара. Были обезврежены сотни зажигательных бомб. Позже из документов, найденных у сбитых под Москвой фашистов, стало известно, что Большой театр значился как важный объект бомбардировки. Театральная площадь была затянута полотном, и художники-маскировщики нарисовали на нем, вдали от здания театра, контуры фальшивого строения. И все же стервятникам удалось нанести удар по театру – пятисоткилограммовая бомба разрушила часть наружной стены вестибюля первого этажа и центрального фойе.

...События на фронте становились все тревожнее. 13 октября прекратились спектакли в филиале Большого театра. Нам сообщили о том, что весь личный состав труппы эвакуируется в Куйбышев.

Театр не работал. И тем не менее, несмотря на постоянные воздушные тревоги, недосыпание, недоедание, мы, оставшиеся в Москве, стали собираться в филиале – встречи возникали стихийно: в эти трудные дни хотелось быть с товарищами. Люди трепетно следили за малейшими изменениями на фронте, мысленно участвуя во всех событиях, – это их внутренне объединяло, мобилизовывало. А какими мы почувствовали себя счастливыми, когда узнали о торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся в станции метро «Маяковская». Парад на Красной площади 7 ноября явился для всех нас предзнаменованием грядущей победы.

Сражение под Москвой становилось все ожесточеннее. В город прибывали

эшелоны с ранеными, и наш театральный народ пошел в госпитали, чтобы помочь, отогреть бойцов, да и просто поговорить с ними.

Дежурили сутками, работая нянями, санитарами, писали письма и... разговаривали, разговаривали – рассказывали о Москве, о театре, о популярных артистах, стараясь отвлечь раненых от тяжелых дум и боли. «Тонизирующим» средством для бойцов становились импровизированные концерты. Так как наши зрители были лежачими больными и собрать их вместе удавалось не часто, мы практиковали выступления по палатам, а это значит – по шесть, семь, а то и восемь раз в день. Репертуар, конечно же, избирался наиболее удобный для необычных условий. Нашему знаменитому танцовщику В.Смольцову здесь особенно повезло – его «морские наброски» можно было исполнять едва ли не на пятачке.

Однако все мы были больны одной мечтой – возобновить спектакли в осажденном городе. Нельзя с глубокой благодарностью не вспомнить В.Кудрявцеву и И.Смольцова, которые проявили редкую настойчивость в организации этого дела – они разыскивали оставшихся в Москве артистов, с тем, чтобы восстановить труппу. Создалась инициативная группа, которая обратилась с письмом к правительству с просьбой разрешить открыть филиал Большого (он находился в помещении нынешнего Московского театра оперетты). И вот в дни, когда враг стоял «в двух шагах» от столицы, когда гитлеровцы были уверены: еще один бросок – и Москва падет, в эти дни нас всех вызвали в филиал. Когда мы собрались, на сцену вышел отозванный с фронта и назначенный директором и художественным руководителем Михаил Маркович Габович и сказал: «Завтра, 19 ноября, по распоряжению правительства мы открываем фронтовой Большой театр. Прошу с этого дня являться в филиал к 10.00».

Ладно сидящая на нем военная форма, более чем лаконичная речь у каждого из нас вызвали желание, как говорится, «подтянуть ремень». Его выступление прозвучало как приказ. Сразу все ожили, у многих на глазах заблестели слезы. Но у нас в распоряжении оставались всего одни сутки, данные нам для подготовки к открытию театра. Составить программу, разыскать ноты, приготовить, а то и сшить необходимые костюмы, привести в порядок все сценическое хозяйство – все это предстояло сделать в считанные часы. И все же... 19 ноября 1941 года в 14 часов по московскому времени занавес в филиале Большого театра открылся. В зале сидели преимущественно люди в военной форме, но пришли на спектакль и представители гражданских учреждений.

Успех концерта, в котором участвовали С.Лемешев, Н.Обухова, Е.Степанова, Н.Ханаев, В.Политковский, И.Бурлак, В.Смольцов, В.Кудрявцева, Л.Банк, А.Руденко, Е.Качаров, Т.Бессмертнова, В.Голубин и С.Сахаров, был огромным. Несколько часов длилось это первое представление, так как его четыре раза прерывали воздушные тревоги. Но если первые три раза наши зрители послушно уходили в бомбоубежище, то на четвертый раз они потребовали продолжать выступление.

А уже 22 ноября труппа показала оперу «Евгений Онегин» с участием Сергея Лемешева и Ивана Бурлака в главных партиях, дирижировал спектаклем А.Чугунов. В зале собралась необыкновенная, поистине избранная публика: партизаны, приехавшие в столицу для разработки новых боевых операций, бойцы и командиры, прибывшие на отдых с передовой, рабочие оборонных предприятий... Этот незабываемый спектакль имел огромный успех. И в овациях, которыми собрав-

шиеся благодарили исполнителей, ощущался патриотический порыв грандиозной силы и масштаба – он показал, что в кровавой и жестокой битве с фашистами наш народ защищает и эти вечные ценности национального искусства.

Артисты балета, проверив свое театральное хозяйство, увидели, что могут быстро возобновить «Тщетную предосторожность». Правда, было трудно с репетиционными помещениями. Пришлось поначалу заниматься в фойе, на паркете. Вместо привычных станков держались за рояли, стулья, подоконники. А общие репетиции шли в нижнем фойе на... каменном полу. Костюмов не хватало, особенно для солистов, – ведь все лучшее увезли в Куйбышев. Пришлось приспосабливать образцы гардероба других спектаклей. Не менее сложно обстояло дело с нотами – партитуру собирали буквально по листочкам дирижеры С.Сахаров и А.Цейтлин, никогда ранее не дирижировавшие балетами.

Мучительным для нас всех был холод. Надевали на себя все, что только можно было надеть из теплых вещей. Ноги стыли, часто сводило икры. Но сознание долга заставляло превозмочь и холод, и воздушные тревоги каждую ночь, и весьма скудное питание, и ежедневные тревожные вести с фронта...

С тяжестью на сердце приходилось возвращаться домой вечерами по затемненной Москве, хорошо, если имелся фонарик, незаменимый спутник в те дни. Можно себе представить, в каком напряжении все мы тогда жили и работали, – ведь непрерывно до центра города отчетливо доносилась орудийная канонада. Небо освещалось зарницами от залпов, по улицам к передовой двигались войска, техника... Битва за Москву продолжалась.

Наконец наступил для нас волнующий день премьеры «Тщетной предосторожности». Улица перед зданием филиала Большого театра представляла весьма своеобразную картину. Ее заполнили военные машины, а в переулке около дома, где жил в свое время великий балетмейстер XX века Александр Алексеевич Горский, стояли танкетки – на «этом транспорте» приехали с фронта зрители, от которых в буквальном смысле слова пахло порохом.

На сцене и в зрительном зале царил большой подъем. Вдумайтесь: фронт подошел к ближним подступам Москвы, а старейший театр, гордость национальной культуры, показывает свою очередную премьеру! Как много значило это событие тогда, о какой непоколебимой вере в победу свидетельствовало оно! Исполнители провели спектакль с огромным подъемом. И награда – феерический успех, буря аплодисментов. Присутствовавшие на спектакле никак не хотели отпускать Т.Бессмертнову, А.Руденко, В.Рябцева, Г.Егорова и дирижера С.Сахарова. Занавес никак не мог закрыться – так всем не хотелось расставаться с ощущением радости, с чувством возвышенного и прекрасного. Далее последовал еще ряд премьер.

Весть об открытии фронтового Большого театра молниеносно разнеслась по всей стране. Мы стали получать письма, посылки, заявки на спектакли.

Сама обстановка в театре, прямо скажем, была необычной. В аванложе рядом со столом директора Большого театра находился командный пункт начальника военно-воздушной обороны, куда поступала постоянно информация о положении в небе Москвы. И, ориентируясь на нее, руководство на месте решало: можно ли продолжить спектакль или ситуация настолько опасная, что надо немедленно закрывать занавес и предлагать зрителям спускаться в бомбоубежище. Радостное известие о начале контрнаступления наших войск под Москвой застало нас в

 театре на спектакле «Севильский цирюльник». В артистических уборных раздалась команда: «Всем на сцену!» Занавес оказался поднятым, и никто из нас не понял поначалу, в чем дело. Дирижер А.Чугунов остановил спектакль. На сцену вышел М.Габович и зачитал свежую сводку Информбюро. Что тут началось – не описать: все плакали, целовались, вместе с артистами на сцене оказались почему-то зрители, но никто этому не удивился. Дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл «Интернационал».

После спектакля все артисты собрались у служебного входа. Без слов поняв друг друга, мы двинулись на Красную площадь. Над ней висели огромные аэростаты воздушного заграждения, закрывающие ночное небо. Долго стояли мы молча, и каждый думал о том дне, когда вместо кромешной тьмы вновь столица засверкает огнями, а по брусчатке Красной площади победно пройдет советский солдат...

Вскоре после 15 декабря советские войска освободили Клин, и наши бригады отправились в освобожденные районы. Ехали в Клин по разбитой снарядами дороге. Повсюду виднелись пепелища, одиноко торчали печные трубы сгоревших домов. И, видя все эти разрушения, мы стали опасаться, что и дом П.И.Чайковского может быть также разграблен и сожжен. Наши опасения подтвердились – с чувством глубокой скорби мы смотрели на разрушенное здание, на затоптанные солдатскими сапогами гитлеровцев ноты, на брошенный в снег разбитый бюст композитора... После Клина была сформирована бригада из артистов театров Большого, имени Моссовета и эстрады, которой я руководила. Дороги наши оказались очень длинными. Сотни километров на открытой полуторке, но направление на Сталинградский фронт воодушевляло нас. Часто концерты начинались на рассвете, в сложных условиях блиндажей и землянок. На маскированном автобусе нас перебрасывали из части в часть, и мы чувствовали себя желанными гостями, выступая иногда по восемь раз в сутки, в самое разное время, в зависимости от обстановки, не считаясь с дикой усталостью.

...Мысленно возвращаясь сегодня в то суровое время, вспоминая своих товарищей по профессии, с которыми пережила те дни, я думаю о том, что тогда каждый трудился во имя победы над врагом, отдавая этому все свои силы. Помимо художественного обслуживания фронта, к примеру, артисты Большого театра стали донорами, отдавали свои личные сбережения в Фонд обороны, на строительство танков и эскадрильи «Советский артист», отправляли тысячи посылок на фронт, в свободное от работы время дежурили в госпиталях. Именно сплоченность советских людей помогла разбить врага. И радостно сознавать, что в этом бессмертном подвиге есть и частица труда артистов Большого театра.

Сб. «Судьбы, опаленные войной». М., 2000

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ
солистка балета

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Для всего нашего народа война была жестоким, трудным испытанием, но, казалось, особенно острой болью отозвалась она в сердце молодого поколения того времени. Ведь необыкновенно радостно складывалась жизнь молодежи.

Комсомол 30-х годов отличался особой активностью. Нас объединяли общие интересы, замыслы, общие дела. Молодежь Большого театра ездила копать

картофель на подмосковные поля (кстати, это не мешало на следующий день танцевать «Спящую красавицу»); началось строительство Московского метро, и мы спускались в шахты, правда, инструментов нам в руки не давали, мы были «разнорабочими» – вывозили мусор, но и это приносило немалую пользу, потому что этому громадному строительству не хватало рук. Чистили мы и котлованы, где потом воздвигались здания.

Творческая работа молодежи театра была необычайно насыщенной и интересной. Всего 5-6 лет на сцене, а уже танцуешь Жанну в «Пламени Парижа», девочку Суок в прелестной сказке Ю.Олеши, изображаешь принцессу Аврору и свою современницу Светлану в одноименном балете. Впереди, казалось, тебя ждет так много чудесного. И вдруг... война.

Танцевать было невозможно: как ты можешь выступать, когда фашистские полчища оскверняют твою землю? Мне казалось естественным перенести в жизнь сценический подвиг Светланы (моя героиня, встретив в тайге чужого человека и понимая, что он – враг, вступает с ним в борьбу. Избитая, израненная, она находит силы поджечь свой дом, чтобы дать знать на заставу, что враг близок). Сейчас понимаешь, как наивно было то, что казалось естественным и необходимым.

Танцевать я отказалась. Первый и, правда, последний раз в моей жизни балетные туфли были заброшены за шкаф, и мы пошли в райком комсомола Свердловского района не просить, а требовать, чтобы нас отправили на фронт.

В своих воспоминаниях Г.Т.Василенко, ныне генерал в отставке, Герой Советского Союза (в начале войны он занимался формированием народного ополчения) пишет, как вошли к нему девушки, «одна из них – маленькая, худенькая – назвала свою фамилию и сказала, что она – не только балерина, но и... «ворошиловский стрелок», и потребовала отправить ее на фронт».

Конечно, на фронт нас не отправили. Я не могла с этим примириться не только потому, что была членом райкома, горкома комсомола, членом военно-шефской комиссии ЦК ВЛКСМ, но и потому, что отлично стреляла. Кому же, как не меткому стрелку, быть в действующей армии?!

Гавриил Тарасович обладал, видимо, большим терпением, он говорил, что наше стремление воевать похвально, но линия фронта проходит через сердце каждого патриота, и каждый должен быть полезен Родине на своем месте. «У нас будет много работы дома», – в заключение сказал он. И оказался прав.

Много дел было в райкоме комсомола. Почти все ребята, и секретари в том числе, ушли на фронт. Остались в большинстве девушки. Что только не делали комсомолки Москвы! Мы дежурили ночью в метро, где укрывались москвичи от налетов авиации, мыли там полы, ухаживали за ребятишками и пожилыми людьми. Наши девушки были воспитательницами в детских садах – ведь женщины заменили своих мужей, отцов, братьев на заводах, фабриках.

Мне выпало тяжелое испытание – как депутату Моссовета участвовать в работе комиссии по эвакуации детей в тыл. До сих пор не могу забыть душераздирающие сцены прощания матерей со своими детьми.

Мы дежурили на крышах. Наша группа находилась на доме № 17, что выходит на улицу Горького и на Тверской бульвар. Там на самом углу крыши стоит башенка, а на ней возвышалась в то время скульптура девушки в несколько балетной позе. И.Эренбург в романе «Буря» написал, что это я. На здании редакции газеты «Известия» на площади Пушкина находился пост ПВО. Комиссаром бата-

 льона, отвечавшего за этот объект, был Михаил Маркович Габович. После отбоя на пост звонили из района, спрашивая, жива ли Лепешинская, имея в виду фигуру девушки. (Забавно: когда я оставила сцену, она развалилась – у нее отвалилась рука, она чуть покосилась, и пришлось ее снять с «пьедестала»).

В нашем райкоме родилась хорошая традиция – провожать эшелоны с бойцами на фронт... 41 год. Июль. Белорусский вокзал. Отправляются на фронт комсомольцы нашего района. Из Большого театра уходят музыканты, рабочие сцены, артист хора, из балета – Миша Сулханишвили. Это был замечательный парень – веселый, жизнерадостный, никогда не унывающий. Миша не вернулся с войны. Он погиб. В фойе бельэтажа театра на мраморной доске выгравировано и его имя.

Потом мы пели песни, был митинг. Говорила и я. Вдруг слышу голос: «А ты бы лучше нам станцевала, товарищ Лепешинская!». Я опешила. Узнала я парня, который говорил. Он был комсоргом на Тормозном заводе в нашем районе, хорошо знал, что мы занимались полезными делами, и вдруг – «ты бы лучше нам станцевала».

К тому времени комитет комсомола Большого театра, поддержанный парткомом, включился в работу по формированию бригад артистов для выступлений в действующей армии.

...Первая поездка на фронт. 1941 год. Сентябрь. Чуть больше 2 часов продолжался наш путь в район Можайска, где находилась на переформировании 1-я мотострелковая (бывшая Московская Пролетарская) дивизия. Наша бригада приехала дать концерт по случаю присвоения дивизии звания Гвардейской.

Концерт шел в полуразрушенной церкви. Серебряным колокольчиком звенел под сводами чудом уцелевшего купола замечательный голос В.В.Барсовой, проникновенно исполняла русские романсы Е.Д.Кругликова, читал стихи Дм.Журавлев, танцевали мы с А.М.Мессерером, пел М.Д.Михайлов. Он пел арию Ивана Сусанина. Как взволнованно слушали его бойцы! Известно, что Глинка написал свою оперу, сделав ее героем реально существовавшего русского крестьянина, который завел врага в чащобу леса, из которой не было выхода. Когда враги поняли, что сделал Сусанин, они его убили. И не знал тогда Максим Дормидонтович, да и мы тоже, что русский крестьянин, колхозник И.П.Иванов из села Лешенги Тульской области через столетия повторит этот подвиг. Когда фашисты вошли в село и потребовали показать дорогу, колхозник подчинился, но завел их в запорошенный снегом такой глубокий овраг, из которого с тяжелыми орудиями выбраться было невозможно. Когда фашисты поняли это, они убили И.П.Иванова.

Мне довелось в годовщину 30-летия Победы рассказывать по радио о концерте под Можайском, и я говорила о том, что в своем фронтовом дневнике, к сожалению, не записала фамилии командира дивизии, где мы выступали. Через 2 дня я получила письмо от полковника К.М.Абрамова. Он писал: «Я как представитель Главного политуправления Советской Армии принимал участие в укомплектовании дивизии... и обеспечивал условия для вашего концерта. Вот почему мне запомнилось ваше замечательное выступление». И далее «...после концерта, примерно через час, когда мы вас отправили по жуткой дороге в Москву, на Можайск обрушился огромной силы бомбовый удар авиации противника. Дорога, по которой вы уехали в Москву, была разбита авиабомбами. И как вам удалось уцелеть, возвращаясь с этого концерта?». А в конце К.М. Абрамов сообщил, что командовал дивизией полковник А.И.Лизюков.

Наша бригада, но уже в другом составе, была и на 1-м, и на 4-м Украинских фронтах. Недавно по телевидению показывали хронику военных лет, включающую кадры, где наша армия выбила фашистов из Харькова. В один из кадров вместе с Г.К.Жуковым и И.С.Коневым попали мы с И.С.Козловским. И я вспомнила, как Иван Семенович просил их посетить наш концерт. Они же пригласили нас на обед. В подвальном помещении, где находился штаб, после обеда был маленький концерт. Пели наши певцы и... Георгий Константинович Жуков, чье имя уже тогда стало легендой. Пели песни военных лет. И удивительно было, когда запомнил он слова «Темной ночи» или «Землянки». Мы не знали тогда, что при секретариате Г.К.Жукова состоял на службе красноармеец И.Усанов, который, занимаясь с маршалом, конечно, урывками, все же научил его играть на баяне.

Едва закончился концерт, как начался артиллерийский обстрел Харькова, нас быстро отправили за город, где, переночевав, мы на следующее утро давали концерт у летчиков, чей полк дислоцировался неподалеку... Синее небо, ярко светит солнце, мы выступаем на фоне стройных зеленых тополей. На сцене – это два как бы соединенных грузовика со скинутыми бортами – замечательные украинские певцы, народные артисты СССР М.И.Литвиненко-Вольгемут и И.С.Паторжинский поют дуэт из «Запорожца за Дунаем» и великолепный артист Иван Сергеевич, изображая подвыпившего Карася, казалось, того и гляди свалится на землю. Никто не замечал, что во время пения Ирины Масленниковой, Константина Лаптева или Ларисы Руденко взлетали самолеты. И.С.Козловский так щедро, так прекрасно пел, что казалось, выступает он в Большом театре. И велика была благодарность тех, кто так героически защищал нашу прекрасную Родину от коварного жестокого врага.

Мы танцевали прямо на земле – на расчищенной площадке. Сейчас это кажется невероятным. Носок балетного туфля на пируэтах «ввинчивается» в землю, прыгаю через кочки и рытвинки на руки к партнеру, но партнер – П.Гусев, и ты ничего не боишься, летишь «рыбкой» в даль с таким удовольствием и смелостью, которые приходят только тогда, когда радость творчества заполняет твое сердце...

Позвольте закончить мой рассказ о незабываемых днях, проведенных артистами на фронте, словами одного юного лейтенанта, записанными в моем дневнике. Он говорил: «Бойцы пойдут в бой, неся в своем сердце песню, музыку, танец, которые нужны как свобода, как мир, как жизнь, как счастье на земле».

Газета «Советский артист», Москва, 1985, 7 мая

Ю.ФАЙЕР
дирижер

В ДНИ ВОЙНЫ

В первые месяцы была неизвестность: что принесла война моим родным, что принесет она нам – мне, моим товарищам, всей стране, в жестоком, смертельном усилии стоящей перед вероломством многочисленного, сильного и злобного врага. Неизвестность – и вера.

Да, именно противоречивые чувства – неизвестности и веры испытывали мы в дни, когда враг подошел к стенам Москвы осенью 1941 года, – неизвестности, что же будет дальше, что придет на смену тяжелым дням горького отступления, и веры, что долго продолжаться это не может, что все пойдет иначе и железная

 рука, протянувшаяся к самому сердцу страны, будет отброшена. Осенью сорок первого года мы не говорили о победе: мы думали о ней, молча верили в нее, и, как всякое невысказанное чувство, вера наша укреплялась и росла.

По решению правительства Большой театр покидал Москву. Больно было видеть своих верных друзей и помощников – рабочих сцены, рабочих наших мастерских, костюмеров и бутафоров – всех тех, о ком мало знает публика, но без кого не существует даже само понятие «театр», кто буквально делает театр своими руками, выстраивает, украшает, обставляет и одевает все, что ежевечерне предстает перед зрителем. И вот теперь привычный стук молотков и шум перемещаемых декораций не означали, что в работе очередной спектакль.

На первый взгляд их занятие производило впечатление разрушения. Да и в самом деле, в минуты угрозы городу, в минуты, когда решается его судьба, судьба его жителей, кому нужны эти призрачные замки придуманных герцогов и королей, озера с заколдованными лебедями, цветные стекляшки ненастоящих драгоценностей, мишура столь милой вчера и столь очевидной сегодня театральной неправды?.. Однако, стуча молотками, рабочие трудились с той же сноровкой, с тем же знанием дела, как и всегда, и само это «как всегда» рассеивало сомнения: не беспорядочное разрушение, а защита от него была целью организованной, слаженной и напряженной работы. Большой театр, как одну из ценностей национальной культуры, следовало уберечь от возможных опасностей военной поры.

В октябре мы приехали в Куйбышев. Театру предоставили помещение в недавно выстроенном в центре города Доме культуры; нас, работников театра, разместили в школьном здании. Первое время устраивались на ночлег в пустых классах, на полу. Потом нашим бытом занялась член правительства Р.С.Землячка, приехавшая в Куйбышев.

Появились кровати, а со временем стали подыскивать жилье поудобнее. Я поселился в квартире с дирижером Львом Петровичем Штейнбергом.

Наступила тяжелая зима сорок первого-сорок второго года... Тяжелая для всей страны, для каждого человека. Немецкие войска у стен Москвы. Напряжение, тревога, немногословные сообщения Совинформбюро о положении на фронте...

И, наконец, – весть, что наступление фашистов остановлено, враг отброшен от Москвы!

В Куйбышеве идет документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Вот они, такие знакомые всем нам места, отбитые у врага. И какой болью и ненавистью к захватчикам наполняются сердца наших музыкантов и артистов, когда на экране возникает разграбленный немцами дом Чайковского в Клину. Страшная, незабываемая картина проходит перед глазами. Знакомые звуки Пятой симфонии звучат с необычайной скорбью. Домик в Клину пробыл на оккупированной территории всего двадцать два дня, и вот потрясенные люди уже могут убедиться воочию, какую «культурную миссию» несут с собой гитлеровцы...

А через некоторое время – будто ответ великого гения на надругательства фашистов, будто символ вечной жизни его музыки – мы увидели в одном из кинорепортажей с фронта несколько кадров, сопровождавшихся дикторским текстом: «Скрипач Большого театра, ныне гвардии санинструктор Энской части исполняет перед бойцами произведения Чайковского». Это не было запланированное выступление артиста фронтовой бригады: один из наших молодых скрипачей, призванный на фронт, играл прямо на передовой, около полевого орудия; несколько

человек стояло рядом, другие продолжали что-то делать, иногда оборачиваясь на звуки музыки...

И еще одно из незабываемых событий той зимы. Из осажденного Ленинграда приехал Шостакович. Он привез ноты своей Седьмой симфонии, которая уже через несколько месяцев станет звучать во многих странах мира рассказом о величии непобедимого духа сражающейся страны. «Ленинградская симфония» впервые прозвучала здесь, в Куйбышеве. Под руководством С.А.Самосуда исполнял симфонию оркестр Большого театра, и нечего говорить, что мы испытали, если и сейчас, через двадцать пять лет, эта музыка вызывает необычайное волнение.

Самосуд вскоре вылетел в Москву, и объединенный оркестр музыкантов Большого театра, оставшихся в столице, и музыкантов Всесоюзного радио исполнил Седьмую симфонию в Колонном зале Дома союзов.

Военные годы – сообщения с фронта; вести от товарищей в Москве; наша жизнь – работа и быт в Куйбышеве, – все сливается сейчас в одну картину, где трудно разграничить дни и события, где даже свои собственные ощущения вспоминаются как часть единого общего чувства.

Что делать, как работать на новом месте, в непривычных условиях военного времени нам, сугубо мирным людям музыки и балета, – такого вопроса не возникало. Куйбышев, и прежде крупный индустриальный город, принял теперь много эвакуированных предприятий и учреждений. Расположенный глубоко в тылу, город работал для фронта, и каждый на своем участке трудился с полной отдачей сил. Мы должны были оказывать эмоциональную, духовную поддержку тем, кто днем и ночью склонялся над станками. Осенними вечерами измотанные, усталые после долгого трудового дня, люди вместо нескольких лишних часов сна шли под дождем и пронизывающим ветром к подъезду Дома культуры для того, чтобы на время погрузиться в мир искусства, отдохнуть душой, прикоснуться к частице того мирного, светлого счастья, ради существования которого они трудились в тылу, а их родные и товарищи сражались на фронте. Куйбышевцы гордились, что для них дает спектакли лучший музыкальный театр страны; москвичи – их здесь было немало – радовались, что могут и вдали от Москвы побывать в «Большом», увидеть и услышать любимых артистов. Мы чувствовали, что наше искусство необходимо.

Мы должны были своим трудом опровергать жестокую старую истину: «Когда говорят пушки, музы умолкают».

Труппа в Куйбышеве воссоздала на небольшой сцене Дома культуры спектакли, шедшие недавно в Москве; в Москве часть труппы во главе с М.Габовичем продолжала давать спектакли в здании филиала театра; были организованы бригады артистов балета, выезжавшие на фронт с концертными программами; артисты балета постоянно выступали в госпиталях Москвы и в воинских частях, только что пришедших с фронта на переформировку или на недолгий отдых, и выезжали в прифронтовую полосу. По пять концертов в день давали для красноармейцев наши московские товарищи. Шестидесятипятилетняя Екатерина Гельцер выходила на сцену, чтобы танцевать перед бойцами, и я без боязни нарушаю здесь традиционное правило, по которому не называют возраст балерины, – без боязни потому, что выход прославленной Гельцер на сцену был подвигом, который останется в истории балета.

Работают в Москве, в филиале театра, и дают громадное количество концертных выступлений Любовь Банк и Валентина Кудрявцева, Ольга Лепешинская

 и Суламифь Мессерер, Татьяна Васильева и Софья Головкина, Алексей Булгаков, Виктор Смольцов, Михаил Габович, Петр Гусев и многие другие известные и только делающие свои первые успехи артисты.

А в свободное время артисты театра занимаются военной подготовкой, женщины учатся на курсах медсестер, дежурят в яслях и детских садах, ухаживая за детьми, чьи отцы – на фронте, а матери – на заводе. Тревожные ночи проводились на крышах московских домов в отрядах противовоздушной обороны.

Люди изменились, стали сдержанней, собранней, похудели. Неузнаваемо выглядело лицо нашего театра: знаменитый фасад обшили фанерой, за которой спрятали его колонны, закрыли квадригу над портиком. На фанере нарисовали громадные окна, и размалеванная стена в своей неестественности казалась грубой насмешкой над тем, что с любовью и мастерством делалось нашими художниками-декораторами. Но эта декорация служила важной цели: помешать немецким летчикам сориентироваться во время налетов на Москву. Ведь свободно стоящее, не стесненное соседними домами громадное здание театра – одна из характернейших примет центра города. И однажды немецкая бомба все же упала на театр. К счастью, больших разрушений она не произвела.

Я думаю, что и в самом неполном виде картина тогдашней работы нашей балетной труппы должна поразить каждого, кто попытался сопоставить условия этой работы и ее результаты.

Резко уменьшилась в сравнении с довоенной численность труппы: артисты уходили на фронт. Тем, кто оставался, часто было далеко не то что до «идеального», а до нормального и даже сносного физического состояния: при громадной рабочей нагрузке люди недоедали, недосыпали, мерзли. Труппа была разобщена, разделена на две части. В Москве остались театральные мастерские, и куйбышевцам приходилось постоянно исхитряться, чтобы это как можно меньше сказывалось на постановочных работах. Сама производственная база довольствовалась мизерными денежными средствами, театру не хватало материалов ни для декораций, ни для костюмов – все было дефицитным. И при всем том в кратчайшие сроки было сделано так много, что ни о какой неповоротливости, медлительности нашей работы говорить не приходилось! В Куйбышеве уже вскоре после приезда появляются спектакли «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Дон Кихот», «Тщетная предосторожность». Их поставили быстро и, главное, хорошо, все считали, что никакие обстоятельства не должны сказаться на качестве постановки. Было делом чести добиваться, чтобы каждый спектакль по всем признакам выглядел «по-столичному». В конце концов, в этом был даже и политический смысл: не только нашей публике, но и дипломатическому корпусу, находившемуся тогда в Куйбышеве, следовало показать, что лучший музыкальный театр страны продолжает работать, как прежде, сказать тем самым об общем спокойствии перед лицом врага и об уверенности в своих силах.

Тем временем в Москве осуществлялись постановки, само появление которых стало фактом, единственным в своем роде: на сцене филиала пошли те же спектакли, что и на сцене основной, то есть куйбышевской. Так, например, поставили «Лебединое озеро» и «Тщетную предосторожность», что оказалось возможным лишь благодаря невероятной изобретательности постановщиков. Ведь необходимые для этих балетов реквизит и декорации увезли, приходилось многое делать буквально «из ничего», подбирая подходящие детали оформления на скла-

дах театра. Однако выдумка, инициатива и, конечно, вкус и чувство меры позволили достойно выйти из положения и создать полноценные спектакли. Правда, пришлось посчитаться с недостатком того, что никак нельзя было найти на складе, – с недостатком людей. В частности, уменьшившийся кордебалет в некоторых сценах не мог произвести должного впечатления. Недостаточным был и состав оркестра. Постановщики решили пойти на ряд купюр и кое-какие сцены переставить так, чтобы не чувствовалась малочисленность исполнительского состава. В результате «Коппелия» «военного образца 1942 года» имела не три акта, а только два, а вместо третьего шла «Шопениана».

Вообще же в Москве всего за несколько месяцев поставили пять балетов (кроме названных, еще «Конек-Горбунок») – все спектакли жизнерадостного и поэтического звучания. А летом 1942 года в филиале появляется свой, непохожий на прежних, «Дон Кихот»: Михаил Габович, сохраняя основную хореографию Горского, делает сценическую редакцию балета, а Касьян Голейзовский блестяще ставит для этого спектакля цыганские и испанские танцы.

Балетными спектаклями в Москве дирижировал В.Сахаров. Однако на премьеру вызвали из Куйбышева меня, и я вылетел в Москву. Вообще говоря, связи «куйбышевцев» с «москвичами» оставались все время прочными и не прерывались. Но увидеться с теми, кто остался «дома», было радостно, и я с волнением узнавал от товарищей по театру обо всем, что происходило в Москве. С этого раза как-то повелось, что от случая к случаю я прилетал в Москву на спектакли «Дон Кихота», заодно выполняя различные поручения, связанные с нашими делами в Куйбышеве.

А дела эти шли своим чередом, и, не ограничиваясь тем, что было привезено с московской сцены, мы уже вовсю готовились показать нечто совершенно новое.

Судьбы произведений искусства стали подвластны случайностям и законам войны – жестоким и неумолимым, противоречащим жизни, а потому и искусству, и если рождались тогда картины, стихи и музыка, то рождались они вопреки всему страшному, что несла война, рождались во имя жизни, которая продолжалась, во имя света и счастья, что должны были прийти.

В истории спектакля «Алые паруса», в делах двадцатипятилетней давности, в тогдашних судьбах всех, кто участвовал в этой единственной балетной премьере Большого театра военных времен, мне видится сегодня страница жизни нашего искусства – страница, спасенная от небытия, на которое ее обрекала война.

Владимир Юровский пишет клавир в затемненной Москве первых военных месяцев под аккомпанемент зениток, отбивавших налеты вражеских бомбардировщиков. И это не метафора: во время воздушных тревог к Юровскому скоротать неспокойные часы приходил его сосед – главный дирижер Большого театра Самуил Абрамович Самосуд, и композитор садился к роялю. Фрагменты балетной музыки мешались с грохотом, слышавшимся из-за окон, и Самуил Абрамович, знакомясь с очередным написанным эпизодом, как-то раз в момент сильнейшей канонады скаламбурил:

– Что-то у вас здесь басы звучат чересчур громко...

Когда вчерне был написан клавир двух актов балета, работу пришлось прервать: Юровский получил известие, что в Казани тяжело заболела его жена, и композитор улетел из Москвы. Через некоторое время Юровский вернулся и узнал ошеломившую его новость: в квартире кто-то жил, и оставшиеся там ноты

 были употреблены на растопку... Все написанное до войны сгорело в печи, и только небольшую часть нот успел спасти пришедший однажды в квартиру брат композитора. Случаю угодно было, чтобы этими уцелевшими нотами оказалась рукопись клавира «Алые паруса».

А между тем в Куйбышеве мы уже знали со слов Самосуда о новом балете. И считая, что здесь, вдали от театра, нам нужно не только возобновлять ранее шедшие спектакли, но и делать свои, с которыми можно было бы вернуться потом в Москву, мы с радостью решили взять «Алые паруса» к постановке. Почему именно «Алые паруса»? Потому, что верили: светлое начало темы, ее оптимистическое звучание, романтика чистых человеческих чувств – все это необходимо людям, переживающим тяжести военного времени.

Юровского в начале 1942 года вызвали в Куйбышев. Хорошо помню первое прослушивание балета. То ли от волнения, то ли дав волю своему темпераменту, Юровский играл так быстро, что о качествах музыки было трудно судить, и на присутствовавших она произвела самое разнородное впечатление. Я попросил автора повторить некоторые эпизоды в более медленном темпе, и сразу же мы почувствовали, насколько все это интереснее, чем показалось вначале. Музыкальный материал хотя и требовал дальнейшей работы, безусловно, заключал в себе все возможности для создания хорошего балетного спектакля.

И мы взялись за дело: композитор делал партитуру уже готовых номеров и одновременно сочинял недописанные эпизоды; постановщики подбирали исполнителей и тут же начинали ставить отдельные сцены; художник П.Вильямс еще рисовал эскизы и отправлял их в Москву, а там, в производственных мастерских, уже вовсю делались декорации и костюмы.

В группе, создавшей спектакль, была в основном молодежь, в том числе молодые балетмейстеры: А.Радунский, Н.Попко, Л.Поспехин. Я оказался старшим из всех и имел большой опыт работы в балете, почему и возглавил группу.

Знаю, что до сих пор участники постановки «Алых парусов», как и я, вспоминают нашу работу в 1942 году с волнением и гордостью. Чем больше были трудности в работе и невзгоды в быту, тем с большим энтузиазмом и увлечением трудились мы над своим созданием.

Готовили спектакль тщательно, не делая себе никаких поблажек. Мы провели около шестидесяти репетиций, стремясь устранить все, что могло помешать успеху спектакля. У нас с Юровским установился прекрасный творческий контакт, и мы вместе, этап за этапом, работали над партитурой, разбирая детали каждого эпизода с точки зрения возможностей хореографии. Этот процесс приносил удовлетворение каждому из нас: я был рад, что мой опыт дирижера и знание хореографии благотворно сказываются на работе композитора, а Юровский, судя по всему, с вниманием и полной доброжелательностью вникал в то новое, что мог почерпнуть из нашего общения.

В дружеском согласии, с вдохновением работали постановщики. Имевшие опыт совместных постановок (втроем они ставили балеты Д.Клебанова «Аистенок» и «Светлана» в 1937 и 1939 годах), балетмейстеры прекрасно понимали и дополняли друг друга.

К концу 1942 года наш «секретный» спектакль был готов – «секретный» потому, что именем «Секрет» назывался корабль с алыми парусами, который приходил к Ассоль.

Сейчас невозможно представить себе тот необыкновенный подъем, с каким начался спектакль. В конце концов, премьеры бывают довольно часто, и люди всегда волнуются, впервые отдавая на суд свою работу. Но та премьера – незабываема. Вот ее основные участники: Тихомирнова, Преображенский, А.Мессерер, Радунский, Абрамова, Гусев, Лащилин. «Алые паруса» – символ сбывшейся надежды, мечты и пришедшего счастья – появились на сцене куйбышевского Дворца культуры в один из дней, когда на Волге, у стен Сталинграда шла битва, исход которой предопределил грядущую победу в войне. Спектакль наш нес веру в победу, нес в ледяной, продутый ветрами зимний город весть о близкой весне, и свыше тысячи зрителей, заполнивших зал, почувствовали ее дыхание.

Этой премьеры ждали все. Специально на этот вечер включили на полную мощность освещение. В зал явился весь дипломатический корпус.

Сразу же после премьеры мы получили правительственную телеграмму из Москвы с поздравлением.

Успех был необыкновенный. «Алые паруса» стали популярнейшим балетом нашего репертуара. Публика полюбила его какой-то трогательной любовью. В зале царило то прекрасное для нас, артистов, настроение зрителя, когда ему хотелось верить происходящему на сцене, а спектакль был таков, что эта вера действительно возникала. И зал никогда не был безразличен: в наиболее захватывающих сценах царила полнейшая тишина, а в отдельных эпизодах реакция публики оказывалась удивительно живой. Так, например, затаив дыхание публика следила за Ассоль в сцене, когда ей чудится вдали корабль и она знает, что это только видение. Но вот уже (говоря словами сценария) «Ассоль, подхваченная ветром неодолимых событий, вновь взбегает на возвышение утеса. Корабль! Он движется, он приближается. Ассоль простирает к нему руки, как будто хочет перелететь пространство, их разделяющее. Она высоко вытягивает руку и машет платком:

– Я здесь! Я здесь! Это я!».

Нужно было видеть в этот момент лица сидящих в зале! Я их не видел, но знаю, что люди плакали счастливыми слезами: они были потрясены картиной любви, осуществленной надежды, видом полного счастья и цветущей юности.

Никто не хотел в тот момент и подумать, что это только хорошая сказка. И если повторить пресловутую истину, что «искусство – красивая неправда», то я могу, вспоминая нашу премьеру военных лет, свидетельствовать, что эта «неправда» была нужна душам людей так же, как телу – хлеб и тепло. Можно привести немало случаев того, как наше искусство, казалось бы, настолько отделенное своими условностями от прямого влияния на публику, воздействовало на нее в то время с необычайной силой. Это относится и к опере, и к балету. Однажды при исполнении «Ивана Сусанина» произошло такое событие.

В момент кульминации, когда поляки собираются зарубить Сусанина, по одному из пандусов, подымавшемуся из зала на авансцену, вдруг взбежал военный с пистолетом и бросился на поляков. К счастью, все обошлось: военный успокоился, дал увести себя из зала, и спектакль продолжался.

Можно понять, чем оказалась сцена убийства Сусанина для человека, только вернувшегося с фронта, где он защищал Родину, за которую погибал герой оперы, для человека, видевшего не раз смерть своих товарищей.

И на «Алых парусах» было происшествие, хотя, конечно, не столь драматичное, а скорее комическое: по тому же пандусу какой-то офицер (в зале всегда

 было много фронтовиков, а часто спектакли шли только для бойцов и командиров) вбежал на сцену, поймал танцующую Тихомирнову и пылко расцеловал ее. Столь непосредственным образом он, к радости публики, выразил общее настроение зала. После небольшой заминки мы продолжили действие...

Этой премьерой мы встретили 1943 год – год, когда врага погнали на запад, и год, когда новый сезон Большой театр открывал уже в родных московских стенах.

На сцене филиала театра возобновили и куйбышевское детище – «Алые паруса». В партии Ассоль на московской премьере выступила Ольга Лепешинская. В который раз молодая балерина, обладавшая виртуознейшей техникой танца, порадовала всех самой ценной стороной своего артистического таланта: радостным и живым характером создаваемых ею образов.

В трактовке Лепешинской мечтательная Ассоль приобрела облик стойкой, уверенной в своем будущем девушки, которая готова за него бороться, не боясь непонимания и враждебности окружающих. Со временем и Преображенский в роли Грея стал выглядеть более волевым и мужественным героем, и эти черты придали спектаклю новое, более широкое звучание.

Своеобразным и в то время высоко оцененным всеми явлением было выступление в роли Ассоль молодой артистки Нины Чороховой. Она получила эту партию в Куйбышеве, будучи еще в кордебалете. Необычайный лиризм, обаяние юности и подлинный драматизм в ее исполнении позволили многим считать Чорохову лучшей Ассолью. Эта роль и осталась самым большим ее достижением.

Безусловно, прекрасные исполнители всегда приносили успех этому балету. Но я самым лучшим образом могу отозваться о музыке и о постановке «Алых парусов».

Музыка балета, имеющая в своей партитуре немало интересных страниц, во всех эпизодах – и в драматичных, действенных, и там, где передается внутреннее состояние героев, – легко и свободно претворялась в хореографическое выражение. Уже в прологе, где в живописном оркестровом звучании рисуется буря, постановщики сделали темпераментную сцену, в которой танцующие «волны», «ветры», «птицы» создают буйную пляску стихий, набрасывающихся на человека. И дальше все сцены решались в единстве с музыкальным замыслом и, что очень важно, танцевально. Это позволило Д.Шостаковичу в тогдашней рецензии еще на куйбышевскую постановку «Алых парусов» высказаться одобрительно о балете, где танец не отступает перед пантомимой, и о музыке молодого Юровского.

С возвращением Большого театра в Москву в конце 1943 года наша работа и наша жизнь, хотя война была в разгаре, постепенно входили в привычное русло: мы оказались в родном доме. Так что за весь мой более чем полувековой труд в театре я лишь в сорок втором – сорок третьем годах не выступал в его зале.

Некоторое время после возвращения ушло на «приработку» спектаклей к сценам – основной и филиала, на переделку и изготовление декораций. Постановки обретали прежний и несколько обновленный вид.

Фронт отодвигался все дальше и дальше, и все более далекими становились маршруты фронтовых бригад театра, которые зачастую выступали теперь на площадях только что освобожденных городов рядом с еще дымящимися развалинами.

Поначалу казалось, что номера злободневные, политическая сатира, отражение героики войны должны быть ближе всего нашим воинам. Но люди, привыкшие к военному быту и прошедшие огонь боев, истосковались по прекрасному, и

наши артисты не раз бывали потрясены тем необыкновенным впечатлением, которое производило их искусство на фронтовиков: война не смогла подавить присущее народу чувство красоты, а, казалось, только обострила его... После концертов шли неоднократные просьбы побольше давать «хорошей музыки», присылать балерин и «настоящих певцов».

Апрель 1945 года вплотную приблизил дни победы над гитлеровской Германией, и показанный в этом месяце новый спектакль, который венчался ликованием фанфар и литавр заключительного апофеоза, был весь пронизан ощущением радости и счастья. С каким подъемом, с каким вдохновением выходили на сцену участники каждого из спектаклей, шедших той весной в нашем театре!

Мы встречали День Победы и, переполненные общим чувством с народом, гордым своей силой и величием, стремились к еще большей творческой самоотдаче: готовились постановки, которые должны были увидеть свет уже в дни мира и созидания.

Ю.Файер. О себе, о музыке, о балете. М., «Советский композитор», 1970

Асаф МЕССЕРЕР
солист балета

Политическая обстановка в мире накалялась. 30 сентября 1938 года состоялось пресловутое Мюнхенское соглашение, когда правительства Англии и Франции якобы во имя сохранения европейского мира пошли на сговор с Гитлером и Муссолини, принудив Чехословакию отдать гитлеровской Германии Судетскую область. Как известно, для подписания этого позорного соглашения в Германию прибыли премьер-министр Англии Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье. Гитлер торжественно обещал не предъявлять никому никаких территориальных претензий, а менее чем через полгода полностью оккупировал Чехословакию.

Я решил поставить балет, в котором бы в остром, гротесковом плане было рассказано об этом событии. Он назывался «Международное положение». В этом балете действовали политические деятели Англии, Франции, Германии, Польши, Венгрии, Чехословакии и СССР. В спектакле участвовали А.Радунский, Л.Поспехин, Б.Борисов, Б.Холфин и другие. Музыку к балету подобрал и аранжировал композитор и концертмейстер балета Большого театра Е.Петунин. Спектакль несколько раз успешно прошел в концертах. Эта работа была навеяна мне политическими «Окнами РОСТА» Маяковского.

В июне 1941 года артистов распустили на летний отдых. А уже через месяц немцы стали бомбить Москву.

Я тогда жил в артистическом доме на улице Немировича-Данченко, по соседству с Марецкой, Образцовым, Юткевичем, Тумановым, Хмелевым. Во время налетов мужское население не пряталось в бомбоубежище, а дежурило во дворе и на крышах. Нас разделили на звенья, по пять-шесть человек в каждом. Звено возглавлял Иосиф Михайлович Туманов. Если в недавней мирной жизни он прекрасно режиссировал оперные спектакли, то теперь ему приходилось «строить мизансцены» на чердаке, расставляя действующих лиц между длинными ящиками с песком и пожарными шлангами.

Хорошо помню первую бомбежку. Мы стояли на крыше, и вдруг над самыми нашими головами – так низко, что различимы были кресты, – плотным косяком пролетели фашистские самолеты. Они что-то сбрасывали. В первую минуту я по-

 думал, что это листовки. Как вдруг посыпались зажигательные бомбы. Они со свистом падали на крышу и во двор, где в это время стояли военные грузовики. От неожиданности я даже как-то и не испытал страха, увидев первую в своей жизни «зажигалку» чуть ли не у своих ног. Конечно, мы бросились их тушить. Позже в наше звено вошел и Шостакович, вырвавшийся из блокадного Ленинграда и поселившийся в нашем доме.

И так мы дежурили каждую ночь.

В один из налетов погиб мой младший брат Эммануил. Фугасная бомба попала в дом на Садово-Кудринской, где он жил. Брат тоже дежурил на крыше. Так трагично оборвалась его молодая жизнь.

Москву стали бомбить уже и днем. Бомба упала на улицу Горького, во двор университета, где стоял памятник Ломоносову. В ночь с шестого на седьмое августа десять «зажигалок» упали на крышу Большого театра. Бомбы падали во двор театра и в Копьевский переулок. Во время затяжных налетов комсомольцы Большого театра дежурили в метро, на станции «Охотный ряд», помогая размещать людей. Старики, женщины, дети проводили в метро всю ночь. Не хватало места на платформах – люди спали прямо на рельсах, в тоннелях. В этом интерьере, среди чужих усталых лиц, вижу наших молодых балерин Елену Дмитраш, Ирину Тихомирнову, Валентину Лопухину...

Перед войной на студии «Союзтехфильм» начали снимать учебную ленту «Методика классического танца». Две группы учеников Московского хореографического училища выполняли перед киноаппаратом упражнения и танцы под руководством Е.П.Гердт, М.А.Кожуховой, Н.И.Тарасова, А.И.Чекрыгина. На съемки приезжала из Ленинграда и Ваганова со своими ученицами. А потом ведущие солисты Большого театра демонстрировали перед той же камерой, во что эта учеба в конце концов выливается. Мы с Суламифью танцевали па-де-де из «Дон Кихота». В фильме участвовали также Марина Семенова и Ольга Лепешинская.

Съемки продолжались и во время войны. Однажды в самый разгар работы объявили воздушную тревогу. И все как были – в гриме, в пачках, хитонах – бросились в бомбоубежище, находившееся вблизи кинофабрики. Я тоже был в гриме и костюме Базиля, атласном, белом, в расшитой серебром бамбетке. Мне представилось вдруг нелепым в таком виде бежать в подвал. Я остался в павильоне один. Только что здесь звучал оркестр, сияло электрическое солнце, и вдруг – пустота, оголенность, следы побега. Там брошен халат, там сумка, там кулечек с бутербродами... Во дворе тоже не было ни души. Я бродил по двору кинофабрики один, в костюме Базиля, а в небе метались лучи прожекторов, висели аэростаты, грохотала канонада – ирреальная картина!.. Так я походил, походил и вернулся в павильон. Потом дали отбой. Ученики и артисты стали возвращаться, но съемка была сорвана. Все как-то сразу морально устали. В конце концов фильм все-таки закончили, его снимали теперь не по ночам, а днем, когда налетов было меньше.

Между тем в Москве шла спешная эвакуация детей, женщин, стариков. Гитлеровцы находились уже в дачном Подмосковье. В эти дни артистические бригады часто выезжали на фронт. Помню, вместе с Лепешинской и Барсовой нас командировали в часть, находившуюся вблизи Можайска. Передовые позиции были где-то совсем близко. Ночь мы провели в офицерской комнате, где висел громкоговоритель и через каждые десять минут передавался приказ: «Лейтенант Иванов

(Петров, Сидоров...), срочно явитесь на командный пункт!» Мы не могли уснуть, но на утро дали концерт солдатам, уходившим прямо в бой.

Именно в это трудное время мы сдружились с замечательным писателем и драматургом Николаем Эрдманом, и потом наша дружба длилась многие годы. Свой изумительный талант юмориста он вкладывал тогда в сочинение концертных программ и даже целых спектаклей, с которыми артисты выступали перед воинами. Бригады созданных военных ансамблей выезжали на линию наших укреплений, обслуживали Московский военный гарнизон. Для фронта работали Сергей Юткевич, Касьян Голейзовский, Петр Вильямс, Александр Свешников, Михаил Тарханов, Михаил Вольпин, замечательные люди искусства. Часто ведущим в этих концертных программах выступал совсем еще юный Юрий Любимов, ныне прославленный руководитель театра на Таганке. Общими усилиями мы хотели укрепить дух наших людей, вселить веру в победу.

Четырнадцатого октября артистам Большого театра объявили о срочной эвакуации в Куйбышев. Назавтра нужно было явиться на Казанский вокзал, взяв с собой чемодан со всем необходимым. Большому театру предоставили железнодорожный состав. Все уезжали с семьями.

Перед войной мы с А.А.Судакевич расстались. В Куйбышев я ехал один. Поезд медленно тащился в тыл. Иногда мы подолгу стояли, в небе появлялись фашистские самолеты.

Когда мы приехали, артистов разместили сначала в двух школах. Там не было ни парт, ни столов – только черные учебные доски висели в классах. Нас поселили прямо в классах. Каждая семья огораживала себе территорию чемоданами. Те, кто предусмотрительно захватил с собой одеяла и маленькие подушечки, спали прямо-таки с комфортом. Остальные – на чем попало. Подстилали пальто и им же укрывались. По соседству со мной «жил» дирижер Василий Васильевич Небольсин, балерина Тина Галецкая, танцовщик Александр Царман. У Галецкой была мама, тучная такая дама. Ее звали Дора. Утром Царман, проснувшись раньше всех, кричал: «Дора, к доске!»

Но раньше Цармана просыпались наши оркестранты. Вдоль классов тянулся узкий коридор. Музыканты ходили по нему и «разыгрывались» – кто играл на скрипке, кто на виолончели, кто на тромбоне. Тут же хозяйки на примусах и керосинках готовили завтрак. Тут же бегали маленькие дети; кто-то стирал; кто-то качал в коляске младенца. И здесь же, держась за подоконник, танцовщики делали «станок». Хорошо помню в этом коридоре фигуру Шостаковича. Он идет с чайником за кипятком...

Правда, бивуачная жизнь продолжалась относительно недолго. Постепенно артистов стали расселять по квартирам. Появился продовольственный ларек, обслуживавший Большой театр. Голодными мы не ходили, но все тогда хлебнули лиха. Впрочем, никто не драматизировал трудности тыла. Жили мы сводками с фронтов. Голос Левитана – «От Советского Информбюро!» – сразу собирал толпу у репродукторов, которые никогда не выключались. Все хотели скорее начать работу, приносить посильную пользу в это многотрудное для страны время.

Именно тогда заместитель председателя Комитета по делам искусств Александр Васильевич Солодовников предложил мне взять на себя художественное руководство балетной труппой Большого театра.

Трудностей оказалось больше, чем я предполагал. В Куйбышеве не было оперного театра. Нам предоставили недавно построенный клуб. Здание было хорошим, но мало приспособленным для выступлений такой труппы, как наша. А главное, сцена была значительно меньше, чем в Большом театре. В клубе был всего один репетиционный зал, в котором по очереди занимались певцы и артисты балета. Время было расписано по минутам. Нелегко было и с транспортом. Иногда в лютый мороз артистов привозили на репетиции в розвальнях. И все-таки никто не унывал. Прежде всего, нужно было поскорее возобновить старые спектакли, чтобы танцовщики не теряли своей квалификации.

Я был занят с утра до ночи. День начинался со всевозможных совещаний, на которых требовалось решить миллион неотложных вопросов. Потом я сам шел заниматься. Тут ко мне пристраивался весь мой класс. После класса я либо репетировал, либо смотрел, как это делали другие.

В Куйбышеве мы поставили, наконец, новый балет, по которому все так стосковались, – «Алые паруса» по Грину. Музыку его композитор Владимир Юровский начал писать еще перед войной. Оркестровку ему помогал делать Юрий Файер. Однако во время войны партитура пропала. Сохранился лишь клавир. Его Юровский и привез в Куйбышев, предложив начать работу над спектаклем.

В то тяжкое время люди испытывали особую потребность в балете светлого, романтического плана. А музыка Юровского, с ее широким симфоническим повествованием, с ее яркими лейтмотивами и характеристиками, несла идею жизнеутверждения и человечности.

Балет (по либретто А.Таланова) ставили трое молодых хореографов – А.Радунский, Н.Попко, Л.Поспехин. Они вдохновенно воплощали в зримые образы чудесную повесть А.Грина. Поэму о людях, осуществивших мечту.

Премьера спектакля состоялась 30 декабря 1942 года.

Ассоль танцевала Ирина Тихомирнова. Эта поэтическая роль отвечала складу дарования балерины. Как потом отмечала пресса, балет во многом был обязан ей своим успехом. Партию капитана Грея исполнял Владимир Преображенский. Красивый, высокий, актерски выразительный танцовщик прекрасно подходил к роли благородного мужественного капитана Грея, увозившего Ассоль на корабле под алыми парусами – в страну светлых надежд.

Декорации к «Алым парусам» написал художник П.В.Вильямс, в мягких пастельных тонах, создающих атмосферу мечтательности. Спектаклем дирижировал Юрий Файер, давший музыке В.Юровского «истолкование, превосходное по богатству оттенков, нюансов и тому подъему, с которым были исполнены патетические места балета»*.

Я исполнял партию боцмана Летики.

Восьмого февраля в «Правде» появилась рецензия Д.Д.Шостаковича, высоко оценившего спектакль.

Балет прошел в Куйбышеве пятнадцать раз с огромным успехом. В «Алых парусах» кроме признанных мастеров – А.Абрамовой, П.Гусева, Л.Лащилина, А.Радунского – выступила плеяда способной молодежи. Во втором составе партию Ассоль интересно подготовила Н.Чорохова, капитана Грея – Ю.Кондратов и А.Кузнецов, боцмана Летику – А.Жуков и В.Хомяков. В спектакле выступили так-

***«Известия», 1943, 10 янв.**

же Е.Дмитраш, Г.Добрынина, А.Джалилова, В.Галецкая, Н.Капустина, М.Шмелькина, В.Левашев, В.Моторин и другие.

Чтобы поднять исполнительское качество спектаклей, в театре были введены классы авторского мастерства, которые вели Р.В.Захаров и А.И.Радунский.

Наши артисты выступали также в госпиталях, на призывных пунктах, на колхозных полях.

Меж тем близился долгожданный день возвращения в Москву. Летом 1943 года мы дали два последних спектакля в Куйбышеве – «Евгений Онегин» и «Дон Кихот». А в середине августа артисты стали возвращаться домой.

Мы плыли до Москвы на пароходе по Волге. Было тепло, танцовщики выходили на палубу и занимались. Жители деревень и поселков с берега смотрели, как мы работаем.

Итак, мы возвратились домой! Какое это было счастье!..

В конце сентября открылся сезон в Большом театре. Давалась опера «Иван Сусанин». Жизнь налаживалась.

Могу ли я забыть выступление Михоэлса на сцене Большого театра вскоре после нашего приезда из Куйбышева. В 1943 году вместе с поэтом И.Фефером он ездил в США, Канаду, Мексику и Великобританию как делегат Антифашистского еврейского комитета. И вернувшись, рассказывал нам об этой поездке, о своих встречах с Альбертом Эйнштейном, Полем Робсоном, Лионом Фейхтвангером, Чарли Чаплиным. О том, как рядовые американцы передавали ему в фонд борьбы с фашистами деньги, снимали прямо с рук часы, золотые кольца... Михоэлс привез тогда из Америки сотни ручных часов, мужских и женских, и передал их в фонд обороны страны.

Я высоко почитал великий актерский талант Михоэлса. Его Лир был гениальной ролью. Но и выступления Михоэлса всегда оставляли незабываемые впечатления, он был наделен даром редкого, пламенного красноречия.

С Михоэлсом нас связывала нежная дружба. Он часто приглашал нас с Викториной Кригер на вечер для артистов ГОСЕТа. Хорошо помню театральный холл, расписанный Марком Шагалом...

Михоэлс пришел в наш театр и когда отмечался двадцатипятилетний юбилей моей работы в Большом театре. По традиции на возвышение, устланное ковром, ставят золоченое кресло, похожее на трон. Вся труппа, артисты из других театров, друзья, родственники, знакомые окружают юбиляра плотным кольцом. Виновник торжества стоит у трона (на мне был белый атласный костюм Базиля, в котором я только что станцевал спектакль) и выслушивает поздравления, которые обычно произносятся в таких случаях. Михоэлс выступил тогда с речью, полной юмора и тепла.

Что еще врезалось в память от этих дней? Гастроли концертной бригады по городам, освобожденным от фашистов. Смоленск, Воронеж, Минск, Вильнюс... Страшная картина разрушений открывалась перед нами. Ни улиц, ни домов, ни деревьев. Пепелища с выжженными остовами зданий. В Вильнюсе я хотел разыскать дом, где родился. Но вся улица была сравнена с землей.

Театры почти всюду были разрушены. В Минске центром всей культурной жизни стал, например, Дом Красной Армии. Под него отвели уцелевшее здание с надписью на стене: «Мин нет». Помню, мы с Ириной Тихомирновой никак не могли отыскать от гостиницы дорогу туда, потому что ее, этой дороги, просто не су-

 ществовало. Мы торопились на второе отделение концерта. Дело было к вечеру, во всю ширь неба разлился закат. И так же во всю оголенность пространства, в руинах и пепле, лежал мертвый город. И все-таки люди жили в нем – в подвалах, в холоде, но жили! Как необходимо было им наше искусство, каким праздником становилось оно для них, опаленных трагедией войны. Мы с Ириной Тихомирновой танцевали «Вальс» Мошковского, адажио из «Лебединого озера», па-де-де из «Дон Кихота». И, пожалуй, никакой другой успех нам не был так дорог, как успех в этих залах, у этих людей.

Теперь вернусь к послеэвакуационным событиям.

В апреле 1944 года мы возобновили «Спящую красавицу».

В Москве я по-прежнему оставался художественным руководителем балетной труппы, хотя из-за всевозможных совещаний часто пропускал репетиции, идя на явные потери в своем профессионализме. Поэтому я обратился в Комитет по делам искусств с просьбой освободить меня от этой должности. И вскоре передал художественное руководство балетом приехавшему из Ленинграда Л.М.Лавровскому. Таким образом, в Большом театре одновременно работали три ленинградских хореографа – В.И.Вайнонен, Р.В.Захаров и Л.М.Лавровский.

Вскоре Лавровский возобновил «Жизель» с Галиной Улановой, которая тоже переехала в Москву. Прекрасный балет давно отсутствовал в нашем репертуаре. Теперь с Улановой «Жизель» стала событием в нашей культурной жизни.

Асаф Мессерер. Танец. Мысль. Время. М., «Искусство», 1979

Г.УЛАНОВА
солистка балета

Гремели пушки, а музы не молчали: они несли народу радость высокого наслаждения театром. Не проходило дня без подтверждения того, что театр безмерно дорог сражающемуся народу. И я, как и многие другие артисты, часто получала письма с фронта. Писали люди незнакомые, но неизменно дорогие мне потому, что благодаря их усилиям, мужеству, храбрости была сохранена наша страна, было сохранено искусство.

Мне писали и ленинградцы, фронтовики, которые еще до войны видели меня на сцене и помнили балеты, в которых мне довелось выступать. Никогда мне не забыть письма, полученного в городе Молотове, где работал театр имени Кирова во время эвакуации. Мой корреспондент писал, как в каком-то домике, в деревне, откуда только что выбили фашистов, «я нашел вашу фотографию в роли Одетты из «Лебединого озера». Фотография в нескольких местах прострелена, но бойцы забрали ее себе, и, пока мы на отдыхе, у дневального появилась дополнительная обязанность: вступая в дежурство, сменять цветы, которые ежедневно ставятся возле этой фотографии. Ваш Алексей Дорогуш».

Я рассказываю все это не только и не столько для того, чтобы признаться, как приятно и трогательно было такое внимание людей, каждую минуту готовых ринуться в бой, быть может, на верную смерть, и все же помнящих о театре, об искусстве. Я говорю сейчас о том, как приходит ощущение кровной, нерушимой связи с народом, своего неоплатного долга перед ним, перед каждым солдатом, с такой нежностью хранившим память о радости, полученной некогда в театре.

В дни войны в зале Московского Большого театра большинство зрителей были военные. Приехав на день в Москву, они во что бы то ни стало стремились попасть в театр. И в этом было такое несомненное доказательство высоты духовной культуры, чистоты и возвышенности народа, воинов Советской Армии, что над этим нельзя было не задуматься: для них надо было создавать искусство новое, по-новому передумывать то, что уже было сделано прежде.

Я вспоминаю свои выступления специально для советских воинов, когда, как в Молотове, театр иногда целиком отдавали в их распоряжение. Как восторженно и благодарно принимали они артистов!

Я вспоминаю сейчас, как десять лет назад, в 1944 году, в Ленинграде, в Аничковом дворце, на маленькой импровизированной эстраде выступали мы перед ранеными бойцами. Это очень волновало. Так, как редко бывает даже на залитой огнями сцене в Большом театре...

Нет, я не отвлекаюсь, рассказывая об этих славных, поистине незабываемых годах Великой Отечественной войны. Дело ведь не в прямом отношении того или иного события, событий войны в частности, к той или иной конкретной роли. Дело в тех близких или далеких, прямых или косвенных ассоциациях, «подсказках» жизни искусству, которые обогащают, усугубляют и облагораживают его.

Именно в годы войны я больше всего думала о современности искусства, о том, каким оно должно быть, чтобы ответить устремлениям нашего народа-труженика и солдата.

Жизнь учила меня любить мой народ все больше.

Когда я впервые в 1945 году поехала за границу и увидела плачевное положение театра в Австрии, я не могла не вспомнить свою страну, которая сумела даже в дни самых страшных битв не только сохранить свой театр, но и приумножить его славу.

Журнал «Новый мир», 1954, № 3

А.ОРФЕНОВ
солист оперы

В ГОДЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Я считаю себя счастливым человеком – среди многочисленных орденов и медалей, которые я надеваю по праздникам, есть одна – самая для меня дорогая награда – медаль «За оборону Москвы».

Случилось так, что со дня начала войны я не выезжал из Москвы, кроме как в составе фронтовых артистических бригад. Почти с первых дней войны я работал в двух театрах – в филиале Большого театра и в Музыкальном театре имени К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко. Совмещать выступления в двух театрах было трудно.

Война! В каждый дом она принесла горе и беду, гибель родных и близких.

Редкий день обходился без налетов вражеской авиации, но со временем каждый из нас, работавших в филиале, как-то перестал обращать внимание на тревоги – зимой 1941-1942 года их объявляли по пять-шесть раз в день. Существовал «комендантский час», и после шести вечера ходить по улицам без специальных пропусков было нельзя, но нам, артистам, их выдавали, и мы ходили или ездили на концерты в госпитали, в воинские части, в Радиокомитет.

Отапливались лишь некоторые из учреждений культуры. В филиале при затемненных окнах горели люстры и даже работал буфет. Было голодно, и мы получали один дополнительный обед к военному пайку, который был более чем скромным. А у каждого была семья. Один обед выдавался на руки в столовой, и мы с женой добавляли в тарелку супа кипяток, чтобы хватило двоим детям и нам. И я никогда потом не слышал такого выражения, как «размножать суп».

И в этой холодной и голодной Москве праздничными огнями сиял зрительный зал филиала, который заполняли преимущественно военные, командированные по разным делам с фронта, который находился в тридцати километрах от столицы.

Помню на сцене филиала свое знакомство с Е.Светлановым. В постановке Л.Баратова в «Евгении Онегине» о приезде Онегина и Ленского извещал Казачок, выбегавший к дому Лариных. Вот этого Казачка и играл мальчик – сын солиста оперы Ф.Светланова и артистки миманса Т.Светлановой.

В военные годы мне пришлось дважды участвовать в зарубежных гастролях – в Иране, где были временно расположены наши воинские части, и на Балканах, где шла освободительная война за Болгарию, Югославию. Мы обслуживали не только части Красной Армии, но и наших хозяев – партизан Югославии и Болгарии.

В филиале Большого театра шло постепенное возобновление репертуара, подготовка новых спектаклей. С.Самосуд решил поставить «Пиковую даму» и сам выступить в качестве режиссера.

Помню шедший довольно часто «Севильский цирюльник». Когда раздавался стук пришедших в дом Бартоло солдат, Базилио спрашивал: «Дон Бартоло! Тревога?». На что Бартоло (после второго стука) отвечал: «Нет, Дон Базилио, это – отбой». Воины, заполнявшие зрительный зал, восторженными аплодисментами встречали эту шутку.

Как известно, телевидение в те годы еще не вошло в дома людей, но радио работало очень активно. Все передачи были только «живые», то есть шли прямо в эфир, - отсюда и многие сложности радиовещания того времени. Нужно было давать симфонические концерты (сохранились их афиши), и, помню, мы с Е.Катульской пели дуэт П.И.Чайковского «Ромео и Джульетта». Концерты обычно проходили в Колонном зале Дома союзов или в Большом зале консерватории. Одно время они начинались в семь часов утра, так как вечером симфонии не удавалось доиграть – их прерывали воздушные тревоги. Помню, однажды в таком раннем концерте я пел арию Левко и песню Индийского гостя. Для семи часов утра – трудный репертуар. Только что спел я арию Левко, как сверху раздается голос пожарника: «Чего вы зря стараетесь, вас давно отключили – воздушная тревога!»

Газета «Советский артист», 1985, 8 февраля

А.КУЗНЕЦОВА
писатель

ПЕВЕЦ ДУШИ НАРОДНОЙ

Война!..

Как это невероятно и вместе с тем реально!.. Словно в мир светлого ворвалось черное, рассвирепевшее чудовище, калеча все и уничтожая.

За окном так же пели птицы, светило солнце, но в жизнь сразу вошел необычный, новый ритм. Люди, суровые, сосредоточенные, спешили на свои места: на предприятия, в учреждения. Многие, захватив узелок с вещами, шли прямо на сборные пункты военкоматов. По радио передавалась героическая музыка, сломав все объявленные ранее программы, а Максим Дормидонтович сидел, напряженно ожидая еще каких-то объявлений...

До конца театрального сезона оставалось семь дней. Многие артисты, не занятые в спектаклях последней декады, считали уже себя в отпуске, но сегодня все собрались в театре. В зале возник митинг. В том зале, где обычно звучала музыка, сейчас раздавались слова гнева, клятвы верности Отчизне. Выступали актеры, режиссеры, рабочие. Многие тут же объявили о решении вступить добровольцами в ряды Советской Армии. Каждое выступление, каждое слово подчеркивало единство людей искусства со всем народом. Попросил слова и Максим Дормидонтович. Мгновение постоял молча...

Кто-то кашлянул. Михайлов все еще не находил нужных слов, как вдруг осенила мысль:

– Прошу все деньги, которые мне причитаются в связи с присуждением Государственной премии первой степени, зачислить в фонд помощи семьям погибших воинов. И еще я прошу записать меня в бригаду по обслуживанию призывных пунктов... Этих бригад еще нет, но они должны быть... А потом, когда будет надобность, отправить меня в действующую армию, чтобы выступать там перед защитниками нашей Родины. Прошу рассчитывать на меня в любом случае и при любой обстановке!..

Вечером шел спектакль «Иван Сусанин». Перед началом к Максиму Дормидонтовичу зашел Александр Иванович. И как-то странно было видеть его без спецовки, со свободными от париков и красок руками.

– Вот пришел... попрощаться... завтра на фронт...

Максим Дормидонтович крепко обнял друга, по русскому обычаю троекратно поцеловал, оставляя следы грима на лице самого художника-гримера.

В этот раз Максим Дормидонтович играл и пел Ивана Сусанина как-то по-особому; сегодня в его игру вошло что-то новое: он в самом себе ощущал ту силу, которая вдохновляет человека на героизм, презирая смерть. Эта сила – любовь к Родине!

Акт за актом проходил почти без аплодисментов. В темном, притихшем зале сотни людей были связаны невидимыми нитями с героем спектакля.

Может быть, это их мысли высказывает он? Стирая трехсотлетнюю давность, Сабинин призывает идти в ополчение, лечь за Русь.

Зажегся свет. Михайлов выходит за тяжелый парчовый занавес. Огонь все

 еще пылает в его груди. Если бы он мог вот так же, как Сусанин, совершить что-то большое для своей Родины! Он чувствует, что готов умереть за нее хоть сейчас, хоть сию минуту!..

Люди поднялись со своих мест, и опять протянулись связывающие их с исполнителем незримые нити. В напряженной тишине раздалась воинская команда:

– Бойцы части подполковника Ковалева, выходи строиться!

Максим Дормидонтович знал, что эта часть прямо из театра направляется на фронт, и крикнул со сцены:

– Счастливого вам пути, дорогие товарищи! Желаю победы над врагом! – и он запел «Интернационал». Легкие юношеские голоса подхватили гимн вначале робко, потом все увереннее. Максим Дормидонтович не заметил, как раздвинулся занавес, и к нему присоединились остальные участники спектакля: пел весь зал. Взмах дирижерской палочки – и вступил оркестр. Пели люди, сознававшие предстоящие трудности, но уверенные в победе, пели, прославляя свою Отчизну, для которой готовы были на все!..

* * *

Не светятся окна домов, не горят на улицах светофоры. С затемненными фарами пробегают автомашины. Москва темными глазницами окон смотрит во мрак. В вечерней тишине под мерцающими звездами раздается вой сирены. Жители столицы узнают о приближении вражеских самолетов. Над темным ночным городом полыхают зарницы орудийных залпов.

Москва в осадном положении!

В глубокий тыл направляются учреждения, предприятия, детские сады, ясли. Непрерывным потоком идут груженые машины. Поезда отходят один за другим. Заметно опустели дома, и во дворах не слышно веселого детского щебета.

Назначена эвакуация части труппы Большого театра. Максиму Дормидонтовичу пришлось задержаться, так как его дочь Валя находилась на оборонительных работах. В ожидании ее Михайлов по нескольку раз в день выступал на призывных пунктах перед отправлявшимися в армию москвичами, в госпиталях – всюду, где можно было петь!

Целую неделю как член месткома он эвакуировал детский сад и ясли. Домой возвращался очень расстроенный. На него необычайно действовал вид плачущих маленьких пассажиров. При них еще безжалостнее и нелепее казалось даже само слово «война».

Закончив эвакуацию, Максим Дормидонтович начал ездить на строительство оборонительных рубежей, где день и ночь десятки тысяч москвичей укрепляли подступы к любимому городу. В обеденный перерыв или после работы, ночью, он пел под баян вначале один, а потом вместе со всеми. Далеко разносился его могучий голос над ощетинившейся землей. Песня бодрила переутомленных людей...

Из Куйбышева, куда эвакуировали Большой театр, никаких вестей не было, потому Михайлов с отъездом и не торопился. Концерты в воинских частях, тесное общение с защитниками Родины в какой-то мере успокоили его.

Но вот как снег на голову – телеграмма о болезни и тяжелом состоянии сестры Александры Михайловны, проживавшей в городе Чистополе под Казанью. Решили, что Максим Дормидонтович заедет туда по пути в Куйбышев, куда отправит пока свою семью.

Весь путь до Чистополя его не покидало острое ощущение войны. Он видел два непрерывных потока людей: один – на восток, в тыл страны, – дети, старики, тяжелые обозы с оборудованием; другой – воинские эшелоны, машины, орудия, танки – к фронту.

В Чистополе Максим Дормидонтович выступил на митинге, где рассказал о Москве и москвичах, бодрых духом, уверенных в победе. Решил дать несколько концертов для чистопольцев, но в адрес городского Совета пришла телеграмма – Михайлова срочно требовали в Куйбышев для участия в первом спектакле начинающего там свою деятельность Большого театра.

В один из дней, когда Максим Дормидонтович пришел в театр, в хоровом зале уже шел митинг. Сквозь замерзшие окна светило яркое декабрьское солнце, заливая лучами весь зал, радостные лица артистов, столпившихся у репродуктора, из которого неслась весть о разгроме гитлеровцев под Москвой.

Мысли всех были с победителями! Уже второй раз диктор перечисляет трофеи, и кажется, что цифры все растут. На словах «Москва салютует защитникам Родины!» громкое «ура» оглашает вестибюль театра.

После короткой паузы, в которой слышны только радостные вздохи и дружеские поцелуи, по залу прокатывается: «Домой! Домой!»

Секретарю партийного комитета пришлось потратить немало усилий, чтобы доказать, что еще не настало время говорить о возвращении театра в Москву: впереди предстоят большие бои, большие испытания...

– Товарищи! Начнем репетицию, – призвал режиссер.

...В конце декабря Михайлова неожиданно вызвали в Москву для участия в новогоднем вечере.

В Москве Максим Дормидонтович в первый же вечер был приглашен на встречу мастеров искусств с гвардейцами, которая состоялась в Центральном Доме работников искусств.

После концерта Максим Дормидонтович вскоре выехал на фронт, но ему не удалось надолго покинуть тыл. Телеграммы директора театра, вызывавшие его в Куйбышев, нашли Михайлова под Можайском, где он выступал в воинских частях.

В июле следующего года Максим Дормидонтович отправился в Москву для участия в спектаклях филиала Большого театра, возобновившего работу силами молодых артистов вскоре после эвакуации основной труппы.

– Отпускаю вас только на два спектакля, – предупредил Михайлова директор.

Михайлов настойчиво просил отпустить его на фронт.

На фронте бригаду артистов приветливо встретил генерал Голиков. Гостеприимный хозяин просит всех размещаться и чувствовать себя как дома. В это время поблизости где-то очень неласково рявкнула пушка. Все переглянулись и весело рассмеялись.

Еще в Москве Максиму Дормидонтовичу при составлении программы советовали выбрать веселый репертуар, и он сразу же решил спросить генерала, стоит ли петь невеселую, как известно, арию Сусанина.

– Обязательно даже, – сказал тот. – Это героическая и светлая ария, не говоря уже о чарующей музыке!

Первый концерт состоялся на поляне большого леса. Ели и сосны стояли насупившись. Небо в просветах макушек деревьев – синее, безоблачное, и доносся-

 щиеся залпы звучат совершенно несуразным диссонансом. На поляне разместились вооруженные бойцы. Кажется, вот сейчас раздастся команда, и все, как один, ринутся в атаку.

«Сусанинский лес», – подумал Максим Дормидонтович и, не объявляя, запел:

Чуют правду...

Баянист, пристроившийся на футляре от инструмента, подхватил мелодию.

Ты, заря, скорее заблести.
Скорее возвести спасенья час для Руси...

Голос певца в чуткой тишине звучал бескрайне, сверкая обертонами, врываясь в душу волнующими словами:

В мой горький час, в мой смертный час!..

Тут же, не дожидаясь, когда смолкнут аплодисменты, Михайлов объявил: «Вдоль по Питерской!»

Эту веселую песню артист передавал на «большом серьезе», от чего она еще больше выигрывала:

Поцелуй-уй, поцелу-уй, да покрепче!

Это «покрепче» певец произнес на глубоких басах. Получилось очень весело. А на словах «кума-душечка» голос разлился во всю ширь русской удали.

Как только артист закончил песню, посыпались «заказы»: «Блоху», «Застольную», «Кончака...».

Концерты обычно шли до тех пор, пока зрители не подымались со своих мест по сигналу тревоги.

Ночевали в землянках или палатках. В обстановке фронта Максим Дормидонтович чувствовал себя гораздо спокойнее, чем в городе.

– Недаром говорит пословица, что на миру и смерть красна, – шутил он.

...Концерт почти на передовой. На большой поляне, окаймленной березками, разместились «делегаты» от подразделений, занимающих боевые рубежи. Из фанеры даже сделана небольшая эстрада. Ветер раздувает седеющие волосы артиста. Падают редкие капли дождя. Михайлов окинул взглядом своих слушателей. Кто они? Рабочие, колхозники, студенты – советские люди, сплоченные в громадную силу для отпора врагу.

Обычно Максим Дормидонтович начинает свой концерт небольшим вступлением, беседой со слушателями. В этот раз он вышел вперед и сразу, без музыки, запел:

Боевые знамена склоните
У священных могил дорогих.
Не забудет народ-победитель
Беззаветных героев своих...

Вначале он пел строго, собранно, но на фразе:

Никогда не забудут живые
Об ушедших друзьях боевых...

в мощном органном звуке голоса задрожала слеза, потом она скатилась из глаз, не оплакивающая, а гордая великим подвигом человека.

Вспомнят внуки и дети с любовью тех,
Кто душу за них положил...

Но вот минор песни переходит в мажор:

Знамя Отчизны святое...

Лицо артиста светлеет. Он поет гимн о своей Родине, прославляет героев, клянется за всех:

Не забудет народ-победитель
Беззаветных героев своих!..

Всей душой Михайлов чувствует, как слился с аудиторией, как стал с ней единым целым.

Уже давно умолк последний звук баяна, а солдаты все сидели неподвижно.

После паузы, давшей Михайлову успокоиться, он запел:

Ох, кабы Волга-матушка
Да вспять побежала...

Но его голос тут же заглушил сигнал воздушной тревоги.

Подбежавший майор предложил Михайлову уйти со сцены. Артист, видя, что все солдаты сидят на своих местах, махнул майору рукой и продолжал:

Ой, кабы можно было
Начать жизнь сначала...

Аудитория не выдержала, всплеснулась аплодисментами. Кто-то с места крикнул:

– Это фашисты голос Михайлова услышали, вот и прилетели!

Смех покрыл реплику.

Вечером командование предупредило Михайлова, что в подобных случаях следует выступления прекращать.

– Давайте условимся так, – ответил артист. – Если зрители будут уходить, я тоже; если же будут оставаться на месте – и я прятаться не стану!..

Ночь была неспокойная. Его бригада давно уже спит, а он все еще сидит на порожке землянки и вспоминает события истекшего дня. Они давали концерт в полевом госпитале; он видел, как двое сидевших рядом раненых коллективно аплодируют, пользуясь каждый единственной оставшейся у него рукой: один – правой, другой – левой.

Для тяжелораненых он выступал отдельно. В одной из палат пел летчику-лейтенанту, у которого не было ног и одной руки. Увидел бледное, совсем детское лицо – и в душе у него все перевернулось.

Перед концертами Максим Дормидонтович, как возглавлявший бригаду артистов, рассказывал бойцам о том, что делается в Москве, о патриотических делах в тылу. По мере того, как день ото дня он стал все глубже входить во фронтовую жизнь, его выступления пополнялись фактами о героических подвигах бойцов и офицеров.

Артиллеристы принимали народного артиста с таким искренним теплом и провожали с такой благодарностью, что Максим Дормидонтович еще раз подумал: «Не зря так рвался на фронт. Выступления артистов доставили этим людям, каждый из которых – герой, минуты настоящей радости».

У танкистов Максим Дормидонтович давал концерт накануне фашистской танковой атаки. Концерт был в большой палатке – столовой. К началу концерта палатка заполнилась до отказа. Михайлов видел перед собой благодарные глаза солдат. Видел, как отражались на обращенных к нему лицах все перемены настроения в песнях: то печаль, то смех, то радость, то надежда.

Максиму Дормидонтовичу сообщили, что в Москве собираются возобновить

 спектакль «Иван Сусанин». Это было и радостно, и до некоторой степени печалило: придется в скором времени покинуть фронтовых друзей.

К прощальному концерту он готовился с большим волнением. Коротким словом ему хотелось выразить свои переживания. Но все слова казались недостаточными. Песня – другое дело:

Великой державы союз благородный
Врагам не сломить и не смять никогда...
Славься, великая, славься, могучая,
Славься, Советская наша страна!

Он пел всем сердцем каждое слово песни.

С большой теплотой выражали воины благодарность артистам. Они говорили о радости, доставленной им в суровой, тяжелой фронтовой обстановке.

Командование наградило Максима Дормидонтовича Михайлова именным пистолетом и грамотой, а также отметило работу бригады специальным приказом.

Максим Дормидонтович быстро включился в жизнь города. Начались выступления в спектаклях, концерты в госпиталях, воинских частях, на фабриках и заводах. Он выступал сам и организовывал множество концертов в фонд обороны. Громадная работа шла неутомимо и на большом подъеме. Теперь уже этот бурный темп жизни каждый день подогревался радостными вестями с фронтов. Советские воины, перейдя в наступление, теснили фашистских захватчиков и освобождали один за другим родные города.

В эти радостные дни Максим Дормидонтович получил письмо с завода «Красный пролетарий» от кадровиков-рабочих. Рабочие писали: «Не раз мы слышали Вас раньше, часто слушаем Ваши выступления по радио, нам очень хотелось бы увидеть Вас у себя, послушать те песни, которые и мы когда-то певали...»

Михайлов шефствовал над заводом «Серп и молот», сдружился с его рабочими.

На другой день Михайлов выступил на заводе, в цехах, в обеденный перерыв.

К краснопролетарцам Максим Дормидонтович ехал с большой охотой, даже отказался от второго концерта в этот вечер в Колонном зале Дома союзов, что было не в его правилах.

В этот вечер Максим Дормидонтович выступал и на заводской клубной сцене и, как обычно, в цехе, когда узнал, что многие рабочие целыми сутками не отходят от станков.

Уже много месяцев в Москве отменена светомаскировка – небо столицы стало недосягаемым для фашистских стервятников. Хотя напряженные бои на фронте еще продолжаются, свет на улицах и в домах создает праздничную обстановку. Возвращаясь поздно вечером домой, москвичи останавливались перед каким-нибудь ярко освещенным домом, испытывая от одного этого зрелища большую радость.

После разгрома гитлеровцев под Волгоградом ощущение близкой победы стало еще явственней. На «полководческой» карте Михайлова красные флажки переместились уже кое-где за пределы родной земли: в Румынию, Польшу, оставив далеко в тылу страшный след, обозначавший последний рубеж обороны Советской Армии.

И вот наступил, наконец, долгожданный День Победы. Над рейхстагом взвил-

ся советский флаг. Гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала. Конец войне!

На фронтоне Большого театра вспыхнул транспарант: «Миру – мир!»

И хотя здание было еще в маскировочной краске, этот лозунг своим чистым дыханием, казалось, стирал все ожоги войны. Теперь уже зловещий голос сирены не прервет арии Ленского, танца маленьких лебедей...

В День Победы в Большом театре шла опера «Иван Сусанин». Для Максима Дормидонтовича участие в любимом спектакле в исторический день было большим событием. В памяти жили образы героев Великой Отечественной войны, которых он видел на фронте. Никогда еще не был так чувствителен контраст и единство зрительского зала со сценой. Новыми красками заиграл весь спектакль, стал еще глубже и понятнее патриотизм Сусанина. Хор Большого театра устами глинковских героев пел «Славу» советским богатырям!

В этот вечер после спектакля парчовый занавес не сомкнулся. После заключительных аккордов оркестра артисты, обслуживающий персонал и все, кто был за кулисами, вышли на сцену, чтобы в лице присутствовавших приветствовать и поздравить с победой весь советский народ.

Зрители, в свою очередь, как бы видя в лице артистов, выступавших в ролях русских патриотов, тех, кто в наше время не щадил своей жизни в борьбе за свободу и счастье Родины, выражали свой восторг и благодарность. Множество людей из зрительного зала поднялись на сцену; они обнимались и целовались с артистами, поздравляли друг друга с победоносным окончанием войны.

В зрительный зал потребовали Сусанина – Михайлова, его «сына» Ваню – Антонову, «дочь» – Шумскую. Когда они вышли в публику, раздались громоподобные аплодисменты и крики: «Ура великому советскому народу! Ура советским воинам!»

Артисты и зрители восторженно встречали мир, зарю нового счастья!..

А.Кузнецова. Повесть о народном артисте. «Московский рабочий», 1964

Е.ГРОШЕВА
искусствовед

О Е.К.КАТУЛЬСКОЙ

Интенсивно протекала творческая жизнь артистки и в годы Великой Отечественной войны. Большой театр был эвакуирован в Куйбышев. Однако некоторые его артисты не покинули Москву – трудно было расставаться с любимой столицей: кроме того, Москва больше, чем какой-либо другой город, нуждалась в артистических силах для обслуживания фронта, госпиталей, в выступлениях по радио.

Всю энергию Елена Климентьевна отдает творческой работе для победы. В суровые дни первой военной осени, когда враг рвался к стенам Москвы, когда одна за другой налетали вражеские эскадрильи и сеяли смерть и разрушение на улицах советской столицы, филиал Большого театра открывает свой сезон концертом с участием крупнейших мастеров вокального и хореографического искусства. Анонс театра обещает москвичам оперы «Севильский цирюльник», «Риголетто», «Травиата», «Демон», «Русалка», балеты «Бахчисарайский фонтан», «Коп-

 пелия», «Конек-Горбунок». Только в «Севильском цирюльнике» за этот период Елена Климентьевна выступила около полутора десятков раз. И вновь ее Розина, как и в прошлые мирные годы, своим лукавством, задором и изяществом вызывает улыбки на суровых лицах бойцов и командиров, доставляя им минуты отдыха и радости. Не раз случалось, что во время спектакля объявлялась воздушная тревога, и над Москвой разгорался воздушный бой. Но ни зрители, ни артисты обычно не реагировали на налеты воздушных пиратов. Розина продолжала свою ловкую игру с ревнивым Бартоло, добиваясь права на любовь и свободу, Дон Базилио с блеском пел знаменитую арию о клевете, а Фигаро и граф Альмавива торжествовали победу.

Параллельно со своей работой в театре Елена Климентьевна выезжает на концерты в прифронтовую полосу, в части, возглавляемые Рокоссовским, Коневым и другими военачальниками, выступает в госпиталях и на агитпунктах. За время войны Катульская спела свыше двухсот шефских концертов.

В 1942-1944 годах, когда в Москве возобновились открытые симфонические концерты, Катульская приняла участие в первом же из них, исполнив с А.И.Орфеновым под управлением Н.С.Голованова дуэт Чайковского «Ромео и Джульетта».

Елена Климентьевна поет и на открытии первого военного сезона Московской государственной филармонии в Доме ученых, исполняя Глинку, Чайковского, Рахманинова и др., принимает участие в камерных концертах, посвященных столетию со дня рождения Н.А.Римского-Корсакова, выступает в Центральном Доме работников искусств с творческими отчетами перед бойцами и командирами Советской Армии и т.д.

Голос Елены Климентьевны, особенно часто звучавший по радио в дни войны, достигает передовых позиций действующих армий.

Среди писем, пришедших к артистке с фронта от бойцов и командиров, мы находим и нарядные открытки, и скромные треугольники фронтовой почты, и наскоро вырванные из блокнота листки; все они содержат слова любви и благодарности артистке за ее пение по радио и щедрые подарки, которые она регулярно посылала на фронт.

Медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» были наградой за патриотический труд певицы. Почетный знак «Отличника здравоохранения» Елена Климентьевна получила за обслуживание военных госпиталей.

* * *

Дорогая товарищ Катульская... Нам дороги простые и искренние знаки внимания и участия, проявленные Вами, известной представительницей русского театрального искусства.

Мы не забудем этого! Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы сохранить свободу нашей Родины, нашего великого народа, нашу золотую русскую литературу и искусство...

Вы, товарищ Катульская, наша родная артистка. Мы будем счастливы снова услышать Ваш голос, Ваше имя, увидеть Вас.

Павел Милошин, Николай Талдыкин,
Павел Козоченко, Николай Соловьев.

(Из письма группы бойцов действующей армии от 11 сентября 1941 года.)

...В Вашем даровании счастливо сочетались прекрасный голос, исключительная музыкальность, благородство, тонкий вкус, большая культура и громадное мастерство.

Я горда и счастлива тем, что нас связывает долголетняя жизненная и артистическая дружба, что Вы – моя милая, скромная землячка и что в самые тяжелые дни, переживаемые нашей Родиной, мы были вместе в Москве и наши голоса звучали по радио на весь мир.

А.НЕЖДАНОВА, народная артистка СССР.

(Из речи, произнесенной на вечере, посвященном 35-летнему юбилею сценической деятельности Е.К.Катульской. Май 1944 года.)

Е.Грошева. Елена Климентьевна Катульская.
М., «Сов. композитор», 1973

Е.КАТУЛЬСКАЯ

О Н.А.ОБУХОВОЙ

Миллионы слушателей восхищались солнечным и жизнеутверждающим искусством Надежды Андреевны. Я убежденно называю ее искусство солнечным, потому что оно согревало души и сердца людей и призывало их к красоте и правде. Десятки раз слушаешь Надежду Андреевну и каждый раз воспринимаешь ее исполнительство как новое, свежее, глубоко волнующее своим богатством тембровых красок, филигранной отделкой, сердечной теплотой и проникновенной напевностью мелодии. В самом звуке голоса Надежды Андреевны заложено покоряющее слушателя очарование. Когда Надежду Андреевну называют «чародейкой вокального искусства», это определение является вполне справедливым.

Ярко вспоминаются и наши выступления для фронта по радио в суровые дни Великой Отечественной войны, когда мы выходили из бомбоубежища в нашем доме (по улице Неждановой, № 7, где Надежда Андреевна прожила более 25 лет) и темными вечерами добирались пешком на радио, несмотря на угрозы воздушного нападения. Приходили точно к назначенному часу, для того чтобы выполнить наш долг, чтобы нашими песнями воодушевлять защитников Родины, чтобы передать им нашу любовь и все лучшее, чем мы владели.

В один из таких вечеров мы почувствовали страшную силу взрыва, нам показалось, что часть нашего дома разрушена. Когда после «отбоя» вышли из бомбоубежища, чтобы к назначенному часу быть на радио, то в 70 шагах от нашего бомбоубежища увидели груду развалин большого дома, который в несколько секунд был разрушен немецкой бомбой... В этот вечер мы особенно остро почувствовали ужасы войны, героизм и страдания нашего народа. Трудно было выразить наши чувства словами. Мы всю дорогу молчали. И в этот вечер Надежда Андреевна, как всегда, лишь более творчески взволнованно, замечательно исполняла для бойцов романсы Чайковского и русские народные песни. Такой я знала советскую патриотку – певицу Обухову.

Посвящается Н.А.Обуховой

Пылает мир в огне, жизнь кровью залита,
Текут по всей земле кровавые потоки;
Но голос бархатный, и нежный, и глубокий,
Поет о том, что есть на свете красота.
Летит он над землей, звучит везде в эфире,
Как солнца яркий луч, он прорезает тьму,
Он говорит о том, что будет счастье в мире,
Что победит любовь, и верим мы ему.
Измученных людей надеждой он ласкает,
И бодрость новую вливает в грудь бойца,
И в наши от войны усталые сердца
Волшебной лаской проникает.

Т.Л.ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК,
сидя у радио 16 июня 1942 года

Надежда Андреевна охотно и щедро выступает на многочисленных шефских концертах, поет для товарищей, поет в больницах, школах, клубах... Особенно много пела она в дни войны в госпиталях, для раненых, никогда не отказываясь от приглашений. Медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и «За оборону Москвы» вполне ею заслужены.

Я, да и все, жившие тогда в Москве, не забудут грозные зимние дни 1941-1942 годов. Москва была фронтом. Все остававшиеся в столице работали и под вой тревожных сирен, под грохот авиабомб и треск зениток, твердо зная, веря, что Москва устоит! Эта уверенность помогала жить, забыв все мелкое, все личное. И была большая волнующая удовлетворенность в сознании, что мы все – и пожилые, и больные, и слабые – делим опасность с защитниками Отечества, своим трудом помогая Родине. В те дни радио ни на минуту не прекращало своей деятельности. Над затемненным городом в зимние морозные ночи плыли сладостные звуки Чайковского, торжественные хоралы Баха, народные песни... И мы знали, что их слушают на фронте, который в те времена подходил совсем близко к городу.

Среди звучавших из мрака голосов был один... Первые глубокие бархатные ноты, как яркие лучи света, проникали сквозь густую тьму. И легче становилось дышать, и смягчались измученные сердца. Этот голос принадлежал Надежде Андреевне Обуховой.

Он раздавался по всей необъятной стране: он долетал до ледяного Заполярья, звучал в кавказских аулах, его слушали бойцы на Смоленщине, моряки Балтийского и Черного морей...

В Радиокомитет приходили письма от воинов с просьбой: «Пусть поет Обухова!». Отовсюду в ответ на ее песни летели письма к ней. Как-то Надежда Андреевна показала мне пачку этих писем: их сотни – красивые послания с цитатами из поэтов и глубокими мыслями и каракульки с орфографическими ошибками, но все они говорят об одном: о том, что в пяти словах высказал один из корреспондентов певицы, моряк-черноморец: «Пение Обуховой помогает нам жить!».

Близкое знакомство с этой изумительной артисткой заставило меня полюбить ее и как человека, оценив ее очаровательную простоту, доброту и полное отсутствие позы.

Я очень много писала о ней для радио, для Совинформбюро, для разных современных журналов и газет, и вот между нами установилась своеобразная связь. Мне стали писать незнакомые читатели, спрашивать о ней – «какая она?» – просили передать ей свою благодарность. Также писали ей обо мне, и у читателей, и у радиослушателей наши имена невольно повторялись вместе...

Я люблю и ценю Надежду Андреевну не только как человека и как великого мастера пения, я ценю в ней и большую общественную деятельницу, так как считаю ее пение именно общественной деятельностью. Тысячи писем к ней со всех концов Союза повторяют почти одно и то же: «Ваше пение помогает нам, оно дает нам силы на жизнь, на творчество».

Действительно, такое совершенное творчество, как Обуховой, внушает каждому желание достижений в своем творчестве, каково бы оно ни было, – будь это труд стахановца, шахтера или профессора... Ибо всякий труд и всякое ремесло, когда к нему относятся с такой любовью, как Надежда Андреевна к своему, – становится искусством, как, наоборот, – искусство без любви к нему делается ремеслом.

Сейчас Надежда Андреевна, как и вся наша страна, живет одной мыслью о мире, и вот у меня просится на бумагу стихотворение, посвященное ей:

Надежде Андреевне Обуховой

Включили радио – и голос Твой запел...
Вот сказка наших дней – фантазии предел.
Он летит вперед, как мысль, преград не зная,
Оставив за собой простор родного края.
И слушает его наш темнокожий брат,
И в дальней Азии измученный солдат.
Он несет с собой надежды, обещанье,
Смягчает тяжких дней суровое молчанье.
Над безднами в горах, над морем, над тайгой
Проносит для людей Твой голос дорогой.
Здоровый и больной, и молодой, и старый –
Равно все чувствуют волшебных звуков чары.
В одно сливаются все мысли и мечты
И отрываются от мрачной темноты.
Искусство – светлый дар, всеобщее богатство,
Оно в себе несет любовь, и мир, и братство,
Где песнь его звучит спокойна и светла,
Там ненависть молчит, там нет победы зла,
И звуки чудные, летя вперед в эфире,
Поют о красоте, о счастье и о мире.

8 ноября 1942г. Москва

Во время войны мы выезжали на фронт с бригадой артистов. Надежда Андреевна была вместе с нами. Был и Матвей Иванович Сахаров. И вот мы прибыли в военный лагерь. Концерт прошел своим чередом, и после него нас пригласили поужинать вместе с гостеприимными хозяевами. Во время ужина Матвей Иванович обратился к Надежде Андреевне: «Спойте, Надежда Андреевна», и пошел к роялю. Надежда Андреевна не заставила себя упрашивать и начала петь. И сразу все изменилось. Уже никто ничего не ел и никто ничего не пил. Все ощутили, что в комнату вошло что-то особенное, – таковая была сила подлинного искусства. И я чувствовала что-то необычное, а ведь сама причастна к искусству и знала Надежду Андреевну уже очень давно, но и я была захвачена. А Матвей Иванович составлял с Надеждой Андреевной замечательный ансамбль, ведь почти все ее вещи он знал наизусть и понимал ее с полуслова.

Е.Н.ГОГОЛЕВА

Когда думаешь о Надежде Андреевне Обуховой, нельзя не вспомнить и о ее гражданском подвиге. Да, это было так. Годы Великой Отечественной войны. Самые тяжелые, самые страшные первые годы фашистского нашествия. Многие учреждения и театры эвакуированы. Уехали по распоряжению правительства и Малый театр – в Челябинск, и Большой – в Куйбышев. Москва опустела. Надежда Андреевна Обухова осталась в Москве. Ежедневные налеты фашистской авиации, бомбежки по нескольку раз в день, скудные пайки, ибо все тогда было для фронта. Тяжелые, мрачные дни. Отступление армии, гибель близких, разорение родной земли, нечего греха таить, иногда и неуверенность, а порой и безнадежность. Мучительное время, смутное время.

И вот, пробираясь под бомбежкой темными заснеженными улицами, Н.А.Обухова идет на радио, и по всей затаившейся Москве, по всей в горестном оцепенении замершей земле советской льется ее широкий, чарующий голос. Русские старинные романсы, советские песни мощными волшебными звуками несутся из репродуктора. Поет Обухова! Передача из Москвы! Расправляются сгорбленные спины, поднимаются поникшие головы, блестят глаза. Из Москвы поет Обухова, из родной нашей советской Москвы льется уверенная, спокойная песня, звучит глубокий, полный жизни, полный силы голос Обуховой.

Сколько бодрости и радостной надежды вливал в сердце этот голос! Нет, не может быть поражения, не отдадим родную Москву, будет, будет победа, если так властно, так беспредельно льется русская песня советской женщины, советской артистки, и как бы тяжело ни было в эвакуации, как бы ни тосковали о доме, какой бы болью ни сжимались сердца за далеких близких, там, в огне сражений, голос Надежды Андреевны совершал чудо, внушал веру в недалекое лучшее будущее, давал силу для борьбы, для труда, для жизни. Для всех нас, штатских людей, для беженцев и эвакуированных, для рабочих и служащих тыла, для всего советского народа.

Но особое место среди советских людей занимают во все времена – а в годы Великой Отечественной войны особенно – наши защитники, наши героические советские воины, наша родная армия. Трудно описать, чем была для этих мужественных, бесстрашных людей песня Обуховой, услышанная ими где-то на затерянной Малой земле, в тесной холодной землянке, в лазаретах и госпиталях. Имя

Обуховой было так любимо, так дорого советским воинам; ведь надо только на минуту представить себе: маленькая горсточка партизан в тылу у врага где-нибудь в лесу, зарывшись в землянках, слышит Москву, Родину, слышит вольные, чудесные песни Обуховой. Значит, врут разбрасываемые фашистами листовки – Москва стоит. Москва советская неколебима – голос Обуховой говорит это. Сколько светлой радости, ласкового родного тепла несет Обухова.

А на Большой земле, в короткие передышки перед боем, бойцы собрались в блиндаже, готовятся к завтрашнему наступлению. Послушать разве еще разок Москву? И вот льется песня Обуховой, такая знакомая, полная жизни и уверенности, и загораются глаза бойцов: будет завтра победа, должна быть! Ведь нельзя же отдать нашу песню, нашу душу, нельзя допустить, чтобы заглушили этот дивный обуховский голос. И сколько мужества, веры в победу вносила песня Обуховой в сердца готовых к битве бойцов!

А сколько подлинного счастья давали в годы войны выступления Н.А.Обуховой для раненых воинов! Как ждали ее в лазаретах, госпиталях, куда тоже под бомбежкой шла Надежда Андреевна, никогда не отказываясь от этих выступлений! И по радио по всей стране, во всех уголках, где выздоравливали отдавшие свою кровь Родине бойцы, где залечивали свои раны – и душевные, и физические – наши герои, звучал голос Обуховой. Ее проникновенное пение утешало страдания, давало передышку иногда, казалось, в непереносимых муках, давало покой измученному телу, истерзанной душе. Да что говорить, давало силы, жажду выздоровления, чудодейственную волю к жизни. Бесчисленное количество писем советских воинов, которые получала Н.А.Обухова, говорит о великой любви, о безграничной благодарности большой артистке, чуткой русской певице, красивому человеку, бесконечно родной женщине Надежде Андреевне Обуховой.

В день двадцатилетия начала Великой Отечественной войны мне довелось присутствовать на заседании, посвященном этой знаменательной дате в Театре Советской Армии. Зал был переполнен военными. Была и молодежь, не знавшая великих лет войны. Выступали участники боев, делились своими впечатлениями. Когда было произнесено имя сидевшей в президиуме Надежды Андреевны Обуховой – горячие, долго не смолкавшие аплодисменты зазвучали в зале. В них сказались громадное уважение, преклонение и от всего сердца идущая благодарность огромному таланту, большой душе, подлинно народной артистке – гражданке Советского Союза, настоящей патриотке своей Родины Надежде Андреевне Обуховой.

Были зачитаны письма, присланные Надежде Андреевне с фронта.

Вот два из них:

«г.Москва, народной артистке СССР Н.А.Обуховой. Радио.

От бойцов и командиров шлем горячий привет. Поздравляем Вас с великим праздником 1-го Мая. Слушая ночной первомайский концерт, в котором Вы исполняли «Вальс», особенно имеет отличные отзывы и любовь у бойцов. Мы гордимся Вами, Надежда Андреевна, за Ваш богатырский талант. По сути дела, Вы тоже смертельно истребляете немецко-фашистских захватчиков, вливая в нас бодрость, силу, с которой мы с Вами и несем победу над врагом. Еще раз благодарим за Вашу такую боевую службу, бодря и веселя нас.

Пожелаем Вам плодотворных успехов, силы и здоровья для блага нашей Родины.

Подписали за всех старшина Федченко и ст. серж. Заяц

Наш адрес: полевая почта 17836 Г».

«6 декабря 1944г.

Москва, Большой театр. Народной артистке СССР Обуховой Н.А.

Многоуважаемая Надежда Андреевна!

Пишу по поручению группы боевых товарищей Действующей Армии.

Сегодня после тяжелой, напряженной работы собирались у своего командира для получения очередных задач. В блиндаже было 12 человек. Когда кончили свою работу, наш командир сказал: «А теперь послушаем, чем живет Москва», и включил приемник. Сразу наш блиндаж оглушил шум бурных аплодисментов – Москва отдавала дань лучшей певице нашей Родины. Когда стих гул оваций, конферансье объявил: Надежда Андреевна исполнит арию Далилы.

Дорогая Надежда Андреевна! Если бы Вы знали, с каким напряженным вниманием слушали мы эту знаменитую арию. Никогда, нигде я не видел такого внимания, как на этот раз в нашей скромной боевой землянке. Возбужденные еще недавним шумом боя, сидели ветераны войны; их суровые лица, загорелые в пороховом дыму, смягчались, и все с восторгом слушали божественные звуки каждой мелодии вдохновенного художника.

Мы с упоением впитывали в себя каждую ноту Вашего чудесного голоса, Вашего совершенного бель канто... Весь вечер мы находились в таком приподнятом настроении, что трудно это все передать на бумаге...

Мы гордимся тем, что в нашей стране, которую мы грудью защищаем от жестокого врага, есть такие великие артисты. Спасибо Вам, дорогая Надежда Андреевна, за то высокое наслаждение, которое мы получили от Вашего блестящего концерта. Это воодушевляет нас на новые ратные подвиги, на новые победы.

Завтра, идя в бой, каждый из нас вспомнит, какое великое искусство он защищает, и с удесятеренной силой обрушится на последние форпосты противника. Каждый из нас будет лелеять мечту, что недалек тот день, когда мы сможем услышать и увидеть Вас на лучших сценах нашей любимой Родины.

Берегите себя, Надежда Андреевна, свое здоровье, свой неповторимый голос.

Спасибо Вам, дорогая Надежда Андреевна, тысячу раз спасибо!!

С боевым приветом, по поручению группы воинов Красной Армии

Капитан ЖАДЬКО А. Адрес п./п. 06432».

З.В.ДЗЕМЯНКО

Мне пришлось встретиться в Тамбове с женщиной, знавшей Надежду Андреевну. Во время войны она была мобилизована на трудовой фронт. Зимой в жестокий мороз она попала под лошадь, и ее доставили в саратовский госпиталь с переломом обеих ног и ключицы. В это время в Саратов приехала Н.А.Обухова, чтобы дать несколько концертов в госпиталях. Она пела в палатах, где лежали бойцы, прикованные к постели. После одного из своих выступлений Надежда Андреевна стояла внизу, окруженная медицинским персоналом. В это время на лестнице появился человек. В левой руке он держал костыль и гитару, а обрубком правой руки играл. Но как играл!

Увидев его, певица отошла от группы, окружавшей ее, и стала подниматься по лестнице ему навстречу. Она взяла у него гитару. Вблизи оказался диван. Надежда Андреевна и раненый боец сели, и она тихо запела, аккомпанируя себе на гитаре. Кольцо вокруг них все увеличивалось и увеличивалось. Все, кто мог,

выходили из палат, и когда она кончила петь, раздались шумные аплодисменты.

Надежда Андреевна обратила внимание на женщину с костылями, которая, слушая ее, плакала. Певица подошла к ней, ласково обняла и стала расспрашивать, какое у нее горе. Та растерялась. В грубом халате, в косынке на остриженной голове она выглядела непривлекательно, но Надежда Андреевна была так ласкова, так внимательна, что волнение больной улеглось. Она стала рассказывать о себе. Артистка поцеловала ее, просила не падать духом, писать ей в Касимов и обещала помочь.

Надежда Андреевна сдержала слово: она писала и посылала денежные переводы.

Так своей большой любовью помогала она людям находить силы, чтобы преодолевать трудности.

Среди писем военных лет были письма молодого моряка Александра Сирченко. На последнем письме надпись рукой Надежды Андреевны: «Погиб и похоронен в море». Как-то она вспомнила военные годы и тот день, когда ее квартира стала похожей на кают-компанию, пришли друзья Александра, чтобы вместе с ней вспомнить погибшего товарища.

С.П.ШУР

Вдоль крепостной стены бывшего Новодевичьего монастыря – рядом с одной из башен – могила. Ровно год назад, 17 августа 1961 года, здесь погребли великую народную певицу Надежду Андреевну Обухову. С того памятного дня не увядают цветы на ее могиле, не прекращается паломничество многочисленных почитателей ее неповторимого таланта.

Вот и сегодня, в первую годовщину со дня смерти Обуховой, сюда сходятся люди. Идут в одиночку и целыми группами.

Здесь не одни москвичи – есть приезжие из разных концов страны: Киева, Ленинграда, Тамбова, Казани, Горького.

К могиле подходит пожилой человек в очках, с суровым и печальным лицом. Он долго всматривается в портрет Надежды Андреевны, потом обводит взглядом собравшихся и говорит:

– Вот мы здесь, почитатели Обуховой, стоим, смотрим на ее могилу, на ее лицо, вспоминаем о ней... Но что такое Обухова? Кто знает? И кто сможет объяснить?.. У нас немало талантливых людей, немало замечательных певцов и певиц...

Он останавливается и, немного помолчав, продолжает:

– Но... Обухова!.. Обухова – одна!.. Здесь вспоминали о ней люди, которые имели счастье видеть ее, говорить с ней, были ее друзьями... Я никогда не видел Обухову. Но то, что я знаю о ней, никогда не исчезнет из моей памяти... И я хочу рассказать вам, при каких обстоятельствах была у меня незабываемая встреча с Обуховой... Конечно, не с ней самой, а с ее искусством.

Он опять замолкает, снова поднимает глаза ввысь и продолжает:

– Дело было двадцать лет назад, на одном из фронтов Великой Отечественной войны. Я служил тогда военным врачом... Однажды в наш санбат, который был недалеко от передовой, привезли тяжелораненого офицера. Жизнь его висела на волоске. Необходима была срочная операция, а шансы на благополучный исход были ничтожны. Я решил сказать ему об этом, не скрывая ничего. Он, не

 задумываясь, ответил: «Согласен, режьте!..» В таких случаях, когда нет уверенности в удаче, мы, врачи, обычно спрашиваем больного, какие у него пожелания и поручения. Я ждал обычного в таких случаях ответа. Но услышал то, от чего и я, и все, кто был поблизости, остолбенели. Офицер на минуту задумался, потом твердо проговорил: «Я хотел бы услышать Обухову...».

Я тут же отдал распоряжение. Была срочно установлена связь с ближайшим городом. И вскоре офицер и все мы услышали по радио хорошо знакомый, всеми любимый голос Обуховой. На радио, как видно, поняли нас и подобрали то, что надо: несколько народных песен, «Сомнение» Глинки... И все время, пока Обухова пела, мы стояли вокруг постели капитана, и слезы текли из глаз не только сестер и санитарок. А он как будто забыл о своей мучительной боли, лежал неподвижно, и глаза его блестели, все лицо светилось, и я готов поклясться – он чувствовал себя в эти минуты счастливым...

Когда радиопередача окончилась, все было быстро подготовлено к операции... Ну вот и все, товарищи... Что еще сказать вам?.. Операция прошла удачно, жизнь офицера была спасена, и мы скоро эвакуировали его в тыл... Что с ним стало потом – не знаю. Но долго еще после этого случая мы вспоминали о нем и называли его «наш обуховский капитан»... Вот и вся история... А теперь подумайте и скажите: что же такое Обухова?

Думаю, что офицера спасло не только искусство хирурга, но и то душевное состояние, которое принесло раненому пение Обуховой...

Н.А.Обухова. Воспоминания. Статьи. Материалы. М., ВТО, 1970

М.ЭТИНГЕР
критик

МАКСАКОВЫ И АСТРАХАНЬ

О М.П.Максаковой

В тяжелое время начала Великой Отечественной войны Максакова с маленькой дочкой приехала в Астрахань. Осенью 1941 года на улицах Астрахани начали появляться афиши, приглашавшие на концерты группы артистов, прибывших из других городов.

Наиболее крупным событием для города в дни Великой Отечественной войны стала организация оперного театра под художественным руководством М.П.Максаковой. Около двух лет существовал этот коллектив, причем первых полтора сезона – при непосредственном участии замечательной артистки в качестве режиссера-постановщика и исполнительницы главных ролей. В итоге Астрахань имела свой собственный оперный театр в труднейшие годы войны с фашистской Германией. Это вполне закономерно.

Напряженным в творческом отношении оказался первый сезон работы оперного коллектива. Он открылся в январе 1942 года «Евгением Онегиным», данным в зале Дома партийного просвещения. Максакова, сообразуясь с крайне ограниченными материальными возможностями, решила спектакль в камерном плане. Массовые эпизоды были частично сокращены. Поскольку не удалось собрать полный состав оркестра (особенно не хватало духовых инструментов), пришлось ограничиться немногочисленной струнной группой и двумя фортепиано. Тем не менее постановка прошла удачно и пользовалась значи-

тельным успехом. Впоследствии в репертуар Астраханской оперы вошли также «Пиковая дама», «Русалка», «Риголетто», «Травиата» и другие классические оперы. Помимо основной сценической площадки в Доме партийного просвещения использовалось и помещение драматического театра, а затем и Театр юного зрителя. Периодически давались сборные программы, в которые входили сцены из «Царской невесты», «Бориса Годунова», «Аиды», «Кармен».

Состав труппы включал по преимуществу местных артистов-педагогов музыкального училища, а также наиболее одаренных любителей. Кроме того, здесь работали и эвакуированные певцы из Москвы, из оперного театра в Донецке. Украшением коллектива был отличный тенор Д.Тархов - солист Всесоюзного радио. Он выступал в лирическом и драматическом репертуаре. Новой работой Максаковой в Астрахани явилась Тоска - партия, написанная для драматического сопрано и тем не менее прекрасно исполненная артисткой.

Впоследствии Максакова с законной гордостью вспоминала, что за полтора сезона ее руководства астраханской оперой было осуществлено двенадцать постановок. Разумеется, такая напряженная творческая работа оказалась возможной потому, что были максимально использованы все «ресурсы». В спектаклях, в частности, выступали астраханцы - солисты и артисты хора, работавшие когда-то с М.К.Максаковым. Мария Петровна высоко оценивала дирижерскую работу астраханского скрипача Г.Цейхенштейна, который ранее руководил симфоническим оркестром при Астраханской филармонии. Не менее лестно отзывалась Максакова и о старейшем астраханском музыканте Ф.Дерюжкине - хормейстере оперного коллектива. Тепло высказывалась артистка и о концертмейстерах - пианистах М.Иконицкой, А.Мышкиной.

Едва ли не важнейшей чертой астраханской оперы под руководством Максаковой было то, что значительная доля выступлений приходилась на шефские спектакли и концерты. Сбор от многих представлений целиком передавался в Фонд обороны, а бессчетное количество концертов, программы которых состояли из оперных фрагментов, давались в госпиталях, занимавших в то время все самые крупные здания города (напомню, что вблизи Астрахани находился южный участок Сталинградского фронта). Непосредственная работа Максаковой на этом поприще была отмечена в специальных приказах по Астраханскому окружному отделу искусств и Астраханскому военному округу (в декабре 1943 года). Таким образом, именно в родном городе продолжалась военно-шефская деятельность Максаковой, сделавшая ее одной из самых популярных и любимых артисток в среде воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Сб. «Мария Петровна Максакова». Воспоминания. Статьи. М., «Сов. композитор», 1985

Л.ЛУБЕНЦОВА
солистка оперы

В ГОДЫ ВОЙНЫ

О В.Я.Лубенцове

Шло время, неумолимо приближаясь к роковому 1941 году, а пока текла обычная, творческая, трудовая, общественная жизнь со всеми ее сложностями, радостями и неудачами.

Великая Отечественная война!

В эти тяжелые годы мы с мужем, заслуженным артистом РСФСР Андреем Семеновичем Фирсановым, работали в Свердловском театре оперы и балета имени А.В.Луначарского.

Первоначально предполагалось, что Большой театр эвакуируется в Свердловск. Поэтому осенью 1941 года многие артисты театра перевезли свои семьи на Урал. Отец тоже привез маму к нам, а сам, вызванный телеграммой, поспешил обратно в Москву.

Долгое время от него не было никаких вестей. Мы ужасно волновались, потом узнали, что часть труппы Большого театра эвакуирована в Куйбышев. Ходили чудовищные слухи о крушении состава, в котором ехал в Куйбышев коллектив, говорили, будто бы все погибли. Это были тяжелые, черные дни в нашей жизни. Частично слухи не были лишены основания. Немцы действительно бомбили состав, но только тот, в котором везли декорации и другое театральное имущество. Наконец, после тягостного ожидания, мы получили от отца телеграмму: «Жив, здоров, нахожусь в Куйбышеве, целую».

Из воспоминаний Шмелькиной М.С.:

– Поначалу в Куйбышеве всех работников Большого театра расселили по школам. Жили все вповалку, в больших классах, отделившись, как могли, друг от друга простынями, одеялами. Скоро, правда, началось расселение. Василий Никитич Лубенцов и Александр Шамильевич Мелик-Пашаев, мой муж, получили на двоих маленькую комнатку в общей квартире одного из домов.

Среди зимы 1942 года многие артисты и их родственники, попавшие в силу обстоятельств в Свердловск, получили возможность переехать в Куйбышев.

Нас набрался целый вагон. Я ехала с маленьким сыном, со своей сестрой и матерью Александра Шамильевича, рядом с нами – Евдокия Александровна Лубенцова и другие.

Явились мы к нашим мужьям неожиданно, глубокой ночью. Как сейчас помню Василия Никитича в белоснежной ночной сорочке с оборочками, как в лучшие мирные годы. Кое-как до рассвета расположились все вместе. На следующий день нашему семейству была выделена большая комната, а Лубенцовы стали жить вдвоем.

Так началась наша жизнь в Куйбышеве. Она текла, как обычно: классы, репетиции, спектакли, шефские концерты, бытовые заботы. В Куйбышеве все мы как-то сплотились, часто встречались, старались украсить наше общение, жизнь. Отмечали дни побед Советской Армии, удачные спектакли, маленькие семейные праздники.

Я лично, как могла, ежемесячно отмечала день рождения сына, а когда ему исполнился год, мы получили от Василия Никитича и Евдокии Александровны неожиданный подарок: серебряный столовый гарнитур – маленькую ложечку, вилочку и ножичек, «на зубок», как полагалось в старину...

За два года пребывания театра в Куйбышеве мы с Андреем Семеновичем несколько раз, не думая об опасности, летали на попутных транспортных самолетах к родителям, хотя в те дни немецкие разведчики долетали даже до Свердловска. На площади 1905 года был выставлен для обозрения немецкий самолет, сбитый нашими войсками под Свердловском. Но тогда как-то не думалось об опасности, казалось, с нами ничего не случится. И действительно, все обходилось.

Из воспоминаний Александровой Б.Л.:

– Время было трудное, подчас голодное – карточная система. Многие из работников театра, особенно технических цехов, нуждались, так как эвакуировались с иждивенцами, продуктов на семью не хватало. Я видела, как Василий Никитич Лубенцов и его жена по мере сил старались помочь этим людям, делясь с ними своим пайком. Хороший он был человек, Василий Никитич, жил не для себя, для людей.

Во время нашего пребывания в Куйбышеве мы как будто лучше узнавали друг друга, сроднились, как одна большая семья, ярче обозначились человеческие достоинства и недостатки.

Василий Никитич очень любил шутку, умел позабавиться, иной раз и пошутить, но делал это так мило, с такой непосредственностью, что на него невозможно было сердиться.

Помню, как он разыграл работников бухгалтерии. Дворец культуры, в котором мы работали в Куйбышеве, несмотря на свои большие размеры, не мог вместить все наше театральное хозяйство. Ведь нас было около двух тысяч человек: солисты, балет, хор, оркестр, технические цеха. Поэтому наша бухгалтерия помещалась в довольно тесной комнате, дверь которой выходила прямо на сцену. Нас, конечно, скрывали декорации, однако нам было отлично слышно все, что происходило там. Это было даже интересно. Иной раз мы прерывали свою работу и потихоньку выходили, чтобы из-за кулис посмотреть ту или иную сцену спектакля.

Однажды во время «Черевичек» к нам заглянул Василий Никитич в костюме Чуба, которого он пел в тот вечер. «А, Василий Никитич, – обрадовались мы, – сейчас пойдем Вас слушать!» «Да-да, поторопитесь», – ответил он и ушел. Когда же мы, в свою очередь, хотели выйти, чтобы послушать сцену «У Солохи», то обнаружили, что дверь нашей комнаты закрыта на ключ. Что было делать? Ключ торчал с той стороны, стучать мы не могли – ведь действие началось, и мы остались с носом. Когда же кончился акт, Василий Никитич открыл дверь и, хитро улыбаясь, спросил: «Ну, как я пел?» Мы, конечно, напали на него, но серьезно обижаться никак не могли, уж очень добродушное выражение лица было у нашего шутника.

Я не очень разбираюсь в пении, но когда пел Лубенцов, на душе становилось как-то хорошо, такой у него был приятный, проникающий в душу голос, да и каждое слово было ясно, разборчиво слышно и понятно.

В самое тяжелое для страны время отец подал заявление с просьбой принять его в ряды членов Коммунистической партии. Он верил в нашу победу, старался, как мог, приблизить ее. 12 августа 1942 года он был принят в члены КПСС.

К счастью, театру недолго было суждено пробыть в эвакуации. Летом 1943 года Большой театр возвращался в Москву. Это было время нашего отпуска, и мы с мужем как раз находились в Куйбышеве. Для работников театра был выделен огромный пассажирский пароход. Вместе с родителями ехали в Москву и мы. Это было радостное и счастливое время – разгром немцев под Сталинградом, возвращение в родную Москву, грядущая победа нашего народа в войне над фашизмом!

В 1941-43 годах спектакли Большого театра продолжали идти на сцене филиала по Пушкинской улице. И когда вся труппа воссоединилась, то сразу встал вопрос о спектаклях и на основной сцене.

Началась огромная, напряженная работа по восстановлению масштабных спектаклей. Репетировали «Ивана Сусанина», «Пиковую даму», «Кармен», «Аиду», а также оперу Россини «Вильгельм Телль», с успехом поставленную театром в эвакуации. Премьера оперы в Куйбышеве состоялась 8 ноября 1942 года, отец

 был занят в ней, он пел партию Мельхталя, отца одного из главных героев спектакля – Арнольда.

Из воспоминаний Петрова И.И.:

– Когда начались репетиции «Вильгельма Телля», я ближе познакомился с Василием Никитичем Лубенцовым и вскоре между нами установился дружеский контакт, несмотря на большую разницу в возрасте – ведь я был моложе его на 35 лет.

Вскоре мы вместе пели премьеру этой оперы на сцене Большого театра. Его Мельхталь, высокий, убеленный сединами старец, восставший против деспотизма Гесслера и за это заплативший жизнью, вызывал большие симпатии у зрительного зала.

...И вот мы снова с Василием Никитичем на репетиции – теперь оперы Гуно «Ромео и Джульетта». Василий Никитич пел партию пастора Лорана, а я – Капулетти. И здесь он был чрезвычайно выразителен. Статный, с мягкими и вместе с тем неторопливыми, уверенными движениями, его герой нес чувство добра, любви, дружбы, надежды.

Мы, молодые тогда артисты, любили петь в спектаклях с Лубенцовым. В нем не было никакого премьерства, он был прекрасный артист и необыкновенного обаяния человек – настоящий представитель русской советской интеллигенции.

Великая Отечественная война близилась к концу. Наши города и села освобождались от вражеских полчищ. Все чаще и чаще звучали в Москве победные салюты в честь советских воинов-освободителей.

Из воспоминаний Славинской Е.М.:

– Хочу вспомнить об одной встрече Нового года в доме Лубенцовых. Жили они тогда на улице Москвина, в театральном доме, который примыкал к художественным мастерским Большого театра. В тот незабываемый предновогодний вечер настроение у всех было отличное. Еще бы! Ведь это была встреча 1945 года. Война шла к концу, и радость грядущей победы переполняла наши сердца.

Однако, несмотря на то, что враг уже был далеко от Москвы, затемнение еще не было отменено, и мы не ощущали дневного света в квартире. Праздничный стол был накрыт искусными руками Евдокии Александровны. На столе было все, что только можно было достать в то время на московском рынке.

Двери гостеприимной квартиры Лубенцовых были открыты настежь: заходи, кто хочешь, все свои!

Народу было много, здесь были и свои гости, и соседи, и гости соседей. Все танцевали, пели, ходили хороводом по этажам – словом, царило веселье, праздничное оживление и настроение. На кухне что-то жарили, варили, ели, пили, а когда немного угомонились, устали и подняли, наконец, маскировочные шторы, включили радио, то с изумлением узнали, что наступило утро – утро 2 января 1945 года, а мы и не заметили. Да, это был действительно праздник!

Л.Лубенцова. Повесть об отце. М., 1990

Алексей ИВАНОВ
солист оперы

ОБ А.С.Пирогове

1941 год. Началась Великая Отечественная война, многие работники Большого театра ушли на фронт. В октябре правительство решило эвакуировать театр в Куйбышев. Артисты уезжали туда железной дорогой, тремя эшелонами. Братья

Пироговы – Александр и Алексей – с семьями воспользовались водным транспортом и от южного порта Москвы буксирным катером доплыли сначала до Рязани, а оттуда, пересев на пароход «Большой театр», добрались до места назначения. Ни на минуту не допуская возможности сдачи Москвы немцам, уезжать в эвакуацию они не хотели. Для этого потребовалось специальное распоряжение.

Потрясение первых дней войны, тяготы эвакуации отразились на здоровье А.С.Пирогова, он серьезно занемог, и болезнь надолго приковала его к постели. Выглядел он подавленно, жаловался друзьям на упадок сил; кроме того, его старшие братья – Григорий и Михаил – умерли в возрасте сорока шести лет, и Александр Степанович считал его роковым.

– Вот и мой срок приближается, – часто угрюмо говорил он. – Если переживу его – значит, буду жить долго...

Но в конце концов тягостные мысли были оставлены: привычка к труду, строжайшая самодисциплина вернули певца к жизни, и, превозмогая болезнь, он начал выступать в концертах по куйбышевскому радио, записывать на пластинки произведения военной тематики. Правда, оперные спектакли еще долгое время были ему не по силам.

В Куйбышеве Большой театр работал с полной творческой отдачей: готовились новые премьеры, одной из которых стала опера Дж.Россини «Вильгельм Телль». Выбор не был случайным – сказалась общая для всех тяга к героике, теме народного протеста. Правительство высоко оценило эту постановку, осуществленную в трудных условиях, присудив театральному коллективу Государственную премию. Александр Степанович внимательно следил за подготовкой спектакля, давал советы участникам и вместе с ними радовался удачам.

Война предъявляла особые требования к творческим работникам – создателям активного, жизнеутверждающего, реалистического искусства, искусства партийного, народного, которое должно было поддерживать дух миллионов советских людей в годы, когда решалась судьба Отечества. Оно являлось тоже своего рода оружием против врага, так как вселяло уверенность в победе.

Оставшаяся в Москве небольшая часть труппы Большого театра вскоре объединилась в филиал ГАБТа и приступила к восстановлению старого и подготовке нового репертуара. Для укрепления московской группы Комитет по делам искусства вызвал из Куйбышева нескольких артистов, и летом 1942 года в Москву возвратился художественный руководитель театра дирижер С.А.Самосуд, а чуть позже В.В.Барсова, М.О.Рейзен, П.М.Норцов и другие. Александр Степанович приехал в столицу после работы с концертной бригадой на фронте.

Осенью, когда страна отмечала 25-летний юбилей Октябрьской революции, в столице уже находились многие ведущие артисты. В это время Д.Б.Кабалевский начал писать для Большого театра новую оперу «Под Москвой», или, как впоследствии она стала называться, «В огне» – об исторической битве, ознаменовавшей начало военного перелома в ходе Великой Отечественной войны. 19 сентября 1943 года в филиале Большого театра состоялась премьера спектакля, в котором автору этих строк была поручена роль комиссара. Александр Пирогов, несмотря на огромное желание создать на сцене образ защитника Родины, из-за болезни не смог принять участие в этой интересной экспериментальной постановке, ярко рисующей недавние грандиозные события.

Но, не имея возможности петь на сцене, Пирогов не прекращал творческой

 деятельности и выступал с концертами, правда, чаще по радио. Взволнованно и проникновенно исполнял певец «Балладу о капитане Гастелло» В.Белого, воспевавшую бессмертный подвиг героя-летчика, монолог «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», написанный Ю.А.Шапориным на стихи Константина Симонова, участвовал в оратории Шапорина «Сказание о битве за русскую землю».

Голос Александра Пирогова - патриота и гражданина - в годы Великой Отечественной войны звучал призывно и вдохновенно. Артист находился в едином строю со своим боровшимся с захватчиками народом. Государственную премию, впервые полученную им в 1943 году, он перечислил в фонд обороны.

Еще в 1943 году, сразу после создания первой редакции оперы С.С.Прокофьева «Война и мир», Александру Пирогову была предложена роль Кутузова. Я должен был готовить партию Андрея Болконского.

Идея постановки «Войны и мира» на сцене Большого театра принадлежала С.А.Самосуду, тогдашнему его художественному руководителю, и вначале не вызвала одобрения театральной общественности. Во-первых, считалось, что музыкальный язык Прокофьева далеко не адекватен языку великого романа. Во-вторых, композитора, постановщика и весь творческий коллектив упрекали за посягательство на гениальное произведение, которое-де ни в коей мере не уложится в рамки оперного либретто», а если и уложится, то в ущерб содержанию. В-третьих, трудно было представить героев Льва Толстого поющими... Одним словом, высказывалось много всяческих предостережений. Самосуд вскоре был переведен в Ленинград и назначен главным дирижером Малого оперного театра. Новое руководство в Москве не включило оперу в текущие планы, делая основной упор на пересмотр классического репертуара. Тогда Самосуд, уже проведший несколько репетиций спектакля, решил поставить «Войну и мир» в концертном исполнении.

Премьера состоялась в 1944 году. А 7 июня 1945 года в одном из лучших московских концертных залов - Большом зале консерватории - партия Кутузова впервые прозвучала в исполнении Александра Пирогова. В спектакле участвовали: М.Надион (Наташа Ростова), А.Батурин (Денисов), Ф.Федоров (Пьер Безухов), Н.Панчехин (старик Болконский) и автор этих строк (Андрей Болконский).

Спектакль в концертном исполнении был принят очень горячо и пришлось в течение десяти дней пять раз давать оперу в переполненных Большом зале консерватории и Зале имени П.И.Чайковского. Уже на следующий день после премьеры центральные газеты пестрели развернутыми и весьма лестными рецензиями. Композитор Д.Б.Кабалевский писал в «Правде»: «Критику опер, написанных на основе крупных литературных произведений, почти всегда начинали с упреков, часто обоснованных, в обеднении первоисточника... И все же такая критика не правомерна, ибо никто не может отнять у композитора творческого права на создание своего, самостоятельного произведения, будь в нем использована даже самая незначительная часть богатства литературного первоисточника. К тому же, если либретто обычно обедняет, то музыка во многом обогащает образы, взятые из литературы, поэтому-то Татьяну Чайковского мы ставим рядом с Пушкинской Татьяной. Важно одно: чтоб оперный вариант был органичным и, конечно, талантливым».

Почти все рецензии восторженно отзывались об исполнителе партии Кутузова - Александре Пирогове, отмечая, что певцу удалось создать замечательный образ простого русского человека и великого полководца.

Мне было особенно дорого играть в этом спектакле вместе с Александром Степановичем. Я рад, что опера записана на пластинки и мы имеем возможность услышать голоса исполнителей, и прежде всего голос Александра Пирогова.

Алексей Иванов. Чудо на Оке. М., «Советская Россия», 1981

С.Б.ЯКОВЕНКО
певец

ВОЙНА
О П.Г.Лисициане

Из представления к награждению медалью «За оборону Москвы»: «Товарищ Лисициан П.К.* с первых дней Великой Отечественной войны (с 1-го июля 1941 года) был включен в состав 1-й фронтовой бригады Комитета по делам искусств СНК СССР по художественному обслуживанию действующих частей Красной Армии.

С июля по октябрь месяц 1941 года Лисициан П.К. вместе с бригадой выезжал по заданию ГлавПУРККА и Комитета для обслуживания Западного фронта, Резервного фронта генерала Жукова Г.К., конногвардейского корпуса генерала Доватора и других частей в районе расположения – Вязьма, Гжатск, Можайск, Верея, Бородино, Батурино и других, а также по обслуживанию летных частей армии под Москвой – Алабино, Клин; кроме того, по обслуживанию летных частей, госпиталей, эвакопунктов на вокзалах и других частей Москвы.

Лисициан П.К. проявил себя во фронтовой поездке как подлинный патриот, не считаясь ни с какими трудностями фронтовой обстановки, выступал в концертах на передовых позициях фронта под обстрелом, под проливным дождем – по 3-4 раза в день в разных частях фронта. Своим искусством Лисициан П.К. вдохновлял бойцов на героические подвиги в борьбе с немецкими захватчиками.

За самоотверженную работу на фронте Лисициан П.К. был отмечен благодарностью Политического Управления Западного фронта, командованием действующей армии, а также личным оружием генерала Доватора».

Павел Герасимович рассказывает:

«Больше сорока лет прошло с тех пор, а я сегодня отлично помню Льва Михайловича Доватора и его конников. Это был человек, овеянный уже тогда легендарной славой. Выступая в Гжатске, Можайске, Вязьме, мы постоянно слышали его имя, произносимое с любовью и уважением, и мечтали о встрече. И вот однажды мы узнаем, что кавалеристы, только что вернувшиеся из дерзкого рейда по фашистским тылам, приглашают нас в гости. Подъезжаем на грузовике к речке, ждем переправы. Навстречу нам на лихом коне гарцует сам генерал с офицерами штаба, и у каждого в поводу лошадь для нас – артистов. Верхом переправляемся через речку и попадаем в расположение конников. Нас окружают такой заботой, какую трудно себе представить в то суровое время: в жарко натопленной избе были накрыты большие столы, приготовлены места для нашего отдыха, оборудована площадка для концерта. Выступали мы перед героями-доваторцами с особым подъемом. Я в сопровождении баянистов Орлова и Васильева спел много советских и армянских народных песен. Наибольший успех выпал на долю «Песни смелых» Виктора Белого и Алексея Суркова, в первые же дни войны записанной мною на радио и полюбившейся воинам:

Смелый к победе стремится.
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится.
Смелого штык не берет.

Когда наконец смолкли горячие аплодисменты, Лев Михайлович обнял меня и под одобрительные возгласы кавалеристов вручил пистолет и саблю с именной гравировкой. Окончился этот незабываемый день «концертом» в нашу честь – конники провели скачки с препятствиями и продемонстрировали приемы лихой джигитовки.

Это была для нас праздничная передышка среди суровых фронтовых будней. Работали мы тяжело, с полным напряжением сил. За 26 дней в сентябре и начале октября наша бригада дала на передовой 72 концерта – но каких! Под минометным обстрелом, под проливным дождем... Выступали то в тесных блиндажах и сараях, а то и прямо на земле, когда ноги танцоров буквально вязли в грязи... Однажды концерт проходил под самым носом у немцев – до их передовых укреплений было метров сто пятьдесят-двести – не больше. Но встречу с артистами все равно решено было провести. Правда, командир попросил меня петь в четверть голоса, а бойцов – хлопать беззвучно: они энергично разводили ладони, но не сводили их до конца, лишь своей мимикой выражая восторг и благодарность.

*– А помните, Павел Герасимович, эпизод, о котором рассказал в газете «Правда» в статье «Цветок из-под деревни Крапивина» член вашей фронтовой бригады? Вот как он его описал: «...Один из бойцов, еще издали увидев нас, приветливо улыбался, подняв несколько маленьких букетиков полевых цветов. Он подошел ближе и, поздоровавшись, одарил нас цветами: «Здравствуйте, товарищ Лисициан, – сказал он, передавая артисту Большого театра свой букетик, – я ваш поклонник! С удовольствием буду слушать вас здесь, как когда-то в Большом театре». – «А я сейчас буду петь лучше, чем в Большом», – взволнованно ответил Лисициан, обнимая бойца»**.*

– Конечно, помню, этого нельзя забыть. Я действительно пел тогда наверняка лучше, чем в Большом театре, – с огромным душевным подъемом, без всякой экономии сил и голоса – «кровью». Иначе было невозможно общаться с нашими героическими людьми. Взять хотя бы этого юношу: каждая пядь земли простреливалась, бойцы, помню, сходились на концерт с риском для жизни, по одному, по два, пригнувшись, хоронясь за деревьями, он под огнем собирал для нас цветы, чтобы выразить свою любовь, доставить радость...

–А вашей жизни не угрожала опасность? Ведь обстановка в это время на фронте под Москвой часто складывалась тревожная, то там, то здесь просачивался немецкий десант.

– Да, дважды я спасся буквально чудом. Объясняйте это чем хотите – везением, интуицией или обостренным чувством опасности... Мы выступали как-то в деревне Батурино. После нескольких концертов расположились там же на ночлег, с тем, чтобы с утра продолжить свою работу. Фронт был рядом, все время велась интенсивная перестрелка. Нам отвели два помещения – сенной сарай и школу, в которой мы и стали устраиваться на ночь с несколькими товарищами. Вдруг я ощутил какую-то смутную тревогу. «Не нравится мне здесь, – сказал я своим друзьям, – и вообще плохо, что мы врозь, фронт близко, мало ли что может случиться – нам надо быть все время вместе». Меня послушали, хотя и ворчали: «Вот,

мол, бродим по ночам туда-сюда, вместо того чтобы спокойно отдыхать!» Но тем не менее ночевали мы всей бригадой в сарае. Всю ночь громыхало страшно, но мы так уматывались за день, что умудрялись спать и тогда, когда снаряды рвались совсем близко. Утром мы увидели, что крошечная сельская школа, из которой мы ушли, буквально сметена с лица земли – ночью прямым попаданием угодил в нее тяжелый артиллерийский снаряд.

Завершали мы свой маршрут в Вязьме. Последний концерт кончился поздно вечером, и командир части предложил нам переночевать у него, а утром возвращаться в Москву – ехать, мол, ночью опасно, а несколько часов ничего не решают. Я же стал уговаривать товарищей отправиться в обратный путь немедленно: с одной стороны, я очень волновался за жену с маленькой дочкой – ведь Москву в эти дни часто бомбили, с другой – хотите верьте, хотите нет – интуиция подсказывала мне, что отсюда нам надо выбираться как можно скорее.

В конце концов, хоть и с большим трудом, мне удалось уговорить всех артистов, и мы поехали. У выезда из города мы столкнулись с другой художественной бригадой, которая ехала по заданию Политуправления нам на смену. Радостная встреча, объятия, пожелания успехов – все друг друга знали по московским концертам, кто-то встретил друзей, кто-то – соседей... Подробно объяснив своим коллегам, как найти штаб, мы двинулись дальше и в ту же ночь были дома в Москве. А под утро фашисты сбросили на Вязьму парашютный десант. Артисты-евреи из бригады, приехавшей нам на смену, были расстреляны на месте, остальные взяты в плен. Лишь немногим из них после войны довелось вернуться на родину.

В третий раз я чуть не умер от жесточайшей дизентерии. Сначала мы с Сашей Долуханяном поехали с концертами в Иран, где тоже в то время находились наши войска, потом выступали перед воинами Кавказского фронта. Всего за первые полгода с начала войны я спел на фронтах и в тылу больше пятисот концертов и очень горжусь боевыми наградами – медалью «За отвагу», «За освобождение Кавказа»... А к концу 1941 года я был доставлен в ереванскую больницу в тяжелом состоянии и довольно долго находился между жизнью и смертью.

Слушая рассказ Павла Герасимовича, я испытал чувство благодарности к поколению артистов, которому суждено было пройти сквозь военные испытания, деля все тяготы с нашими воинами, вселяя в них оптимизм, веру в победу. Хорошо сказал об этом дирижер Б.Э.Хайкин: «Мы храним фотографии военного времени – на них и бойцы улыбаются, и артисты улыбаются. Но порой нам бывало совсем не до улыбок. Порой артисты вместе с бойцами разделяли все невзгоды, попадали в окружение, погибали при исполнении своего воинского долга. Вспоминаю я об этом сейчас затем, чтобы счастливое нынешнее молодое поколение артистов, которому я от души желаю успеха, прежде чем говорить о недостаточном внимании к ним, задумалось над тем, в каких условиях творили их старшие коллеги».***

Оправившись от болезни, Лисициан в течение полутора лет поет на сцене Ереванского театра. В этот период он пополняет свой репертуар партиями Киазо в «Даиси» Палиашвили и графа Невера в «Гугенотах» Мейербера, а в 1943 году возвращается в Москву, где 3 декабря, впервые после большого перерыва, выступает на сцене столичной оперы. Здание Большого театра на площади Свердлова в это время переживало капитальный ремонт. Законсервировано оно было еще до начала войны, а в 1941 году серьезно пострадало к тому же от прямого попадания вра-

 жеской бомбы, поэтому спектакли долгое время шли только в помещении филиала.

Здесь артист вновь встретился со своим давним наставником – Самуилом Абрамовичем Самосудом: под его руководством он подготовил и спел партию Роберта в опере Чайковского «Иоланта». Часть труппы была еще в Куйбышеве, певцов не хватало, и Лисициану наряду с главными партиями приходилось выступать и во второстепенных. Но ему никогда не был свойственен снобизм премьера – все определялось интересами дела. Листая афиши и программы тех лет, убеждаешься в этом: сегодня, к примеру, он поет партию Евгения Онегина, а завтра – второго корабельщика в опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

Кстати, Василий Васильевич Небольсин, дирижировавший этим произведением, был принципиальным противником премьерских настроений ведущих солистов – в своих постановках он часто поручал маленькие партии именитым певцам. Кое-кто никак не мог с этим примириться и жестоко конфликтовал с дирижером. Но Лисициан не считал, что, исполняя второстепенную роль, уронит свой престиж, впрочем, как и многие другие. Партию третьего корабельщика в «Сказке о царе Салтане», например, пел народный артист Советского Союза Максим Дормидонтович Михайлов.

Впервые Лисициан участвовал в этом жизнерадостном спектакле, решенном в духе народно-театральных представлений, 21 марта 1944 года.

Опера, в которой свет и добро торжествуют над злом и коварством, была удивительно созвучна настроению народа, освободившего к этому времени свою землю от врага и победоносно завершавшего войну.

День Победы памятен для семьи Лисицианов не только праздничным салютом и всенародным ликованием по поводу окончания кровопролитной войны, но и еще одним радостным событием: 9 мая 1945 года появилась на свет двойня – Рузанна и Рубен.

С.Б.Яковенко. Павел Герасимович Лисициан. Уроки одной жизни. М., «Музыка», 1989

**** По некоторым документам имя и отчество Павла Герасимовича – Погос Карапетович. – С.Я.***
***** «Правда», 1958, 24 февраля.***
****** Хайкин Б. Беседы о дирижерском ремесле. Статьи. М., 1984, с.192.***

Иосиф БЕГИАШВИЛИ
солист оперы

ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ...

О В.А.Давыдовой

Сезон 1940-41 года прошел в напряженной работе. Вера Александровна была занята во многих операх, и в эту зиму ей приходилось участвовать в спектаклях гораздо чаще, чем в прошлые годы, как на Большой сцене, так и в филиале. Увеличилось и количество камерных концертов.

К интенсивной творческой работе прибавилась общественная: Давыдова была избрана депутатом Моссовета.

С первых же весенних дней Давыдова всей семьей перебралась на дачу, в совсем недавно приобретенный прелестный домик в живописном Подмосковье, на берегу Истры.

В театр они ежедневно ездили на своей машине, менее чем за час покрывая

все расстояние до Москвы. Жизнь на даче была приятна еще и тем, что по соседству, в таких же небольших домиках, жили все свои, театральные друзья: И.Козловский, М.Максакова, М.Рейзен, В.Сливинский, артисты МХАТа Алла Тарасова и А.Кторов. Неподалеку жили также профессора Н.Приоров и А.Фельдман, авиаконструкторы С.Илюшин, Н.Поликарпов.

Все предсказывало, что летний отдых будет хорошим и веселым.

Но вдруг...

В полдень 22 июня радиорепродукторы разнесли по стране страшное известие. Война!

...Сезон в Большом театре был закончен, а когда начнется новый и какова будет вообще судьба коллектива артистов – никто не знал. Вскоре начались налеты вражеской авиации. Вера Александровна, Дмитрий Семенович и Флеров оставили на даче Софью Ивановну с внуком, а сами возвратились в Москву и вступили в ряды противовоздушной обороны.

Теперь они жили в большом шестиэтажном доме на Садово-Сухаревской, и Мчедлидзе с Флеровым почти каждую ночь дежурили на крыше. Им часто приходилось тушить зажигательные бомбы. А однажды Дмитрия Семеновича чуть не снесло с крыши взрывной волной, когда совсем близко, около того места, где сейчас Центральный кукольный театр, упала и взорвалась крупная фугасная бомба.

В эти тревожные дни из Ленинграда на несколько дней приехала Елена Викторовна Де-Вос Соболева со своей дочерью Еленой и пятилетней внучкой, которую тоже звали Елена. Все три Елены направлялись в Ташкент, куда эвакуировалась Ленинградская консерватория.

Проводив своего педагога в Среднюю Азию, Вера Александровна с мужем тоже стали готовиться к отъезду. В своих письмах мать Мчедлидзе слезно умоляла их приехать в Тбилиси. Но свой выезд из Москвы они откладывали со дня на день – то надо было петь по радио, то выступать в казармах для частей, уходящих на фронт.

Кто сказал, что когда грохочут пушки – музы умолкают?

У Веры Давыдовой были расписаны все дни чуть ли не на месяц вперед. Приходилось петь даже на вокзалах перед отходом воинских эшелонов.

Репертуар для таких выступлений она подобрала на скорую руку. Наши композиторы еще не успели откликнуться на великие события, и потому пришлось обратиться к русской классике, многие произведения которой своим героическим содержанием и эмоциональностью звучали призывно и как нельзя лучше отвечали духу времени.

Первый концерт по радио Давыдова дала уже на четвертый день войны.

В августе началась частичная эвакуация жителей столицы. В первую очередь стали вывозить детей и заводы оборонного значения. К этому времени враг оккупировал часть Украины и рвался к угольным шахтам Донбасса.

И когда под угрозой оказалась железная дорога, соединяющая центр с южными республиками, Вера Александровна, наконец, решилась покинуть Москву.

Из столицы в Кавказском направлении уже уходили последние поезда, и достать билеты было почти невозможно.

На помощь пришел давнишний друг Мчедлидзе – начальник Московской окружной железной дороги Г.Кадагидзе. Он устроил им целое купе.

Накануне отъезда Давыдовой позвонил народный артист А.Пирогов.

– Дорогая Вера Александровна, – сказал он, – раз уж вы уезжаете, то разрешите мне и моей жене Жуковской поселиться на вашей даче. Москву постоянно бомбят, и нам трудно каждый раз спускаться в бомбоубежище.

– Конечно, разрешу. И с большим удовольствием. Оставляю вам дачу, автомобиль и овчарку. Пользуйтесь на здоровье продуктами, которые мы заготовили на целое лето.

Могла ли Давыдова думать, что через два месяца на Истре будут немцы, что их дача будет сожжена дотла и что вместе с дачей погибнут ее ценные ноты и редкие музыкальные рукописи. Но на фоне огромного народного горя разве кто думал о личных потерях?

Поезд Москва –Тбилиси отошел точно по расписанию. В купе вместе с Верой были все ее близкие и любимые – муж и сын, мать и отчим. Но ее не покидало волнение – ведь она впервые ехала на родину мужа, да еще при таких обстоятельствах.

Ночь прошла спокойно, но рано утром, когда подъезжали к Орлу, поезд вдруг остановился на каком-то разъезде. Была объявлена воздушная тревога, и прямо над вагоном со зловещим гулом пронеслась стая фашистских бомбардировщиков.

Через некоторое время гул повторился. Сбросив над Орлом свой смертоносный груз, стервятники возвращались обратно. Стало достаточно светло, и пассажиры поезда только теперь поняли, какой страшной опасности они подвергались. По обе стороны на параллельных путях стояли длинные составы платформ, груженных авиационными снарядами. Стоило немцам сбросить сюда хотя бы одну бомбу, и все бы взлетело на воздух!

В который раз в своей жизни Вера Давыдова смотрела смерти в глаза...

Когда проезжали мимо Орла, у всех сжималось сердце от ужасного зрелища. Бомбами были разрушены целые кварталы. Над городом стелился дым множества пожарищ. Полностью было разрушено здание вокзала, был поврежден и железнодорожный путь, но бойцы-саперы его быстро исправили.

В Тбилиси поезд прибыл на пятые сутки поздно вечером. После затемненных московских улиц было страшно видеть город, залитый электрическим светом, окна без светомаскировочных штор.

Тбилисцы хорошо знали Дмитрия Семеновича Мчедлидзе, который уже несколько раз приезжал сюда на гастроли и с большим успехом пел Мефистофеля, Мельника и Дон Базилио. Его в Тбилиси любили и ценили, но Давыдова была известна только по газетам и патефонным пластинкам.

Для своего первого концерта Вера Александровна отобрала несколько оперных арий и множество романсов самых разных композиторов. Этим она демонстрировала широкий диапазон своих творческих интересов, и притом разнообразие программы давало певице возможность показать свое высокое вокальное мастерство.

Успех ее выступления усиливался от номера к номеру, и достиг своего апогея, когда она с присущим ей блеском спела «Хабанеру». Грохочущим шквалом пронеслись аплодисменты по всему зрительному залу... И вдруг сидящий в первых рядах Давид Андгуладзе вскочил и крикнул:

– За такое пение надо аплодировать стоя!

Все поднялись. Восторженным овациям не было конца.

С этого вечера был заложен фундамент большой творческой деятельности Веры Александровны Давыдовой в столице Грузии.

Все местные газеты первое выступление певицы назвали триумфальным и с признательностью отмечали, что Давыдова весь сбор от концерта передала в фонд обороны. Впрочем, и в дальнейшем Давыдова весь гонорар за концертные выступления неизменно жертвовала на нужды фронта.

С начала сезона Веру Давыдову и Дмитрия Мчедлидзе пригласили в Тбилисский театр оперы и балета имени Захария Палиашвили для регулярных выступлений. В тот сезон в репертуаре театра шли оперы и для Давыдовой («Кармен», «Аида», «Царская невеста») и для Мчедлидзе («Русалка», «Фауст», «Севильский цирюльник»).

Большой театр, который к тому времени эвакуировался в Куйбышев, разрешил им временно оставаться в Тбилиси. Такое же разрешение получила и приехавшая вслед за ними прима-балерина Большого театра Марина Семенова.

Давыдовой приятно было вновь встретиться со своими коллегами по Большому театру – Андгуладзе, Бадридзе, Кравейшвили. Тут она встретила еще одного столичного друга Георгия Гогичадзе, который также несколько лет жил в Москве, работал в студии Большого театра СССР и выступал солистом по Центральному радио. Этого молодого талантливого баса Вера Александровна много раз с удовольствием слушала в Радиотеатре, и ей импонировал его обширный камерный репертуар.

Первое выступление Веры Давыдовой на тбилисской оперной сцене состоялось в опере «Кармен». Интерес к этому спектаклю был небывалый, билеты были давно распроданы, но и безбилетные не теряли надежды как-нибудь проникнуть в театр.

Все жаждали послушать в этой опере Веру Давыдову. В роли Кармен она всегда необычайно динамичная, эмоциональная, сценически эффектная. Она покоряет слушателей красотой, «пламенностью своего голоса» – так отзывалась о Давыдовой известная певица, артистка Большого театра М.П.Максакова, которая сама многие годы прекрасно пела эту партию.

И на первом спектакле в Тбилиси Вера Александровна была также необычайно эмоциональной и сценически эффектной. Она с первого же выхода покорила слушателей. Публика неистовствовала. Просили бисировать арии, аплодировали даже отдельным музыкальным фразам.

Тбилисцы горячо приняли и «Царскую невесту». Ведь Любаша была одной из любимых ролей Давыдовой.

Два сезона Вера Александровна с неизменным успехом пела в Тбилисской опере ведущие меццо-сопрановые партии: Кармен, Амнерис, Любашу, Шарлотту, Кончаковну и, наконец, Далилу, о чем мы уже говорили подробно.

Большое внимание уделяла Давыдова концертной деятельности. Она часто выезжала в соседние республики – в Азербайджан и Армению, выезжала к военным морякам Черноморского флота, в прифронтовую полосу, в шахты Ткварчели, на пограничные заставы.

Вера Давыдова пела гастрольные спектакли в Ереване и в Баку – и там же дала много шефских концертов в казармах и госпиталях.

Вообще во всем Закавказье не было ни одного госпиталя, в котором бы Давыдова по нескольку раз ни выступала перед ранеными воинами.

К тяжелораненым, которые не могли слушать ее в общем зале, Давыдова заходила в палату и прямо у постели больного пела под аккомпанемент гитары

 или аккордеона. И каждый раз, выходя из палаты, ее глаза наполнялись слезами удовлетворения от сознания, что доставила несколько приятных минут отважному защитнику Родины.

Особенно часто она вместе с Дмитрием Мчедлидзе устраивала шефские концерты в Бакинском эвакогоспитале. На всем Кавказе это было самое крупное военно-медицинское учреждение такого рода.

Вера Александровна в госпиталях не ограничивалась только пением. После концерта она обычно обходила палаты, подолгу беседовала с ранеными. И как было радостно, когда она встречала земляка-волжанина или жителя Дальневосточного края.

А иногда бойцы собирались вокруг Веры Александровны возле чьей-нибудь постели и вместе с ней пели новые фронтовые песни, которые к тому времени уже появились в изрядном количестве.

В годы войны среди работников искусства очень хорошо была поставлена военно-шефская работа. И на фронте, и в тылу советские воины были окружены их любовью и заботой.

В Тбилисском оперном театре постоянно несколько лож предоставляли выздоравливающим раненым из местных госпиталей.

Вот какое письмо получила Вера Давыдова однажды от посетителей этих лож.

«Уважаемая тов. Давыдова!

Сегодня, слушая радио, мы узнали, что правительство Грузии в добавление к вашему почетному званию заслуженной артистки РСФСР присвоило Вам такое же звание Грузинской ССР. От души поздравляем Вас. Мы трое, будучи ранеными, попали в Тбилисский госпиталь, и перед возвращением на фронт нам посчастливилось послушать Вас в операх «Кармен» и «Аида». Нас и сейчас охватывает трепет, когда вспоминаем вашу Кармен, готовую во имя любви идти на смерть. И даже воспоминание вдохновляет нас, прибавляет нам силы.

Всего три недели, как мы покинули Тбилиси, но наша часть за это короткое время уже прошла многие десятки километров по освобожденной земле. Это письмо мы пишем в городе, из которого только вчера выбили немцев.

Хочется верить, что после войны мы снова встретимся с Вами, но уже в сверкающем огнями Московском Большом театре.

Мы будем добиваться победы на фронте войны, а вам желаем новых побед на творческом фронте.

С приветом, командиры Красной Армии: Н.Холодов, В.Дудник, Г.Кротов»

Это письмо в какой-то мере подсказало ход дальнейших действий. По примеру многих фронтовых бригад Вера Александровна и Дмитрий Семенович тоже решили вдвоем заняться систематическим обслуживанием бойцов на передовой линии фронта.

Эту благородную инициативу горячо поддержало командование Закавказского военного округа. К ним прикомандировали администратора и дали легковую машину с военным шофером.

Аккомпаниатора долго искать не пришлось. Как раз в ту пору в Тбилиси приехал их московский знакомый – опытный концертмейстер Александр Павлович Ерохин. Оказывается, он вывез сюда свою семью из тревожного в то время Краснодарского края.

Так сколотилась хоть и малочисленная, но крепкая бригада. Веселый толстяк

Малка Мелик-Пашаев оказался весьма энергичным и деловым администратором. Как потом выяснилось, он был близким родственником знаменитого дирижера.

И шофер попался вежливый, культурный и, главное, аккуратный.

В составе бригады не выдерживала критики только невероятно старая автомашина, которая, если вообще двигалась и честно выполняла свои обязанности легкового транспорта, то только благодаря высокому мастерству водителя.

Да и внешний вид у машины был весьма непрезентабельный – вся она была скособочена, передок продавлен, колеса вразвалку.

– Так это же «Антилопа-гну»! – при первом же знакомстве воскликнул Мелик-Пашаев. – Ее нам оставили в наследство Ильф и Петров...

Потом узнали, что это был трофейный «мерседес», но название «Антилопа-гну» навсегда закрепилась за машиной. Шутки шутками, а на этой «Антилопе» бригада проехала не одну тысячу километров прифронтовых дорог.

Первый рейс был вдоль Черноморского побережья: Батуми, Поти, Сухуми, Гагра и другие города. Всюду дислоцировались военно-морские суда и подводные лодки.

Концерты устраивались и на пристанях, и на палубах между орудийных стволов, и в любой тесноте. Радостно встречали моряки прославленных певцов. Вера Александровна специально приготовила несколько популярных морских песен, но, к ее великому удивлению, матросам больше нравилась классика, арии из опер и лирические романсы.

После каждого номера они шумно выражали свой восторг, но во время пения соблюдалась абсолютная тишина. Слушали внимательно, жадно...

Как-то перед началом концерта на палубе одного из крупных эсминцев, когда администратор бригады, он же конферансье, объявил первый номер программы, к командиру корабля подбежал вахтенный матрос и громко отрапортовал, что по сообщению локаторщиков сюда направляются вражеские самолеты.

Командир, выслушав рапорт, спокойно сказал:

– Состояние тревоги объявите, но зенитчикам прикажите не подпускать сюда этих стервятников до конца концерта...

Видимо, зенитчики точно выполнили приказ. Хоть и под далекий гул зенитных батарей, но концерт прошел спокойно, и как только умолкли последние аплодисменты, на корабле объявили боевую тревогу.

Вражеский налет продолжался недолго. Интенсивный огонь сотен морских орудий быстро отогнал стервятников, не дав им возможности сбросить бомбы.

После отбоя весь личный состав эсминца опять собрался на палубе, чтобы поблагодарить артистов и попрощаться с ними. Но гости не торопились уезжать, они попросили разрешение у командира провести еще один, дополнительный концерт.

– Позвольте нам, – сказала Давыдова, – средствами нашего искусства премировать ваших моряков за отличное несение службы.

Второй концерт затянулся на два часа. Под конец Давыдова и Мчедлидзе вместе с моряками хором пели популярные песни.

На гастролях бригада находилась больше месяца. Трудно было узнать один из красивейших курортов страны. Теперь это был фронтовой город со строгим военным режимом. Гостиницы и санатории были превращены в казармы и госпитали.

Ежедневно приходилось устраивать по нескольку концертов для раненых в

 разных санаториях. Выступали также и в сочинском театре для воинских частей и местных жителей.

Воздушные налеты и бомбежки здесь были делом привычным. Привыкли и артисты. Однажды они выступали перед военными летчиками. Эстрадой служила платформа грузовика, который выкатили на взлетное поле. Но только приступили к пению, как неожиданно из-за гор появились «мессершмитты». Началась отчаянная зенитная стрельба, с неба посыпались осколки, летчики бросились к своим самолетам.

К артистам подбежала девушка в военной гимнастерке.

– Вы уж нас извините, – сказала она, – но сделайте пока антракт и, пожалуйста, постойте под тем навесом.

И она укрыла их от осколков, как от дождя, под навес.

А наши «Ястребки» уже взвились в небо и завязали воздушный бой.

– Может быть, нам лучше уехать? – спросил Мелик-Пашаев девушку.

– Нет-нет! Что вы!.. – замахала она руками.

Девушка хотела еще что-то сказать, но ее голос заглушил какой-то свистящий, невероятной силы звук – это рухнул в море подбитый немецкий бомбардировщик.

– Ка-а-пут, фриц, – весело сказала девушка, – но вы не беспокойтесь, эти пустяки скоро кончатся, и концерт можно будет продолжать...

Девушка куда-то убежала, а Мелик-Пашаев в недоумении разводил руками:

– Она это называет «пустяками»!.. Как вам это нравится?

– Очень нравится, дорогой Малка, очень, – ответила Вера Александровна. – Я много лет пою мужественную арию Жанны д'Арк, но только сегодня, глядя на эту девушку, я впервые увидела подлинные черты моей героини!

Бой прекратился так же внезапно, как и начался. Все самолеты, как говорится в сводках, благополучно возвратились на свои базы.

Вынужденный антракт кончился, и артисты поспешили к грузовику, а Ерохин уже был там и сидел за пианино с раскрытыми нотами на пюпитре. Его не смущали ни пробитая осколками крышка пианино, ни несколько выбитых клавиш.

Уже привыкли не обращать внимания на такие «пустяки».

По строгому графику, разработанному Мелик-Пашаевым, концерты следовали друг за другом беспрерывно. И каждый концерт начинался точно в назначенный час. Но случалось, что концерт временно прекращался или начинался с большим опозданием, но это могло быть вызвано только боевой тревогой и военными действиями. Так, например, в один из июльских дней на базе подводных лодок концерт был назначен ровно в 18.00. Артисты прибыли на час раньше. Их встретил вахтенный матрос и проводил в кают-компанию, где кроме рояля из красного дерева ничего и никого не было.

– А где же публика?

– Очень извиняемся, – ответил вахтенный, – все подводники выполняют боевое задание. Прошу вас подождать. Они скоро вернутся. Уже получена радиограмма.

– А давно они ушли на задание?

– Нет, недавно – неделю тому назад...

Было далеко за полночь, когда подводные лодки стали возвращаться на базу. Матросы старались молодецки выглядеть перед гостями, но по их вялым движениям и прищуренным глазам было видно, как они все изнурены. Вряд ли кто-либо из них за все это время спал более двух часов в сутки. И днем, и ночью гонялись они за

вражескими судами, торпедировали и потопили несколько морских транспортов.

Вера Александровна была уверена, что все только и мечтают, как бы поскорее добраться до постели. До концерта ли им сейчас?

Но в это время к ней подошел офицер.

– Товарищ Давыдова, – сказал он, – не могли бы вы начать концерт?

– Как? – удивилась Вера Александровна. – Неужели люди не хотят спать?

– Спать-то они хотят, но ведь ребята целую неделю с нетерпением ждали этот день, чтобы услышать артистов Большого театра... Так что просим, если Вы, конечно, не устали...

– Боже мой! – вскрикнула Давыдова. – Вы еще думаете о моей усталости?.. Голубчики мои родные, да я готова для вас хоть целые сутки петь!

Уже светало, когда окончился этот необыкновенный ночной концерт. Стоило только Давыдовой спеть первый романс, и всякую усталость как рукой сняло. От дружеских аплодисментов дрожала кают-компания.

Количество проведенных бригадой концертов уже перевалило за полсотни, когда вдруг пришло распоряжение, отзывающее Давыдову в Тбилиси. Пришлось возвращаться и Мчедлидзе, и Ерохину, и Мелик-Пашаеву.

– Собирайтесь, вам придется ехать в Иран, – сказали Вере Александровне в Тбилиси и тут же пояснили, что в Тегеран направляется концертная бригада в составе певцов Веры Давыдовой, Екатерины Сохадзе, Давида Гамрекели, Павла Лисициана и солистов балета Марины Семеновой и Вахтанга Чабукиани.

Время было тревожное – шли жестокие бои у стен Сталинграда, фашисты заняли Кубань и рвались на Кавказ. Над Тбилиси уже стали появляться вражеские самолеты, и в такое время покидать своих родных и ехать в неизвестный Иран было тяжело.

Но раз надо, так надо. Тем более что Мчедлидзе тоже предложили вместе с Акакием Хорава, Петре Амиранашвили и Давидом Андгуладзе отправиться обслуживать бойцов на передовые линии Кавказского фронта.

* * *

В Тегеран приехали вечером. После дорожной тишины иранская столица ошеломила пестротой торговых реклам, огнями ночных ресторанов, ревом автомобильных гудков.

Первый концерт состоялся в огромном зале кинотеатра «Тегеран». Весь фасад здания был обклеен афишами чудовищных размеров. Всюду висели портреты советских артистов. Где они раздобыли эти портреты, так и осталось «секретом фирмы».

Именитыми гастролерами город не был избалован, и поэтому за много дней вперед были распроданы билеты на все концерты.

Прием состоялся в роскошном дворце и был обставлен со всей восточной пышностью. Гостей попросили показать свое искусство и провели в залитый электричеством зал, который буквально утопал в драгоценных коврах. Все было очень красиво, но обилие ковров влияло на акустику.

Но разве такие трудности могли смутить артистов, которые совсем недавно выступали в подводных лодках и под дождем на грузовиках...

С тяжелыми впечатлениями уезжали артисты из Тегерана – города богатства и нищеты, веселого смеха и горьких слез.

Остановку сделали на пограничной заставе. Здесь прослушали по радио свод-

 ку Информбюро о крупных наступательных операциях нашей армии и, конечно, дали концерт для воинов-пограничников.

Весь свободный от нарядов личный состав – от солдата до старшего офицера – бросился убирать и прибирать клубное помещение. В своем благородном рвении они даже перестарались: пол на сцене помыли горячей мыльной водой, чем привели в ужас Семенову и Чабукиани. С нескрываемой радостью, с огромным настроением пели все артисты. И балетная пара, не считаясь с риском поскользнуться на мокром полу, с жаром отплясывала темпераментные танцы.

Такие концерты были проведены во всех красноармейских частях, находившиеся в Иране.

Тепло попрощавшись с советскими воинами, группа опять погрузилась на дрезины и двинулась в обратный путь.

Осенью 1943 года Большой театр возвратился из Куйбышева в Москву. И вскоре в Тбилиси пришла телеграмма, в которой Давыдовой и Мчедлидзе предлагалось срочно явиться в театр к началу сезона.

Вере Александровне и Дмитрию Семеновичу пришлось прервать свою военно-шефскую работу и отправляться в Москву.

Из южных районов в Москву пока еще не было налажено никакого транспортного сообщения. Туда летали только самолеты, но не гражданские, а военные по специальному заданию.

Вера Александровна решила обратиться к Главнокомандующему Кавказским фронтом генералу армии Ивану Владимировичу Тюленеву. Она была хорошо знакома и с ним, и с его семьей.

Тюленев тепло принял Давыдову. Он очень ценил ту огромную и бескорыстную работу, которую она неустанно проводила в воинских частях. За шефскую деятельность артистка была награждена командованием именными часами. И вручал ей эти часы сам Тюленев.

Выслушав просьбу, главнокомандующий тут же распорядился в первом же самолете, который будет послан в Москву, предоставить места почетному шефу Вере Александровне Давыдовой и ее семье.

И на второй день вся семья вылетела в Москву.

Со Щелковского аэродрома в Москву их отправили на «виллисе», которым правил военный шофер. У Веры Александровны на глаза навертывались слезы, когда по дороге попадались дома, разрушенные вражескими бомбами или сгоревшие от «зажигалок».

Но грустное настроение, навеянное ранами столицы, сразу покинуло всех, когда вечером с балкона своей квартиры впервые увидели победный салют в честь освобождения очередного города.

После двухлетнего перерыва открытие сезона в Большом театре превратилось в настоящий праздник. Возвратившимся артистам здание их любимого театра предстало в своей былой красоте. Крыша фронтона, пробитая рядом с колесницей Аполлона фашистской бомбой, была уже так искусно заделана, что даже царапины нигде не было видно.

По традиции сезон открыли оперой Глинки «Иван Сусанин». Финальная сцена – победное возвращение русского воинства на Красную площадь приобрела особый, волнующий смысл. И когда запели торжественное «Славься» и начался

перезвон колоколов, публика встала в едином порыве и устроила бурную овацию.

Всеми владела одна мысль, все знали, что недалек тот день, когда всенародный праздник победы под звуки этой же торжественной музыки состоится на настоящей Красной площади. Все были в этом уверены, не знали только, что это произойдет 9 мая 1945 года!

Как и до поездки в Грузию, Вера Давыдова свою работу в театре стала совмещать с концертной деятельностью. Особенно часто она пела на радио в специальных программах для фронта.

Радовало и волновало сознание того, что тебя слушают бойцы в далеких окопах и блиндажах. А что радиоконцерты слушали на всех фронтах, в этом никто не сомневался. Лучшим подтверждением служили сотни и сотни аккуратно сложенных треугольников со штемпелем полевой почты, поступающих в адрес Большого театра и Радиокомитета.

Часто приходили солдатские письма на имя полюбившихся им певцов.

Как святые реликвии хранит Вера Александровна множество таких писем. Сколько любви и искренней благодарности в каждой строчке. И почти каждое письмо кончается или просьбой исполнить по радио любимую песню, или приглашением приехать в гости на фронт именно в их часть.

Вот строки из письма моряков В.Воробьева, А.Сычева, С.Бычкова и А.Хромова:

«Приезжайте в гости в наш героический Севастополь. Моряки-черноморцы обожают слушать вас по радио. Каждый раз после вашего замечательного пения мы еще сильнее бьем врага».

Благодарят за пение и просят приехать «хоть на парочку дней» раненые из госпиталя № 1450, танкисты из полевой почты 69001, В.Платонов, М.Морозова и А.Костюкевич из полевой почты 06427...

Если бойцов радовало пение Давыдовой, то саму Давыдову вдвое больше радовали и вдохновляли такие письма.

На всем протяжении войны нити творческой связи соединяли работников искусства с бойцами действующей армии.

На обложке одного из номеров журнала «Огонек» был помещен большой портрет Веры Давыдовой в роли Груни из оперы Чишко «Броненосец «Потемкин». Она снята в кожаной тужурке с наганом в руке. Этот журнал случайно оказался в одной из землянок, а солдаты аккуратно вырезали портрет и, как символ женщины-бойца за народное счастье, повесили его на стене прямо против входа в землянку.

Об этом Вера Александровна узнала из письма, полученного уже после окончания войны. Там было сказано:

«В тот период мы находились в длительной обороне. Больше месяца сидели в этой землянке. Ребята любовались вашим портретом. Он вселял в нас бодрость духа. Когда немцы перешли в наступление, был жестокий бой за этот пункт, и нам пришлось отступать. Но вскоре, развив сильнейшую контратаку, мы вернули назад этот пункт. Бойцы вошли в свою землянку, и представьте себе их злость, когда они увидели, что ваш портрет весь пробит пулями. «Нет, проклятый немец, - сказал наш замполит, - таких, как наша Давыдова, тебе не уничтожить!». Мы сняли ваш портрет, аккуратно загладили пробитые места и больше не расставались с ним. Таким образом, дорогая товарищ Давыдова, вы вместе с нами дошли до Берлина».

О В.Д.Тихомирове

В 1939 году Василий Дмитриевич заболел, ему предписывают домашний режим. Лечение проходит часто на Кавказе. Но связь с Большим театром и его любимым театральным училищем не прерывается. Каждый день он принимает дома своих учеников и людей, которые нуждаются в его советах. Артисты, посвятившие себя педагогической деятельности, приходят к нему за консультацией. Родители просят разрешения привести и показать своих детей, чтобы узнать, пригодны ли они для балета. Опасаясь за здоровье Василия Дмитриевича, я неоднократно просила его не принимать ежедневно многочисленных посетителей, но он всегда на это отвечал: «Может случиться, что я откажу именно тем, кто действительно способен и талантлив. Нет, я лучше приму всех, кто нуждается в моих советах!»

Не раз Василий Дмитриевич оказывал практическую, реальную помощь Хореографическому училищу. В 1940 году, готовя для выпускного спектакля третий акт «Эсмеральды» и четвертый акт балета «Баядерка», Хореографическое училище в лице его тогдашнего художественного руководителя П.А.Гусева обратилось к Тихомирову с просьбой проконсультировать постановку. Консультация давалась на дому, где Василий Дмитриевич прошел с основными участниками все партии, проработал с репетиторами «порядок» номеров. Концерт состоялся в Большом театре 29 мая 1940 года.

Июнь 1941 года. Курортное лечение, которое приносило большую пользу, пришлось прекратить, так как началась война. Фашистские орды наступали на Москву. Театры эвакуировались. Василий Дмитриевич отказался от выезда, боясь осложнения болезни в дороге, так как наступили холода. Он был глубоко убежден, что Москва непобедима.

Много нам пришлось испытать тяжелых дней и ночей. Ужасный вой сирен сообщал о воздушной тревоге. Люди спешили в метро или домовые бомбоубежища. В нашем Брюсовском переулке (ныне улица Неждановой) было сброшено три бомбы, и одна из них упала у нашего дома. Мы находились в убежище. Василий Дмитриевич проявил себя геройски. Когда произошел взрыв, потух свет, посыпалась штукатурка. Раздался плач, крики перепуганных женщин. Тогда Василий Дмитриевич спокойным, громким голосом попросил всех не создавать паники. Ни на один момент он не терял самообладания. Его спокойствие и выдержка передавались другим. Когда затихло волнение, он старался отвлечь людей, занять рассказами.

Вся зима 1941 года была очень тревожной. С наступлением вечера мы спускались в убежище. Постоянные посетители, зная место, где обычно садился Василий Дмитриевич, старались ближе подсесть к нему. Его спокойствие и рассказы о своей артистической деятельности действовали успокаивающе и отвлекали от мыслей о бомбах... Спустя некоторое время мы так привыкли к вою сирен, что не реагировали на это и оставались у себя в квартире.

Вскоре гитлеровские полчища были отброшены от Москвы, и мы с радостью почти ежедневно любовались победными салютами. Постепенно начали возвращаться театры, и наша квартира опять наполнялась друзьями и учениками Василия Дмитриевича.

Сб. «Василий Дмитриевич Тихомиров». М., «Искусство», 1971

ЧАСТЬ 2

Москва военная

БОЛЬШОЙ ТЕАТР И ФИЛИАЛ. 1941-1945

Не потухали в дни войны
Огни на этой светлой сцене.
И были далеко видны
Они и в сумраке сражений.

И пенья радостную дрожь,
И гром рукоплесканий в зале,
И золото, и бархат лож
Бойцы в окопах вспоминали.

И верили: сюда они
Придут сквозь много узких улиц!
И вот – опять горят огни,
И те, мечтавшие, вернулись.

Над ними снова легкий свод,
И коридоры, и ступени,
И муз воздушных хоровод,
И удивительное пенье.

И жизнь – любимицу свою –
Они приветствуют хлопками,
Все, что они спасли в бою
Душою, кровью и штыками.

Семен КИРСАНОВ
2 ноября 1945г.

ПРИКАЗ: БОЛЬШОЙ ТЕАТР ВЗОРВАТЬ!

Но он не был отдан потому, что фашисты не смогли в 1941 году взять Москву.

Москва, 1941 год, октябрь. Как раз в один из октябрьских дней мы рыли глубокий шурф под гостиницей «Националь», в самом центре города, в двух шагах от Кремля. Именно поэтому тот месяц навсегда отложился в моей памяти, а не только из-за тревожных разговоров о подошедших к Химкам немцах или из-за начавшегося тогда бегства из столицы по шоссе, до предела забитых разношерстным транспортом и ведущих в глубь страны.

Мы – это группа из восьми молодых людей, в основном вчерашних студентов: кто ушел со второго, а кто с четвертого курса института физкультуры. А в «Национале» мы оказались потому, что выполняли боевое задание: заминировать некоторые здания на случай, если придется отступать из Москвы. Среди наших «объектов» кроме гостиницы «Националь» – Большой театр, Дом Союзов, Богоявленский кафедральный собор и нынешний мидовский особняк на Спиридоновке...

Закладка фугасов под другие «объекты» мало чем отличалась от той, что мы делали в «Национале». Легче было в Большом театре – шурф без всяких помех вырыли примерно под оркестровой ямой...

О нашей добровольческой бригаде написана масса статей и книг. Да и было о чем писать: из нее вышло 23 Героя Советского Союза. Но об одной страничке этой эпопеи – минировании Москвы, до недавнего времени было практически ничего не известно. Думаю, сегодня читатель впервые познакомился с тем, какие сложные задачи выполняли наши ребята в столице в грозные дни и самый критический момент Великой Отечественной. Не могу удержаться, чтобы не назвать имена хотя бы некоторых из них: А.Тюрин, Л.Шерешевский, А.Смирнов, В.Фирсов и другие.

После войны, когда я проезжал или проходил мимо «Националя», «Метрополя», Большого театра и других «объектов», радовался в глубине души, что они уцелели и до сих пор украшают столицу. Кто-кто, а я-то хорошо знал, что от них могло не остаться и следа: фугасы под них были заложены огромной разрушительной силы. Ныне, спустя много лет, подготовка взрывов в центре Москвы может показаться кому-то кощунственной и даже безумной. Однако в те дни, когда немцы стояли на пороге города, мы были глубоко убеждены в том, что делаем абсолютно необходимое для победы дело.

Александр БОГОМОЛОВ,
бывший боец взрывного отряда ОМСБОНа
«Российские вести», 20 января 1999.

АКТ О МИНИРОВАНИИ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Мы, нижеподписавшиеся, бывшие: военный комендант Большого театра СССР, капитан Рыбин Алексей Трофимович; начальник военизированной пожарной команды ГАБТ СССР старший лейтенант Цехош Алексей Петрович; начальник караула старшина Стрелец Петр Иванович; сержант Теплов Иван Васильевич, составили настоящий акт в том, что в ночь на 16 октября 1941 года в связи с

чрезвычайным положением обороны города Москвы, согласно приказу командования Московского военного округа, ГАБТ СССР был заминирован.

В определенном месте здания было заложено несколько тонн взрывчатых веществ, обладающих громадной разрушительной силой. Комендант ГАБТ капитан А.Т.Рыбин с 16 октября 1941 года по 15 февраля 1942 года находился с подчиненными на казарменном положении в здании театра вблизи эпицентра заряда как непосредственный боевой исполнитель приказа военного командования.

Команда ВПК была выведена из здания на внешние посты – крышу, окружение театра и продолжала бесстрашно защищать ГАБТ СССР от налетов вражеской авиации.

А.РЫБИН, А.ЦЕХОШ, П.СТРЕЛЕЦ, И.ТЕПЛОВ

Подписи тов. Рыбина А.Т., Цехош А.П., Стрелец П.Н., Теплова И.В. удостоверяю.
Секретарь Киевского РК ВЛКСМ ЧЕРНИЛЬЩИКОВА.

А.РЫБИН,
бывший комендант Большого театра

В ТЕ ОГНЕННЫЕ НОЧИ

В первый же день войны, 22 июня 1941 года, я получил назначение возглавить охрану Большого театра Союза ССР. В одной из комнат театра были сбиты деревянные нары для бойцов военной охраны, себе же я выбрал смежную со сценой артистическую комнату. Солисты театра теперь занимались на сцене строевой подготовкой. Помню, как маршировал с винтовкой на плече И.Козловский...

В Большом театре находилась большая коллекция скрипок и виолончелей Страдивари, Амати, Гварнери, хранителем которой был скрипичных дел мастер Е.Витачек. Он согласился со мной, что коллекцию (426650 рублей в золотой валюте!) следует эвакуировать. Было решено не предавать эту операцию широкой огласке. Ящики для коллекции сбивали зам. директора театра Ф.Петров и зав. оркестром М.Кауфман...

Уложили ящики в машину, отвезли на Казанский вокзал и погрузили в вагон, в котором уже находились картины Третьяковской галереи. Едва поезд ушел, – через несколько часов, – фашистские бомбардировщики сбросили фугасные бомбы как раз на то место, где он стоял...

В ночь с седьмого на восьмое августа на крышу ГАБТа было сброшено 17 зажигательных бомб. Некоторые из них пробили крышу... В борьбу с огнем мгновенно вступили бойцы пожарной охраны, которой руководил старший лейтенант А.Цехош. Наши зенитки усилили заградительный огонь – на крышу театра падали и осколки зенитных снарядов.

Я видел, как, не думая о собственной жизни, бойцы спасали великий храм русского искусства.

Колоннада театра была замаскирована декорациями из «Князя Игоря». Кроме того, на асфальте прилегающей площади художники нарисовали контуры ГАБТа и окрестных зданий. И эта нехитрая приманка сделала свое дело – спасла, надо думать, театр от прямого попадания фашистской фугасной бомбы.

В середине октября по решению правительства труппа ГАБТа СССР (650 человек) выехала со всем театральным имуществом двумя эшелонами в Куйбы-

 шев. Уже 12 октября здание Большого театра было полностью передано под контроль военного командования с возложением всей ответственности на автора этих строк.

28 октября стоял погожий день. Сквозь облака проглядывало ясное небо. Но это небо таило опасность. Днем не раз звучали сигналы воздушной тревоги. Грохот зенитной артиллерии.То там, то здесь – взрывы бомб. В 15 часов 42 минуты был дан отбой очередной воздушной тревоги. Из вестибюля станции метро «Охотный ряд» сразу хлынула густая толпа – во время бомбежек москвичи укрывались в метро, – многие шли теперь на Петровку мимо фасада театра.

Я в это время, проведя дополнительный инструктаж постовых, шел по театру. В 16 часов, когда я находился с правой стороны лож бельэтажа, раздался огромной силы взрыв – здание ГАБТа закачалось, как подвесная люлька. Спикировав из-за облака, фашистский бомбардировщик «Ю-88» сбросил 500-килограммовую бомбу, которая разорвалась прямо у центрального подъезда театра. Очнувшись от удара о стену, я выбежал на улицу. На улице – убитые и раненые прохожие. А около одной из колонн лежал, сжимая винтовку в руке, смертельно раненый сержант Тюников, поодаль – вахтер театра, который дежурил вместе с Тюниковым у центрального подъезда и фамилии которого я не знал. Уже прибыл по тревоге резерв бойцов пожарной охраны...

Взрывом был поврежден фасад театра. В центральном фойе рухнула часть потолка, и дежуривший там постовой П.Лебедев успел уцепиться за леса и висел так, пока мы его не сняли. Около театра было выставлено оцепление из бойцов истребительного батальона. Машины увозили пострадавших в институт имени Склифосовского.

На историческое торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, которое состоялось 6 ноября на платформе станции метро «Маяковская», я привез из Большого театра сукно для стола президиума. А в концерте, который состоялся потом, пели вызванные из Куйбышева народные артисты М.Михайлов и И.Козловский. Трижды на бис Иван Семенович повторял песенку Герцога из «Риголетто».

В начале 1942 года в Большом театре активизировались строительные работы. Предстояло не только окончательно восстановить фасад, поврежденный взрывом фашистской бомбы, но и завершить тот капитальный ремонт театра, который был начат в канун войны.

Бригада художников во главе с Павлом Кориным занялась реставрацией плафонов в зрительном зале. Тут будет к месту вспомнить, что в апреле сорок первого года авторитетная комиссия предложила осовременить росписи плафона – заменить всемирно известных муз работы академика живописи Титова изображениями первомайской демонстрации трудящихся и т.д. Бывший зам. директора Ф.Петров рассказывает, что, когда он принес эскизы новых росписей зам. предсовнаркома СССР Р.С.Землячке, она, внимательно осмотрев их, сказала: «Это плохо, оставим старые музы, они лучше».

И вот теперь художники, работая над плафонами, обновляли муз, счищая с них те многократные наслоения красок, которые наносились в былые времена перед каждой коронацией русских царей. С питанием в сорок втором году в Москве было плохо, и с нашими реставраторами иногда случались голодные

обмороки, но они продолжали работать по десять – двенадцать часов в сутки.

Когда в сентябре 1943 года труппа ГАБТа возвратилась в Москву, обновленное здание театра было готово к открытию сезона. И, как известно, он открылся 26 сентября бессмертной оперой Глинки «Иван Сусанин».

Несколько лет назад по инициативе Свердловского райкома ВЛКСМ Москвы и комитета комсомола ГАБТа была создана «военно-патриотическая комиссия», и я удостоился чести возглавить ее. По нашему ходатайству дирекция театра занесла на памятную доску имя погибшего на посту у Большого театра сержанта Якова Тюникова. Но, как вы помните, вместе с Тюниковым погиб и вахтер театра, имя которого до последнего времени оставалось неизвестным. Удалось установить, что погибший в свое время ездил как костюмер с Леонидом Собиновым на гастроли в Италию. В квартире-музее Собинова была найдена фотография, на которой был изображен и костюмер великого артиста. И, в конце концов, выяснилось, что звали этого скромного работника театра – Николай Смирнов. Многие годы я считал своим долгом установить его имя, теперь моя совесть чиста.

«Юность», 1979, № 5

А.КУЗНЕЦОВА
архитектор

ИЗЛЕЧИЛИ ОТ РАН БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Осенью первого года войны фашистская бомба угодила в здание Большого театра и взорвалась в толще стены главного фасада. «Мекка» русского искусства получила значительные повреждения. Центральные входы оказались завалены кирпичом, штукатуркой, разбитым стеклом, кусками скульптур и лепнины.

«К счастью для всех нас, для Большого театра уникальная люстра зрительного зала была на время ремонта спущена вниз и закрыта щитами», — вспоминает Юрий Петрович Шахов, который трудится здесь более пятидесяти лет.

А вот как о случившемся свидетельствует официальный акт от 28 октября 1941г., составленный начальником конторы строительства Дворца Советов Н.Щелкан и заведующим стройсекцией Большого театра М.Воскресенским.

«Полностью разрушены скульптуры, лепнина, капители колонн портика главного фасада, дубовые двери, оконные рамы, художественные торшеры.

Пробита и частично обрушилась стена главного фасада, разрушено перекрытие портика главного входа, обрушилась часть перекрытия вестибюля, повреждены балюстрада и ступени парадных лестниц, ведущих в фойе, появились трещины на своде главного фойе, оборваны кованые тяги в стенах фойе и портика, повреждены штукатурка, живопись свода и стен главного фойе.

Воздушной волной выбиты все стекла, разрушены все сантехнические системы: водопровод, канализация, отопление в главном фойе и вестибюле, разрушено асфальтовое покрытие у портика на площади 250 кв. метров».

Да, тяжелы были раны, нанесенные Большому театру фашистской бомбой. Даже покровитель искусства – Аполлон, восседающий на квадриге, запряженной четверкой коней на самом верху портика, получил ранение. Значительно позже, в 1958 году, при реставрации художник-литейщик В.Лукьянов извлек из головы скульптуры осколок.

Театр стоял темный, с выбитыми стеклами, завешенный маскировочными сетями, и казался мертвым. Но внутри холодного здания не прекращались строительные и реставрационные работы.

Временное деревянное ограждение, заменившее пробитую стену главного фасада, не могло предохранить помещение от холодного воздуха – ведь морозы в ту зиму доходили до – 40, а в вестибюле температура понижалась до –10. Для обогрева воздуха в вестибюле соорудили специальную «систему»: от местной котельной по проложенному трубопроводу подавался пар в установленные на полу вестибюля электрические вентиляторы и калориферы.

Архитектором Большого театра в то время был Александр Петрович Великанов. Он, словно маг и волшебник, буквально творил чудеса. Не находилось металла для осветительной арматуры – делал бра из гипса (эти бра простояли в театре до 1958 года), из простого железа гнул очень красивые декоративные ручки. Великанов удивительно чувствовал архитектуру театра – все выполненные им интерьеры, а порой отдельные детали так удивительно вписывались в интерьеры А.Кавоса, что порой нельзя отличить подлинный первоначальный декор и выполненный в грозовые военные годы.

Позолотные работы по зрительному залу и его интерьерам, а также отделку дверей под «французский лак» выполняли позолотчики и художники под руководством начальника художественного цеха Госотделстроя И.Пашкова.

А на фасаде тем временем восстанавливались скульптуры в нишах. Одну из них выполнил М.Рукавишников, другую – С.Кольцов.

26 сентября 1943 года стало знаменательным днем в истории театра. В этот день в обновленном, помолодевшем Большом состоялся первый спектакль – «Иван Сусанин». В музыке гениального Глинки, вновь зазвучавшей на всемирно известной сцене, слышалось грозное предостережение врагу, уверенность в победе правого дела.

«Строительная газета», 1945, 2 мая

СЛУШАЙ, ФРОНТ!

Выступление по радио народной артистки СССР В.В.Барсовой

Дорогие братья, доблестные бойцы, командиры и политработники нашей родной, могучей Красной Армии, Воздушного и Военно-Морского Флота.

С беспредельной отвагой и мужеством вы защищаете советскую землю от нашествия фашистских варваров. Весь наш многомиллионный народ, все прогрессивное человечество, каждый, в ком бьется человеческое сердце, – с надеждой, гордостью и глубокой верой в победу смотрит на вас. И вы победите. Мы победим. Не может не победить народ, объединенный единой мыслью, единым чувством беспредельной любви к своему Отечеству.

Не может не победить народ, борющийся за правое и святое дело защиты Отчизны, не может не победить народ и партия, которыми руководят мудрость и гений нашего вождя т. Сталина.

В эти дни еще теснее, дружнее и сплоченней наша страна. Вы на фронте, мы на производстве живем одной мыслью, одним чувством, одним желанием – уничтожить врага. Мы знаем, враг силен и коварен; словами, как бы пламенны и горячи они ни были, – его не уничтожишь. Мы знаем. И все силы, дорогие наши за-

щитники, весь наш энтузиазм ваших жен и детей, отцов и матерей, оставшихся у станков, машин и на необъятных наших хлебородных полях – сейчас брошены на то, чтобы с изобилием обеспечить вас всем необходимым, чтобы еще метче и смертоноснее разить врага.

У нас, работников искусств, наше орудие – слово и песня. Здесь, в родной Москве, на фронте, в непосредственной близости с вами, со всех концов нашего Союза, будет звучать наша песня и слово. Пусть будет оно радостным, бодрым и пламенным, как и наше чувство.

Мы знаем! Словами только врага не уничтожишь, но если штык остер, броня крепка и меток глаз, и вера сильна – легче и радостнее в бой идти под песню, под марш, под бодрый и пламенный призыв. Мы с вами, доблестные сыны отечества. Мы будем с вами везде и всюду, куда пошлет нас партия, правительство, родина.

Газета «Советский артист», 1941, 12 июля

М.ГАБОВИЧ
солист балета

МОСКВА, 1941...
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В конце октября 1941 года, когда враг стоял в «двух шагах» от Москвы, меня пригласили выступить по радио и сообщить об открытии спектаклей филиала Большого театра. Готовясь к выступлению, я очень волновался, так как понимал все значение этого события: оно бесспорно привлечет внимание и друзей, и врагов. Москва, которая просматривалась в бинокль из блиндажей противника, Москва, которую Гитлер планировал занять «завтра-послезавтра», Москва, опоясанная кольцом фронта, открывала сезон оперно-балетного театра!

Четырнадцатого октября в Куйбышев был эвакуирован весь «личный состав» Большого театра СССР вместе с декорациями, костюмами, реквизитом.

Тогда я был политруком роты, а затем комиссаром истребительного батальона Свердловского района, куда записался добровольцем. Батальон стоял под Москвой на рубежах. Провожая громадный эшелон «куйбышевцев», я прощался с товарищами, друзьями, с которыми семнадцать лет пробыл или «протанцевал» на сцене Большого театра. Неизвестно, увидимся ли и когда?..

Город переживал тяжелые дни эвакуации гражданского населения. Слухи «летали» над городом. Не успев прожить и часа, они умирали, рождались новые. Конечно, слухи не могли не оставить следа в настроении москвичей. Но сколько мужественных людей давали подобным слухам отпор и словом, и делом! Выдержка, спокойствие, хладнокровие и сердечность победили. В течение двух-трех дней Москва преобразилась, подобралась и стала спокойным и грозным прифронтовым городом. Уехали все, кого надо было перебазировать на восток. Конечно, в Москве осталось много народу, но по сравнению с обычной «нормой» город был почти пустой.

Остались и некоторые артисты. Причины были разные: состояние здоровья, семейные сложности с эвакуацией и так далее. Наш любимый дом, Большой театр, был закрыт. И закрыт накрепко. Кроме аварийной и пожарной команд, там не было никого. Пустующее помещение филиала превратилось в нечто вроде «клуба» для оставшихся. Группа артистов написала письмо в правительство с просьбой

 восстановить спектакли в филиале. Вопрос был обсужден. Последовало решение: открыть филиал Большого театра.

Время было самое тревожное. В городе еще работал Музыкальный театр имени К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко, возглавляемый И.Тумановым. Эвакуация его предполагалась в случае самой крайней необходимости. О том же предупреждали и нас. К счастью, этого не понадобилось. Оба коллектива стали свидетелями и, я позволю себе сказать, даже участниками победы под Москвой.

Я был назначен директором и художественным руководителем филиала. Наша организационная и творческая деятельность началась с... общего собрания. Был «пересчитан» состав работников театра, имеющихся в наличии. Брошен призыв отыскать по городу товарищей, связанных ранее с Большим театром. И закипела работа. Трудностей было много. Прежде всего, почти беспрерывные бомбежки, особенно со второй половины дня. Ранний комендантский час. Ночные дежурства на крышах и у подъездов. Весьма ограниченный «питательный» рацион. И хотя слухи – «где именно фашисты», «в скольких километрах от города» – нет-нет да и просачивались внутрь театра, начало работы, сознание, что своим делом выполняешь долг, преобразило многих. Нытиков не оказалось. Вообще должен сказать, что за долгие годы работы в театре я не помню в нашей среде такой сознательной дисциплины, товарищеской сплоченности, самоотверженности, как в этот период деятельности филиала. Это относится ко всем: и к крупнейшим артистам, и к обслуживающему персоналу. Всех мобилизовало чувство личной ответственности перед Родиной, перед Москвой, перед армией, бойцы которой почти каждый день заполняли зал...

Специфически театральных трудностей у нас было более чем достаточно, начиная с укомплектования многочисленных творческих коллективов до подбора разрозненных декораций и костюмов. Кстати, о декорациях. Выезжая как-то на ангары, я увидел, что декорации балета «Тарас Бульба» В.Соловьева-Седого, поставленного перед самой войной, «вмонтированы» в баррикады. Так Тарас Бульба продолжал служить Родине.

Торжественное, если можно так сказать, открытие филиала состоялось 19 ноября 1941 года. Мы дали большой концерт. Он начался в 2 часа дня. Позднее было нельзя: мешали регулярные бомбежки, быстро сгущающаяся темнота. Верным признаком состояния дел на фронте служило время начала наших спектаклей. По мере продвижения нашей армии на запад занавес открывался все в более привычные часы.

Двадцать второго ноября мы показали «Евгения Онегина», а 23-го – балет «Тщетная предосторожность». К этому времени нам уже удалось создать достаточно «мощные» коллективы солистов оперы, хора, оркестра, балета, отчасти – миманса; укомплектовать обслуживающий персонал, оживить работу мастерских, разобраться в имеющихся декорациях и костюмах. Хочу привести имена артистов, принимавших участие в первых спектаклях филиала, а также в многочисленных выездных концертах на фронт. Н.Обухова, Е.Степанова, С.Лемешев, Е.Катульская, Н.Озеров, И.Бурлак, А.Орфенов, Д.Головин, С.Юдин, А.Садомов, С.Панова, Н.Чубенко, В.Малышев, Г.Пасечник, А.Мохова, Б.Бобков, В.Политковский, Л.Савранский, М.Баратова, Г.Марковский и другие солисты оперы; в балете: Т.Бессмертнова, Л.Банк, В.Кудрявцева, А.Руденко, В.Голубин, В.Смольцов, В.Рябцев, А.Булгаков, С.Чудинов. Балетмейстеры И.Смольцов, Е.Долинская. Дирижирова-

ли спектаклями С.Сахаров, А.Чугунов, Н.Крамарев. Художники В.Максимов, Л.Федоров, В.Лужецкий. Пусть простят, если кого-нибудь забыл...

Первый концерт – открытие – сопровождался большим успехом и... тремя воздушными тревогами. По строгим инструкциям во время воздушной тревоги мы должны были прекращать репетиции и спектакли, освобождать зал от зрителей. В филиале не было бомбоубежища. Публике предлагалось проследовать в метро «Площадь Свердлова». Поначалу инструкция кое-как выполнялась. Но затем в «лучшем» случае публика выходила в нижний вестибюль, а в «худшем» – настойчиво требовала продолжать спектакль. Что касается артистов, то они «отсиживались» в своих уборных. Не было случая, чтобы артисты оркестра, проводившие утренние или дневные репетиции, воспользовались своим правом «перерыва» или ушли в бомбоубежище.

Помню такой случай. Шел «Евгений Онегин». Со мною рядом в ложе сидел командующий ПВО города Москвы. На сцене С.Лемешев только что своим изумительным голосом задал классический вопрос: «Что день грядущий мне готовит?» И как раз в этот момент сообщили, что в городе объявлена воздушная тревога. Как быть? Прервать спектакль? Я наклоняюсь к командующему и сообщаю суть дела. Он отвечает: «Подождите». Выходим в аванложу. Он набирает номер телефона. Задает вопросы: «Сколько? Каким курсом летят? Какие квадраты? Как встречают?» Выслушав ответы и немного подумав, говорит: «Можете продолжать». После греминского бала – снова тревога. Снова наклоняюсь к командующему. Снова поднимается телефонная трубка, задаются те же вопросы и... ответ: «Прекращайте спектакль. Ситуация опасная. И может быть, на длительное время». И так было почти каждый день с той только разницей, что командующий не мог бывать у нас часто, и мне приходилось самостоятельно решать – прерывать или продолжать спектакль.

Коллектив работал напряженно, ладно и быстро. Балет репетировал в вестибюле при раздевалке на холодном каменном полу. Сцену «делили» по-братски – то опера, то балет. Стремились «держать» качество спектаклей как можно выше.

За короткое время до конца 1941 года мы показали «Евгения Онегина», «Тщетную предосторожность», «Русалку», «Риголетто», «Демона», «Конька-Горбунка», «Травиату». И каждый спектакль был в наших условиях проблемой. Это был период, так сказать, «освоения» старого. В 1942 году мы позволили себе создать «собственные» премьеры. Поставили «Тоску», «Севильского цирюльника» (режиссер С.Юдин), балет «Дон Кихот» (в новой сценической и музыкальной редакции и инструментовке) при участии автора этих строк и К.Голейзовского; возобновили «Лебединое озеро», «Коппелию», «Шопениану» и «Баядерку». Самым же значительным итогом явилось создание и постановка первой советской оперы о войне – «В огне» Д.Кабалевского. Но об этом несколько ниже. Кто же смотрел спектакли? Зрители были гордостью всех работавших в театре. Было время, когда от театра до передовой «виллис» или исправный грузовик доезжал за тридцать – сорок минут. Сколько бойцов проходили на фронт через наш театр! Сколько фронтовиков с ближайших подступов к Москве, попадая в город, посещало Большой! Партизаны, прилетавшие в Москву из глубоких тылов, были желанными гостями. Военные корреспонденты, дороги которых перекрещивались в Москве, успевали зайти к нам. Рабочие оборонных заводов, партийный актив, москвичи... Иногда зал был суров, молчалив, сосредоточен. Иной раз бурно шумлив, протестующий,

 особенно, когда приходилось объявлять «перерывы». И хотя непонятно откуда, но это факт: появлялись юные создания, которые на самых высоких нотах, по довоенному образцу, кричали нашему общему любимцу Сергею Лемешеву: «Браво! Бис! Лемешев!»

Если бы меня спросили, какой спектакль оставлял наибольшее впечатление у наших воинов, я ответил бы – «Евгений Онегин». Однажды я привез в театр две роты из батальона, в котором ранее служил. В беседе с бойцами я услышал такие простые, сердечные и точные отзывы, которые не выразил бы, пожалуй, и самый профессиональный критик. А самое главное – я почувствовал, что люди горды своим искусством, своей национальной классикой, тем, что именно они наследники прекрасного. Чувство советского патриотизма умножалось волнующим сознанием красот русского искусства. Да, так оно и было – без громких слов и речей...

В короткой статье трудно описать весь объем нашей работы, бесчисленные фронтовые концерты, встречи, беседы, впечатления и, конечно, трудности, которые мы пережили. Ведь приходилось заниматься всем – от художественных проблем и репертуара до распределения талонов на питание, дрова.

И несколько заключительных слов... Дмитрий Борисович Кабалевский пришел к нам в театр как друг и товарищ. Он хотел, находясь на войне, написать оперу о войне. И написал. Либреттистом был молодой тогда поэт Ц.Солодарь. Мне пришлось участвовать в процессе создания этой оперы с момента ее зарождения. Помню бессонные ночи, которые мы проводили втроем, советуясь о драматических ходах и «переходах», придумывая бесчисленные варианты либретто, очень трудного и совершенно нового для оперной сцены. Ведь в опере был отражен подвиг героев, отстоявших Москву. «Ни шагу назад! За нами Москва», – пел в опере Комиссар – Алексей Иванов. Кульминацией была сцена на крыше церкви, когда герой оперы, разведчик-артиллерист (Г.Большаков), окруженный вражескими танками, «вызывал огонь на себя». Были в опере и развернутые партизанские сцены, сочетающие в своей музыке лирические и героические образы. Короче, это была наисовременнейшая опера, рожденная тут же, в горниле войны. Д.Кабалевский работал как одержимый. В театре, дома, на ходу, в машине – где бы он ни находился. По-моему, это был настоящий подвиг. Одна из картин оперы – «Под Москвой» – пошла в сборной программе концерта 11 ноября 1942 года. А вся опера под названием «В огне» – 4 ноября 1943 года. Это был уже период, так сказать «позднего Ренессанса» филиала. В Москву вернулись из Куйбышева главный дирижер С.Самосуд и группа артистов. Самосуд и дирижировал этой оперой. Руководил постановкой начинавший свою «московскую» деятельность режиссер Б.Покровский.

Впоследствии Кабалевский использовал отдельные фрагменты «В огне» в своей опере «Семья Тараса». Но мне кажется, что этот редкостный музыкальный «документ» непосредственного отклика композитора на совершающиеся события нельзя забыть. Опера «В огне» навсегда останется в летописи театра военных лет. Вскоре после приезда С.Самосуда я вернулся вновь к своей артистической деятельности... Снял военные сапоги и пошел тренироваться в репетиционный зал...

Сб. «Михаил Габович», М., «Искусство», 1977

А.РЫБИН
комендант

В АВГУСТЕ 1941-го

О М.Габовиче

Август 1941 года. Шел первый месяц налетов гитлеровской авиации на Москву. По ночам в небе скрещивались длинные лучи прожекторов, стараясь взять в клещи вражеский самолет, вывести его и уничтожить огнем зенитной артиллерии. Однако немцам все же удавалось прорваться и сбросить на город смертоносный груз.

С удивительной быстротой, смелостью, решительностью работали московские спецслужбы, и в первую очередь, пожарные и милиция по ликвидации возникавших загораний и пожаров. Им помогали бойцы истребительных батальонов НКВД, специальные команды, которые занимались обезвреживанием авиабомб.

Вот на эту опасную работу ушел добровольцем блестящий танцовщик Большого театра Михаил Габович. Семнадцать лет он был участником постановок труппы, танцевал ведущие партии практически во всех балетах. И вдруг сменил сценический костюм на военную гимнастерку, получив назначение на должность политрука первой роты истребительного батальона НКВД. В тот период М.Габович, а также командир взвода А.Алдошин, командир отделения А.Иванов и некоторые другие товарищи обеспечивали безопасность редакции газеты «Известия», принимали участие и в иных операциях. Известны многие примеры бдительности этих сотрудников, их сослуживцев.

Так, во время налетов фашистской авиации ночью из окна гостиницы «Националь» были выпущены три осветительные ракеты. Представитель милиции и упомянутые бойцы сразу проверили номера. В одном из них обнаружили мужчину. Лежа на постели, он с напускным безразличием потягивал сигару. Представился коммерсантом. И сделал крайне «удивленный» вид, когда под матрацем была обнаружена еще не успевшая остыть ракетница. «Коммерсанта» взяли под арест и передали следствию.

В один из сентябрьских дней в Тушинском лесу высадился немецкий десант из шести человек. Однако, прочесывая лес, встретить парашютистов не удалось. Тогда возникла мысль проверить всех занятых в поисковой операции. И что же – среди них оказались переодетые шпионы, заброшенные вражеской разведкой. Они просчитались в том, что были вооружены винтовками русского образца, а в истребительном батальоне имелось только польское оружие. Так попали впросак предатели.

Немало хлопот доставила бойцам тысячекилограммовая авиабомба, сброшенная фашистским летчиком на площадь напротив Моссовета. Металлическая громадина на полкорпуса зарылась в землю. Территорию оцепили. Приехали пожарные. Неожиданно около бомбы столбом взметнулось пламя. Оказывается, она пробила газовую трубу, вокруг начал бездымно полыхать газ. Такое зрелище озадачило даже специалистов-саперов. Но потом разобрались, забросали огонь мешками с песком. Позже в головке взрывателя был найден крошечный листок бумаги, на котором быстрым почерком написано «Чем можем помогаем». Появление его здесь осталось загадкой. Видимо, это дело рук антифашистов.

В таких вот операциях довелось участвовать М.Габовичу. Он стал хорошим политруком: внимательным и тактичным в общении с подчиненными, чутким к их нуждам. И все же артистическое в нем брало верх над армейским. Даже строевой шаг политрука со стороны напоминал какие-то балетные движения.

В июле-октябре 1941-го М.Габович силами артистов ГАБТа организовал для личного состава истребительного батальона НКВД и противовоздушной обороны концерты не менее двух раз в неделю. В них участвовали В.Кузнецов, К.Чичерюкин, С.Уваров и другие.

В те дни готовилось открытие филиала театра. В Свердловском райкоме партии, вспоминает бывший первый секретарь И.Новиков, подбирали кандидатуру на пост директора. Выбор пал на Габовича.

19 ноября, когда враг находился всего в 27 километрах от Москвы, филиал ГАБТа возобновил свою работу. Преддверие этому – титанический труд по подготовке к спектаклям. Декорации, костюмы, партитуры – все создавалось заново. Задание командующего Западным фронтом Г.К.Жукова выполнили.

Первыми зрителями были воины. Вскоре театр посетили генералы Г.К.Жуков и К.К.Рокоссовский.

Радость переполняла сердце М.Габовича. Искусство взывало к борьбе.

Газета «На боевом посту», 1980, 3 декабря

Ю.И.СЛОНИМСКИЙ
музыковед

О М.Габовиче

15 февраля 1942 года я приехал в Москву. На улицах полуопустевшего города стояли еще «ежи», «рогатки», надолбы времен памятных октябрьских дней. Кое-где еще не были разобраны сложенные из мешков с песком и кирпичей огневые точки. Гулкий шаг патрулей посередине ночных улиц перекликался с неумолчным отсчетом времени по радио, нет-нет да прерывавшимся сигналом воздушной тревоги. По ночам дома содрогались от взрыва падавших бомб, и жалобно дребезжали стекла в окнах. В такой обстановке после годичного перерыва я встретился с Михаилом Марковичем. Габович недавно прибыл из истребительного батальона, где провел незабываемые времена обороны Москвы и разгрома гитлеровцев. Я же приехал с Ленинградского фронта после ранения и острой дистрофии, перенесенной в блокаде. Мы взглянули друг на друга и впервые без слов крепко обнялись, обнялись как близкие, как братья. Разговорам нашим, дневным и ночным, чрезвычайно частым не было ни конца ни края.

Жизнь постепенно оживлялась в Москве, нарастала в своей интенсивности. Военные грузовики, фургоны и «козлики» сновали между фронтом и столицей, отдаленной от него на 40-50 километров и более, доставляя раненых, командированных в тыл героических участников боев за Москву. Большинство из них никогда не видело столицы, и можно себе легко представить, как велика была жажда людей с далеких окраин побывать в прославленных театрах, музеях. Большой театр находился в Куйбышеве. В Москве действовал один только Музыкальный театр имени Вл.И.Немировича-Данченко. Перед дверями его по вечерам толпились офицеры, примчавшиеся на сутки-другие с фронта и добивавшиеся возмож-

ности провести несколько часов в мире искусства, обладавшем в ту пору особой притягательностью и одухотворяющей силой.

Габовичу поручили собрать оставшихся в Москве артистов, музыкантов, рабочих сцены и подсобных цехов Большого театра, чтобы в кратчайший срок организовать спектакли оперы и балета в филиале ГАБТа, – задача, в условиях 1942 года особенно сложная. Тут-то и развернулся он во всю ширь заложенных в нем возможностей административного и художественного руководителя театра.

Не стану рассказывать о спектаклях, восстановленных Габовичем без больших материальных затрат и денежных ассигнований.

Всегда подтянутый, быстрый, неутомимый, легкий в походке, он с утра и до ночи проводил время в театре, в мастерских, распоряжаясь всеми частями столь сложного предприятия, как театр; вместе с военной формой и оперативностью он принес из истребительного батальона навыки офицера Советской Армии. Работа в филиале показала, как велики были резервы сил Габовича, как соскучился он по делу, размахом отвечавшему его силам и потребностям.

Все в театре добровольно признавали его власть над собой. Не по возрасту, должности, служебному стажу, премьерскому положению, а по уму, таланту, способностям организатора, преимуществам всесторонней развитости, общительности и постоянной готовности учиться. Сила личного примера Габовича действовала, пожалуй, больше всего, обязывая к равнению на него в дисциплине, в исполнении служебных обязанностей, инициативности и др. В коллективе царил дух редкого демократизма и товарищества. Габович охотно выслушивал любого, какое бы положение тот ни занимал, и только выслушав, принимал решение. Он был строг, требователен и вместе с тем внимателен и заботлив к нуждам подчиненных; ...личность Габовича была большой и настоящей в любом проявлении.

Сб. «Михаил Габович». Статьи. Воспоминания. М., «Искусство», 1977

Д.Б.КАБАЛЕВСКИЙ
композитор

Михаил Габович... Это имя сразу же вызывает в нашей памяти яркий облик талантливейшего артиста. Габович – это страстный и нежный Евгений в глиэровском «Медном всаднике»... Габович – это мужественный и поэтичнейший Ромео в балете Прокофьева... Я думаю, что сочетание страстности с нежностью, мужественности с поэтичностью и составляло основу артистической и человеческой индивидуальности Михаила Габовича. И в жизни, и на сцене он всегда был вдохновенен, умен и всегда неотразимо обаятелен.

Но вот пришла война, и личность Михаила Габовича раскрылась с новой, совершенно неожиданной стороны. Прекрасный артист оказался также прекрасным директором театра. Думаю, что неожиданностью это было не только для меня. Но это было именно так!

Доброволец Красной Армии, сперва политрук роты, потом комиссар истребительного батальона, Михаил Габович в самые трудные дни жизни столицы – осенью 1941 года – был назначен директором и художественным руководителем Большого театра. Формально театр назывался филиалом, но москвичи все равно называли его «Большим», потому что сам «Большой» был эвакуирован в Куйбышев.

Впервые я увидел Михаила Габовича в необычной для него должности и в столь же необычной для него военной форме зимой 1942 года, вскоре после возвращения в Москву с Юго-Западного фронта.

За дни, проведенные на фронте, я увидел, пережил и передумал – могу без преувеличения сказать это – больше, чем за все прожитые до того годы. И это требовало какого-то творческого выхода. Сознание тревожили трагические и героические сцены, свидетелем которых я оказался. Хотелось рассказать об этом наглядно, образно. Появилось непреодолимое желание создать оперу.

Либретто согласился писать тоже только что приехавший с фронта поэт и журналист Цезарь Солодарь. С радостью приняли мы предложение работать с Большим театром. Вот тогда я встретился с директором театра Михаилом Габовичем.

Нужно вспомнить, в каких труднейших условиях работал в ту пору театр. Хотя фашисты и были уже отогнаны от Москвы, но жизнь столицы все еще протекала в атмосфере большой напряженности, нехватки еды и тепла. «Каждый спектакль, – писал потом М.Габович, – был в наших условиях проблемой». Восстановив в первые месяцы работы несколько старых спектаклей, стали выпускать и премьеры. Но это были тоже знакомые, многожды игранные и петые и, в общем-то, не слишком трудные спектакли – «Тоска», «Севильский цирюльник», несколько балетов.

Большой смелостью надо было обладать, чтобы взяться за постановку совсем новой оперы, оперы исполнительски и постановочно сложной, да еще на тему «сегодняшнего дня» в самом прямом, самом буквальном смысле этого слова (ведь и полугода не прошло с разгрома гитлеровцев под Москвой, о чем мы и хотели рассказать в своей опере)!

Михаилу Габовичу хватило этой смелости. И не только за самого себя: он вдохновлял ею и нас, авторов оперы, и С.А.Самосуда, отдавшего всю свою неистощимую энергию, талант и мастерство постановке этой оперы и великолепно ею дирижировавшего. Как настоящий командир и комиссар, увлек за собой Габович и весь коллектив театра, всех, кто принимал участие в создании этого спектакля – первого большого оперного спектакля о Великой Отечественной войне.

Сказать, что сам Габович стал режиссером, причем режиссером талантливым, поделив нелегкий труд постановки новой оперы с Б.А.Покровским, было бы мало. Он стал душой всей работы над спектаклем, как, впрочем, был душой всего театра.

После бессонных ночей, которые мы проводили вместе, «колдуя» над бесконечными вариантами драматического развития оперы, отдельных ее партий и эпизодов, он с самого раннего утра был в театре, разучивал с артистами уже сочиненные и находившиеся в работе сцены, обсуждал с Б.П.Волковым эскизы декораций, проверял, насколько постановочная часть может точно воспроизвести на сцене эффект полета в ночном небе трассирующих пуль и бомбовых разрывов, не выходя при этом за рамки общего художественного замысла. В паузах между творческими разговорами и спорами он решал многочисленные, трудно решавшиеся в те дни финансовые и хозяйственные проблемы, руководил распределением пайков между работниками театра, принимал участие и даже сам руководил занятиями по противовоздушной обороне...

Не могу сказать, что сам я в ту пору мало работал. Работал, пожалуй, даже больше, чем когда бы то ни было. И все же, глядя на Габовича, не переставал

удивляться и восхищаться. Откуда он брал силы и время на все это?! И как трудно связывалось это с представлением об артисте балета, такой хрупкой профессии, требующей постоянного внимания к самому себе, к образу жизни, к неукоснительно строгому режиму.

Когда мне казалось, что я начинаю уставать, я вспоминал о Мише Габовиче, и мне становилось как-то легче...

В праздничном ноябрьском концерте 1942 года, состоявшемся в Большом театре, прозвучала одна картина оперы, называвшейся тогда «Под Москвой». Через год под названием «В огне» опера была поставлена целиком и шла в театре до того дня, пока не ушел из него С.А.Самосуд.

В опере были серьезные недостатки, во многом, как мне кажется, объясняющиеся трудностью перевода в оперный спектакль еще не завершенных, еще свершавшихся событий Великой войны. Но, судя по неизменно горячей реакции зрительного зала, было в опере, очевидно, и что-то, верно передававшее атмосферу тех дней, волновавшее слушателей и зрителей близостью к ним того, о чем театр рассказывал со своей сцены.

В том, что люди, пришедшие в те суровые дни в оперный театр, видели на сцене самих себя, в оперных героях находили свои мысли и ощущали свои чувства, была, конечно, заслуга всех участников спектакля – от прославленного Самосуда до никому неизвестных рабочих сцены. Но то, что возглавлял все это сложное, многосоставное театральное «подразделение» Михаил Габович, – никто из нас никогда не забудет.

Чудесные дни нашей совместной работы много мне дали, многому меня научили. Я всегда вспоминаю их с радостью, с чувством любви и благодарности ко всем, кто тогда трудился в Большом театре, и особенно – к талантливому артисту, режиссеру и директору-комиссару, чудесному, обаятельному человеку, доброму моему другу Михаилу Габовичу.

Сб. «Михаил Габович». Статьи. Воспоминания. М., «Искусство», 1977

Серафима ХОЛФИНА
педагог МАХУ

О М.Габовиче

Комитет по делам искусств отозвал Габовича из армии, назначив его директором и художественным руководителем филиала Большого театра. ...В октябре 1941 года Москва жила напряженной, очень трудной жизнью. Однако частые налеты вражеской авиации, трудности с питанием, отоплением не могли служить препятствием в интенсивной творческой жизни артистов.

В это тяжелое время Габович не забыл о хореографическом училище. Он вызвал к себе старшего инструктора училища Наталью Сергеевну Садковскую. Впоследствии она рассказывала нам:

«В середине октября 1941 года позвонил мне Миша Габович: «Наталья Сергеевна, срочно приходите ко мне в филиал Большого». «Что случилось?» – спрашиваю. «Возобновляются спектакли на сцене филиала, нужны для балетов дети, которые не эвакуировались в Васильсурск». Я буквально опешила: «Что вы, Миша! Какие там балеты, война, немцы возле Москвы...» – «Немцы под Москвой – это временное явление. Жителям Москвы мы нужны. Они будут приходить в театр

 отдыхать, отвлекутся, забудут на несколько часов о войне. Это поддержит их. Будут смотреть наши спектакли и воины, наберутся сил, хорошего настроения, крепче станут бить врага».

Оставшимся в Москве учащимся были разосланы открытки с приглашением прийти в училище на занятия. Через неделю явились дети средних классов – всего тридцать две девочки и восемь мальчиков. Младших детей в Москве не оказалось. Из педагогов была лишь М.М.Леонтьева. Михаил Маркович фактически стал директором и художественным руководителем училища.

Он проявлял отеческую заботу об учащихся. Выхлопотал обеды, которые приносили из столовой Малого театра. Следил за тем, чтобы здание училища хорошо отапливали, чтобы выдали рабочие карточки и т.д. Позже он занял девушек-учениц во всех балетах, поручил им ответственные партии, следил за их художественным ростом, лично бывал на репетициях. Лучших из учениц седьмого класса он выдвинул на сольные партии. Так, Майе Плисецкой были поручены партии одного из трех лебедей и одной из шести невест в «Лебедином озере». В филиале шли регулярные репетиции, куда вызывали и учащихся.

В начале ноября, когда шла очередная репетиция, по радио была объявлена воздушная тревога. Завыла сирена... Габович дал команду прекратить репетицию и укрыться в метро. Наталью Сергеевну просил проводить учащихся в бомбоубежище. Но никто не ушел. Репетиция продолжалась.

Участников массовых сцен не хватало. Пришлось проявлять изобретательность. Например, в опере «Борис Годунов» в первом акте, для того чтобы создать впечатление массы народа, в костюмы одевали рабочих сцены, портних и даже инструкторов и учащихся хореографического училища. В каждую руку давали вырезанные из фанеры и раскрашенные фигуры женщин и мужчин. Габович показывал, как надо двигаться, чтобы эта «человеческая» бутафория производила впечатление настоящих людей. Из зрительного зала эффект был полным, «народ» заполнял всю сцену.

Шла усиленная подготовка к концерту, которым начинал свою работу филиал Большого театра. Наконец наступил незабываемый в истории Большого театра день – в Москве, прифронтовом городе, в который Гитлер грозился не сегодня-завтра войти, открывал сезон оперно-балетный театр. Сообщение об этом волнующем событии сделал по радио Михаил Габович. Он приглашал москвичей и фронтовиков на открытие театра.

19 ноября 1941 года в два часа дня занавес филиала Большого театра на Пушкинской улице раздвинулся. Зал был битком набит. В партере и ложах – бойцы и командиры Красной Армии, рабочие и служащие Москвы. Военные приехали на грузовиках. От передовой до театра было всего тридцать минут езды. Они прибыли с ближайших подступов к Москве. Сидели в шинелях, с автоматами – гардероб в театре был закрыт.

Публика одинаково горячо аплодировала и знаменитому Сергею Лемешеву, и юным танцовщицам – воспитанницам хореографического училища. Концерт имел небывалый успех.

Враг был у ворот столицы, но театр систематически давал спектакли оперы и балета. Часто они продолжались под вой сирены. Но ни артисты, ни публика не покидали театр во время воздушной тревоги.

Деятельность Габовича не имела границ. Он репетировал с артистами, хо-

дил в мастерские Большого театра, подбирал костюмы, декорации. Комплектовал фронтовые бригады. Проводил совещания с хозяйственниками, требовал хорошего отопления, хлопотал, чтобы были дрова. Следил за питанием всех работников театра, есть ли у каждого карточки, вел контроль за распределением талонов на обеды в столовой и т.д. И главная забота – о репертуаре, о всех художественных делах театра.

Разгром фашистов под Москвой в декабре 1941 года артисты Большого театра, учащиеся и рабочие театра встретили ликованием.

Габович расширил репертуар. В балеты понадобились младшие ученики, которых в училище еще не было. Михаил Маркович хлопотал в Комитете по делам искусств о разрешении приема десятилетних девочек и мальчиков в младшие классы училища. Весной 1942 года он получил приказ открыть прием в хореографическое училище.

Михаил Маркович выступил по радио, сообщив о приеме заявлений детей десяти лет в хореографическое училище Большого театра. Распорядился повесить афишу о приеме у ворот училища на Пушечной улице, дом № 2. Послал вызов педагогам младших классов (О.И.Рафаиловой и мне), которые были в эвакуации. Вызвал педагогов по общеобразовательным, музыкальным предметам.

1 сентября 1942 года училище начало учебный год. Были набраны два класса – девочек и мальчиков. Девочек Михаил Маркович поручил вести Л.И.Рафаиловой, мальчиков – мне. Старших (сборная группа) вела М.М.Леонтьева. Комиссию на приемном экзамене возглавил Габович. Он помог нам выбрать лучших, точно угадывая их профессиональные данные. В течение зимы 1942/43 года он руководил училищем. Бывал на просмотрах классов, по-прежнему откровенно высказывал свое мнение, направляя нас, педагогов, указывал на методические ошибки.

Весной 1943 года вернулось хореографическое училище из эвакуации, и Михаил Маркович передал свои полномочия художественному руководителю училища Н.И.Тарасову.

Когда кончилась война и жизнь вошла в свое русло, Габович целиком посвятил себя исполнительской деятельности.

Серафима Холфина. Вспоминая мастеров московского балета. М., «Искусство», 1990

С.ЧУДИНОВ
солист балета

В день, когда началась Великая Отечественная война, неожиданно для себя я стал бывшим артистом балета Большого театра. Я получил по почте (!) пенсионную книжку.

Сознание, что в это тревожное для всего нашего Отечества время я вдруг остался вне коллектива, поразило меня как громом.

Прошло некоторое время, и вот однажды я вновь получил повестку – милую, дорогую театральную повестку, с просьбой Михаила Марковича Габовича зайти в дирекцию. Мгновенно, забыв все обиды, я помчался в театр. Оказалось, что М.Габович и В.Смольцов проявили смелую инициативу: невзирая на то, что Москва была на военном положении и основная часть труппы покинула столицу, они обратились в правительство с просьбой об открытии нашего филиала. Их поддержали. И вот теперь Габович предлагал мне войти в этот новый коллектив, состав-

 ленный из тех, кто не уехал в это грозное время из Москвы. Надо ли говорить, как я был счастлив! Надо ли говорить, что в ответ на слова Михаила Марковича, назначенного тогда директором московского Большого театра: «Только я не знаю, сможем ли мы вам платить, так как нам предстоят, кажется, только бесплатные выступления перед воинами Советской Армии» – я, не задумываясь, ответил: «Ну и что же? Мне ничего не надо! Вы даете мне больше, чем зарплату, вы возвращаете мне жизнь, которой я был лишен последние два месяца. И потом, я же получаю пенсию, и вообще главное – работать!»

Журнал «Советская музыка», 1967, № 10

В годы войны большую работу проводил С.В.Чудинов в коллективах художественной самодеятельности. Руководимые им кружки выступали в госпиталях перед ранеными воинами Советской Армии, на агитпунктах и многих предприятиях столицы.

Сам Сергей Чудинов во время войны вернулся к исполнению в театре своих партий, выступая перед трудящимися героической Москвы.

С.В.Чудинов награжден медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Т.В.БЕССМЕРТНОВА
солистка балета

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Вот они – афиши военной поры – тонкие-тонкие листы бумаги. Филиал Большого театра СССР. Знакомые названия спектаклей: «Евгений Онегин», «Риголетто», «Травиата», «Севильский цирюльник», «Конек-Горбунок», «Коппелия», «Лебединое озеро», «Тщетная предосторожность»... Знакомые имена: Барсова, Норцов, Козловский, Лемешев, Лепешинская, Мессерер, Банк, Голубин, Смольцов, Руденко, Рябцев...

И все-таки что-то необычное есть в этих шелестящих, хрупких от времени листах. Да, конечно же, начало спектаклей: прежде всего – ни одного вечернего. «Начало спектакля в 4 часа дня, окончание в 7 часов 30 минут вечера»; «Начало спектакля в 2 часа дня»; «Начало спектакля в 1 час дня, окончание в 3 часа дня». Чем ближе к зиме, тем раньше начинались спектакли. Надо было успеть до затемнения!..

Вот что рассказала об этом времени, о работе филиала ГАБТа в первый военный год солистка Большого театра Татьяна Васильевна Бессмертнова.

17 июня 1941 года я вернулась в Москву из шефской поездки по Забайкальскому военному округу и Монголии. В Большом шли обычные репетиции, спектакли. До летнего отпуска оставалось совсем немного времени.

Утром 22 июня я не была занята в спектакле и пошла в Театр Красной Армии. На улице вдруг увидела взволнованную, суровую толпу у репродукторов, сразу поняла, что случилось что-то ужасное. Голос диктора громко разносился вокруг – я услышала о войне. Это была страшная весть. Не помню уж, как я добралась домой...

Отпуск, конечно, отменили. Театр работал: спектакли, концерты продолжались до середины октября. Потом по решению правительства большая часть труппы эвакуировалась в Куйбышев...

Оставшиеся каждый день собирались в здании филиала на Пушкинской ули-

це, несмотря на то, что спектакли не шли. Но мы выступали в госпиталях, на призывных пунктах и видели, как уходили защищать Москву ополченцы... С 1936 года я принимала участие в военно-шефских концертах и много раз выступала перед новобранцами, но как изменилась сама атмосфера призывных пунктов, какими суровыми, собранными стали лица людей – война!

Помню концерт на Ленинградском вокзале, в зале ожидания, буквально набитом бойцами. Там была сделана маленькая эстрада, почти как столик. На ней я танцевала Вариацию из «Коппелии». Война и балет! Казалось бы, что общего... Но солдаты, уходившие на битву, принимали удивительно тепло, сердечно. В этом было какое-то чудо, и чудо это окрыляло нас. Как было важно в то время знать, что нужен, что приносишь пользу!

В самом начале ноября я увидела в театре Михаила Габовича. Он (тогда уже известный танцовщик) добровольцем ушел на фронт в ополчение, был контужен, лежал в госпитале. Теперь ему, коммунисту, было поручено возглавить работу московской труппы коллектива. Именно Габовичу, на мой взгляд, его воле, энергии мы во многом обязаны тем, что произошло в дальнейшем. Он стал собирать вокруг себя оставшихся артистов, доказывал, что наши оперная и балетная труппы могут самостоятельно выпускать спектакли, добился разрешения открыть филиал Большого театра.

Не забыть этот день – 15 ноября 1941 года, когда Габович объявил нам, что театр будет работать!

19 ноября состоялось открытие филиала – большой концерт. В нем приняли участие буквально все: Надежда Андреевна Обухова, Елена Климентьевна Катульская, Фаина Сергеевна Петрова, Елена Андреевна Степанова, Сергей Яковлевич Лемешев, Иван Павлович Бурлак, Никандр Сергеевич Ханаев... Помню, как молоденькая Людмила Литавкина танцевала Вариацию из «Тщетной предосторожности», наш блестящий танцовщик Александр Руденко – Вариацию из «Баядерки». А мне посчастливилось танцевать Адажио из «Щелкунчика» с таким прекрасным партнером, как Владимир Голубин.

Готовили мы свои номера самозабвенно. Нами владело чувство огромной радости – ведь если разрешили открыть театр, значит, опасность для Москвы сейчас не так страшна, значит, будет спасен наш родной город!

19 ноября театр был полон. Перед началом концерта мы по очереди заглядывали в зрительный зал через дырочку в занавесе. Бросилось в глаза – много молодежи, военных. Кто знает, может быть, им вскоре предстоит уходить на фронт... Как примут они нас? Нервничали ужасно. А принимали наши зрители концерт так горячо, так искренне, как, пожалуй, не принимали нас в мирное время.

Концерт – только начало. Было решено возобновить несколько спектаклей. Прежде всего выбор пал на «Евгения Онегина» и «Тщетную предосторожность». Премьеру «Тщетной» назначили на 23 ноября. Мне поручили партию Лизы – центральную партию, совершенно новую для меня. С 16 ноября я стала работать над ней под руководством Валентины Васильевны Кудрявцевой.

Сцена была занята декорациями (ее освободили только в день концерта), мы репетировали на паркете, в фойе. Танцевали по многу часов подряд. Мне старались помочь все мои партнеры (они раньше участвовали в «Тщетной» и прекрасно знали свои партии). Если бы не Александр Руденко – Колен и Владимир Рябцев, исполнявший роль Марцелины, я бы, конечно, не смогла приготовить Лизу

 за столь короткий срок – за пять дней! 21 ноября уже состоялась генеральная репетиция – первый раз под оркестр и первый раз на сцене...

А вечерами я приходила домой к Валентине Васильевне – в Брюсовский переулок, и в комнате мы проходили мизансцены: ведь Лиза не только очень танцевальная партия, но и игровая. Кудрявцева умела вдохновить, внушить мысль, что человек может все, способен преодолеть все трудности, если захочет. А мне очень хотелось танцевать хорошо, как можно лучше – вложить все свои силы, все сердце...

И вот наступило 23 ноября. Премьера была назначена на час дня. Волновалась ли я? Очень. Но это волнение – волнение подъема – не отнимало силы, а прибавляло их. Танцевать – так прекрасно! А для тех, что собрались тогда в зале, особенно!

И атмосфера за кулисами была какая-то особенная. Мне помогали все, все подбадривали. «Держись!», «Не сдавайся!» – то и дело слышалось из-за кулис, когда я танцевала. Дирижировал спектаклем Семен Семенович Сахаров, вел оркестр очень чутко: с ним было легко, спокойно. А ведь Сахаров – оперный дирижер, не балетный. Но в то время каждый делал все, что было нужно, – и так хорошо, как только мог...

Днем раньше – 22 ноября – состоялась премьера «Евгения Онегина». Ленского пел Сергей Яковлевич Лемешев. Это был настоящий триумф! Потом – «Риголетто», «Травиата», «Севильский цирюльник»...

Балетная труппа после «Тщетной» приготовила «Конька-Горбунка» с Виктором Смольцовым, Любовью Банк, Валентиной Кудрявцевой и Владимиром Голубиным в главных партиях.

В начале января 1942-го начали работать над «Коппелией» (спектакль возобновляли Е.И.Долинская и Л.А.Жуков) и «Шопенианой» (ее готовил И.В.Смольцов). Репетировали уже более спокойно: недели по две (сейчас и это кажется невероятно коротким сроком, но все-таки уже не пять дней!). Я танцевала премьеру «Коппелии» и три первых спектакля, а потом – в очередь с Суламифью Мессерер, вернувшейся из Куйбышева.

До самого конца войны каждый свободный день мы выступали в госпиталях, в воинских частях, в специальных концертах, сбор от которых поступал в фонд обороны страны, в фонд помощи фронту, в фонд постройки танковой колонны «Советский актер»... Стремились служить своим оружием общему делу.

Это было уже совсем другое время, и настроение у людей – другое. Фашистов прогнали далеко от Москвы. И хотя шла еще война – кровавая, суровая, гибли люди, но под Москвой что-то сломалось в немецкой военной машине, не было в ней прежней, грозной, непобедимой силы.

Журнал «Музыкальная жизнь», 1975, № 9

В.С.СОЛОВЬЕВА
диктор радио

Июнь 1941 года. Война... Она вошла в каждую семью, в каждый дом. Вошла она и в наш Радиодом. И сразу все переменилось. Корреспонденты надели военную форму, многие ушли на фронт. Появились новые передачи: Сводки Совинформбюро, «В последний час», Фронтовые очерки, Письма с фронта и на фронт (за время войны их было прочитано около 9 тысяч), передачи Белорусского радио

и Украинского радио «Фронт в эфире» и передача для партизан «Голос Родины», «Голос Москвы».

Мы рассказывали о стойкости ленинградцев в блокадном городе, где с каждым новым днем сокращался голодный паек. О героической обороне Одессы. О Севастополе, девиз которого был: «Севастополь дерется до последнего человека, а последний человек – до последней капли крови».

Сколько душевных сил надо было вложить в чтение фронтовых очерков, в которых рассказывалось о зверствах фашистов: о женщинах, повешенных за то, что они прятали наших раненых воинов; об убитых на глазах матери детях за отказ показать дорогу к партизанам. Как трудно, почти физически трудно было читать, нет, не читать, а рассказывать слушателям всего Советского Союза об уничтоженных, сожженных городах, о стертых с лица земли деревнях...

Большой отдушиной между этими передачами была музыка. Тогда не было записей, артисты и коллективы выступали непосредственно у микрофона. Частыми гостями у нас в студии были В.Софроницкий, М.Юдина, А.Нежданова и Н.Голованов, Н.Обухова со своим концертмейстером М.Сахаровым, И.Козловский – с П.Никитиным. Меня всегда поражал их внешний вид: они шли по затемненным улицам и приходили в студию, где были один на один с микрофоном, а были одеты как для выступления в Концертном зале. Нежданова и Обухова в концертных платьях, Голованов и Сахаров – в смокингах. Они считали, что их выступление ответственнее, чем в зале – они поют для миллионов, да еще в такое время, когда людям надо дать немного радости. И как я ни просила их не снимать шубы, так как в студии было холодно, они выступали всегда очень парадно! А.В.Нежданов и Н.С.Голованов выступили по радио во время войны 94 раза.

29 ноября 1942 года в Большом театре состоялся антифашистский митинг, который проводило Всесоюзное радио. Выступали Ал.Толстой, Д.Шостакович, В.Барсова, И.Москвин, Н.Черкасов, кинорежиссеры А.Довженко, И.Пырьев, С.Герасимов. После митинга был дан большой концерт.

Особенно мне запомнились симфонические концерты Всесоюзного радио, которые обычно шли утром, так как в это время не было воздушных тревог. 1 февраля 1942 года в Колонном зале в 11 часов утра был концерт из произведений П.И.Чайковского и Н.А.Римского-Корсакова. Н.Рождественская пела арию Кумы из «Чародейки» и «Похвалу пустыне» из оперы «Сказание о невидимом граде Китеже». Дирижировал Н.Голованов. В зале были только военные. Было холодно, все – в шинелях, с винтовками штыками вверх. День был морозный, сквозь окна пробивалось солнце, штыки сверкали, и это создавало какое-то особенное – и тревожное, и радостное настроение: они уйдут сейчас на боевое задание, вдохновленные гениями русской музыки.

Такие же дневные симфонические концерты для воинов проходили и в Большом зале консерватории, где были исполнены все шесть симфоний Чайковского.

И еще вспоминается концерт тоже в Колонном зале 22 апреля 1943 года уже вечером. Колонный зал был не таким, каким мы видим его теперь – нарядным, залитым светом хрустальных люстр. Тогда окна были задрапированы, только над пультами оркестрантов тускло горели маленькие лампочки. Шло первое в Москве исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. В переполненном зале стояла нео-

 быкновенная тишина. В публике преобладали военные. Вдруг меня подозвал комендант и сообщил, что в городе объявлена воздушная тревога, надо прекратить концерт и вывести народ в убежище. Мне очень не хотелось прерывать симфонию, тем не менее, стараясь перекричать оркестр, я попросила всех покинуть зал, но ни один человек даже не пошевелился.

Так повторялось дважды. Когда в третий раз была объявлена воздушная тревога, комендант решил сам выйти на сцену, так как я, по его мнению, объявляла нежным голосом. Но и после его строгого приказания никто не покинул зал. Звучал финал симфонии – гений Шостаковича уже видел нашу победу, наше светлое будущее.

Е.С.КАЧАРОВ
солист балета

О В.А.ГАЙГЕРОВОЙ

Композитор Варвара Андриановна Гайгерова была подлинным творцом музыки и в то же время артистом-исполнителем, работая в Большом театре в качестве концертмейстера с 1935 года, а также в годы Великой Отечественной войны.

Она была человеком большой душевной красоты, простым и скромным товарищем и, как артист, обладала всесторонней культурой. Что касается ее музыкального дарования, то она приводила нас всех в восхищение.

В годы Великой Отечественной войны Гайгерова принимала горячее участие в военно-шефской работе, возглавляя концертные бригады, организованные тогда дирекцией и общественностью Большого театра. Эту почетную работу она выполняла с энтузиазмом.

В те дни часто можно было встретить ее уже в утренние часы в канцеляриях оперы, балета и оркестра. Я помню ее, внешне хрупкую, с бледным лицом, в маленькой каракулевой шапочке, с кучей клавиров под мышкой, в окружении участников концертных бригад. Она казалась душой этих шефских концертов, и действительно, в работе она была душой наших коллективов.

Варвару Андриановну всегда волновала подготовка к концерту участников шефских бригад, с которыми ей предстояло выступать, поскольку она возглавляла всю музыкальную часть. Она делала быстрые пометки для каждого исполнителя – как для вокалистов, так и солистов балета и, конечно, музыкантов: скрипачей, виолончелистов и др. Работать с ней было не легко, но чрезвычайно полезно для каждого из нас.

Вспоминается мне один эпизод, очень характерный для В.А.Гайгеровой, когда на отправных пунктах призывников в Москве Большой театр организовал в один день три шефских концерта, которые возглавляла Варвара Андриановна. Я был также участником этих трех концертов, шедших подряд на Северном, Ленинградском и Казанском вокзалах, и являюсь свидетелем того, что она, одна аккомпанировавшая всем участникам этих трех концертов, провела их в течение многих часов, в обстановке воздушной тревоги, без пищи и отдыха, поднимая настроение коллектива своей мужественной энергией. Она, очевидно, считала, что прежде надо провести концерты, достойно проводить бойцов на фронт с песней и танцами, а потом уже думать о еде и отдыхе. Помнится, что солист оперы Большого театра бас Бедрасян, также принимавший участие в этих кон-

цертах, старался уговорить ее после второго концерта пойти в буфет и хотя бы немного подкрепить свои силы, на что она категорически отказывалась. Но по настоянию всего коллектива Варвара Андриановна согласилась и перед началом третьего концерта вернулась торопливо, впопыхах, смущенная, и спросила нас:

– Не задержала ли я концерт?

Мы все улыбались и, восхищаясь ее энергией, радовались тому, что она поела, наконец, тогда как мы все успели за это время уже несколько раз побывать в буфетах.

Варвара Андриановна в то время была поглощена фронтовой темой. У меня было такое впечатление, что Гайгерова мысленно находится где-то там, на фронте, с теми, кто отстаивает независимость нашей страны. Ее невозможно было рассеять другими разговорами или развеселить чем-то. Временами я встречал ее сосредоточенный взгляд, направленный на группы призывников, отправлявшихся на фронт. Казалось, что ей хотелось стать рядом с ними и пойти на защиту Отчизны. И она пошла с ними в своей музыке, создав патриотическое произведение «Дневник фронтовика».

Слушая теперь по радио ее симфоническую поэму-кантату «Дневник фронтовика», я понимаю, насколько глубоко воспринимала В.А. тему защиты Родины. Что эта тема для нее, как и для бойца, была священной. Теперь очевидно, что композитор Гайгерова черпала материал для своего произведения непосредственно из жизни, повседневно наблюдая и изучая советских воинов – будущих героев.

Возвышенную тему защиты родной земли в музыке «Дневника фронтовика» Варвара Андриановна несла людям и донесла до них. В музыке этого произведения Гайгерова, как лично кажется мне, является режиссером более, чем композитором какой-либо новой формы, могущей довлеть над содержанием. У Гайгеровой именно в действии рождается музыка. Как бы сам текст диктует ей только то, что, казалось бы, не могло звучать иначе. Вот почему так значительно достоинство музыки «Дневника фронтовика», гармонично служащей теме.

По рассказам товарищей, Варвара Андриановна была в жизни остроумным, веселым человеком, любившим юмор и шутку. Но мне особенно ярко запомнились встречи с нею в годы Великой Отечественной войны, и поэтому память о ней самой у меня как-то ассоциируется с памятью о героях-воинах, отдавших жизнь за свободу Родины. Варваре Андриановне не суждено было дожить до победы, которую она предвидела, но свой долг гражданина она выполнила с честью. «Дневник фронтовика» – это ее патриотический дар Родине и будущим поколениям. И он будет подобно вечному огню освещать память героев Отчизны!

20 марта 1970г.

«... В Большом театре состоялось экстренное собрание работников с участием всех коллективов театра. Собрание прошло с большим подъемом и выявило горячий патриотизм всего коллектива нашего театра».

УВЕРЕН В ПОБЕДЕ

Глубокое возмущение охватило меня, как только я узнал о коварном нападении вероломного врага на нашу Родину.

Выражаю непоколебимую уверенность в том, что наша доблестная и могучая Красная Армия, Военно-Морской и Воздушный Флот нанесут сокрушительный удар зарвавшемуся врагу, а многомиллионный народ нашей великой страны сделает все, чтобы защитники нашей Родины были обеспечены всем необходимым для выполнения своего священного долга.

М.МИХАЙЛОВ,
народный артист СССР

ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ

На нашу Родину напал враг, напал коварно, из-за угла. Но это нападение не застало нас врасплох.

Красная Армия, авиация и Военно-Морской Флот готовы дать отпор тем, кто вероломно и нагло посягнул на целостность и свободу нашей великой Родины.

Враг будет разбит! Советский народ, руководимый великой Коммунистической партией, разгромит вражеские полчища.

Война, начатая германским фашизмом против великого Советского Союза, – война двух полярных миров, двух диаметрально противоположных государственных систем.

В лице фашистской Германии борется против СССР, единственного в мире передового социалистического государства, все то, что бесповоротно осуждено историей на гибель. Эта гибель неизбежна. Советский Союз, отчизна всего трудящегося человечества, победит, потому что он отстаивает право, честь и свободу трудящихся всего мира, всего прогрессивного человечества.

Н.КРАМОРЕВ,
газета «Советский артист»
26 июня 1941г.

РАБОТАЕМ НА МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПУНКТАХ

День 23 июня объявлен первым днем мобилизации. Райком ВКП(б) наметил ряд концертов на мобилизационном пункте. С утра началась запись артистов на эти концерты. Нужно было дать по одному номеру в концерте, но желающих оказалось столько, что мы дали по два номера, выполнив 5 концертов за день и еще осталось 14 номеров. Некоторые артисты просили их занять по два-три раза и если нужно, то и ночью.

Артисты балета с большим воодушевлением откликнулись на призыв партии обслужить доблестных воинов высоким мастерством своего искусства.

Наш коллектив сейчас усиливает изучение винтовки, пулемета, военного устава и строя. Можно не сомневаться, что мужчины все как один в нужный момент с оружием в руках встанут на защиту своей цветущей Родины. Новая Отечествен-

ная война принесет славу советскому оружию, и доблестная Красная Армия впишет в историю немало еще блестящих побед над зарвавшимися бандитами, заправилами зверского фашистского режима.

В.ЦАПЛИН, С. ШАШКИН,
газета «Советский артист»
26 июня 1941г.

С первого дня мобилизации артисты Большого театра ежедневно обслуживают мобилизационные пункты г.Москвы. Каждый день в среднем бывает 5-6 концертов.

Ряд пунктов прислал отзывы о работе наших бригад.

Концерт 5 июля. «Концерт прошел с большим подъемом. Бойцы просили еще раз выслать эту бригаду».

Концерт 6 июля. «Выносим благодарность т.т. артистам».

Концерт 7 июля. «От имени командования пункта и присутствующих приносим красноармейское спасибо».

Концерт 8 июля. «Исполнение всеми артистами бригады было отличное. Бойцы смотрели с большим интересом. После каждого выступления бурно аплодировали. Выражаем благодарность за доставленное удовольствие».

Газета «Советский артист», 1941, 12 июля

ТРАДИЦИЯ НЕ БЫЛА НАРУШЕНА

Праздничный концерт на станции метро «Маяковская» (о праздновании 7 ноября 1941г.)

В последние дни октября враг интенсивно бомбил столицу.

6 ноября 1941 года в 2 часа ночи мне позвонил полковник Груздев. За ним раздался звонок по телефону из Моссовета. Просили привезти в метро, на станцию «Маяковская», сукно, необходимое для стола президиума торжественного заседания, утром проверить подготовку импровизированной сцены и оформления.

Все необходимое было доставлено в метро. В середине дня мы встретили на платформе председателя Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР М.Храпченко, диктора Всесоюзного радиокомитета Ю.Левитана, подполковника Потапова, каждый из них был озабочен подготовкой к торжественному заседанию.

После репетиции рабочие Зала им. П.И.Чайковского установили на платформе 2000 стульев.

Заседание было назначено на 19.00. За два часа до этого, словно стремясь помешать задуманному осуществиться, 250 вражеских самолетов двинулись к столице для нанесения массированного бомбового удара. Однако, встретив достойный отпор, фашистские асы потеряли 34 самолета и убрались восвояси, не достигнув цели. В 18.30 подземный дворец стал заполняться фронтовиками и рабочими столицы. «Из Спасских ворот, – вспоминает сотрудник для поручений Верховного Главнокомандующего полковник Н.Кириллин, – правительство проследовало по улице Горького до метро «Белорусская», где все спустились, сели в вагон и прибыли на станцию метро «Маяковская».

Ровно в 19 часов председатель исполкома Московского Совета В.Пронин открыл заседание и предоставил слово для доклада о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции И.В.Сталину.

Славная традиция праздничных заседаний не была нарушена. После официальной части состоялся концерт.

В начале концерта прозвучала ария Сусанина «Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за родную Русь» в исполнении М.Михайлова. Затем сменивший его на сцене И.Козловский спел арию Ионтека из оперы «Галька». Дуэтом замечательные певцы исполнили «Моряков» Вильбоа. Сопровождал выступление концертмейстер А.Макаров. Общее оживление и смех вызвала шуточная песня «Яр хмель» в исполнении дуэта. И.Козловский с присущим ему блеском исполнил арию Петра из оперы «Наталка-Полтавка», затем песенку герцога из «Риголетто».

Тепло принял зал возвратившийся с фронта ансамбль НКВД СССР под руководством дирижера З.Дунаевского. Звучали марши, народные мелодии, артисты балета ансамбля лихо исполнили украинский танец. В финале концерта перед зрителями появились артисты Краснознаменного ансамбля песни и пляски под художественным руководством профессора А.Александрова.

Каждое слово, каждая песня, прозвучавшая в тот вечер на «Маяковской» убеждали в одном: мы выстоим, мы победим!

А.Т.Рыбин, газета «Советская культура», 1984, 7 ноября

Маргарита АЛИГЕР

МЕТРО «МАЯКОВСКАЯ»

(фрагмент)

На метро «Маяковской»,
где мрамор и сталь,
как дубы в марсианском саду,
на гранитной платформе
  концертный рояль
вспоминаю в далеком году.
Почему тут рояль и чему
                  он служил?
Как слита его участь с войной?
. . . .
...Все слышнее, все ближе
  под городом бой.
Все грозней твое небо, Москва!
. . . .
Близится дата из дат.
Как же ты будешь праздновать
  в нынешний год,
В грозный год отступлений,
  утрат и невзгод,
что ты скажешь народу, Москва?
И как будто на наши вопросы
  в ответ,
собрался в этот вечер
  Московский Совет...
. . . .
...боевая Москва
из метро посылает

большие слова.
Пусть их слышат повсюду
в Советской стране:
Украина в плену, Севастополь
в огне,
Белоруссия и Ленинград.
Пусть их слышат везде
на горящей земле...

Н.С.ГОЛОВАНОВ

Во время Великой Отечественной войны я оставался в Москве. С большим удовлетворением вспоминаю дружную работу на радио с М.А.Гринбергом и Г.Н.Хубовым. Голос Москвы победно звучал на весь мир. Наши передачи, в которых принимала участие А.В.Нежданова, и открытые концерты в Большом зале консерватории с участием оставшихся в Москве Н.Обуховой, Е.Катульской, С.Лемешева, С.Мигая, А.Орфенова под грохот бомбежки и сигналы тревог восторженно принимались взволнованными москвичами. Очевидно, мы делали большое и нужное дело, так как позже люди самых различных профессий и возрастов со слезами на глазах рассказывали, как поднимали их дух и веру в победу трансляции Москвы.

(Первый открытый концерт состоялся 21 декабря в БЗК. В программу концерта входили произведения русской классики.)

Н.С.ГОЛОВАНОВ – В.П.СТЕПАНОВУ

Москва, 29 декабря 1941г.

Много работаем на радио. Оркестр наш наполовину уехал на восток (Свердловск), а мы к оставшимся присоединили из Большого театра лучших оставшихся и еще много в Москве старых музыкантов: на первом пульте у меня сидят Каревич и Шило Лука (играет по-прежнему великолепно, но болеет). Квартет Бетховена играет в полном составе, в оркестре: Еремин, Володин, старейшие валторнисты Усов, Солодуев, Шувалов, fagotti Шуберт и Воробьев – словом, состав на славу – полный оркестр 90 человек. Два месяца сыгрывались и теперь даем концерты, причем празднично и всегда с аншлагом. Тяга к театру и концертам в Москве безумна – сплошные аншлаги. Теперь, когда черные дни миновали и фронт отодвинулся от нашей родной Москвы, все опять мгновенно ожило. [...]

Большой работает на сцене филиала. Идут балеты и оперы. Дирижеры Чугунов и Сахаров. Балет великолепно ведет Сеня Сахаров, и балерины все в него влюблены. [...] Великолепно работает Театр Станиславского и Немировича (слились вместе). Дают много спектаклей, и тоже с аншлагами. Вообще в Москве очень любят всякое искусство, и мы, например, начинаем свои концерты в 10S (часов) утра – и все ходят. [...]

Консерватория думает начать частично работать с 1 января. [...]

Здесь в ГАБТе осталось до 1500 человек – хор, оркестр, балет и солисты. [...]

[...] Наш оркестр много играет шефских концертов. Как-то на днях я с Пироговым выступил в Доме Красной Армии (ЦДКА) для высшего командного состава. Исполняли русскую программу. [...]

Приехал из Ленинграда Ханс (помните, директор филармонии). Он имеет поручение набрать гастролеров для симфонических концертов в зале филармонии. Он сидел у меня до ночи – как раз объявили о прорыве блокады Ленинграда. Если позволят обстоятельства, я собираюсь туда лететь в марте, многие наши также – Рейзен, Пирогов, а Н[адежда] Андр (Обухова) хочет лететь первой в начале февраля. [...]

Сб. «Н.С.Голованов». Литературное наследие. Переписка. Воспоминания современников. М., «Сов. композитор», 1982

М.ЛЕВИНУ

19 ноября 1941г.

Нью-Йорк, США

Дорогой мистер Левин.

Имею удовольствие вместе с этим прислать чек на $ 3.920.29 на имя Виктора Федюшина, генконсула СССР как дар пострадавшим в России.

Пожалуйста, объясните мистеру Федюшину, что я оставляю на его усмотрение, какого рода медикаменты и другое оборудование и товары должны быть куплены на эти деньги, но я был бы очень благодарен, если бы все купленные товары были переправлены в Россию в качестве подарка от меня. Это единственный путь, каким я могу выразить мое сочувствие страданиям народа моей родной земли за последние несколько месяцев.

Благодарю Вас за помощь в этом деле, остаюсь искренне Ваш,

С. РАХМАНИНОВ

(Левин Маркс – глава концертного бюро (National Broadcasting Company), организовавшего концерты Рахманинова и др. исполнителей.)

ВСЕСОЮЗНОМУ ОБЩЕСТВУ КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ

25 марта 1942г.

Нью-Йорк, США

От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу!

Сергей РАХМАНИНОВ

РАБОТНИКИ ИСКУССТВ – В ФОНД ПОСТРОЙКИ ТАНКОВ

21 декабря в филиале Государственного ордена Ленина Большого театра Союза ССР состоялся концерт. Средства, собранные с концерта, предназначены в фонд постройки танков. Концерт начался финалом 5-й симфонии Глазунова. При первых звуках оркестра (дирижер – профессор А.П.Чугунов) в зале воцаряется абсолютная тишина. Торжественно и вместе с тем лирически звучит музыка Глазунова. Она созвучна настроениям слушателей, она ассоциируется с великими днями героической защиты родины, великим патриотическим подъемом всего советского народа.

В программе концерта, составленного интересно и разнообразно, композиторы: Глазунов, Россини, Штраус, Чайковский, Глинка, Делиб, Римский-Корсаков, Хачатурян, Прокофьев, Глиэр, Дунаевский, Блантер, Жарковский и другие.

Радостно приветствуют москвичи своих любимцев, вместе с ними пережив-

ших тревожные дни оголтелого наступления фашистских орд на столицу, народных артистов СССР Е.А.СТЕПАНОВУ И Н.А.ОБУХОВУ, заслуженного артиста РСФСР С.Я.ЛЕМЕШЕВА, заслуженных артистов РСФСР Е.К.КАТУЛЬСКУЮ И А.А.БЫШЕВСКУЮ.

Шумный успех выпал на долю артиста оперы Г.К.ПАСЕЧНИКА, исполнявшего с искренней задушевностью русские народные песни. Горячо принимает публика и молодую артистку Т.Бессмертнову, исполнившую изящно и с большой виртуозностью адажио из балета «Щелкунчик» Чайковского. Дружным одобрением публики, в особенности военных, пользуется жизнерадостное, полное удали и задора исполнение артистами балета ГАБТ матросского танца «Яблочко» (музыка Глиэра).

Заключительные номера концерта «Вставайте, люди русские» из кантаты «Александр Невский» Прокофьева и «Славься, славься, русская земля» – эпилог из оперы «Иван Сусанин» Глинки (оркестр и хор ГАБТ) наполняют сердца слушателей горячей любовью к родине, уверенностью в непобедимости великого русского народа.

Газета «Литература и искусство», 1942, № 1

ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ!

Мы были уверены, что в наш любимый город, славное героическое прошлое которого тесно переплелось с величайшими подвигами сегодняшнего дня, дикие фашистские орды не войдут. Наше сознание не могло примириться с мыслью, что кованый фашистский сапог пройдет по московским улицам, войдет в наши дома, в наши музеи, библиотеки, театры, растопчет величайшие сокровища нашей культуры, науки и искусства, которые мы столетиями тщательно собирали и бережно хранили.

С непередаваемой болью и возмущением узнали мы обо всем, что натворили эти вандалы XX века в Ясной Поляне и в Клину. Нам, артистам, особенно тяжело, что фашистские негодяи посмели осквернить место, где жил и создавал свои бессмертные произведения П.И.Чайковский.

Ни один фашистский солдат не останется живым на нашей священной земле! Порукой этому славная, героическая Красная Армия, защищающая нашу великую родину, ее свободу, ее культуру, ее науку, ее искусство. По нашей необъятной стране и по всему миру все так же будут звучать мелодии гениального русского композитора Петра Ильича Чайковского.

Народные артисты СССР Е.СТЕПАНОВА, Н.ОБУХОВА, народный артист РСФСР Н.ОЗЕРОВ, заслуженные деятели искусств В.ПОЛИТКОВСКИЙ, В.РЯБЦЕВ, заслуженные артисты РСФСР С.ЛЕМЕШЕВ, Ф.ПЕТРОВА, М.ГАБОВИЧ, В.СМОЛЬЦОВ, М.БАРАТОВА.

Газета «Литература и искусство», 1942, № 1

* * *

В начале 1942 года меня вызвали в столицу, чтобы работать во фронтовом филиале Большого театра. Это был поистине островок мирной жизни, куда тянулись все – и те, кто трудился в осажденной столице, и те, кто на короткий срок приезжал сюда с фронта. Светлое помещение в затемненном городе, бутерброды с килькой, которые продавались в буфете, артисты, которые дарили свое искусство, восторг, который вызывали спектакли, – как много это значило тогда...

Первым спектаклем, в котором я участвовала, был балет «Шопениана». Потом за две недели я подготовила «Лебединое озеро». Были и другие спектакли, в том числе «Конек-Горбунок»... Однажды я встретилась в театре с критиком Юрием Слонимским, который сказал: «Марьяна! У тебя будет партнер. Это – Юрий Гофман, который приехал из блокадного Ленинграда. Он пока еще нездоров, еще слабенький, но он поправится и будет отличный партнер». Так и получилось. Отличным партнером был, конечно, и Александр Руденко.

Я бы сказала так. Мы делали то, что нужно было делать в этих обстоятельствах. Надо было танцевать – танцевали, надо было тушить зажигалки – тушили, то есть мы были готовы выполнить именно ту работу, которая от нас в данный момент требовалась.

М.БОГОЛЮБСКАЯ

* * *

Последние концерты Екатерины Васильевны ГЕЛЬЦЕР состоялись в Москве в 1942 году. Она исполняла полонез и мазурку из оперы М.Глинки «Иван Сусанин». Ее партнером был солист Большого театра В.Голубин. Сборы с этих концертов артисты пожертвовали на укрепление обороны нашей страны.

* * *

29 марта 1942 года Седьмая симфония вторично прозвучала в эфире из Дома Союзов столицы.

Татьяна Ивановна САМОСУД вспоминает: «Как раз во время исполнения Седьмой симфонии в Доме Союзов я находилась в зале. Шла последняя часть, и объявили воздушную тревогу. Из зала вышли администрация и дежурные ПВО. Публика осталась в зале. Самуил Абрамович вначале поставил оркестр на паузу, посмотрел в зал и, обращаясь к музыкантам, сказал: «Будем продолжать», и довел ее исполнение до конца».

* * *

В сезоне 1942-43гг. заслуженная артистка республики Е.В.Шумская (это почетное звание было присвоено ей 21 ноября 1942 года) спела в театре два сольных концерта. Концерты прошли, как отмечалось, «с большим художественным успехом при полном сборе». Всю выручку от концертов в сумме 23562 рубля Елизавета Владимировна передала в фонд обороны страны.

* * *

На днях я смотрел в Большом театре балет «Лебединое озеро» – танцевала Марина СЕМЕНОВА. Театральный зал гремел, кричал, неистовствовал – так возвышенно прекрасно, так совершенно было русское искусство.

Чайковский и Семенова создали в этот вечер национальный праздник торжества красоты. Мы все, весь зал чувствовал: да, мы умеем воевать и мы умеем танцевать, наша воля создает великие армии и совершенную красоту. Мы штурмом берем города, превращенные немцами в, казалось бы, неприступные крепости, гоним обезумевших от ужаса гитлеровцев на запад, топим их в седых волнах Днепра, и в те же дни небывалых битв мы раскрываем глубочайшие тайны лирического искусства.

Алексей ТОЛСТОЙ
Из статьи «Возмездия!», 1943

Выступающие в Грозном лауреаты Сталинской премии орденоносцы Марина СЕМЕНОВА и Вахтанг ЧАБУКИАНИ сообщили в Тбилиси в театр оперы и балета им. Палиашвили сумму своей подписки на Второй Государственный Военный заем.

Мастера советского искусства, патриоты родины Семенова и Чабукиани пишут: «На фронтах Отечественной войны доблестная Красная Армия, защищая честь, свободу и независимость нашей родины, защищает и великое советское искусство. Мы знаем – война требует крупных денежных средств. Мы от всей души приветствуем выпуск правительством Второго Государственного Военного займа, средства от которого пойдут на святое дело разгрома немецко-фашистских оккупантов».

Лауреаты Сталинской премии Марина Семенова и Вахтанг Чабукиани подписались на Второй Государственный Военный заем на 14 тысяч рублей.

Газета «Грозненский рабочий»,
Грозный, 1943, 8 июня

НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР В.В.БАРСОВА В ГОСТЯХ У БОЙЦОВ

Действующая армия, 2. (Спец. корр. ТАСС).

Состоялась встреча участников красноармейской художественной самодеятельности с лауреатом Сталинской премии народной артисткой Союза ССР В.В. Барсовой. Участники художественной самодеятельности – вокалисты – продемонстрировали свое искусство. Выступали красноармейцы и младшие командиры. Особенно понравились Барсовой выступления сержанта Волкова и красноармейца-добровольца Барановой. В продолжительной беседе Валерия Владимировна дала участникам ряд советов.

– Приятно сознавать, – сказала в заключение народная артистка, – что даже в условиях этой суровой войны в нашей родной Красной Армии бурно развивается народное творчества, создаются огромные резервы – «питательные пункты» нашего большого советского искусства.

Газета «Вечерняя Москва», 1943, 2 августа

ОТКРЫТИЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА В МОСКВЕ

После почти двухлетнего перерыва Государственный Академический Большой театр Союза ССР 26 сентября вновь раскрыл свои двери для московского зрителя.

Охваченный патриотическим подъемом, переживая вместе со всем советским народом радость побед над врагом, изгоняемым Красной Армией из пределов родной страны, коллектив Большого театра с особым вдохновением выступил в одной из лучших своих постановок – в опере Глинки «Иван Сусанин».

Глинка. Это имя близко и дорого советскому человеку, как символ славы и гордости родного искусства. Опера о подвиге крестьянина-патриота, о непоколебимой стойкости духа русского человека, о его любви и преданности родине прозвучала как символ непобедимости и славы русского народа.

От начала до конца спектакля зритель охвачен настроением радости и гор-

 дости за свой народ и его искусство. На сцене театра – люди XVII века, но их поступки, их настроение созвучны современности.

Два года не видали москвичи постановок Большого театра. Понятны поэтому тот подъем, который царил среди зрителей, и та восторженная встреча, которая была оказана исполнителям М.МИХАЙЛОВУ (Иван Сусанин), В.БАРСОВОЙ (Антонида), Н.ХАНАЕВУ (Сабинин), Б.ЗЛАТОГОРОВОЙ (Ваня) и др. Большим успехом у зрителя пользовался балет (балетмейстер Р.ЗАХАРОВ). Великолепно звучал оркестр под управлением САМОСУДА. Особо надо отметить художественное оформление, осуществленное художником П.ВИЛЬЯМСОМ.

В свете современных событий опера гениального композитора в исполнении артистов Большого театра звучит как симфония величия и славы русского искусства и стойкости русского народа.

На открытии присутствовало много командиров Красной Армии, дипломатический корпус, ученые, артисты и писатели, корреспонденты иностранной и советской печати.

Газета «Известия», 1943, 28 сентября

* * *

Работа Д.КАБАЛЕВСКОГО над вокально-хоровыми произведениями на военно-патриотические темы ускорила созревание замысла новой оперы. Идея оперы сложилась в памятную зиму 1941-1942 года, когда Красная Армия разбила и отбросила врага, подбиравшегося к сердцу нашей родины – Москве.

Уже осенью 1942 года новая опера была закончена и в 1943 году поставлена на сцене филиала Большого театра СССР (дирижер С.САМОСУД, режиссеры Б.ПОКРОВСКИЙ и М.ГАБОВИЧ, художник Б.ВОЛКОВ). Словом, менее чем через два года после решающих сражений под Москвой на оперной сцене предстали образы героических защитников столицы. Это крайне редкий в истории музыки факт столь быстрого и непосредственного отклика оперного композитора на события современности.

Композитор так и назвал первоначально свою оперу «Под МОСКВОЙ», в театре она получила другое наименование – «В ОГНЕ».

Жить одною жизнью со всей страной – так отвечал на этот вопрос композитор в своей опере.

Либретто оперы (автор Ц.Солодарь) представляет собою эпизод из военной хроники. Крестьяне одной из подмосковных деревень покидают родные места, чтобы плечом к плечу с частями Красной Армии громить фашистских захватчиков.

Идейным лейтмотивом оперы становится тема патриотизма русского народа.

Е.ГРОШЕВА
музыковед

В трудную годину войны, когда враг стоял у ворот Москвы и столице угрожала смертельная опасность, в московском филиале Большого театра началась работа над постановкой новой героической оперы «В огне» композитора Д.Кабалевского.

По горячим следам героических событий выдающийся советский композитор создал произведение высокого патриотического звучания, и каждый, кто уча-

ствовал в работе над этой новой оперой, отдал ей часть своего сердца. Со сцены тетра звучал призыв к самоотверженной борьбе, воспевалась грядущая победа. Весь коллектив филиала Большого театра героически трудился.

Приехав в Москву, Борис Александрович ПОКРОВСКИЙ сразу же включился в работу и стал одним из постановщиков спектакля.

Всем памятно то тревожно-напряженное, полное героизма время.

Фашистское радио сообщало, что Большой театр не функционирует. Но это было ложью. Оставшиеся в Москве артисты Большого театра, среди которых были выдающиеся мастера, начали спектакли, и несмотря на грозную обстановку, в доме шесть по Пушкинской улице каждый вечер открывались двери, и зрители заполняли зал. Снова звучали мелодии Глинки, Чайковского, Бородина, Мусоргского. Часто представление прерывалось очередным налетом фашистской авиации; в театре гас свет, и под вой сирен объявлялась воздушная тревога. Но не удавалось врагам посеять панику в сердцах артистов и зрителей. Спектакли не прерывались. По условиям военного времени спектакли давались днем. Когда врага отбросили от Москвы, стало возможным начинать спектакли в вечерние часы.

Каждый день поднимавшийся занавес театра как бы утверждал непобедимость советского народа, как бы участвовал в великой битве под Москвой.

Начав работать в филиале Большого театра в Москве, Покровский сразу же вошел в атмосферу патриотического подъема. Деятельная, энергичная творческая работа началась с первого же дня. Покровский отдавал ей не только свой талант и мастерство, но и чувства, которые волновали каждого советского человека в героические дни сражений за оборону Москвы.

В Большой театр Покровский пришел с уже определившимся художественным подчерком, развитым вкусом, умением работать с коллективом, решать сложные творческие задачи.

Так началась деятельность Покровского в Большом театре.

М.Чудновский. Режиссер ставит оперу. М., «Искусство», 1967

Краснопресненский райвоенком г.Москвы, 24 ноября 1943г.

Директору ордена Ленина Большого театра т. Леонтьеву Я.Л.

Краснопресненский райвоенкомат и совет жен офицерского состава Красной Армии и ВМФ при Краснопресненском РВК просят Вас передать нашу благодарность за участие в концертах, организуемых нами в фонд помощи семьям погибших фронтовиков, артистам Вашего театра: Обуховой, Катульской, Петровой, Ханаеву и организатору концертов Сабурову А.М., проявившему большую чуткость и внимание, оказавшему большую помощь совету жен в проведении концертов.

Майор КОНДРАТЬЕВ
Секретарь совета жен – ИСАЕВА

ГИМН СОЮЗА ССР

Появлению Гимна Советского Союза предшествовала большая кропотливая работа. К тому времени на фронте обозначился окончательный перевес в пользу Красной Армии. Стране с таким запасом нравственных сил, с высокоразвитой, не-

 смотря на разрушения, экономикой, нужен был свой гимн, который должен сыграть мобилизующую и объединяющую роль в борьбе с чужеземными захватчиками.

Объявили конкурс на создание текста гимна. Выиграли его С.МИХАЛКОВ и Г.РЕГИСТАН. Вернувшийся из Куйбышева симфонический оркестр в конце сентября 1943 г. начал озвучивать мелодии для гимна, а их было представлено около ста. Поначалу члены правительства четыре ночи слушали гимны США, Японии, Англии, Италии, Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии и других государств. Затем оценивались мелодии наших композиторов – А.Александрова, Т.Хренникова, С.Туликова, А.Хачатуряна и других композиторов. Сталин, Молотов, Маленков слушали произведения с разных расстояний и в разных залах. Под аккомпанемент концертмейстера С.Стучевского распевали образцы гимна баритон Ал.Иванов и тенор С.Хромченко.

Основными претендентами на победу стали главный дирижер Красной Армии генерал-майор С.Чернецкий и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Красной Армии профессор А.Александров. Однако постепенно чаша весов стала склоняться в сторону последнего.

Играли мелодии оркестр ГАБТа под управлением А.МЕЛИК-ПАШАЕВА, духовой оркестр С.Чернецкого, ансамбль А.Александрова. И всякий раз Молотов просил повторить произведения, сыгранные музыкантами А.Александрова и С.Чернецкого. Он говорил при этом: «Оркестр Большого театра ту же мелодию умеет преподнести как-то по-иному, высокопрофессионально, мелодично, эпохально».

Гимн впервые прозвучал в ночь на 1 января 1944 г. Вот что писал об этом А.Мелик-Пашаев в газете «Литература и искусство» за 8 января 1944 г.: «Оркестру Большого театра была доверена большая и почетная задача: сыграть новый гимн СССР. В новогоднюю ночь вся страна с радостью и гордостью слушала по радио величественные звуки Гимна Союза ССР».

А.РЫБИН

ПОЧТА ДЕПУТАТА

Каждый день почта доставляет мне обильную корреспонденцию. Не только москвичи, но и из Горького, Казани, Куйбышева, Саратова, Вологды, Свердловска, Ташкента – из разных городов Союза пишут мне. На многих конвертах – штампы полевой почты. Война разбросала моих избирателей по всей стране. И вот теперь они пишут своему депутату.

Характер моей почты чрезвычайно разнообразен. Особенно большое удовлетворение доставляют часто письма фронтовиков. Москвичи, ушедшие на фронт защищать Родину, рассказывают депутату о своих боевых успехах, о том, как они громят врага. На каждое из таких писем я сразу же отвечаю, стараясь теплым словом придать еще больше бодрости и силы фронтовым друзьям.

Недавно я получила письмо артистки из Еревана. Она просила помочь в розысках двух детей ее сестры, которая погибла в первые дни войны. Мое обращение к председателю Смоленского облисполкома нашло быстрый отклик. Он принял очень деятельное участие в розыске детей. Скоро они были найдены. Оказалось, что их уже усыновили советские люди, отказавшиеся даже от предложенной им государственной помощи.

Вот письмо инвалида Отечественной войны тов. Солоха. Он лишился на фронте ноги и обратился ко мне с просьбой оказать ему содействие в приеме одним видным профессором медицины. Просьба была удовлетворена.

Особенно часто обращаются ко мне за содействием работники театра. В первые дни Отечественной войны театр Краснознаменного Балтийского флота лишился необходимых ему костюмов и декораций. Это мешало нормальному обслуживанию краснофлотцев. Я связалась с народным комиссаром текстильной промышленности и попросила оказать театру посильную помощь. Вскоре коллектив театра снова написал мне и сообщил, что для него многое сделано.

Сейчас нет почти такой семьи, в которой один или несколько членов не находились бы на фронте. Многие семьи бойцов претерпевают значительные трудности и нередко обращаются к депутату с заявлениями об оказании различной помощи. Для меня, депутата Верховного Совета РСФСР, заявление семьи фронтовика – большое государственное дело. Я стараюсь относиться к каждой просьбе и письму с исключительной чуткостью, сделать все для того, чтобы возможно лучше удовлетворять нужды семей защитников Родины.

Офицер Щербаков пишет мне с фронта об оказании помощи его дочери, нуждающейся в специальном лечении. Семья фронтовика Федорова обращается по жилищному вопросу: дом, где они прежде жили, разбит при вражеском налете. Семья фронтовика Иванчукова просит оказать помощь в приобретении для детей одежды.

Десятки подобных заявлений поступают ко мне, и ни одно из них не остается нерассмотренным. В большинстве случаев заявления находят положительное решение.

Почта депутата – лишь часть его многообразной деятельности. Я стараюсь всей своей работой оправдать высокое доверие москвичей, пославших меня своим депутатом в Верховный Совет республики.

В.БАРСОВА,
депутат Верховного Совета РСФСР
газета «Вечерняя Москва» 4 декабря 1944

А.В.НЕЖДАНОВА

1941г. В течение года Нежданова выступила по радио восемь раз.

1942г. Абрамцево. Концерт в госпитале. Хотьково. Концерт в госпитале. В течение года Нежданова выступила по радио пятьдесят восемь раз.

1943г. В течение года Нежданова выступила по радио тридцать два раза.

1945г. Вечер, посвященный творчеству Неждановой, прошел в Центральном Доме работников искусств.

Награждена медалью «За оборону Москвы».

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Н.А.ОБУХОВА

1941г. Концерты для призывников.

Участие в концерте в филиале Большого театра в пользу фонда постройки танков. Встреча с бойцами в ЦДРИ. Участие в концерте ВТО в пользу фонда обороны Москвы.

1942г. Встреча с парашютистами в ЦДРИ. Радиопередача для Англии. Выступление в первомайском концерте в Малом театре. Радиопередачи для Югославии и Англии. Выступление в госпитале. Выступление в клинике. Участие в концерте Большого театра в фонд обороны страны. Выступление в госпитале. Выступление в штабе МВО. Выступления в госпитале. Выступление в штабе МВО. Выступление в Кремлевской поликлинике. Выступление в госпитале. Радиопередача для Англии. Выступления в госпитале. Выступления в военном училище и в Наркомате обороны. Концерт для Северного флота.

1943г. Участие в концерте в Колонном зале Дома союзов в пользу фонда помощи фронтовикам – работникам Большого театра. Выступление в госпитале.

1944г. Участие в шефском концерте Большого театра для летчиков. Участие в шефском концерте Большого театра в Колонном зале Дома союзов. Участие в шефском концерте Большого театра в Центральном Доме Красной Армии. Выступление в Центральном Доме Красной Армии. Выступление в Кремлевской поликлинике. Участие в шефском концерте Большого театра. Радиопередача для Болгарии. Участие в концерте для французских летчиков в Центральном Доме Красной Армии. Участие в антифашистском митинге в Доме ученых. Участие в шефском концерте Большого театра в Зале имени Чайковского. Радиопередача для Швеции. Участие в шефском концерте Большого театра в Военной академии имени Фрунзе.

1945г. Концерт в Центральном Доме Красной Армии. Концерт в Клубе летчиков. Радиопередача для Англии. Концерт для Совинформбюро в ЦДРИ. Выступление в госпитале.

АРТИСТЫ – БОЙЦАМ

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Недавно я выступала в военном госпитале. Я пела русские романсы композиторов прошлого – Варламова, Дмитриева, Гурилева. День был солнечный и морозный. В палате, где я пела, было чисто и светло, молодые лица слушателей, хранящие следы пережитых тяжелых страданий, сейчас улыбались мне.

После концерта я долго разговаривала с бойцами. Они рассказывали мне о себе, о своих боевых товарищах, ведущих победные наступательные бои где-то на полях Европы, о своих надеждах рассчитаться с врагом за все после выздоровления.

Молодая девушка с коротко остриженными волосами под белой косынкой, худенькая и большеглазая, похожая на подростка, по просьбе всех присутствовавших рассказала о том, как ей удалось вынести с поля боя несколько десятков тяжелораненых бойцов. Она говорила об этом так скромно, явно смущенная общим вниманием, стараясь представить все в таком виде, как будто она ничего особенного не сделала, и что любая советская девушка способна повторить то же самое, если потребуется.

– Вот Зоя Космодемьянская! – сказала она. – Это – настоящая героиня!

И на минуту наступила в палате госпиталя тишина. Такая глубокая тишина, что стали слышны голоса и смех детей, игравших где-то на улице. В глазах бойцов в это мгновение я увидела затаенную грусть, пропали улыбки. Я знала, что

каждый из них, хорошо знавший подвиг Зои, представил на миг светлый образ московской школьницы. Она не назвала врагу даже своего имени. Она назвалась Таней, русской Таней, и с этим именем умерла.

Не буду скрывать – я едва сдержала слезы. Я – русская женщина и русская мать. Она была верной дочерью своего народа. Образ ее теперь бессмертен.

Таков образ русской женщины в дни Великой Отечественной войны. И я знаю – придет время, когда наши поэты и музыканты создадут о нем вдохновенные поэмы и симфонии, и русские люди на своей свободной земле будут, слушая их, учиться любить свою Родину так, как любила ее простая русская девушка-партизанка Таня, московская школьница наших дней.

10 декабря 1944 года

Н.А.ОБУХОВА,
народная артистка СССР

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Общее количество крови, сданной донорами Большого театра для спасения жизни советских воинов, составило 364 литра.

Большой театр взял шефство над госпиталем № 5016, в котором театром было целиком оборудовано 6 палат для раненых и клубная сцена. Для раненых и персонала госпиталя было дано 215 концертов.

В различные календарные праздники роздано раненым свыше 900 подарков. Дирекцией театра вместе с добровольными взносами отдельных работников израсходовано на все виды материальной помощи раненым из подшефных палат свыше 700 000 рублей.

Выполнена большая работа по ремонту военного обмундирования: починено 38 000 вещей.

Работники Большого театра отдали свои личные сбережения на постройку танков и самолетов, на подарки бойцам Красной Армии и семьям фронтовиков. Всего – более 3 300 000 рублей.

Приобретено облигаций государственных займов на сумму свыше 9 500 000 рублей.

Непосредственно на фронт выезжало 16 бригад артистов театра, которыми дано 1 939 концертов.

В госпиталях и воинских частях в тылу было дано свыше 4 500 концертов и более 60 шефских спектаклей.

НАГРАЖДЕНИЕ СОВЕТСКИХ АРТИСТОВ

Белград. 27 февраля 1945г. (ТАСС)

Президиум Антифашистского Веча Народного Освобождения Югославии наградил пребывающих в Югославии советских артистов Барсову, Мессерер, Козолупову, Образцова и других орденом ***«Братство и единство»***.

* * *

В торжественной обстановке 2 апреля 1945г. состоялось вручение 396 работникам театра медалей ***«За оборону Москвы»****...*

Секретарь райкома ВКП(б) Свердловского района тов. Похвалин вручил правительственные награды народным артистам СССР Неждановой, Обуховой, Степановой, народным артистам республики Ханаеву, Озерову, Гельцер, заслуженным деятелям искусств Рябцеву и Политковскому, старым кадровым рабочим Большого театра Хорошенцеву и Фадееву, а также большой группе артистов балета оркестра, хора, миманса, работникам постановочной части, производственных мастерских, вахтерам и уборщицам, инженерам и электроосветителям.

ЧАСТЬ 3

Большой в эвакуации

КУЙБЫШЕВ. 1941-1943

И Муза на сияние лампадки
Притянутая нитью лучевой,
Являлась ночью под сирены вой...
...
Она шептала пишущим: «Дружок,
Не бойся, я с тобой перезимую».
Чтобы согреть симфонию Седьмую,
Дыханьем раздувала очажок.

Вера ИНБЕР

Война круто изменила и жизнь композитора, и его творческие планы. После безуспешных попыток записаться в народное ополчение он стал членом пожарной дружины, дежурил на крыше консерватории, участвовал в строительстве оборонительных сооружений, руководил вместе с актером Н.Черкасовым театром народного ополчения. Одновременно он продолжал преподавать в консерватории (где некоторое время и жил), выступал в концертах. И все это время, начиная с последних дней июля, напряженно писал Седьмую симфонию. Уже 3 сентября была закончена первая часть, а спустя две недели композитор выступил по Ленинградскому радио со страстной патриотической речью, в которой говорил о своей работе. Тогда же он играл друзьям две уже готовые части симфонии.

В начале октября по настоянию городских властей Д.Шостакович с семьей был эвакуирован из Ленинграда. Несколько дней он провел в Москве. Тогда же в газете «Советское искусство» была помещена его статья, взволнованно рассказывающая о жизни Ленинграда в первые военные месяцы. 11 октября композитор встретился в редакции газеты с группой музыкантов, познакомив их с первыми тремя частями симфонии в фортепьянном изложении. (Уже тогда произведение произвело сильнейшее впечатление на собравшихся, о чем свидетельствовал и музыковед И.Нестьев в газете «Советское искусство» от 16 октября.) 12 октября композитор был участником встречи деятелей искусств Москвы и Ленинграда в ЦДРИ. А два дня спустя он с коллективом Большого театра выехал в Куйбышев.

Обосновавшись на новом месте, Шостакович посвящает остаток года завершению Седьмой симфонии. 27 декабря последняя нота была вписана в партитуру. Он посвятил симфонию своему родному городу – Ленинграду.

Д.ШОСТАКОВИЧ
композитор

Час тому назад я закончил вторую часть своего нового симфонического произведения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать его Седьмой симфонией. Для чего я сообщаю об этом? Я сообщаю об этом для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы сейчас несем свою боевую вахту. И работники культуры также честно и самоотверженно выполняют свой долг, как и все другие граждане Ленинграда. Моя мысль ясна, и творческая энергия неудержимо заставляет меня двигать мое сочинение к окончанию. И тогда я снова выступлю в эфире со своим новым произведением и с волнением буду ждать вашей строгой дружественной оценки. Заверяю вас от имени всех ленинградцев, работников культуры и искусства, что мы непобедимы и что мы всегда стоим на своем посту.

Советские музыканты, мои дорогие и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что нашему искусству грозит великая опасность. Будем же защищать нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать. Музыка, которая нам так дорога, созданию которой мы отдаем все лучшее, что у нас есть, должна так же неуклонно расти и совершенствоваться, как это было всегда. Мы должны помнить, что каждая нота, выходящая из-под пера, – это очередной вклад в могучую культурную стройку. И чем лучше, чем прекраснее будет наше искусство, тем больше возрастет уверенность, что его никогда и никто не разрушит.

Д.Шостакович. О времени и о себе. М., «Советский композитор», 1980

Много сил и энергии я вложил в это сочинение. Никогда я не работал с таким подъемом, как сейчас. Есть такое крылатое выражение: «Когда грохочут пушки, тогда молчат музы». Это выражение справедливо относится к тем пушкам, которые своим грохотом подавляют жизнь, радость, счастье, культуру. Это грохочут пушки тьмы, насилия и зла. Мы воюем во имя торжества разума над мракобесием, во имя торжества справедливости над варварством. Нет более благородных и возвышенных задач, нежели те, которые вдохновляют нас на борьбу с темными силами гитлеризма. И муза нашего народа своим могучим голосом помогает нам творить победу. Наши писатели, художники, музыканты во время Великой Отечественной войны работают много, напряженно и плодотворно, потому что их творчество вооружено самыми передовыми идеями нашей эпохи. И когда грохочут наши пушки – поднимают свой могучий голос наши музы. Никогда и никому не удастся выбить пера из наших рук.

С волнением и радостью я вспоминаю весь процесс работы над этим сочинением и счастлив, что мне удалось завершить его. С чувством огромной, ни с чем не сравнимой признательности к замечательным артистам оркестра Большого театра и к его руководителю дирижеру Самосуду, которые с таким вниманием и заботой работали над симфонией и придали ей живое звучание, я заканчиваю эти краткие строки.

Д.ШОСТАКОВИЧ,
1942г.

И.И.СОЛЛЕРТИНСКИЙ
музыковед

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

Никогда ни одно музыкальное произведение – пожалуй, за все время исторического существования прекрасного искусства музыки – не рождалось в атмосфере столь необычной, напряженно суровой и страшной, как Седьмая симфония Шостаковича. Хмурой осенью 1941 года враг неистово рвался к великому городу Ленина. Пронзительно выли сирены, ухали зенитные орудия, полыхало зарево пожаров, трассирующие пули прорезывали небо... Композитор возвращался домой после круглосуточного дежурства на крыше консерватории и, едва передохнув, принимался за сочинение симфонии.

Сейчас эта симфония триумфально обходит все концертные эстрады Советского Союза. Огромен интерес к ней и в странах Запада. Совсем недавно в Лондоне состоялось первое ее исполнение под управлением патриарха новейшей английской музыки – многоопытного Генри Вуда. Величайший из современных мировых дирижеров Артуро Тосканини в ближайшее время ставит Седьмую симфонию в Нью-Йорке.

Седьмая симфония Шостаковича – по существу первое подлинно монументальное произведение советского искусства, посвященное Великой Отечественной войне народов Советского Союза против фашистских захватчиков. С предельной ответственностью и серьезностью, без малейшего упрощения подошел композитор к своей поистине титанической задаче. Его не соблазнил внешне эффективный путь шумной батальной звукозаписи, натуралистических иллюстраций и зарисовок... Он творил как подлинный симфонист, законно унаследовавший ве-

 ликие традиции мировой симфонической драматургии прошлого. Методом инструментального симфонизма он дал в партитуре своего произведения потрясающее обобщение всех чувств, помышлений, зачастую трагических переживаний и страстных надежд, владевших советскими людьми на протяжении последнего незабываемого года.

В симфонии четыре части. Первая из них, по замыслу композитора, рисует мирный созидательный труд нашей Родины, прерываемый вторжением врага. Поразительна музыкальная находка Шостаковича – тема врага, одновременно шутовская и циничная, механизированная в своем однообразно нарастающем движении и страшная, имеющая в себе нечто и от похабной шансонетки, и от звериного воя... Она появляется на стрекочущем шорохе скрипок, ударяющих о струны древком смычка – инструментальный прием, вызывающий ощущение пляски мертвецов. В той же части незабываемое впечатление оставляет реквием памяти павших героев. Проникновенно звучит надгробное слово, порученное бессловесному инструменту – фаготу.

Не менее значительны вторая часть – аллегретто, проникнутое воспоминаниями о юности, счастье, влюбленности, овеянное романтической поэзией ленинградских белых ночей, и третья часть – прекрасное, задумчивое адажио, воспевающее глубокую человечность той культуры, на которую вероломно напал враг, патетическую красоту вдохновенного творческого труда, могущество непобедимой правды. Наконец, финал симфонии – ода будущей победе, разрастающаяся до грандиозных, ослепительных звучностей ликующего оркестра.

Седьмая симфония Шостаковича сложна по своей музыкальной фактуре. Создавая свой индивидуальный интонационный стиль и язык, композитор вобрал в себя и творчески переработал богатое наследие мирового симфонизма от Бетховена и Чайковского до новейших мастеров – Малера, Равеля, Стравинского... Однако симфония понятна каждому, ибо она говорит советским патриотам о самом важном и волнующем: об огненном мужестве, о величии подвига, о героической борьбе, о предельной ненависти к врагу, о непоколебимой вере в победу.

Сб. «Памяти И.И.Соллертинского». Воспоминания, материалы, исследования. «Советский композитор», Л-д, 1974. Москва.

В.ДУЛОВА
солистка оркестра

ПРЕМЬЕРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СИМФОНИИ

Своеобразная премьера Седьмой (Ленинградской) симфонии Д.Д.Шостаковича состоялась во время эвакуации в г.Куйбышеве в нашей комнате, где стояло взятое на прокат моим мужем пианино.

Пришли Д.Д.Шостакович, Л.Н.Оборин и А.Ш.Мелик-Пашаев.

По только что законченной партитуре Дмитрий Дмитриевич и Л.Оборин, сев за инструмент, начали играть в 4 руки симфонию. На звуки музыки пришел живший этажом ниже С.А.Самосуд и тихо встал в дверях.

Последние аккорды...

Мы, первые слушатели, взволнованные и потрясенные силой музыкального гения, долго и молча сидели, боясь разрушить нахлынувшие на нас чувства.

А затем – бурный восторг, объятия, поздравления. Дмитрий Дмитриевич говорил, что он не ставил перед собой задачу натуралистического изображения военных действий (гул самолетов, грохот танков, залпы пушек) и не сочинял так называемую батальную музыку. «Мне в этом программном сочинении хотелось передать содержание страшных событий, навеянных грозным 1941 годом», – говорил он.

Затем началось деловое обсуждение – когда можно начать репетиции? Но нет нотной бумаги, нет переписчиков, а работа по расписыванию партий – грандиозная.

Из Москвы специальным самолетом прислали требовавшуюся бумагу (и это в то время, когда враг рвался в Москву!), музыканты Большого театра сами брались расписывать голоса, у всех было одно желание: скорее начать работать над новой симфонией.

О симфонии много говорилось и писалось в газетах, интерес был огромен, Д.Д.Шостаковича осаждали корреспонденты иностранных газет.

Я помню, какое впечатление произвел мой рассказ о Седьмой симфонии в госпитале, где в свободное от спектаклей и репетиций время некоторые из нас ухаживали за ранеными воинами, стараясь облегчить им горечь переживаний в трудные дни испытаний.

И вот, наконец, начались репетиции. Мы шли на них, как на праздник. Репетиции происходили в фойе Дворца культуры имени В.В.Куйбышева, оркестр размещался между колоннами, за дирижерским пультом – С.А.Самосуд, позади него – Д.Д.Шостакович. Вверху, на хорах, стояли жаждущие приобщиться к великому таинству, живому рождению победной симфонии.

Там можно было видеть А.Толстого, В.Катаева, знаменитого авиаконструктора А.Микулина, И.Эренбурга, Д.Ойстраха и Героев Советского Союза – прославленных асов, по ночам улетавших бомбить врага.

5 марта 1942 года состоялось первое исполнение Седьмой симфонии Д.Д.Шостаковича оркестром Большого театра под управлением С.А.Самосуда, которое вылилось в крупнейшее культурное событие того времени. Публика стоя приветствовала автора и исполнителей. У многих музыкантов на глазах были слезы, незнакомые люди обнимали друг друга, поздравляли с грядущей победой.

А.Толстой тогда писал: «Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь Торжества».

В.П.ШТЕЙМАН
артист оркестра

Великая Отечественная война. Театр был эвакуирован в Куйбышев. Там расположились в предоставленных нам классных помещениях двух школ кто, где и как мог. Лично мне досталось «посадочное место» на полу у самой двери, которая служила своеобразным подвижным изголовьем. Очередное «новоселье» – переход на приобретенную вскоре железную кроватную сетку – было результатом трогательных забот моего друга, солиста оперы Ф.П.Светланова (отца дирижера Е.Ф. Светланова). Оно дало мне возможность активизировать свои профессиональные занятия. Это было весьма кстати, так как оркестр Большого театра начинал работу над первым воплощением только что тогда сочиненной Д.Д.Шостаковичем Седьмой симфонии.

Февраль 1942 года. Первая оркестровая корректурная репетиция. Ее решено провести в одном из больших верхних фойе Дворца культуры (позднее репетиции были перенесены на сцену, где состоялась премьера Седьмой симфонии). До начала репетиции остается еще полчаса, но уже весь оркестр (увеличенный состав) на месте. Музыканты внимательно просматривают свои партии. Слышна милая сердцу разноголосица прелюдирующих инструментов. А вот и традиционное *ля*, предложенное старейшим гобоистом театра М.А.Ивановым. Появившийся за дирижерским пультом С.А.Самосуд с блестящими от волнения глазами, собранный и сосредоточенный, уважительно раскрывает партитуру.

В глубине фойе, по обыкновению скромно, словно не он виновник этого большого творческого торжества, сидит автор – Д.Д.Шостакович. Перед первым прочтением симфонии, прошедшим без обычных для Самосуда репетиционных остановок, Самуил Абрамович образно рассказал оркестру о волнующем содержании великой симфонии.

Лишь пережившим те суровые дни войны с их горечью утрат – всенародных и почти у каждого личных – дано было в полной мере почувствовать все непреходящее значение этого эпического творения великого композитора-патриота! Но вот перестала звучать музыка... В оркестре и в зале напряженная тишина. Все искренне взволнованы. У многих на глазах слезы... И словно вдруг очнувшись, в едином порыве все исполнители и присутствующие в зале слушатели (среди них писатели А.Толстой, И.Эренбург, генерал А.Игнатьев, солисты оперы И.Козловский, М.Рейзен и другие) бросаются горячо поздравлять Д.Шостаковича. Благодарят Самосуда и оркестр, столь проникновенно впервые прочитавших Седьмую симфонию! По-настоящему растроганный Дмитрий Дмитриевич, ни разу во время первого прослушивания не прервавший репетицию, несколько успокоившись, уединяется в последних рядах зала с дирижером и партитурой. Два взыскательных художника погружаются в анализ исполнения только что отзвучавшей симфонии.

Назавтра опять репетиция, и Самосуд уже верен себе: он часто останавливает оркестр, отрабатывая отдельные ответственные симфонические эпизоды, требовательно добиваясь не просто необходимой слаженности оркестра, но главным образом глубокого проникновения в содержание исполняемой музыки. Вот запомнившиеся фрагменты его требований. Прекрасному фаготисту М.Халилееву, солировавшему в первой части симфонии, он говорил: «У вас чудесный фаготовый звук, словно рожденный для этого соло. Но вы должны больше петь, временами совершенно уподобляясь человеческому голосу. Ваше соло, по замыслу Дмитрия Дмитриевича, должно прозвучать, словно скорбный реквием о погибших близких людях». Позднее во многих рецензиях, посвященных исполнению Седьмой симфонии оркестром Большого театра под управлением Самосуда, отмечался особо певучий тембр солирующего фагота.

Скрипке, флейте и другим солирующим инструментам в экспозиции первой части Самуил Абрамович говорил: «Здесь ваши соло должны прозвучать как можно радостнее, словно воспоминание о мирных, счастливых днях». Во второй части – скерцо – бас-кларнету и арфе: «В ваших соло прошу больше изящества и грации».

И, наконец, мне, солировавшему на малом барабане в первой части симфонии:

– Я не совсем удовлетворен вашим исполнением столь ответственной партии,

которая несет главную образную нагрузку, – «темы нашествия». Ваш ритмический рисунок должен быть более сухим, коротким, упругим и щемящим. Не говоря уже о необходимости идеально точного, четкого маршевого ритма с обязательным легким подчеркиванием сильных и относительно сильных долей такта. Я прошу вас как можно более глубоко проникнуться сущностью и соответственно образными задачами исполняемой музыки. А главное, что нас с Дмитрием Дмитриевичем не устраивает, так это тембр самого малого барабана. Словно вы бьете не по барабану, а по сиденью деревянного стула!

Если я сразу постарался «принять на вооружение» замечания Самуила Абрамовича по части ритма, характера музыки и т.п., то был бессилен что-либо сделать для улучшения тембра. Ведь в те годы можно было только мечтать о таком безупречном и разнообразном ударном инструментарии, какой имеется в оркестре Большого театра сейчас. Тогда, за неимением подструнников для малого барабана, наш инструментальный мастер натягивал на кожу барабана... спираль от электроплитки!..

Репетиция первой части продолжается, и Самуил Абрамович, оборачиваясь в зал, без конца спрашивает: «Дмитрий Дмитриевич, ну а как сейчас в зале звучит издали малый барабан? Достаточно ли упруго, коротко, четко, а главное, щемяще?». Самосуд считал, что «тема нашествия» должна производить впечатление жуткое и щемящее, он подчеркивал это слово многократно.

Весь февраль Самосуд искал, временами менял уже найденное, добиваясь наиболее яркого воплощения содержания симфонии. Очень характерно, что уже на первой генеральной репетиции он попросил меня и трубача Н.Полонского пойти в самом конце первой части с инструментами в первую правую от публики кулису и оттуда (как бы издали) завершить свои финальные музыкальные фразы. И тут же обратился к Шостаковичу: «Дмитрий Дмитриевич, это слышно будет в зале?» Получив одобрительный ответ, он сказал нам: «Ну вот и прекрасно, так и на концерте оставим». (В партитуре Седьмой симфонии этого нет, и найденный акустический эффект, усиливавший смысловое впечатление, – одна из творческих находок Самосуда.)

И вот наступило 5 марта 1942 года. Первое, вошедшее в историю концертное исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Зрительный зал Дворца культуры имени В.В.Куйбышева переполнен. Напряжение все нарастает. На сцене занимает свои места оркестр. Ровно в час дня к дирижерскому пульту проходит совершенно бледный от волнения Самосуд. Премьера Седьмой симфонии началась!

Превосходно исполненная первая часть подходит к концу. С малым барабаном и палочками в руках, сопровождаемый трубачом Н.Полонским, тихо и незаметно отправляюсь в ближайшую кулису и негромким, но уверенным соло маленького барабана вместе с такими же затихающими звуками трубы завершаю первую часть.

Вся симфония была исполнена под управлением неповторимого, вдохновенного Самосуда безупречно! Гремит овация всего зала! Нет конца вызовам Шостаковича и Самосуда, которые, в свою очередь, благодарно представляли публике солистов и весь оркестр Большого театра.

Вскоре после этого знаменательного дня ко мне в фойе Дворца культуры подошел Самосуд и тепло поблагодарил за отличное, как он сказал, исполнение. Он сообщил, что 25 марта должна состояться премьера Седьмой симфонии в

 Москве силами объединенного оркестра Радиокомитета и оставшихся в Москве артистов оркестра Большого театра. «В случае, если барабанщик в Москве окажется не на месте, вам придется вылететь самолетом на последнюю репетицию и концерт», – сказал Самуил Абрамович. Последующие дни прошли в напряженном ожидании. 15 марта я получил извещение о необходимости срочно вылететь в Москву...

Снова репетиция, на этот раз в Колонном зале Дома союзов.

В московской интерпретации чувствовалось все же что-то непередаваемо новое. Пожалуй, это было из-за несколько сдвинутых Самосудом темпов и некоторых новых солистов оркестровых групп, но главным образом благодаря великолепным акустическим условиям Колонного зала, которые не могли идти ни в какое сравнение с теми, в каких мы играли в Куйбышеве.

25 марта 1942 года в холодной тревожно-суровой столице ровно в двенадцать часов дня заполнилась эстрада и зал Дома союзов. Среди публики много военных, зал набит до отказа. Тепло приветствуемый Самосуд становится за дирижерский пульт.

Вот уже взволнованно прозвучала первая часть, которую мы (на этот раз с трубачом В.Ивановым) заканчивали «на ближайших подступах» к эстраде, а точнее – в проходе артистической комнаты.

В коротком перерыве между второй и третьей частями на эстраде появился комендант здания и, обращаясь к аудитории, сказал: «Товарищи, в городе только что объявлена воздушная тревога. Предлагаю всем спуститься в бомбоубежище». В ответ послышались многочисленные голоса: «Просим продолжать!», «Просим закончить симфонию!». Концерт продолжался. Заключительные такты апофеоза – как бы повествующие о непременной победе советского народа в тяжелой, кровопролитной войне – сопровождались бурными приветствиями слушателей! Никто, несмотря на налет фашистской авиации, не уходил из зала. Все долго и горячо аплодируют! Затем медленно расходятся. Шостаковича и Самосуда чуть ли не насильно заставляют пройти в убежище.

Труднейшая партитура Седьмой симфонии была раскрыта Самосудом с предельной глубиной и ясностью. Эмоционально-драматическая сторона произведения, ее динамическое развитие были доведены дирижером до слушателя с незабываемой волнующей и убеждающей силой. Чистота звучания оркестра в моменты наивысшего напряжения и тончайшего пианиссимо были кристальными. С исключительным блеском прозвучало заключение симфонии. Можно без преувеличения сказать, что успех композитора заслуженно делил дирижер-интерпретатор».*

В те дни, беседуя с оркестрантами, Самосуд сказал: «Седьмая симфония Шостаковича важна для нас не только как выдающееся музыкальное произведение последнего полувека. Значение симфонии – в ее политическом звучании. В тот момент, когда весь мир повержен в пучину небывалого катаклизма, именно в Советской стране появляется такой Эльбрус музыкального творчества, как Седьмая симфония».

Сб. «С.А.Самосуд». М., «Советский композитор», 1984

****Ойстрах Д. Титаническое произведение. – «Волжская коммуна», 1942, 8 марта***

Алексей ТОЛСТОЙ
писатель

Тема войны возникает отдаленно и вначале похожа на какую-то простенькую и жутковатую пляску, на приплясывание ученых крыс под дудку крысолова. Как усиливающийся ветер, эта тема начинает колыхать оркестр, она овладевает им, вырастает, крепнет. Крысолов со своими железными крысами поднимается из-за холма... Это движется война. Она торжествует в литаврах и барабанах, воплем боли и отчаяния отвечают скрипки. И вам, стиснувшему пальцами дубовые перила, кажется: неужели, неужели все уже смято и растерзано? В оркестре – смятение, хаос.

Нет, человек сильнее стихии. Струнные инструменты начинают бороться. Гармония скрипок и человеческие голоса фаготов могущественнее грохота ослиной кожи, натянутой на барабаны. Отчаянным биением сердца вы помогаете торжеству гармонии. И скрипки гармонизируют хаос войны, заставляют замолкнуть ее пещерный рев.

Проклятого крысолова больше нет, он унесен в черную пропасть времени. Смычки опущены, – у скрипачей, у многих на глазах слезы. Слышен только раздумчивый и суровый, – после стольких потерь и бедствий, – человеческий голос фагота. Возврата нет к безбурному счастьицу. Перед умудренным в страданиях взором человека – пройденный путь, где он ищет оправдания жизни.

За красоту мира льется кровь. Красота – это не забава, не услада и не праздничные одежды, красота – это пересоздание и устроение дикой природы руками и гением человека. Симфония как будто прикасается легкими дуновениями к великому наследию человеческого пути и оно оживает. Средняя часть симфонии это – ренессанс, возрождение красоты из праха и пепла. Как будто перед глазами нового Данте силой сурового и лирического раздумья вызваны тени великого искусства, великого добра.

Заключительная часть симфонии летит в будущее. Перед слушателями, облокотившимися о перила, прислонившимися к высоким белым колоннам, раскрывается величественный мир идей и страстей. Ради этого стоит жить и стоит бороться. Не о счастьице, но о счастье теперь рассказывает могущественная тема человека. Вот – вы подхвачены светом, вы словно в вихре его... И снова покачиваетесь на лазурных волнах океана будущего. С возрастающим напряжением вы ожидаете финала, завершения огромного музыкального переживания. Вас подхватывают скрипки, вам нечем дышать, как на горных высотах, и вместе с гармонической бурей оркестра, в немыслимом напряжении вы устремляетесь в прорыв, в будущее, к голубым городам высшего устроения.

Гитлеру не удалось взять Ленинград и Москву. Проклятый крысолов, кривляясь, напрасно приплясывал со своими крысами по шею в крови, ему не удалось повернуть русский народ на обглоданные кости пещерного жития. Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу родины и сыграл песнь торжества.

Такие чувства и такие мысли владели нами, когда мы слушали в Куйбышеве, в Большом театре СССР репетицию Седьмой симфонии.

Газета «Правда», 1942, 16 февраля

О.ДАНСКЕР
артист оркестра

Самым значительным событием не только в деятельности Самосуда, но и в художественной жизни страны во время войны стало исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Широко известен гражданский и творческий подвиг музыкантов во главе с дирижером К.И.Элиасбергом, игравших Седьмую симфонию в блокадном Ленинграде, и не так уж часто вспоминают о том, что первым ее интерпретатором являлся Самосуд. Именно тогда, 5 марта 1942 года, в Куйбышеве композитор впервые услышал свое сочинение, исполненное оркестром. Оно потрясло всех – и слушателей, и самих участников-музыкантов. Вспоминая об этом, И.М.Буравский рассказывал, что все присутствовавшие на концерте вытирали слезы. А перед тем, на генеральной репетиции, также не могли сдержать слез стоявшие у оркестра А.Н.Толстой и С.М.Михоэлс. «Судя по тому, как они обнимали Самосуда, было видно, что оба потрясены», – говорил И.М.Буравский.

Концерт транслировался на Англию и Америку – союзников Советского Союза во второй мировой войне. 29 марта 1942 года Самосуд впервые дирижировал симфонией в Москве и снова захватил зал музыкой Шостаковича и ее исполнением.

Каждый из больших дирижеров вносит в трактовку симфонии что-то свое, но для тех, кто слышал ее под управлением Самосуда, его прочтение осталось незабываемым. Сам автор говорил, что не мог бы и желать лучшего.

Ростислав ЗАХАРОВ
балетмейстер

СТУДИЯ БУДУЩЕГО

Война бушевала уже на большой территории нашей страны, когда мы услышали по радио голос, возвестивший о ее начале. Тогда никто еще не мог предполагать, что она унесет около 20 миллионов жизней, причинит огромные разрушения городам и селам, которые, как поначалу казалось, невозможно будет восстановить.

Патриотический подъем в нашем народе был необычайным; сотни тысяч людей встали в очереди, чтобы записаться в народное ополчение. Во дворе нашего дома (жили мы тогда в доме Большого театра, примыкавшем к его мастерским) находились две школы, ставшие пунктами, где формировались и проходили предварительную подготовку полки народного ополчения. Шли сюда все – от малого до старого. Не всех, конечно, брали, но многие отказывались уходить и иногда добивались своего.

Мужская часть балетной труппы в перерывах между репетициями и спектаклями стала заниматься военной подготовкой. «От Советского Информбюро» ежедневно передавались теперь сводки военных действий, и каждый раз, слыша голос Левитана, мы чувствовали щемящее замирание сердца: передачи становились все тревожнее.

Начались воздушные налеты ровно через месяц после вторжения немецких войск в пределы нашей страны и повторялись с немецкой аккуратностью в определенные часы – вечером и ночью.

В начале октября 1941 года, в самые тревожные дни, когда враг почти окружил Москву, было принято решение эвакуировать Большой театр в Куйбышев.

Для спектаклей Большого театра был предоставлен недавно построенный Дворец культуры, находившийся на центральной площади. Конечно, ни по своим размерам, ни по качеству сценического оборудования он не мог идти в сравнение с московским театром, но тем не менее в этом здании мы смогли давать спектакли в течение трех долгих военных лет.

Поначалу это были лишь концертные программы, в которых принимали участие наши замечательные певцы, балерины, музыканты, выступавшие в привезенных с собой из Москвы костюмах, со своими музыкальными инструментами. Декорации и костюмы для тех опер и балетов, которые возможно было поставить на той сцене, стали поступать постепенно, когда представлялась возможность использовать железнодорожный транспорт для такой совсем не военной цели.

На концертах, и впоследствии на спектаклях, зал был всегда полон. Зрителями нашими были представители дипломатического корпуса, для которых посещение театра было единственным развлечением, рабочие оборонных заводов и, конечно, очень много военных. Некоторые летчики на следующее после посещения театра утро вылетали на новых машинах прямо к Сталинграду, где в то время происходила историческая битва.

Вспоминается такой эпизод. Шла опера «Иван Сусанин». В картине, где взбешенные польские захватчики набрасываются с шашками на Сусанина, внезапно из партера на сцену выскочил один из военных и бросился на хористов-«поляков» с револьвером в руке. Видимо, нервы у него были так напряжены беспрерывными боями, что театральная условность в тот момент показалась ему реальностью, и он решил спасти Сусанина - Михайлова от набросившихся на него врагов. К счастью, стоявший за кулисами режиссер Борис Петрович Иванов и еще кто-то успели схватить его за руки и быстро увели со сцены.

В Куйбышеве не только были возобновлены спектакли старого репертуара, нам удалось поставить новый спектакль - оперу Россини «Вильгельм Телль». Эта патриотическая опера, герой которой поднимает свой народ на борьбу с иноземными захватчиками, как нельзя более подходила к переживаемому нами времени. Спектакль был принят зрителями восторженно, и за эту постановку художник Вильямс, дирижер Мелик-Пашаев, солисты Шпиллер, Кругликова, Батурин и я были удостоены Сталинской премии первой степени. Конечно, все мы тут же решили отдать нашу премию в фонд обороны, на постройку боевого самолета и были счастливы, что таким образом смогли внести свою лепту в дело Победы.

Никогда не изгладится из памяти то потрясающее впечатление, которое произвела на меня, да и на всех, наверное, кто ее слушал, Седьмая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Воспринималась она тогда не только слухом - чугунная поступь страшного нашествия ощущалась всеми нервами, казалось, даже зрением. Во время исполнения первой части всех била дрожь, а когда музыка стихла, в зале воцарилась мертвая тишина, никто не мог пошевелиться. Надо отдать должное дирижеру Самосуду, его таланту исполнения. Это был очень одаренный, исключительно эмоциональный музыкант.

В 1942 году в Куйбышеве была организована Экспериментальная театральная студия, возглавить которую было предложено мне. Студия имела три отделения: драматическое, вокальное и хореографическое. Вокальным отделением руководила Мария Петровна Максакова - великолепный мастер, чудесная певица и актриса, умнейшая женщина и большой души человек. Драматическим отделени-

 ем руководил Евгений Николаевич Соковнин, ученик Баратова, в то время работавший в Большом театре как один из его режиссеров, а после войны ставший главным режиссером Ленинградского театра оперы и балета имени С.М.Кирова. Хореографическое отделение было поручено М.Г.Смирновой, которая вела занятия по классическому и характерному танцу, а также давала уроки танца студентам вокального и драматического отделений.

Нам выделили помещение для занятий, и в студию потянулась молодежь. Это были дети эвакуированных, молодые рабочие с местных заводов. Пришли многие, и мы отобрали наиболее способных. Правда, если пению и драматическому искусству можно обучать и людей, ставших уже взрослыми, то танцевать учить надо с детства, только тогда могут получиться настоящие мастера классического танца. Наша же студия перед собой таких задач не ставила. Нужно было в кратчайший срок подготовить молодых исполнителей для выступлений на эстраде. Шла война, и людям при их чрезвычайно напряженной работе необходима была зарядка бодрости, хорошего настроения. Этому и было призвано служить искусство. Большой театр и его фронтовые бригады делали много и делали прекрасно, но, как известно, эстрада способна проникать в самые отдаленные уголки. Ее артисты могут, если это необходимо, выступать как на сценических площадках, так и прямо в цехах, в кузовах грузовиков, а то и в открытом поле. Мы в студии и взялись за работу, в которой параллельно с обучением профессии шла интенсивная подготовка эстрадного репертуара. Певцы разучивали старинные русские песни, романсы, дуэты, сценки из оперетт и песни советских композиторов. Ученики драматического отделения читали стихи, выступали с отрывками из пьес, преимущественно на военную тему, веселых, способных рассмешить зрителей, поднять их настроение.

Все педагоги относились к ученикам как к своим детям и помогали им, чем могли. Общими усилиями была создана одна программа, затем вторая, и студия стала выступать на предприятиях, в госпиталях.

Вести с фронта становились радостнее одна другой. Победу за победой одерживали наши славные войска на разных фронтах, и это наполняло сердце всех особой гордостью. После Сталинграда последовала победа на Курской дуге. Помню, с какой радостью мы восприняли сообщение по радио, что в Москве был произведен салют с фейерверком по случаю взятия Орла. Теперь для нас эти салюты в праздники Октября, Первомая, Дня Победы, в честь танкистов, авиации и другие стали привычным и красивым зрелищем, а в тот день известие о салюте по случаю значительнейшей, стоившей огромных жертв победы под Курском и Орлом всех необычайно взволновало.

Стали поговаривать о том, что скоро театр вернется в Москву, и действительно, в августе 1943 года пришел приказ о возвращении в Москву. Для Большого театра был специально выделен пароход, так что все мы благополучно на нем разместились.

Поездка на этот раз доставила огромное удовольствие. Ехали единой, дружной семьей. Почти вся дорога была спокойной, лишь в Угличском шлюзе нас застала воздушная тревога. Это был неприятный момент: мы погружены в бетонную яму шлюза, а вокруг неистовствуют зенитки. Но, как видно, оборона канала была организована отлично, и фашистские самолеты не прорвались.

КЛАССИЧЕСКОЕ – ВЕЧНО ЖИВОЕ

Странной, опустевшей показалась Москва по пути от Речного вокзала к центру. На улицах почти не было пешеходов, изредка проезжали военные автомашины. Встречались как бы плывущие над улицами аэростаты воздушного заграждения, которые держали за веревки одетые в военную форму девушки. Дело было утром, и аэростаты возвращались в свои ангары, чтобы вечером снова взвиться над городом. Они успешно преграждали путь фашистским самолетам, которые вздумали бы пройти над Москвой на бреющем полете.

Сразу по приезде я направился в театр. Он выглядел необычно: стены и крыша были разрисованы разными красками. Так в целях маскировки разрисовывались все значительные здания города.

Со дня нашего возвращения осенью 1943 года не было ни одного воздушного налета. «Выдохся немец», – говорил народ. Все чаще и чаще раздавалась над городом мирная пальба – освобождался один крупный город за другим. Но затемнения с окон еще не снимали. Война продолжалась, день окончательной победы был еще не близок, а с каким нетерпением его ждали!

В театре началась спешная работа по восстановлению репертуара. К тому времени в его руководстве произошли перемены. Художественным руководителем театра был назначен Арий Моисеевич Пазовский. Директором – Федор Пименович Бондаренко. Из Ленинграда был приглашен балетмейстер Леонид Михайлович Лавровский.

Работа кипела. Я занимался восстановлением своих балетных и оперных спектаклей, в том числе «Вильгельма Телля», «Кармен», «Руслана», «Бахчисарайского фонтана».

Наступил День Победы. Невозможно описать состояние людей в этот памятный день! Хотелось петь, кричать, прыгать от радости, да никто и не сдерживал себя в проявлениях этого всеобщего ликования. Невозможно было усидеть дома, и все москвичи бросились на улицу. Весь этот праздничный поток устремился, конечно, к Красной площади. Военным не давали пройти, их обнимали, целовали, подхватывали на руки, несли, качали. День выдался чудесный, под стать настроению людей. А вечером был салют. Все московское небо, словно шатром, покрылось лучами прожекторов, которым не нужно было больше ловить вражеские самолеты. Они дополняли фейерверк, двигаясь во всех направлениях, скрещиваясь и создавая какой-то необычный рисунок. Надо было пережить весь ужас четырех лет войны, потерю многих близких, все волнения и трудности, чтобы сполна испытать радость, выпавшую на долю советских людей.

Балетная труппа театра в своем желании откликнуться на всеобщий подъем народа в связи с началом мирной жизни выбрала для своей новой постановки светлый жизнеутверждающий балет Сергея Прокофьева «Золушка».

Премьера состоялась 21 ноября 1945 года. В зрительном зале находилось много военных, недавно возвратившихся после победы над гитлеровской Германией и Японией. Спектакль, полный радости и оптимизма, они принимали замечательно. Огромный успех имели в роли Золушки две наши прославленные балерины – Ольга Лепешинская и Галина Уланова.

Ростислав Захаров. Слово о танце. М., «Молодая гвардия», 1979

КУЙБЫШЕВ – 1941-1945 ГОДЫ

Трудно писать о танцах в столь тяжелый для Родины период, когда гибли люди и вероломный враг захватывал нашу землю, – трудно говорить о балете. Но жизнь есть жизнь.

Труппа в первые же дни войны регулярно собиралась в театре, шли митинги гнева и призывов к борьбе. Организовывались противовоздушная оборона и народное ополчение. После первого сбора всех оперно-балетных ополченцев вернули обратно в театр. Некоторые по мобилизации ушли в армию. Кое-кто из моих товарищей устроился в ансамбль песни и пляски армии. Формировались бригады на фронт.

О положении на фронте питались слухами. Но враг приближался к центральным районам.

В критические дни октября 1941 года Большой театр начал спешно готовиться к эвакуации. Актеры получили «бронь» от мобилизации, и мы, молодежь, в последнюю минуту оказались тоже «золотым» фондом. В мокрое снежное утро 14 октября с Казанского вокзала наш смешанный из многих театров эшелон под охраной истребителей (враг был у ворот столицы) двинулся в восточном направлении. Никто из нас не знал, в какой город едем и где будет работать театр. С нами в вагоне ехали Д.Шостакович с детьми, А.Хачатурян, Флиер, И.Макарова. На полках чистого вагона все смешалось, люди в горе стали равными. Чины и звания потеряли значение. Помню, что для Шостаковича не оказалось лежачего и вообще никакого места, и он безропотно, почти весь день, трясясь от усталости, стоял в тамбуре, пока товарищи не уступили ему часть скамейки.

Поезд тянулся медленно – пропускал эшелоны с техникой и сибирскими, свежими войсками. Многие артисты не отдавали себе полного отчета о всей серьезности нависшей над Родиной опасности. Были и такие, которые остались в Москве, несмотря на приказ об отъезде.

Глубокой ночью на четвертые сутки пути нас высадили в г. Куйбышеве на Волге. Никто не предполагал, что театру придется работать не несколько месяцев, как думалось, а два с половиной сезона зимой и летом фактически без перерыва. Сомневались мы, что искусство пения и танца в тяжелые дни войны станет необходимым для бойцов и командиров, отпускников и возвращавшихся после госпиталя обратно на фронт, необходимым для рабочих военных заводов и просто жителей города.

Только под утро, окончив разгрузку силами молодых артистов, перетаскавших не один десяток чемоданов (не своих, конечно), еле-еле нашел местечко в отведенной для нас школе и, устроившись прямо на полу, между народным артистом Лубенцовым и Б.Я.Златогоровой, тут же заснул. А утром началась новая, цыганская бивуачная жизнь; человек по 30 в каждом классе, разделенном простынями и соломенными шторками на ячейки семей.

Устройство быта не имело значения, всех мучила одна мысль – что же делать? Способен ли театр начать сезон? Наши администраторы оказались не на высоте. Ясно, что главное – актер, его привезли, но не привезли декорации, костюмы, бутафорию.

На одних фрачных оперных концертах театр не сможет жить. Много тяжелых разговоров было на эту тему. Но помогли товарищи из Куйбышевского горкома и обкома партии и изобретательность главного художника театра П.В.Вильямса.

Когда после ряда концертов на афишах города появилась «Травиата» с Бар-

совой и Козловским, оформленная в сукнах и колоннах с тонким вкусом, театр ожил. «Травиата» с ее страданиями и любовью, поздней верностью и смертью дошла до сердца слушателей. Зрительный зал зеленел от гимнастерок и сверкал орденами Славы. Благодарность аудитории в какой-то степени компенсировала наши сомнения о полезности пребывания в тылу.

Скоро прибыли долгожданные декорации и костюмы других опер и балетов. Но новые проблемы стояли перед театром. Не хватало рабочих рук на сцене (кстати, замечательного Дворца культуры), бутафоров, гардеробщиков, билетеров. Мы, молодые, помогали всюду: стояли на занавесе (раздвигали и задвигали, это называется на кромке), меняли декорации в тех актах, где не были заняты как актеры, а то обслуживали вешалку и даже иногда получали «чаевые» в центах и франках, шиллингах от различного в городе дипкорпуса, и после спектакля сдавали «выручку» в отдел кадров.

Городской Комитет партии и Исполком много делали, чтобы театр жил и был обеспечен всем необходимым в это тяжелое время и регулярно давал спектакли. Своей плодотворной самоотверженной работой театр доказал, что музы не замолчали, когда заговорили пушки!

Скоро произошло знаменательное событие – первый раз под управлением Самосуда была исполнена ставшая исторической 7-я симфония Д.Шостаковича, темы которой врезались в память на всю жизнь.

Позднее была поставлена опера Россини «Вильгельм Телль» – революционно-освободительная. Р.Захаров, режиссер и балетмейстер, с правдивой ненавистью талантливо сочинил там танец захватчиков-ландкнехтов; Ольга Лепешинская и Петр Гусев показали целую программу, полную духа борьбы с фашизмом, большинство номеров поставил Л.Якобсон (помимо номера «Фриц и партизанка», «И кто его знает?»). Многие танцы ставились на популярные тогда песни.

Как-то в Куйбышев прибыл Уилки, тогдашний кандидат в президенты США. Долговязый, типичный американец. В антрактах его окружали люди, разговаривали, остро обсуждали с ним проблему открытия Второго фронта. «Когда же его откроют?» – это всех волновало.

Уилки, смущаясь, «обещал», как будто это зависело только от него, а в конце «Лебединого озера» перешагнул через барьер ложи и пошел по сцене к И.Тихомирновой – Одетте, звонко поцеловал ее в щеку и преподнес цветы. Зал, удивленный оригинальностью гостя, долго аплодировал, а Уилки тем же путем вернулся в ложу и многообещающе раскланивался, как артист.

Даже в такое трудное время бывали смешные моменты. Перед окнами школы, на площади, находился «воскресенский» базар. Крестьяне продавали плоды своего труда, и вдруг в середине дня в небе маленькой точкой показался самолет. «Немецкий разведчик!» – крикнул кто-то. Мгновенно все торговки попрятались под лотки, а мальчишки смело таскали с прилавков овощи и фрукты. Пока поняли, что это не «он» – так звали они самолет, ребята смылись с базара. Многие, работавшие в тылу, в воспоминаниях, как о подвигах, пишут, как они обслуживали госпитали, таскали дрова, разгружали вагоны, собирали теплые вещи бойцам на фронт. Все это мы тоже делали, но не видели в том ничего исключительного и героического. Это был долг каждого человека и это было естественно. Тогда многие из нас просили направить их во фронтовые бригады, но нам говорили, что знают, где, кто нужен и должен делать свое дело.

Репертуар расширялся, и у меня появились новые роли и новые балеты. Питание было скромное, а работы хватало. Ставили «Алые паруса» по Грину, музыка Юровского. Ролей было много. Менерс-старший, Менерс-младший, восточный танец и, наконец, буквально за одну ночную репетицию капитан Грей. Мне было тяжело тянуться за таким Греем, как Преображенский, и Менерсов я любил больше, а в Грее был похож, скорее, на «футбольного защитника». Не хватало у меня поэзии, не чувствовал (на что имел полное право) себя идеальным героем. Правда, никто и не опротестовал мое мнение, но нужно было работать, учитывая, что довольно большая часть труппы осталась в Москве, и нам работы хватало.

Странно иногда складывается жизнь. С детства увлекался рисованием, в семье это поощрялось, думал, буду художником. Из окна моей комнаты виднелась часть устроенной под крышей студии училища имени 1905 года. Студийцы после уроков весной загорали на кровельном железе. С крыши им было видно бесчисленную мою продукцию – от портретов вождей до натюрмортов. Студенты шутили и «восторгались» произведениями. Часто мне очень хотелось прямо через окно прыгнуть в студию. В свободные минуты в эвакуации много рисовал, когда не было красок – писал гримом, углем, делал много зарисовок наших артистов оперы и балета. Некоторые портреты были удачны. Так, А.И.Батурин, известный певец, один из тех, кто должен был заменить Шаляпина, но все же не заменил, хотя и обладал хорошим баритональным басом, попросил меня изобразить его в образе Демона. Представив Демона, натянул мешковину, загрунтовал и во время спектакля и в антрактах начал писать.

Сеансов 5, вернее – спектаклей пять подряд работал; портные и гримеры восторгались. Когда закончил, А.И. говорит: «Я его у тебя покупаю». Зная, что у Дуловой и Батурина большое собрание русской живописи, не поверил, как вдруг А.И. через два дня вручает мне конверт с гонораром. Я остолбенел, не хотел брать, он силой сунул мне его в карман, и я почему-то побежал с бьющимся сердцем на 5-й ярус, в конверте было 1000 рублей. Это было невероятно, ведь я в месяц получал как артист балета 800 рублей, а килограмм масла на базаре стоил 150. А.И., добрейшей души человек, не «демон-искуситель» по натуре, просто решил поддержать в трудное время молодого артиста, хотя и говорил потом в Москве, что портрет висит между Кустодиевым и Серовым, но я тоже понимаю юмор.

Моими работами заинтересовался П.В.Вильямс. Он прямо говорил: «Юра, нужно учиться у французов, какие краски, какой цвет и свет. Зря все-таки вы пошли в балет», – но я уже не сомневался в избранном, коротком, тернистом, но единственно любимом искусстве танца.

П.В. не только оформлял эскизы декораций. Как-то вижу, стоит у окна коридора нашего общежития и пишет Зимний двор. Куйбышев. Как пишет? По всему холсту точками быстро определяет цвет, и когда мозаика – а это получилась мозаика на холсте – была готова, унес холст в комнату. Я, будучи знакомым немного с техникой этюдной живописи и сомневаясь в таком методе, задал вопрос: «П.В., почему точки? А не до конца, как полагается?» – «Видите ли, Юра, природа все время меняется в свете тени и цвете, главное, их поймать, уловить и увидеть одной точкой, а потом в мастерской разработать по впечатлению, почувствовать это морозное утро». Через несколько дней я увидел законченное это зимнее утро, сочно, по-вильямски написанное. Он подарил этот пейзаж, тончайший по

нюансам, настроению, И.Я.Монахову. А я как бы слышу голос П.В.: «Вы понимаете, Юра, французы – как важно впечатление – учитесь у них».

Жаль, что так рано, в расцвете сил, ушел от нас такой крупнейший театральный живописец. Его «Ромео», «Золушка» – это не только дополнение хореографии, не только оформление спектакля, а сочетание искусства в единое впечатление. А «Золушка»? Это, прежде всего, он – художник, а потом уже Захаров – балетмейстер. Если убрать декорации, то от этой сказки-балета не останется ничего, а за П.В.Вильямсом каждый балетмейстер был как за каменной стеной. Долговечность ряда спектаклей определил талант таких художников, как Вильямс, Дмитриев, Вирсаладзе.

В Куйбышеве театр ставил «Пиковую даму», часть декораций была привезена, а некоторые детали, фоны, крупные станки – нет. П.В. и художник Морин дописывали сами недостающие части. Я, конечно, крутился рядом. П.В. говорит: «Юра, попробуйте написать камин, что в спальне графини; он должен быть из белого мрамора в стиле позднего барокко с амурами». Я бодро подошел к ведрам с красками и принялся «писать»; когда краски были сырые, мрамор получался и амуры тоже, но по мере высыхания вся контрастность исчезала. Я, незнакомый с работой клеевыми анилиновыми красками, где чутьем художники угадывают силу цвета и предвидят его при высыхании, – так расстроился, что хотел бросить. П.В.Вильямс говорит: «Добейтесь, раз начали».

Долго я потел над этим камином, пока не получился. Спальня графини с моим мраморным камином была любимой сценой – все бегали в зрительный зал, и, каждый раз смотря на все это, я удивлялся: неужели это я написал?

Страшная весть потрясла нас: в Большой театр попала бомба. Успокоились только, когда стало ясно, что пострадал портик, одна из колонн и слегка поврежден главный вестибюль.

Бомбившие Большой театр варвары, разрушавшие культуру, получили должное возмездие. Это их поколение с «немецкой» аккуратностью восстанавливало свою «Оперу под липами».

По распоряжению правительства в Москве начал работать филиал Большого театра силами оставшихся артистов, возглавляемый М.Габовичем.

Из Куйбышева стали командировать в столицу многих солистов, это и радовало, и заботило нас. Настал момент, когда главной балериной стала солистка И.Тихомирнова. Все балерины уехали, и многие думали, что, видимо, нас оставят здесь, в Куйбышеве, как филиал до конца войны, а силами москвичей откроют спектакли на основной сцене.

Осенью 1943 года мы закончили сезон, длившийся два с половиной года, и двумя пароходами приплыли в Москву. Состоялась встреча «двух коллективов», быстро слившихся в один. Школа эвакуации была полезна для артистической молодежи, где была познана нужда, лишения и первые успехи, становление и формирование репертуара, закрепление в малых и больших ролях.

Прошли годы, и, не танцуя уже в театре, каждый раз радуешься первым успехам выпускников. Теперь многие начинают как-то прямо с гастролей по Европе и Америке и не испытывают нужды ни в чем. Хотелось бы, чтобы они хоть изредка вспоминали тех, кто не растерялся и сохранил лучшие достижения хореографии, работая в тяжелые годы войны, при воздушных тревогах в Москве и в далекой, холодной и голодной эвакуации.

Ю.Г.Кондратов. По течению... М., 1921

 Владимир КУДРЯШОВ
солист балета

БЕЗ МАЛОГО ДВА ГОДА В КУЙБЫШЕВЕ

Начало войны, наверное, всех застало врасплох, и я не был исключением. Казалось бы, так хорошо все начиналось. Закончил Московское хореографическое училище, был принят в Большой театр и с нетерпением ждал открытия сезона. Но, увы, сезон 1941-1942 гг. Большой театр в Москве не открыл. Гитлеровцы подходили все ближе к городу, шла эвакуация москвичей, уже выехал из столицы дипкорпус. Правительство приняло постановление об эвакуации Большого театра в Куйбышев. Говорили, будто лично И.В.Сталин сказал примерно так: «Срочно эвакуировать Большой театр - это наш золотой фонд, его надо сберечь, он нам будет нужен после победы». Действительно, в те трудные дни страна сделала все возможное, чтобы сохранить Большой театр. Около 1000 боеспособных людей получили бронь, освобождавшую от воинской службы, и это - в первые дни войны, когда буквально каждый человек был на счету.

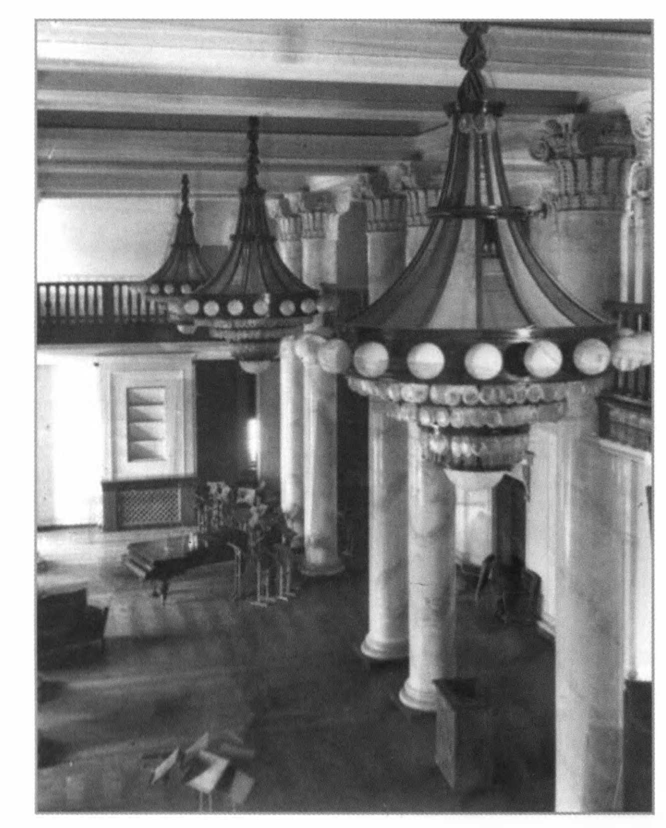
Нас, артистов Большого театра, предупредили об отъезде накануне. Разрешено было взять с собой один чемодан, так как с местами было плохо. Представьте, в четырехместном купе ехало 8-9 человек. Я оказался в купе вместе с А.Ш.Мелик-Пашаевым и его женой М.С.Шмелькиной, Д.Д.Шостаковичем, А.И.Хачатуряном. В нашем составе было 26 вагонов и два паровоза. Но как мы ехали! Об этом нужно сказать особо - до Куйбышева добирались 22 дня.

Никогда не забуду наших с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем походов за кипятком во время стоянок поезда. Спускаясь с поезда, он неизменно надевал калоши, очень сосредоточенно набирал в чайник воду, возвращался к вагону и перед тем, как подняться в него, обязательно снимал калоши, оставляя их на перроне. Я всегда старался идти следом за ним, и на мой постоянный вопрос: «Дмитрий Дмитриевич, а калоши?» - следовал ответ: «Но, голубчик, как же? Нельзя же входить в помещение в калошах»...

В Куйбышеве нас разместили в двух обычных школах, разделив классные комнаты перегородками из простыней. В каждом классе жили 18-20 человек. Интерьер их был тоже достаточно традиционен - большой стол посередине, стулья, матрасы. Но стол был самым святым местом. Здесь по вечерам собирались все вместе, пили чай, делились едой - у кого что было, вели разговоры. Через две недели после приезда мы начали заниматься: под репетиционный балетный зал было оборудовано фойе городского Дворца культуры с паркетным полом (того самого, где проходила генеральная репетиция Седьмой симфонии Д.Шостаковича). Класс давал Асаф Михайлович Мессерер. На занятия и репетиции ходили пешком, по полтора часа, а зима 41-го в Куйбышеве выдалась суровая, с 40-градусными морозами, а мы - в легкой одежонке, не рассчитанной на такие погоды, да и уехали из Москвы ненадолго. Так вот мы и жили: и В.В.Барсова, и И.С.Козловский, и М.Д.Михайлов, и Д.Д.Шостакович, и В.Г.Дулова с А.И.Батуриным, и многие-многие другие.

Жил я, что называется, «дверь в дверь» с М.С.Шмелькиной, с которой мы вместе танцевали, и с А.Ш.Мелик-Пашаевым. Жили очень дружно, старались во всем помогать друг другу. Но когда «дело доходило до дела» - все менялось: Александр Шамильевич становился выдающимся дирижером, строгим, предель-

Фойе Дворца культуры, в котором проходили спектакли и концерты Большого театра. 1941-1943гг.

Репетиция Седьмой симфонии Д.Д.Шостаковича, дирижер С.А.Самосуд

Репетиционные моменты

На репетиции Седьмой симфонии. Д.Д.Шостакович, В.Г.Дулова, Л.Н.Оборин (выше - М.О.Рейзен, И.С.Козловский)

Сидят: Ю.Ф.Файер (первый слева), Д.Д.Шостакович, С.А.Самосуд, Л.Н.Оборин, Д.Ф.Ойстрах

Р.М.Глиэр, Д.Д.Шостакович, Л.П.Штейнберг, Ю.Ф.Файер, 1942г.

Первое исполнение Седьмой симфонии Д.Д.Шостаковича. 5 марта 1942г.

Зрительный зал во время исполнения Седьмой симфонии Д.Д.Шостаковича

Репетиция оперы «Севильский цирюльник» Дж.Россини. Д.Н.Вейсс - концертмейстер, С.М.Хромченко и А.П.Иванов - солисты оперы, Е.Н.Соковнин - режиссер

Заведующий постановочной частью П.С.Данилов

Работники постановочной части

Р.В.Захаров, балетмейстер

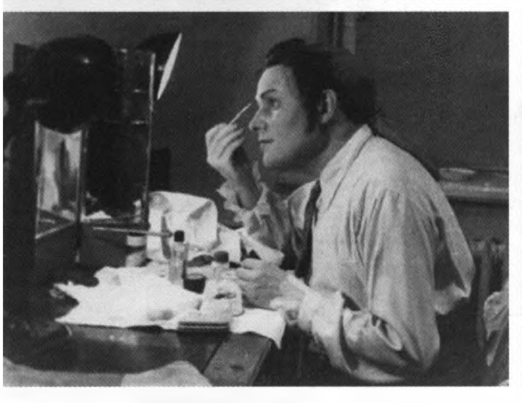
Балет Л.Минкуса «Дон Кихот», монтаж декораций

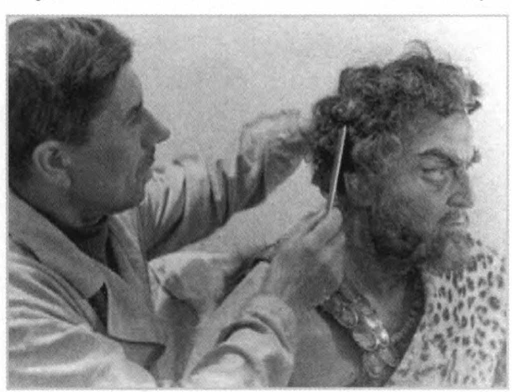

Дирижер С.А.Самосуд
и художник П.В.Вильямс

М.О.Рейзен,
солист оперы

Опера «Севильский цирюльник» Дж.Россини.
Фигаро - П.М.Норцов

Опера «Аида» Дж.Верди,
Амонасро - В.Н.Прокошев

Балет «Алые паруса» В.Н.Юровского
Грэй - В.А.Преображенский. 1942г.

Ассоль - И.В.Тихомирнова.
Справа: сцена из балета «Алые паруса»

П.И.Чайковский,
опера «Пиковая дама», сцена бала.
Графиня - Б.Я.Златогорова

После спектакля «Пиковая дама».
В центре - дирижер А.Ш.Мелик-Пашаев

Опера «Пиковая дама», репетиция.
Герман - Б.М.Евлахов,
графиня - А.К.Турчина

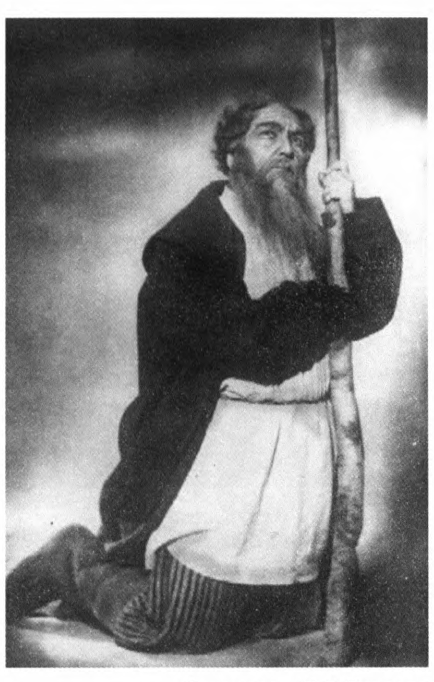

Сцена из оперы М.И.Глинки «Иван Сусанин»

Вильгельм Тель - А.И.Батурин

Опера Дж.Россини «Вильгельм Тель». 1942г.

Иван Сусанин -
М.Д.Михайлов

Антонида - В.В.Барсова

Опера М.И.Глинки «Иван Сусанин».
Постановка 1945г.

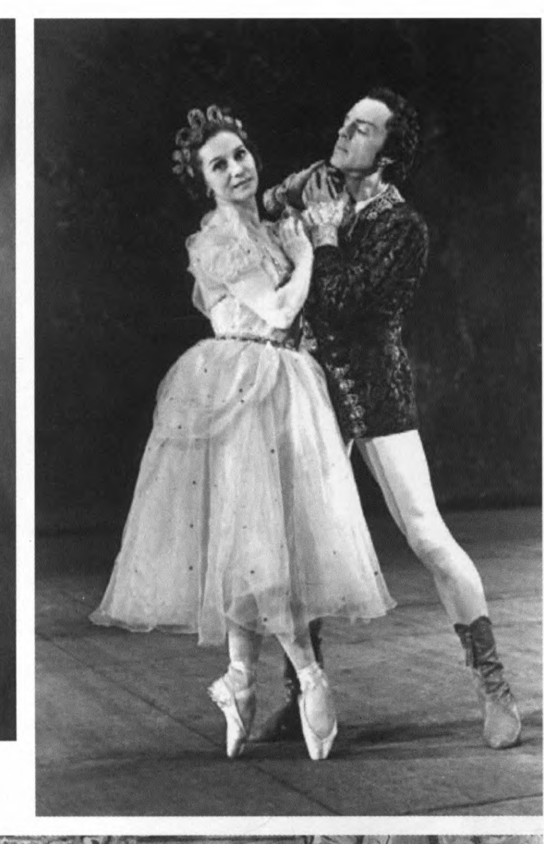
Золушка - Г.С.Уланова,
Принц - М.М.Габович

Балет «Золушка» С.С.Прокофьева.
Золушка - Г.С.Уланова,
Принц - В.А.Преображенский,
постановка 1945г.

Мачеха - В.В.Кригер

Золушка -
О.В.Лепешинская,
Принц -
В.А.Преображенский

Декорации П.В.Вильямса к балету
С.С.Прокофьева «Золушка»

Гримируются дети, участники спектакля

Общежитие артистов - школа № 81

И.С.Козловский у себя «дома»

А.И.Батурин «дома»

Фото слева, верхний ряд:
В сапожной мастерской
В пастижерной мастерской

Нижний ряд:
В декорационном цехе
В столярной мастерской

Актеры Большого театра на разгрузке дров

Подарки фронту от Большого театра. 1941г.

но аккуратным, с которым даже представить себе было нельзя панибратских отношений. Интонацию домашнего общения никогда никто не переносил на работу.

Первым спектаклем, показанным в Куйбышеве, – это было 11 декабря 1941 года, – стала «Травиата», где вместе с М.Шмелькиной я исполнял испанский танец. Затем поставили «Демона», в котором мы с Тиной Галецкой выступили в лезгинке. Очень быстро возобновили «Бахчисарайский фонтан» и «Шопениану», спектакли, декорации которых постепенно подвозили в Куйбышев, – «Лебединое озеро», «Дон Кихот», «Тщетная предосторожность». Постоянно проходили концерты на призывных пунктах и в госпиталях.

А.Радунский, Л.Поспехин и Н.Попко начали работу над балетом В.Юровского по А.Грину «Алые паруса», приехавший в Куйбышев Л.Якобсон поставил многие, ставшие потом известными концертные номера.

Все чаще стали приходить радостные вести с фронта, враг был отброшен от Москвы. И когда стало ясно, что в войне произошел перелом, было принято решение о возвращении театра в Москву. 13 июля 1943 года нам были выделены два теплохода, на которых мы в течение недели плыли по Волге. Речной вокзал в Химках встречал нас с оркестром, флагами, транспарантами. Наших солистов на руках несли к автобусам и автомашинам.

26 сентября 1943 года Большой театр открыл новый сезон оперой «Иван Сусанин», и я танцевал тогда с Валентиной Галецкой, Надеждой Капустиной и Ядвигой Сангович – прекрасными, неповторимыми, характерными танцовщицами. На спектакле в тот день присутствовали все члены Правительства.

Наверное, тогда, осенью 1943 года, коллектив Большого театра, в котором воссоединились те, кто работал в филиале в Москве, открывал новую страницу своей истории.

Газета «Большой театр», 1995, 17 марта

Д.И.ШЕЛОНИНА
инспектор детского хора

– Шестнадцатилетней крестьянской девочкой из Рязани приехала я в 1925 году в столицу, – рассказывает Дина Ивановна. – Пошла в домработницы. Там впервые пришлось воспитывать хозяйских отроков, детей неплохих, но избалованных. Потом вступила в профсоюз домработниц, стала учиться на рабфаке. Закончив его, пыталась поступить на биофак МГУ, но не прошла по конкурсу.

Подруги сказали, что требуется человек на неперспективную должность инспектора хореографического училища при Большом театре. Пришла туда еще с косами, волновалась – как же я буду городских плясуний воспитывать? Ну, ничего, шесть лет там проработала. Теперь в театре 60 моих бывших подопечных, среди них Майя Плисецкая, Раиса Стручкова...

Как война началась, всех распустили на неизвестный срок. Я уехала к маме в село Кирицы. Валила сосны в Мещерской тайге, в рост человека пни оставляли, чтобы танки не прошли, и в три направления стволы валили, вроде «ежей». Назывались эти оборонные рубежи «На дальних подступах к Москве». А когда фашистов отогнали, я решила своим братьям-близнецам, которые в Куйбышеве завод реконструировали, теплые вещи отвезти. Смотрю, батюшки, в Куйбыше-

 ве – Большой театр, эвакуированный. Зашла, конечно, не чужие ведь. А там кричат: «Дети поющие позарез, во-о-т так нужны». А где искать? Взяла и собрала на прослушивание детей наших певцов, танцовщиков, рабочих сцены, оркестрантов – все-таки преемственность... Зарабатывали они потом вполне взрослые пайки.

Потом танцующие дети для «Дон Кихота» понадобились. Пошла по городу, смотрю, кто ловко через скакалку или в «классики» прыгает, тех приглашаю. Помню трех способных сестер Потаповых, досужих до всего.

Елена теперь народной артисткой СССР стала. А тогда, в 1944-м, мы их в Москву не взяли, не могли.

В Москве детский хор пришлось набирать заново. У меня музыкального образования нет, но все равно хожу и слушаю. В метро дети с родителями болтают, я спрашиваю: «Ваш ребенок часом не поет?» – «Вы откуда знаете?» Я смеюсь: «А у меня профессия такая – угадывать...» Человек из пятидесяти, глядишь, одного-двух принимали.

Газета «Московский комсомолец», 1973, 7 апреля

ПИСЬМО С ФРОНТА

Артисты не только участвовали в спектаклях, концертах, но и дежурили в госпиталях, становились донорами, сдавали кровь для раненых бойцов.

Зинаида Петровна Нацкая, председатель месткома Большого театра, в те годы собирала в коллективе посылки для отправки на фронт. Ее постоянными помощниками были артистки балета Н.Капустина, Е.Голубкова, Э.Бочарникова.

В каждую посылку обязательно клали кисет с махоркой, теплые носки, варежки, немного сладостей и, конечно же, письмо с пожеланием скорой победы.

И как же ждали мы потом вестей с фронта!

Более сорока лет хранилось у меня письмо замполита роты связи 975-го стрелкового полка А.А.Укусова:

«Здравствуйте, дорогая Дина Ивановна!

Шлю свой боевой фронтовой привет, желаю Вам успехов в Вашей работе. Я получил Ваш подарок, за что от всего сердца благодарю. Ваши подарки, а их было много от трудящихся города Куйбышева, дают нам ощущение заботы наших советских людей за воинов действующей Красной Армии. Мы знаем, что фронт и тыл являются единым боевым лагерем в борьбе с захватчиками.

Мы здесь, на боевых рубежах, честно, самоотверженно выполняем приказ об истреблении оккупантов. Наша часть освободила от них уже сотни сел и вернула тысячи граждан к советской жизни. Просьба у нас, фронтовиков, – работайте для фронта так, чтобы он получал все, что ему требуется.

Все для армии, все для фронта – таков лозунг нашего советского тыла, а мы верим, что победа будет за нами! 6/III-42г.».

Это письмо живо напоминает о трудной поре военных лет, о том, как каждый из нас старался сделать все возможное для того, чтобы облегчить ратный труд наших красноармейцев.

Газета «Советский артист», 1985, 22 марта

И.АГАФОННИКОВ

О Д.И.Шелониной

Судьба столкнула ее с организацией детского коллектива в Большом театре в годы войны во время эвакуации театра в г.Куйбышев. До этого времени Дина Ивановна работала инспектором в Московском хореографическом училище.

Естественно, что в 1942г. в Куйбышев наш театр не мог вывезти детей, певших в составе хора до этого. И Дине Ивановне пришлось совершенно заново набирать коллектив, способный участвовать в спектаклях Большого театра: петь, танцевать, выполнять мимические роли, то есть коллектив маленьких мастеров на все руки. Дина Ивановна искала своих «артистов» в школах города и даже просто на улицах. С этого трудного времени история детского хора театра как бы началась заново. С набранными Диной Ивановной детьми работали лучшие мастера театра: хормейстеры, балетмейстеры, режиссеры. Скоро коллектив стал настоящей творческой единицей. Интересно, что из числа детей, прошедших школу хора Большого театра, вышло много известных ныне музыкантов и исполнителей. У Дины Ивановны есть сведения о всех детях, работавших (а это тоже настоящая и серьезная работа) в детском хоре с 1942 г. по сей день. Она всю жизнь остается для них второй мамой, ибо вносит много души и умения в воспитание эстетических и человеческих качеств маленького гражданина нашей страны.

Газета «Советский артист», 1972, 21 января

Татьяна ДЕРЖАВИНА
бывшая артистка детского хора

ДЕТСКИЙ ХОР В КУЙБЫШЕВЕ

Грозный октябрь 1941г. Помню вокзальный перрон, группки ожидающих поезда артистов Большого театра. Тревожно снует народ. Наконец, состав подан. Все устремляются к вагонам. Несколько суток езды до Куйбышева, где всех поселили в двух школах, ставших общежитиями. В каждом классе – по 18-20 человек. Я была совсем ребенком, но хорошо помню это трудное время.

Порой не было ни света, ни воды, но артисты – народ не унывающий и скоро приспособились: во дворе школы разжигали костры и готовили пищу. Жили дружно и по мере возможности помогали друг другу. Жена одного из музыкантов, Татьяна Николаевна, объединила детей по возрасту в две группы и занималась с ними английским языком. Ученики ставили разные сценки («Три поросенка» и другие), декорацию изготовили из больших полотен бумаги, предназначенной для затемнения окон. Учились серьезно.

Даже в те времена, когда было особенно тяжело с продуктами, эвакуированные умели ими поделиться. Как-то, возвращаясь из школы через территорию госпиталя, я увидела раненого бойца, который просил еды. А мы, дети, получали совсем маленький завтрак – 50 г, не более, кусочек черного хлеба. Я этот кусочек несла домой. Увидев раненого, отдала ему хлеб, а придя домой, расплакалась и рассказала о случившемся. Все, кто жил в одном классе с нами, поделились с моей семьей едой.

Нам, работавшим детям, продуктовые карточки выдавали не иждивенчес-

 кие, а НР. Иногда нам доставались талоны на дополнительные пайки и обеды в столовой. Метели в зимнюю пору в Куйбышеве были сильные, за несколько метров не видно человека. В такую непогоду, чтобы не оставить голодной семью, мне, десятилетней девочке (родители были заняты на работе), приходилось преодолевать большие расстояния пешком – из-за снежных заносов транспорт не ходил.

В новогоднюю ночь в общежитии организовали поздравления. Начали несколько человек, особые весельчаки, которые обегали комнаты, поздравляли с Новым годом. К ним из каждой комнаты (класса) присоединялось несколько человек, и когда добежали до 4 этажа, «змейка» поздравлявших растянулась на 2-3 комнаты. Начало было в одной, а хвост – еще в прежней комнате.

Уныние и тревога наступали только тогда, когда приходили тревожные вести с фронта, но вера в победу не покидала нас.

Вскоре после нашего приезда в Куйбышев, уже в декабре 1941 г., во Дворце культуры стали показывать сначала фрагменты, а затем и целые спектакли – «Травиата» и «Лебединое озеро». Давались симфонические концерты в фонд обороны. В феврале 1942 г. был поставлен балет «Дон Кихот». Во многих спектаклях нужны были дети. Инспектор детского хора Дина Ивановна Шелонина, как мы ее называли, «наша вторая мама», начала собирать детей. В основном – детей артистов. Прослушивали нас главный хормейстер М.Шорин, хормейстер А.Рыбнов, дирижеры А.Мелик-Пашаев, С.Сахаров, В.Небольсин. Отбор был строгим. Все пели две песни: «Катюша» и «Мы едем-едем, едем в далекие края». Набрали 20 человек. Эта малая группа детей участвовала и в операх, и в балетах, выполняя работу и маленьких хористов, и артистов балета, и миманса, так как балетная школа была эвакуирована в другой город. Из местных детей Дина Ивановна отобрала для балета четырех девочек. Не привычные к работе в театре, они доставляли Дине Ивановне много волнений: могли не прийти на спектакль или репетицию, заранее не предупредив. Так было в «Аиде». Вот-вот начнется спектакль, а их нет. Нас, Марину Морозову и Таню Державину, вызвали по телефону из общежития. Нужно было танцевать арапчат в «Комнате Амнерис». Всю дорогу из общежития до Дворца культуры мы бежали, чтобы не опоздать. И вот мы в комнате Амнерис. Видимо, от большой усталости, мы прозевали время ухода со сцены. Опомнившись, потихонечку ретировались. В другой раз Ирочка Рыбнова от большого старания в танцах угодила в суфлерскую будку. Так же произошло и в «Черевичках» с Галей Кутузовой в танцах чертенят.

В балете «Дон Кихот» дети были заняты в нескольких сценах. В первом действии исполняли роли маленьких цыган, ворующих фрукты и дерущихся за них между собой. На ногах у девочек 10-11 лет были туфли на высоком каблуке, которые они, естественно, надевали впервые в жизни. Увлекшись игрой, они упали на авансцене, продолжая отнимать друг у друга ворованное. Но мизансцена получилась очень естественной, и взрослые нас похвалили. В этом же балете амурчиков танцевали совсем маленькие три девочки-близняшки Потаповы. Девочки все время хотели есть. Они покупали в буфете бутылки ситро, а им не разрешали пить перед выходом на сцену. Животы от ситро округлялись, трико не налезало, а некачественное ситро требовало «выхода», что создавало большие трудности. В очередной раз не послушавшись и напившись ситро, одна из амурчиков не могла дождаться окончания сцены, и, стоя рядом с Дон Кихотом, которого прекрасно играл оперный певец Федор Петрович Светланов, обратилась к нему с мольбой и

тихонько сообщила, что она вот-вот сделает лужу. Он все понял и красиво вывел амурчика за кулисы...

Большинство детей трепетно и с большой преданностью относились к своей работе. Мы любили театр, понимали, невзирая на свой возраст, в какое сложное время живем, участвовали в шефских концертах в госпиталях.

Школьные уроки мы готовили где придется, иногда в антрактах. Дина Ивановна требовала от нас хорошей успеваемости, плохая была несовместима с пребыванием в хоре.

Сила воздействия спектаклей была необыкновенной. А как все воспринимали Седьмую симфонию Шостаковича! Зал был полон. Я сидела, прижавшись к папе, артисту хора, и на одном дыхании, невзирая на свой малый возраст, прослушала симфонию. В трудное военное время люди старались сделать друг другу что-нибудь приятное, душевно как-то согреть, успокоить. Не забуду, как артистки хора на Татьянин день достали где-то и подарили мне пирожное. О.В.Лепешинская, которая для нас, детей, была идеалом, увидя на моих ногах рваную обувь, подарила мне две пары балетных туфель.

Возвращались в Москву мы пароходом. У меня была малярия. Температура зашкаливала за 40 градусов. Мне уступали место на теплой палубе. На день моего рождения я получила прекрасные подарки, выполненные собственными руками.

В Москве, в конце августа 1943 г., нас тщательно прослушивали М.Шорин, С.Самосуд, А.Рыбнов, А.Мелик-Пашаев и даже сам Н.Голованов. Только небольшая часть нашего куйбышевского коллектива прошла конкурс и была принята в детский хор на постоянную работу, а не как разовые статисты. К нам присоединились дети, принятые в хор до войны. Но хор все равно был небольшим. Начались репетиции спектаклей, которые театр возобновлял и ставил заново.

Затаив дыхание, мы слушали замечательных певцов. Вообще, мы, дети, любили искусство, умели ценить прекрасное и сегодня не перестаем гордиться тем, что работали с прекрасными режиссерами, встречались в театре с прекрасными и интеллигентными людьми.

Мы жили строго, но дружно. Этот дух детского хора умело поддерживала наша незабвенная Дина Ивановна, которая была для всех нас теплым, красивым человеком и осталась в памяти как человек редкой души.

Газета «Большой театр», 2001, 15 февраля

ИЗ КУЙБЫШЕВСКИХ СОБЫТИЙ

КОНЦЕРТ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАЙКОВСКОГО

(Фрагмент)

Исполненная недавно на симфоническом концерте Куйбышевской филармонии Четвертая симфония Чайковского является лучшим образцом русского симфонизма. Сам Чайковский называл ее «исповедью души русского человека».

Лауреат всесоюзного конкурса дирижеров заслуженный деятель искусств А.Ш.Мелик-Пашаев с присущим ему мастерством блестяще раскрыл глубокое содержание этого грандиозного произведения. Прирожденный лиризм Мелик-Пашаева вместе с его совершенно исключительным, неукротимым темпераментом как нельзя лучше соответствовали музыкальным образам симфонии.

Взволнованно и темпераментно прозвучала в его исполнении также симфоническая поэма «Франческа да Рамини», навеянная бессмертным произведением Данте.

Особенно хочется отметить высокую культуру и мастерство артистов оркестра Государственного Академического Большого театра СССР, которые способствовали общему успеху программы.

Подлинным украшением концерта явилось выступление лауреата Сталинской премии народного артиста СССР М.О.Рейзена. Большой художник, прекрасный вокалист, Рейзен одинаково талантливо исполнил как оперную арию (ария Рене из оперы «Иоланта»), так и камерного произведения – два романса Чайковского. Слушатели восторженно приняли любимого советского певца.

И.БЕГИАШВИЛИ

Газета «Волжская коммуна», 1942, 27 марта

КОНЦЕРТ ЛАУРЕАТОВ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ *(фрагмент)*

В концерте лауреата Сталинской премии Мелик-Пашаев дирижировал 6-й «Патетической» симфонией Чайковского – произведением громадной философской и психологической глубины. Вдохновенно и пылко провел дирижер симфонию, в которой особенно хорошо прозвучала 2-я, 3-я и последняя части. Прекрасно удалась Мелик-Пашаеву симфоническая фантазия «Франческа да Рамини».

Арию Гремина из оп. «Евгений Онегин» исполнил любимец советских слушателей М.Д.Михайлов, создатель ряда неповторимых, замечательных образов: народного героя-патриота Ивана Сусанина, смешного неповоротливого Чуба, грозного хищного Кончака, пышного генерала – «бойца с седою головой», сурового варяжского гостя. Его могучий, прекрасный голос заполнил весь зал. Сдержанная, проникающая манера исполнения и музыкальность вызвали единодушные, долго не смолкавшие аплодисменты аудитории.

Выразительно спел арию и песню Вакулы Г.Ф.Большаков – артист большого сценического обаяния.

П.М.Норцов, создавший замечательную роль «светлейшего» в «Черевичках», спел арию Мазепы и арию Роберта из «Иоланты». Сдержанная, академичная манера исполнения известного певца прекрасно вязалась с образом властного, честолюбивого и гордого гетмана, показанного Чайковским в более благородных и романтических чертах, чем Мазепа Пушкина.

Оркестр Большого театра в концерте лауреатов был выше всяких похвал и доставил слушателям большое художественное наслаждение.

Б.ХАЛИП

Газета «Волжская коммуна», 1942, 29 апреля

ВЕЧЕР БАЛЕТА *(фрагмент)*

...В состоявшемся на днях во Дворце культуры им.Куйбышева вечере балета Большого театра замечательное искусство мастеров советской хореографии еще раз предстало перед зрителями во всем блеске.

Среди ряда прекрасных балерин-классичек показала изумительный прыжок, красоту линий и необычайную «воздушность» Л.Черкасова.

Очень мягко и лирично танцевали «Мелодию» Глюка и «Вальс» Шопена И.Тихомирнова и Г.Петрова. Замечательными поддержками, как всегда, блеснул П.Гусев. Хорошим кавалером в «Мелодии» показал себя молодой артист балета Ю.Кондратов.

С большим интересом смотрится драматически напряженный этюд «Гранатометчики» в исполнении Н.Авалиани и Д.Белого. Актуальное идейное содержание хорошо передано в этом номере скупыми и выразительными хореографическими средствами.

Лауреат Сталинской премии, заслуженный артист РСФСР А.Мессерер показал замечательный гротесковый образ темпераментного футболиста, сочетая большое артистическое мастерство с присущей ему блестящей техникой танца.

С большим артистическим обаянием танцевала «Вальс» Крейслера А.Абрамова. Танцевальную миниатюру «После дождя» (постановка засл. артиста РСФСР А.Радунского, Н.Попко, Л.Поспехина) хорошо исполняли О.Крылова и Т.Ланковиц.

В характерных танцах ярко и темпераментно выступили В.Галецкая, Н.Капустина, Б.Борисов и Г.Тарабанов. Совсем юная дебютантка Н.Симонова в «Свидании» Альбениса продемонстрировала свое приятное характерное дарование. Талантливой танцовщице нужно лишь устранить излишнюю узость, «камерность» манеры исполнения, не желательные на большой сцене.

В.Цаплин, много и интересно работающий над гротесковыми, очень четкими мимическими образами, знакомый куйбышевским зрителям по своему превосходному «Подхалиму», в этот вечер очень хорошо исполнял «Танец нетрезвого франта».

С большим успехом выступали в концерте лауреаты всесоюзных конкурсов исполнителей В.Дулова и Ю.Реентович.

Б.ХАЛИП

Газета «Волжская коммуна», 1942, 23 мая

8 НОЯБРЯ 1942Г. СОСТОЯЛАСЬ ПРЕМЬЕРА ОПЕРЫ «ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ» ДЖ.РОССИНИ

«ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ»
НОВАЯ ПОСТАНОВКА БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР *(фрагмент)*

В ноябре Большой театр показал в Куйбышеве премьеру оперы Россини «Вильгельм Телль». Эта опера, созданная более ста лет тому назад, звучит и сегодня свежо и прекрасно. Больше того, в мире, потрясенном неслыханной титанической борьбой всего светлого и разумного против мрачных сил омерзительного, кровавого фашизма, звучание этой оперы приобрело новую, еще большую убедительность.

Благородный образ Вильгельма Телля – мужественного, бесстрашного борца за свободу своего народа – вызывает и не может не вызвать самый горячий отклик нашего советского зрителя...

...Театр отнесся к постановке «Вильгельма Телля» со всей тщательностью и серьезностью. Большие трудности стояли перед участниками спектакля, и, надо сказать, трудности эти полностью преодолены.

Оркестр под управлением А.МЕЛИК-ПАШАЕВА добился прекрасного звучания всех групп инструментов. Незабываемо прозвучала бессмертная увертюра, начиная от прекрасного соло виолончели, замечательно исполненного артистом оркестра Буравским, и кончая блестящим заключением. Увертюра явилась подлинным шедевром исполнительского мастерства оркестра и дирижера и вызвала овацию зрителей.

Оркестр на протяжении всей оперы звучал превосходно и артистично. В партитуре «Вильгельма Телля» партии валторн являются труднейшими и ответственнейшими. Поэтому хочется указать на мастерское исполнение этих партий артистами оркестра Леоновым, Булгаковым, Гольдштейном и Петровым.

Всяческих похвал достоин хор (хормейстер М.КУПЕР). В этой опере хор играет в высшей степени важную роль, состоящую главным образом в исполнении больших народных сцен. А так как в «Вильгельме Телле» народ и является основным героем, то понятна та ответственная задача, которая возложена здесь на хоровой коллектив. И с этой задачей хор справился хорошо...

...«Вильгельм Телль» идет в постановке ЗАХАРОВА, которому удалось создать интересный, большой спектакль и полностью довести идею оперы до зрителя, не прибегая к сложным мизансценам и изысканным сценическим фокусам. Захаров является также и балетмейстером спектакля. Все танцы оперы поставлены хорошо.

Как всегда, на большой высоте работа художника ВИЛЬЯМСА. Его декорации красочны и выразительны...

...В образе Телля у Прокошева много удач. Он сумел показать и бесстрашного народного вождя, и пламенного агитатора, и любящего отца и мужа.

Очень хорошо провел роль Арнольда Большаков.

Партию Матильды исключительно удачно исполнила Шпиллер. Это – одна из лучших ролей в спектакле. Редкой красоты голос, подлинная музыкальность, огромное сценическое обаяние – все это помогло талантливой артистке создать глубокий художественный образ...

Большая удача сопутствовала Шумиловой в исполнении роли Джемми – сына Вильгельма Телля.

Шумилова не только прекрасно пела, но и хорошо играла, обнаружив подлинный драматический талант.

Бугайский (Гесслер), Хромченко (рыбак), Лубенцов (Мельхталь) и все остальные исполнители способствовали своим искусством высокому качеству спектакля.

Снова показал себя с самой лучшей стороны замечательный балет театра. Особенно выделялись Галецкая, Капустина, В.Петрова, М.Петрова, Борисов и Цаплин.

Большой театр поставил в ознаменование 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции оперу, наполненную идеями, близкими нашему времени, оперу, зовущую к борьбе за счастье и независимость народов против мракобесия и кровавой тирании.

В.КАТАЕВ, Д.ШОСТАКОВИЧ

Газета «Правда», Москва, 1942, 14 ноября

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ТОВ. И.В.СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Принося горячую благодарность Советскому правительству за высокую оценку нашей работы в спектакле «ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ», поставленном Большим театром СССР в Куйбышеве, и движимые чувством беззаветной любви и преданности к нашей Родине, мы передаем присужденную нам премию в сумме 100 000 рублей в фонд Главного Командования на постройку эскадрильи «Лауреат Сталинской премии».

Лауреаты Сталинской премии:

Заслуженный деятель искусств А.Ш.МЕЛИК-ПАШАЕВ, заслуженная артистка РСФСР Е.КРУГЛИКОВА, заслуженная артистка РСФСР Н.ШПИЛЛЕР, заслуженный артист РСФСР А.БАТУРИН, режиссер-балетмейстер Р.Захаров, художник П.ВИЛЬЯМС.

ОТВЕТ И.В.СТАЛИНА

Заслуженному деятелю искусств тов. А.Ш.Мелик-Пашаеву, заслуженной артистке РСФСР тов.Кругликовой, заслуженной артистке РСФСР тов.Шпиллер, заслуженному артисту РСФСР тов.Батурину, режиссеру-балетмейстеру тов.Захарову, художнику тов.Вильямсу.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищи Мелик-Пашаев, Кругликова, Шпиллер, Батурин, Захаров и Вильямс, за вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

И.СТАЛИН

Газета «Правда», Москва, 1943, 28 марта

30 ДЕКАБРЯ 1942г. СОСТОЯЛАСЬ ПРЕМЬЕРА БАЛЕТА «АЛЫЕ ПАРУСА» В.ЮРОВСКОГО

(*Фрагмент из статьи*)

Музыка В.Юровского талантлива и эмоциональна, дает богатый материал для танцев, насыщена драматизмом и поэзией. Его мелодии напевны и ярко образны, оркестр колоритен и превосходно звучит. В целом партитура «Алых парусов» большая удача молодого композитора...

...Оркестр под управлением талантливейшего мастера – Ю.Файера превосходно справился со своей задачей. Замечательно исполнили свои ответственные партии артисты оркестра: С.Калиновский (скрипка), В.Матковский (виолончель), В.Дулова (арфа), И.Майоров (кларнет), К.Цукерман (валторна).

Постановщики «Алых парусов» Н.Попко, Л.Поспехин и А.Радунский выполнили большую работу...

Артистка балета И.Тихомирнова отлично справилась со своей труднейшей ролью. Она сумела создать обаятельный образ Ассоли, девушки-мечтательницы.

Роль Грэя, капитана корабля, исполняет В.Преображенский...

Талантливо исполнил свою роль А.Мессерер. Будучи предельно безупречным техником, он в то же время обладает большим актерским дарованием. Роль веселого боцмана Летики в исполнении Мессерера оставила одно из самых ярких впечатлений в спектакле. Невеста Летики нашла в лице М.Шмелькиной хорошую исполнительницу. В ней удачно сочетались грация, юмор и очаровательное лукавство. С большим темпераментом была исполнена «джига» Н.Капустиной (на генеральной репетиции) и В.Галецкой (на премьере). Мастерски исполнили восточный танец А.Абрамова и Н.Авалиани. Трогательны угольщики (Н.Голышев, А.Ларионов и В.Маторин). Увлекает своим талантом В.Петрова (рыбачка). Выделялись своим искусством Л.Лащилин (Лонгрен), Г.Петрова (Мери), А.Радунский (странник), П.Гусев (Меннерс-старший). Коллектив балета хорошо исполнил все массовые танцы и сцены.

Художник П.Вильямс создал великолепные декорации и костюмы.

Премьера прошла с большим успехом. Следует пожелать, чтобы Большой театр побольше привлекал молодых композиторов.

Театр в наше трудное военное время сумел создать еще одно произведение искусства, близкое нам по своей возвышенной, благородной гуманистической идее.

Д.ШОСТАКОВИЧ

Газета «Правда», Москва, 1943, 18 февраля

В.В.КРИГЕР
солистка балета

Одна из первых концертных бригад театра выехала на фронт в августе 1941 года и пробыла там два месяца. Концерты проходили в необычайно трудных условиях, нередко прерывались вражескими бомбежками. 9 декабря 1941 года одна из участниц бригады – замечательная советская балерина Викторина Кригер выступила в радиопередаче «Письма на фронт».

Вот фрагмент из ее речи: «Я недавно ездила с артистической бригадой на фронт, выступала перед бойцами, командирами, политработниками Красной Армии и перед людьми, сооружающими могучие оборонные укрепления для нашей Родины. Я танцевала на площадке грузовика в лесу, я танцевала в деревянном сарае, на подмостках, наскоро сколоченных руками красноармейцев. Я, как и мои товарищи по бригаде, не ощущала никаких неудобств, забывала непривычную обстановку, ибо мы видели перед собой людей, насыщенных таким нескончаемых оптимизмом, такой верой в победу, такой несокрушимой железной целеустремленностью, что забывались и импровизированные кулисы из соломы, и влажная земля, на которой приходилось одеваться. Я помню, как нам пришлось проезжать через город Орел. Он горел, зажженный вражескими бомбами. Огонь охватывал здания, языки гигантского пламени, клубы черного дыма взвивались вверх, устремляясь к небу. Этого страшного, трагического зрелища я не забуду никогда!

Журнал «Советская музыка», 1983, № 3

В.Кригер написала немало статей о военных событиях по горячим следам: «На эвакопункте», «Мать героя», «Труд и песня», «Концерт в лесу», «Смерть и разрушение», «В брянских лесах», «Рождение танка Т-34» и др.

ГРАМОТА

За отличные показатели в работе, выполняемой по специальному заданию командования, тов. КРИГЕР Викторина Владимировна Заслуженная Артистка Республики награждается ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ полка, с присвоением ей звания ОТЛИЧНИКА ПОЛКА.

Командир 2ВПС полка 10 района НКВД СССР	(Яснов)
Помполит комполка	(Горелов)
Начштаба полка	(Капустянский)

25 дня сентября месяца 1941 года

г. Куйбышев, обл.
13-го апр. 1942г.

Дорогой, родной Товарищ!

Я не знаю, кто получит мою маленькую посылочку – выражение моего теплого привета, ласковых нежных чувств...

Я не знаю Вас, товарищ, лично, но «знакомы» мы с Вами вот уже десятый месяц, ибо Вы тот, – вернее один из тех, кто десятый месяц в ожесточенной схватке с врагом героически отстаивает каждый вершок любимой дорогой Родины! Громите и дальше подлого врага, громите так, чтоб от него, как говорится, «летели пух и перья»...

Помните, что издыхающий зверь в последнем прыжке будет напрягать остатки сил... Добивайте этого подлого зверя, уничтожайте фашистское чудовище... Еще зорче, еще неусыпнее следите за каждым его шагом!

Мы крепко верим, что какой бы прыжок не готовил проклятый враг – все равно он будет разбит!..

Все наше существо с Вами, дорогой Товарищ. Мы живем интересами фронта, с замиранием сердца следим за успехами любимой героической Красной Армии...

Огромного счастья, успехов, здоровья желаю Вам, дорогой Товарищ! Поздравляю с наступающим 1-м Мая!

И этот день мы с особенной нежностью и теплотой будем думать о Вас...

Итак, Товарищ, мы с Вами познакомились. Я буду ждать от Вас ответного письма, а чтобы Вы знали – кто Вам пишет, – я вкратце сообщу свою «биографию». Я – Заслуженная Артистка Республики, Солистка Большого Театра Союза ССР. – орденоносец. Помимо того, что я балерина, – у меня вторая специальность – я журналистка, работаю в газете «Правда». Вы, вероятно, иногда читаете мои статьи. А все в целом я – Викторина Кригер.

Вот и вся моя «биография». Буду с нетерпением ждать Ваш ответ.

Еще раз желаю самого светлого. Шлю Горячий привет, дружески жму руку.

Ваш товарищ Викторина КРИГЕР

ЗА ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ БОЛЬШОГО ТЕАТРА В КУЙБЫШЕВЕ:

Театр дал десять культшефских спектаклей.

Концертов в частях РККА – 200.

Концертов в госпиталях – 201.

Концертов на оборонных заводах – 47.

Концертов на призывных пунктах – 32.

Концертов на колхозных полях – 41.

Всего: 521.

В фонд обороны проведено мероприятий – 31.

На фронт послано 1876 посылок весом 3819 кг.

Количество доноров – 150 человек. Сдали 198 литров 310 г крови.

Выстирано 1000 комплектов зимнего военного обмундирования.

В июне 1943 года оказана материальная помощь семьям фронтовиков. Выдано пособий 1000 рублей.

Комсомольская организация помогала семьям фронтовиков в обработке индивидуальных огородов.

Проводилась большая работа в подшефных частях по оказанию помощи красноармейской художественной самодеятельности.

Было взято шефство и проводилась работа по самодеятельности завода.

К 25-й годовщине РККА композиторы – работники ГАБТа написали целый ряд произведений, посвященных Красной Армии.

Был проведен сбор вещей для оборудования палаты в одном из подшефных госпиталей.

На подарки бойцам Красной Армии было собрано 42 000 рублей, послано 323 посылки с письмами.

На танковую колонну имени В.В.Куйбышева было собрано 32 386 рублей.

Общая сумма ежемесячных добровольных отчислений в фонд обороны страны за время пребывания коллектива в Куйбышеве составила 273 957 рублей 37 коп.

На вещевую лотерею работники театра подписались на сумму 223 532 рубля.

Подписка на военный заем выполнена на 136 процентов месячного заработка работника Большого театра, что составило 804 720 рублей.

Сбор со спектакля «Пиковая дама», состоявшегося 3 апреля 1942г., поступил на постройку эскадрильи «Советский артист».

Общая сумма сборов в фонд обороны с концертов и спектаклей, прошедших в Куйбышеве, составила 1 568 768 руб.

Из Куйбышева было послано на фронт 7 бригад, давших 1140 концертов.

ЧАСТЬ 4

ШЕЛ СМЕРТНЫЙ БОЙ

УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ СРАЖЕНИЙ

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне,
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Анна АХМАТОВА

Ю.ДЕМЕНТЬЕВ
солист оперы

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФРОНТОВЫХ ЛЕТ

Мне хочется рассказать об одном сражении, происходившем в годы Великой Отечественной войны в ходе так называемой Львовской операции.

В те дни на всех фронтах Советская Армия вела упорные наступательные бои. Первый Украинский фронт, в состав которого входила и наша 4-я танковая армия, вел наступление на запад, имея главной задачей освобождение г.Львова и выход к западной государственной границе СССР.

Был жаркий июль 1944 года.

Прорвав оборону противника, наши танки, ведя беспрерывные бои, устремились на оперативные просторы в тылы врага. В ночь с 21 на 22 июля 4-я танковая армия начала штурм Львова.

В это время я находился со штабом 4-й танковой армии в местечке Княже, расположенном в 10 – 12 км западнее г.Золочева.

...Украина. Сеют хлеба. Белоснежные хаты тонут в садах, где стоят яблони и вишни, такие крупные, сладкие. Для меня все эти дары природы были в диковинку, ведь я был с Урала, в моих родных краях тогда все это не произрастало. В свободные от боев минуты, в теплые украинские вечера я впервые в жизни часто наслаждался вкусом душистых вишен. Было в эти минуты спокойно, уютно и как-то по-юношески хорошо мечталось. Природа торжествовала и как бы вопреки суровым боям пела гимн жизни, лету.

Я, расположившись на сене в сарае, крепко заснул. Спало и все село. Рано утром, когда роса бриллиантами играла на нежных листьях деревьев, когда утренний легкий туман начал подниматься из лощин и наше древнее светило стало выкатываться из-за спеющих хлебов, когда запахло свежестью пробуждающейся природы, вдруг содрогнулась и как бы застонала земля.

Автоматные очереди, особенно звонко гремевшие в утренней тишине, сбросили меня с душистого сеновала. Очереди неслись с севера, затем – с востока, откуда, кстати, меньше всего их можно было ожидать. Вскоре всполохи от разрывов мин и снарядов уничтожили всю прелесть прекрасного летнего украинского деревенского утра.

Наскоро одевшись и получив приказ, мы с товарищами по штабу заняли оборону у оврага, рядом с полем ласковой пшеницы. Жаркие бои шли весь день, враг обошел нас со всех сторон, и не приди нам на помощь 93-я танковая бригада, может быть, и не пришлось бы мне сейчас писать эти строки.

В книге генерала армии Д.Д.Лелюшенко «Москва – Сталинград – Берлин – Прага», подаренной мне (он был командиром 4-й гвардейской танковой армии), так описывается это сражение.

«Пять вражеских дивизий, окруженных в районе г.Броды, начали прорываться на юг, в Карпаты, чтобы укрыться в лесах. На рассвете 20 июля плотными боевыми порядками враг вышел в районе Княже в расположение штаба и тыла 4-й танковой армии. Весь личный состав штаба - офицеры, сержанты, солдаты, рота охраны и 51-й мотоциклетный полк решительно вступили в бой. Фашисты лезли напролом. Мотоциклисты, возглавляемые майором Лобачевым и капитаном Рахубо, вступили в рукопашную схватку с гитлеровцами... Но силы, однако, были

неравны. Учитывая обстановку в районе Княже и Золочева, срочно бросили туда 93-ю отдельную танковую бригаду.

О напряженности боев свидетельствует тот факт, что с 20 по 21 июля наши танкисты и артиллеристы уничтожили несколько десятков вражеских танков, бронетранспортеров, орудий и минометов.

В разгар боя в районе Золочева и Княже 93-й танковой бригадой взят в плен командир немецкой дивизии. При допросе гитлеровский генерал показал, что в составе крупной окруженной группировки противника находилось около 50 тысяч солдат и офицеров. Лишь немногим удалось прорваться в Карпаты. Остальные были уничтожены и пленены. Вся лощина от Золочева в направлении Львова была покрыта трупами вражеских солдат и офицеров... На следующий день в район Княже приезжали специально фоторепортеры, чтобы заснять поле боя. Позже они говорили, что такой картины еще никогда не видели».

27 июля 1944 года г.Львов был освобожден от гитлеровцев.

За освобождение Львова от немецко-фашистских захватчиков приказом Верховного Главнокомандующего от 27 июля 1944г. войскам Первого Украинского фронта была объявлена благодарность. В столице нашей Родины Москве прогремел салют в честь освободителей Львова, а корпуса нашей армии – 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый и 6-й гвардейский Краснознаменный механизированный – удостоились почетных наименований «Львовских».

Это – один из эпизодов большой фронтовой жизни. Впереди лежали еще многие-многие тяжелые фронтовые дороги до Берлина и Праги.

С тех пор прошло много лет, но до сих пор перед глазами стоят эти картины боя и наших побед.

Сейчас я являюсь членом Совета ветеранов бывшей 4-й гвардейской танковой армии. В День Победы, 9 мая, мы, ветераны армии, собираемся у метро «Арбатская», вспоминаем минувшие дни, идем к могиле Неизвестного солдата, чтобы поклониться праху своих друзей и товарищей, погибших за свободу, счастье и независимость нашей Родины.

Члены Совета ветеранов часто выступают с воспоминаниями о событиях Великой Отечественной войны перед школьниками и студентами, перед солдатами наших доблестных Вооруженных Сил, помогая нашей партии в воспитании верных сынов Отечества.

Газета «Советский артист», 1971, 19 февраля

БЕРЕГИТЕ МИР

В машине через шлемофон бесконечно звучит голос, взывающий о помощи, – диктор чехословацкого радио повторяет и повторяет на русском языке: «Внимание! Внимание! Говорит чешская Прага! Говорит чешская Прага! Большое количество германских танков и авиации нападает со всех сторон на наш город.

Мы обращаемся с пламенным призывом к героической Красной Армии с просьбой о поддержке. Пришлите нам танки и самолеты. Мы будем сражаться до последнего дыхания, но нам нужна ваша помощь. Пришлите нам танки и самолеты. Не дайте погибнуть нашему городу Праге!».

Так взывала 7-8 мая 1945 года восставшая Прага. И войска 1-го Украинского фронта рвались на помощь восставшему чехословацкому народу.

Перед нами стояла задача: успеть! Нервы напряжены до предела, а предстоит преодолеть бесконечные преграды, первая из которых – бои с гитлеровцами.

Надо представить себе, что мы только что вели бои в Берлине, только 2 мая Берлин пал, а с 6 мая мы уже на танках мчим с севера на юг на помощь восставшей Праге. Это расстояние мы проходим с жестокими боями с фашистской группой армий «Центр», которой командует генерал-фельдмаршал Шернер. В рядах армии – миллион человек, стремящихся во что бы то ни стало прорваться к союзникам.

Преодолев сопротивление противника, наши войска 7 мая перешли Рудные горы и вошли в Чехословакию. Помню, как нас встречали, обнимали, целовали, со слезами на глазах кричали: «Да здравствуют русские!», «Наздар!», «Наздар!» – и на душе было так радостно, так светло! Разве такое забудешь?..

Утром 8 мая стало известно, что фашистские войска на территории Германии капитулировали.

А на нашем направлении группа армий «Центр» еще оказывала сопротивление. В 2 часа 30 мин. ночи 9 мая первые танки нашей 4-й гвардейской танковой армии ворвались в Прагу. Первым вошел тяжелый танк № 23 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады. Этот танк от самого Берлина спешил на помощь восставшим чехословакам, чтобы не дать фашистам разрушить Злату Прагу. Завязав бои с танками противника, в бою погиб командир танка гв. лейтенант И.Гончаренко, были тяжело ранены механик-водитель И.Шкловский и А.Филиппов. 9 мая 1945 года к десяти часам утра Прага была полностью очищена от противника войсками 1-го Украинского фронта.

Так мы отпраздновали первый день Победы!

В память о героизме советских воинов танк № 23 стоит и ныне на высоком гранитном постаменте в центре Праги на площади Советских танкистов.

Находясь в Праге во время гастролей Большого театра, мы, артисты Большого театра, 21 мая 1973 года возложили к этому памятнику цветы.

Казалось, что этот танк всегда будет стоять в центре Праги, напоминая о тех, кто погиб, о тех, кто сражался за то, чтобы Злата Прага осталась красивой и не разрушенной, чтобы ее мосты через Влтаву не были взорваны и много веков украшали город, чтобы чехословацкий народ не понес тех жертв, какие мог бы понести, не приди Красная Армия вовремя на помощь восставшему народу.

Однако, к великому сожалению, в эти майские дни из программы «Время» мы узнали о том, что группа чешской молодежи выкрасила ночью танк № 23 в розовый цвет, а полиция не вмешалась в этот акт вандализма. Может быть, эти молодые люди просто не знают о тех давних событиях мая 1945-го и роли этого танка в освобождении Праги. Только незнание и непонимание может стать причиной надругательства над святой реликвией и памятью павших – советских воинов и восставших пражан.

50 лет назад для нашего народа началась героическая и самая кровавая война – Великая Отечественная.

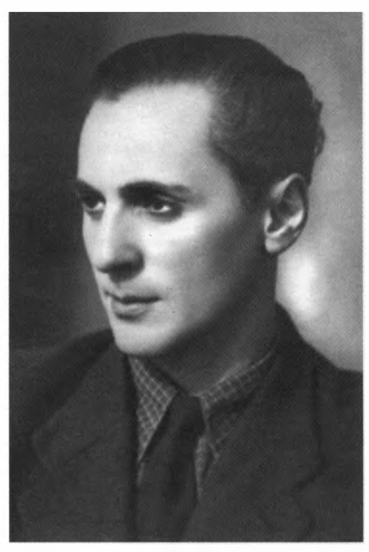
Я помню 1941 год и прекрасный солнечный день на Урале, в г.Свердловске, когда в 12 часов дня по местному времени услышал выступление министра иностранных дел В.М.Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз. У меня, 15-летнего юноши, мурашки пробежали по коже, стало зябко и неуютно. Ведь еще были свежи впечатления о войне с белофиннами (так тогда называли

В.А.Валайтис,
артист оперы

Б.М.Реентович, артист оркестра,
руководитель одной из
концертных бригад

М.М.Габович, артист балета,
руководитель филиала

В.И.Лебедев,
монтировщик декораций

Артисты
балета -
С.А.Салов
и А.П.Пав-
линов

Б.М.Ренев,
артист миманса

Ю.А.Острин,
артист оркестра

Ю.В.Дементьев, артист оперы

Н.А.Бочарников, артист балета

В.Н.Кудрявцев, концертмейстер

Л.А.Андреев, артист оркестра

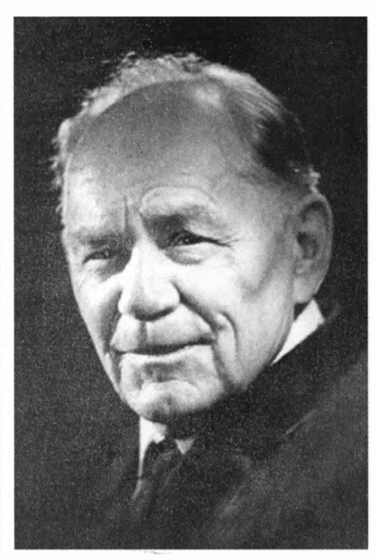

М.Д.Богачев, работник мастерских (слева) Е.В.Кукушкин (справа)

В.И.Купреев, артист оркестра (слева) И.И.Тужилкин, работник типографии (справа)

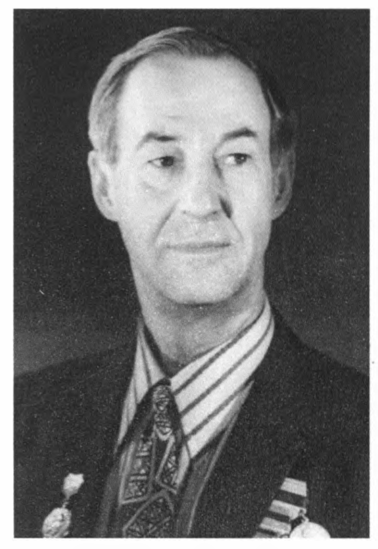
В.Н.Кудрявцев, И.Я.Вишневский, заведующий осветительной частью, и А.В.Зверев, артист хора

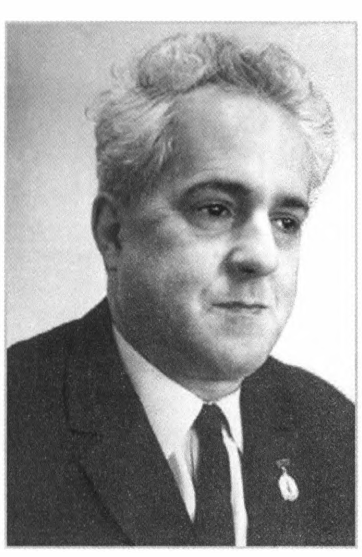
А.Ф.Скрынник, врач

Т.И.Морозова (слева) и артистки балета - О.В.Лепешинская, В.Ф.Петрова и О.Крылова. 1995г.

А.А.Варламов, артист балета

М.И.Герловин, врач

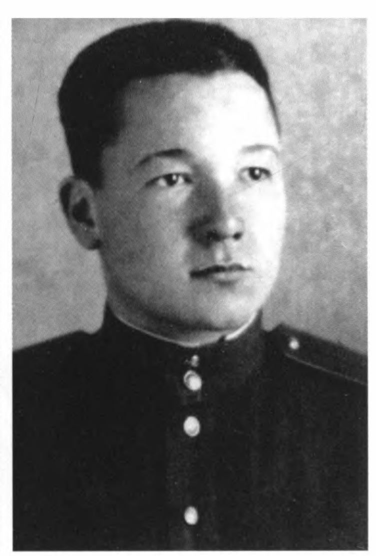
А.Л.Кучмистров, работник театра

И.Ф.Хорьев, работник постановочной части

Т.И.Морозова, работник театра

Г.С.Шапошников, артист оркестра

В.А.Быстрожинский, артист оркестра

И.М.Границкий, артист оркестра

А.В.Докукин, работник постановочной части

Л.Н.Лещинский, артист оркестра

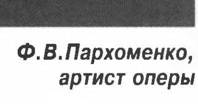

С.Н.Звягина, артистка балета

Л.С.Рычагова, работник театра

Солисты оперы - Н.Д.Шпиллер, А.П.Иванов и немецкий дирижер Йозеф Крипс

Ф.В.Пархоменко, артист оперы

Артисты оркестра - В.И.Купреев и Г.И.Зенин

М.Т.Богомолова, художник-технолог

Г.И.Матросова, артистка оркестра

Ю.И.Галкин, артист оперы

Ю.В.Шеленкова, врач

П.В.Розанов, гример

Т.С.Ткаченко, артистка балета, и И.С.Козловский

Ветераны Большого театра. 1975г.

Ветераны Большого театра. 1975г.

Группа артистов балета - участников войны

Ветераны технических служб Большого театра. 1975г.

Ветераны оркестра. 1975г.

На фото вверху и внизу слева: ветераны Большого театра. 1985г.

Встреча работников Кремлевского Дворца съездов - участников обороны Москвы в 1941г. Декабрь 1981г.

Ветераны оперы

На вечере, посвященном Дню Победы в Великой Отечественной войне. 5 мая 1988г.

У Доски Памяти павших в Великой Отечественной войне. Фойе Большого театра, 8 мая 1985г.

Доска Памяти павших в Великой Отечественной войне

Выступает солист оперы, ветеран войны В.А.Валайтис

Директор Большого театра В.М.Коконин на встрече с родственниками погибших фронтовиков. 1990-е годы

эту войну) – образовавшиеся сразу многочасовые очереди за хлебом, жуткие морозы 1939 – 40-х годов и вести о жертвах.

Жизнь мгновенно изменилась. На Урал эшелон за эшелоном стали прибывать с запада эвакуированные. Эвакуировались целые заводы, которые наскоро размещались там, где можно было найти какую-либо свободную площадь. Нужны были люди, и я поступил на эвакуированный из Москвы завод, поступил буквально из-за парты, учеником токаря. Летом 1941 года с друзьями помогал в колхозах убирать с полей все, что только было возможно.

Наступивший 1942 год был очень голодным годом. Вспоминаю, как мы, заводские комсомольцы, создали бригаду и помогали эвакуированным семьям копать огороды под картофель. Это было трудно, так как помогали в основном в свободное время, земля была очень твердой, некопаной. Нам, 4 парням, выдавали на день буханку хлеба и еще что-то из столовой. Но зато эти семьи, убрав осенью урожай, уже были обеспечены некоторым прожиточным минимумом на зиму.

Вести с фронтов тревожили, волновали, а порой и удручали, но разгром фашистов под Москвой вдохнул новые силы, и мы, стоя у станков по 12 – 14 часов, делали свое, как я сейчас понимаю, огромное дело.

Я удивляюсь, но как-то мы еще и ухитрялись выкроить время на то, чтобы посмотреть кинофильм и послушать концерт.

В Свердловске в 1942 году я впервые слушал Д.Ойстраха, Академический хор под руководством А.В.Свешникова и многое другое.

Вспоминаю, что в ноябре 1942 года, после разгрома немцев под Сталинградом, очень переживал, что сам я не успею принять участие в разгроме фашистов – наши войска стремительно развивали наступление на запад. И в это время, в декабре 1942 года, вышло обращение к трудящимся Урала о создании Уральского добровольного танкового корпуса. Сейчас – это история, но это – моя история, ведь это я юношей-комсомольцем подал заявление с просьбой зачислить меня, парня-токаря в этот корпус, хотя имел заводскую бронь.

Итак, с июня 1943 года я – курсант в г.Ульяновске, а в январе 1944 года получаю звание младшего лейтенанта и направляюсь в Москву, а затем на 1-й Украинский фронт на Украину. Так и случилось, что мой отец воевал с 1942 года, я с 1944 года, а мама осталась в Свердловске с двумя дочерьми. Ей было очень трудно, особенно много волнений и беспокойств доставляло то, что муж и сын на фронте, а что такое почта военных лет, и объяснять не надо. Сейчас, конечно, уже и представить трудно, как женское сердце переживало все эти невзгоды военных лет.

В те годы, где бы это ни было, на заводе или в поле – везде советский человек отдавал свои силы делу Победы, старался внести свою скромную посильную лепту в этот желанный день.

И люди искусства внесли свой вклад в то, чтобы помочь людям выстоять, внести в их души радость, хоть на какое-то время дать им отдохновение.

Я вспоминаю, как в Польше на Сандомирском плацдарме приехала к нам бригада артистов из Москвы. Выступление проходило на опушке леса, ставшей импровизированной сценой. Программу концерта вел известный конферансье М.Гаркави. С каким вниманием слушали мы этот концерт! Это было лучем света во мраке суровых испытаний. Уже став артистом, на одном из концертов я встретился с М.Гаркави и рассказал ему о фронтовом концерте. Он был искренне взволнован и все переспрашивал меня о деталях того концерта.

Жизнь идет и мы уже отмечаем 46-ю годовщину Великой Победы!

У каждого из фронтовиков, кто остался цел, сложилась своя жизнь и даже волею судеб вынесло некоторых на знаменитую сцену Большого театра. Конечно, до этих счастливых дней надо было пройти профессиональную школу, в большинстве своем вначале - самодеятельную, часто - армейскую...

Вспоминаю напечатанную в газете «Советский артист» в мае 1975 года фотографию солистов оперы, сделанную в фойе Большого театра в связи с 30-летием Победы. Все мы были приняты в театр в начале 50-х годов, были в расцвете творческих сил, и каждый внес свой посильный вклад в творческую жизнь театра. Но война подорвала здоровье народа, причем не только непосредственных участников войны. Однако, глядя на эту пожелтевшую фотографию, я вижу своих товарищей по коллективу оперы, фронтовиков, которые рано ушли из жизни, и перед памятью которых мы низко склоняем свои головы. Это народные артисты РСФСР Алексей Большаков и Владимир Валайтис, заслуженный артист РСФСР Андрей Соколов, Филипп Пархоменко, заслуженный артист БССР режиссер Олег Моралев...

Оглядываясь назад, я хочу рассказать о том, что 45-летие Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне я отмечал в ГДР по приглашению командования армии, в рядах которой я прошел фронт. Меня пригласили принять участие в возложении венков на братские могилы советских воинов в Берлине в Панков-парке 8 мая и в г.Эберсвальде 9 мая. Я был на приеме в Чехословацком посольстве в ГДР. Надо сказать, что граждане ГДР приветливо относились к ветеранам войны, и некоторые из них подходили и жали руку. Граждане ГДР возложили много цветов на братские могилы советских воинов, было и торжественно, и траурно. Состоялись торжественные встречи, где много говорилось об исторической роли советского народа в разгроме фашизма, в освобождении Европы. Я прошел у знаменитой Берлинской стены, еще не предполагая, что через 3 месяца падет эта стена и немецкий народ воссоединится.

Очень хочется, чтобы воссоединение Германии послужило миру, чтобы могилы наших солдат и офицеров в Германии служили немым предупреждением людям: Будьте бдительны! Не шутите с огнем! Берегите мир!

Газета «Большой театр», 1991, 8 мая

А.ВАРЛАМОВ
солист балета

Два с половиной года я был танкистом. Великая Отечественная война, в которой я участвовал с первых дней (наша часть стояла в Белоруссии), кончилась для меня в Сталинграде, где осенью 43-го после ранения и контузии меня демобилизовали в звании старшего сержанта. Тогда же я получил самую дорогую для себя награду - медаль «За оборону Сталинграда». После демобилизации меня приняли в Большой театр.

В БОЯХ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

...Суровые дни лета 1942 года. Немецкие войска начали свое второе летнее наступление. Они рвались к Волге, к Сталинграду. Новое пополнение бойцов, окончивших недавно танковую школу, пришло защищать волжскую твердыню, город, носящий имя великого Сталина. В числе солдат пополнения на защиту города пришел и я.

Сталинградский тракторный! Сколько мыслей и чувств рождали эти два слова. Перед глазами вставали красочные картины: необозримые колхозные поля и знаменитые «СТЗ»-труженики. И вот рядом со стенами завода, ставшего впоследствии символом воинского бессмертия, молодые танкисты осваивали могучую советскую боевую технику – легендарные танки «Т-34». Да, не тракторы, а мощные сухопутные крепости делали теперь рабочие завода. И новые, только что покрашенные машины принимались боевыми экипажами. Сталинград готовился к обороне.

25 августа немецкие стервятники появились над городом – началась трехдневная беспрерывная бомбежка Сталинграда. Сквозь плотную завесу дыма еле видно было яркое августовское солнце. В воздухе ощущался запах гари и нефти. Столбы кирпичной пыли поднимались в небо.

Я принял боевое крещение в эту же ночь. Нужно было исправить поврежденную телефонную линию. Первое боевое задание к утру было выполнено.

Никогда не изгладятся из памяти дни обороны города. Я открыл свой личный счет уничтожения врага: четверо немцев навсегда остались лежать в приволжской степи.

Через два дня меня контузило взрывной волной, были порваны связки на левой ноге. Полтора месяца в госпитале казались мне годом, но потом я снова был в строю.

Не пришлось мне быть свидетелем завершения ликвидации окруженных войск незадачливого Паулюса. Приказ есть приказ: меня направили на учебу.

Но когда весть о великой победе донеслась до меня, я еще и еще раз почувствовал величие подвига нашей армии, его бессмертие.

Газета «Советский артист», 1949, 25 февраля

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы! В него верили, о нем мечтали все на фронте и в тылу, начиная с первого дня войны.

Помню первые дни войны, когда, отбиваясь от фашистов, мы вынуждены были отступать по лесам Белоруссии, полям Орловщины. Было горько, но росла злость, а вместе с ней и уверенность – придет наш день!

Вспоминаю самое страшное, что было в моей жизни, – Сталинград.

Начиная с 27 августа 1942 года фашистские бомбардировщики повисли над городом и бомбили его, не щадя ничего и никого. Первые дни обороны Сталинграда, бои с десантом, выброшенным у тракторного завода, взрыв бомбы, контузия, переправа через Волгу, где наши паромщики при ярком свете вражеских ракет чудом ухитрялись доставлять на тот берег раненых, на этот – подкрепления и, наконец, госпиталь в Капустном Яру. Было ясно, что фашистам за Волгу дороги нет! И ничего не было жалко для того, чтобы остановить врага, а в душе у каждого теплилось лишь одно желание: «Эх, дожить бы до того, как их погонят!».

Осень 1943 года. Я лежу в госпитале в Бабушкином переулке в Москве. И вдруг по радио передают, что наши войска освободили Орел и в ознаменование этой победы будет произведен салют. Кто как мог, добрались мы до окна и с восторгом смотрели на россыпи огней, тут же пытаясь себе представить, каким же будет салют Победы!

После госпиталя я вернулся в родной Большой театр. Потянулись дни, полные новых забот. Как все советские люди, мы каждый день читали сводки, отмечая продвижение наших войск.

1 мая 1945 года. Красное знамя водружено над рейхстагом, окончательная победа – вопрос дней.

И вот наступило 8 мая. С утра, как всегда, классы, репетиции, вечером – спектакль. Когда мы услышали позывные радио, то все поняли – конец войне, победа!

Сейчас трудно себе представить тот порыв радости, гордости за страну и нашу армию, то чувство облегчения, что больше не будет крови, смерти, разрушений, какие испытали мы тогда. Помню, как 9 мая мы с В.Левашевым, Э.Володиным и Л.Швачкиным весь день бродили по бурлящей, как море, Москве, помню Г.Фарманянца, рискнувшего проехать через центр на машине и зажатого между Манежем и Александровским садом настолько, что люди перелезали через машину.

На улицах целовались, качали военных, кричали «Ура!» и все стремились на Красную площадь. Вечером, как гигантские свечи, поднялись ввысь лучи прожекторов, они перекрещивались, передвигались, как живые, в разные стороны. И на этом фоне гремели и рассыпались фантастическими искрами залпы салюта в честь нашей победы, в честь героического советского народа и его армии, совершивших под руководством Коммунистической партии великий исторический подвиг.

Газета «Советский артист», 1970, 6 мая

Ю.ГАЛКИН
солист оперы

СОЛИСТ 48-ГО ПОЛКА

Сегодня уже трудно вспоминать о Великой Отечественной – из памяти ушло немало. Но что-то забыть невозможно и хочется рассказать об этом в нашей газете.

В 1941 году мне было 17 лет. После окончания Рязанского аэроклуба я получил направление в школу пилотов-истребителей в Тернополе на Украине, где меня и застала война.

На рассвете 22 июня большая группа немецких бомбардировщиков внезапно начала налет на Тернополь, бомбили и казармы нашего училища, и учебный аэродром. Таким было первое боевое крещение... А вскоре меня зачислили в 48-й авиационный имени Богдана Хмельницкого Краснознаменный полк, с которым я прошел всю войну: бои на Северном Кавказе, Тамани и в Крыму. Затем – 2-й Украинский фронт, где в составе 4-й воздушной армии мы участвовали в Ясско-Кишиневской операции, бои за Будапешт, Вену, Прагу, освобождение Югославии. Закончил войну наш полк в Чехословакии, но не 9, а 12 мая. Мы добивали армию Венка и совершили еще 6 боевых вылетов.

Командование наградило меня медалью «За отвагу» и боевыми орденами.

В свободное от полетов время по слуху учился играть на трофейном аккордеоне, голосом меня наделила природа, я играл и пел народные русские и украинские песни, песни фронтовых лет – «Смуглянка», «Соловьи» и другие. Меня тогда прозвали солистом 48-го полка.

Война закончилась, а тяга к пению осталась, и вот я без профессиональной подготовки попробовался в Киевскую консерваторию и был принят в класс профессора А.Гродзинского. Солистом Киевской оперы я стал еще в студенческие годы, где за короткое время спел партии Князя Игоря, Султана («Запорожец за Дунаем»), Евгения Онегина.

В 1953 году меня перевели в Большой театр, и постепенно я начал входить в новый репертуар. Пел самые разные партии: Альберта в «Вертере», Маркиза в «Травиате», Альфио в «Сельской чести», Гонца и Второго корабельщика в «Салтане», Эскамильо, Мизгиря, Грязного, Эбн-Хакиа, Шакловитого, Веденецкого гостя, Демона, вернулся к Князю Игорю.

Мне, вчерашнему фронтовику, в театре очень помогали, и я хочу добрым словом вспомнить дирижеров Е.Светланова, В.Небольсина, Б.Хайкина, М.Жукова; режиссеров – Н.Глан, Л.Баратова, Р.Захарова.

В оперной труппе, кроме меня, были и другие участники войны, прошедшие фронтовыми дорогами. Среди них – Филипп Пархоменко, обладатель замечательного драматического тенора, самородок, безвременно ушедший из жизни. Он также, как и я, был военным летчиком-штурмовиком, отмеченным пятью боевыми орденами. Мы дружили, часто пели в одних спектаклях, например, в «Кармен»: он – Хозе, я – Эскамильо. Филипп не успел получить после войны вокального образования, но его взяли в Большой из-за яркого выдающегося голоса редкого тембра. Характер у него был сложный, а прямота суждений не всем нравится. Жаль, что он не поехал учиться в Италию – именно таких нужно было направлять на обучение и, думается, Филипп мог бы стать певцом мирового класса.

Такими как Филипп Пархоменко были многие бывшие фронтовики – славно воевавшие и отлично работавшие в мирное время. Скоро мы будем отмечать 50 лет со дня Великой Победы. Мои наилучшие пожелания всем участникам войны – благополучия, побольше здоровья. Вечная слава тем, кто воевал и вечная память тем, кто не вернулся.

Газета «Большой театр», 1995, 10 февраля

А.СОКОЛОВ
солист оперы

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

25 лет назад смолкли пушки Великой Отечественной войны. На Красной площади в Москве народ ликовал и радовался великой победе.

Сейчас, 25 лет спустя, бывшим воинам, а их у нас в театре немало, вспоминаются боевые походы, отдельные эпизоды из фронтовой жизни. Об одном из таких эпизодов мне хотелось бы сегодня рассказать.

На фронт я попал в марте 1943 года в составе 70-й отдельной ударной армии НКВД, которая формировалась на Урале из кадровых солдат и офицеров пограничных и внутренних войск НКВД. Прибыли мы на знаменитую Курскую дугу и сменили войска, только что освободившие город Курск. Наша армия заняла оборону и начала готовиться к большому наступлению. Было относительное затишье. Кроме отдельных артиллерийских перестрелок, разведки авиации и наземной разведки, – «на фронте (как писали тогда в сводках газеты) ничего существенного не произошло». Но это, конечно, было затишье перед бурей. Наступил май, а за ним и июнь, было тепло, кругом порой стояла такая тишина, будто и войны нет. И только грохот подходившей техники и рытье окопов и укреплений далеко в нашем тылу говорили о том, что готовится что-то значительное.

Наша 162-я стрелковая дивизия стояла в это время во 2-м эшелоне, то есть за 5 – 8 км от передовых позиций. Пользуясь этим, участники дивизионной са-

 модеятельности, среди которых был и я, ездили по частям с концертами, и везде нас принимали хорошо и радостно. Приходилось выступать и в передовых частях, чуть ли не под носом у гитлеровцев.

Надо было видеть, как внимательно и с каким интересом слушали бойцы песни советских композиторов, арии из опер, эстрадные номера.

Наступил июль. Рано утром 6 июля мы проснулись от мощной артиллерийской канонады и гула сотен самолетов. Гитлеровцы перешли в наступление, решив ликвидировать Курскую дугу, глубоко вклинившуюся на запад, и окружить наши войска, которых здесь было сосредоточено немало. Они хотели отомстить за разгром под Сталинградом, но советское командование предвидело это, после двух-трех дней оборонительных боев, измотав противника, наши войска перешли в наступление и погнали гитлеровцев на запад. И скоро уже столица нашей родины впервые салютовала освободителям Орла и Белгорода. Мне приятно сознавать, что в числе тех, кому салютовала тогда Москва, был и я.

Газета «Советский артист», 1970, 6 мая

В.ФИЛИППОВ
солист оперы

ЭТО НАДО ПОМНИТЬ

Удивительно устроен человек: какие бы радости и невзгоды ни испытывал он в прошлом, живет он сегодняшними радостями и заботами, мечтой о будущем. И лишь знаменательные даты и события заставляют его оглядываться назад. А если у этого человека за плечами полсотни прожитых лет и он был участником войны – ему есть что вспомнить.

9 мая у всех советских людей большой праздник. В этот день мы отмечаем нашу великую победу над немецким фашизмом. И я уверен, что каждый человек, переживший войну и испытавший на себе все ее ужасы, – будь то фронтовик, смотревший смерти в лицо, или труженик тыла – этот день отмечает особенным образом.

Службу в рядах Советской Армии я начал 15 октября 1940 года в г.Порохове под Ленинградом. Подразделение наше входило в состав 3-й мотодивизии. 22 июня 1941 года выдался теплым солнечным днем. После завтрака строем мы пришли на берег небольшой речушки, протекающей по живописным местам, недалеко от лагерей, чтобы заняться солдатским бытом: выкупаться, позагорать, написать письма и немного отдохнуть. Но нам не пришлось этим заниматься долго. Звук горна, проигравшего боевую тревогу, прервал наш отдых. Подали команду «стройся». Построились. Приказ – вернуться в расположение роты и в полной боевой готовности явиться в пункт Н. Там выстроился весь личный состав дивизии. Комиссар объявил, что началась война и фашистские войска пересекли государственную границу СССР.

Трудно сейчас словами передать мое душевное состояние, которое испытывал в тот момент. Я был потрясен этим сообщением, почувствовал себя человеком, для которого в жизни все пропало, рухнули все мечты. И лишь некоторое время спустя, когда прошло это оцепенение, появилась злость, ненависть к врагу

и жажда мести. И это чувство вселило в сердце мужество и уверенность в победе. А уверенность и убежденность в правоте нашего дела в ходе боев помогала бить врага, преодолевать трудности.

В начале августа 1941 года наше подразделение, остановив наступление немцев восточнее Пскова, около пяти дней держало оборону, сдерживая наступление врага, отбивало его многочисленные атаки. Но вот наступило затишье, какая-то подозрительная тишина. Мы получили приказ: произвести разведку боем! Я в это время находился в разведроте, которой это задание и было поручено. Приблизительно в полдень рота развернутым строем начала движение в сторону противника. Прошли пятьсот метров по уже созревшей, в рост человека ржи. Тишина. Вошли в лес, углубились метров на пятьсот и вдруг – шквал огня. Мы ответили тем же. После этого по фронту огонь прекратился и начался обстрел с правого фланга. Мы развернулись, продолжая вести огонь. Но тут услышали, что огонь по нам ведется с правого фланга и не прекращается по фронту. Стало ясно, что мы окружены: между нашей частью, державшей оборону, и нами были немцы, отрезавшие нам путь к отходу. Командир роты приказал пробиваться к своим тем же путем, каким пришли, ведя на ходу огонь из всех видов оружия. Он приказал всем пулеметчикам и автоматчикам вставить в оружие полные диски. По его команде, ведя огонь на ходу и с криком «Ура!», мы начали прорыв кольца. Кстати, в этот момент, я понял, ощутил и осознал всю силу воздействия могучего русского «Ура!». Это «Ура!» как бы вливало силу, мужество, бесстрашие, и ты не чувствовал себя одинокой, маленькой фигуркой, казалось, что на врага катится слитая воедино огромная людская лавина. Вот уже опушка леса, а бой все продолжается. В ход пошли минометы. Я уже два раза перезаряжал пулемет. И лишь когда мы ворвались в рожь, бой стал затихать: мы прорвали кольцо. И в тот же момент почувствовал странную тупую боль в левом боку.

Дальше была тишина. Я лежал во ржи, уткнувшись лицом в мокрую землю. Видимо, я лежал долго и без сознания, в это время кончился бой и пошел дождь. Первое, что я почувствовал, придя в себя, был запах порохового дыма. Подняв голову, увидел воронку от разорвавшихся мин. Где-то вдали слышны были стоны раненых. Из попытки подняться на ноги у меня ничего не вышло: острая боль в боку, левая нога бездействовала. А в небе светило уже заходившее солнце. Со стороны леса доносилось пение птиц, во ржи трещали кузнечики. Я вдруг вспомнил свое беспечное детство, вспомнил, как мы ходили за васильками, прятались в высокой ржи и как нам было тогда хорошо. А сейчас, превозмогая боль, отталкиваясь правой ногой и подтягиваясь на обеих руках, ухватившись за стебли ржи, я начал двигаться, вернее, ползти, к расположению своей части. Передвижение было очень медленным и мучительным. На какое-то мгновение у меня появилось сомнение в правильности направления. Потом мысль, что будет, если меня обнаружат немцы, голоса которых я слышал невдалеке. Но меня успокаивало наличие гранат-лимонок, две предназначил немцам и одну себе. Наконец, рожь кончилась. Хотя было темно, но я узнал местность и, сколько было во мне силы, закричал: «Помогите!» Как меня подобрали – не помню. Через два месяца после лечения в госпитале я снова попал на фронт.

Много несчастья, горя, разрушений и жертв принесла нам война, навязанная фашистской Германией. И для того чтобы успешно бороться против новых войн, необходимо, чтобы все люди знали и не забывали всех ужасов прошедшей войны.

Пользуясь возможностью, предоставленной мне газетой «Советский артист», поздравляю всех ее читателей, и особенно фронтовиков, с великим праздником нашего народа – со светлым Днем Победы!

Газета «Советский артист», 1974, 10 мая

О В.ФИЛИППОВЕ

...Октябрь 1941г. оказался трудным для нашей страны. Гитлеровские полчища рвались на восток. На всех участках фронта обстановка была весьма напряженной. Случай, в котором участвовал солист оперы, а тогда минометчик Владимир Николаевич Филиппов, произошел под Москвой. Оправившись от первого ранения под Лугой, он в составе мотобригады был направлен на Западный фронт. После нескольких ночных переходов был дан приказ занять оборону. Три минометных расчета, а всего 9 человек, заняли позицию на небольшом холме, с которого хорошо просматривалась метров на восемьсот равнина, а дальше лес. Было раннее утро. Легкий морозец покрыл траву белым инеем. Небо было чистое. До рассвета надо было закрепиться и установить три 82-миллиметровых миномета, составлявших батарею. Взошло солнце, лучи его озарили природу, не хотелось верить, что идет ожесточенная война. Кругом стояла тишина, а бойцы в тревоге ждали: «Что день грядущий нам готовит?» Внезапное появление фашистов со стороны леса насторожило. Шли они развернутым строем. Было их много, не меньше батальона.

Приказ был задержать их и уничтожить, не сдавая высоты, огонь открывать, только подпустив на близкую дистанцию. А фашисты все шли и шли, не думая нарваться на минометную засаду. Раздалась команда: «Огонь!» – и три мины разорвались, поражая ряды наступавших. Два других залпа заставили врага отступить в лес, но ненадолго. Разгорелся бой с неравными силами. Разрывы мин смешались с огнем пулеметных и автоматических очередей. Замолк первый миномет, потом второй. Владимир Филиппов с командиром меняют позицию, перетащив оставшийся миномет в сторону села. Фашистская пуля сражает командира, который умирает на руках у В.Филиппова. Он остается с минометом один. Взвалив его на плечи, стал отходить к селу, где ожесточенно бились наши войска, но вражеским ударом был сбит и упал на землю. Подняться мешал находившийся на плечах тяжелый миномет. Освободился от него и встал на землю: правый сапог был полон горячей крови, закружилась голова, Владимир Николаевич потерял сознание. Случайно оказавшаяся санитарная машина в разгар боя доставила его в госпиталь, и бывший солдат до сих пор не знает имен своих спасителей-санитаров.

Второе ранение надолго вывело его из строя. Произошло это 15 октября 1942 года западнее подмосковного города Нарофоминска, около села Никольское.

Газета «Советский артист», 1975, 9 мая

А.СОКОЛОВСКИЙ
артист

ПОЛЕТ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ЛЕВКО

В нескольких зарубежных гастролях театра я, что называется, «ходил кругами» за этим человеком, наблюдал вблизи его несуетность, уверенную деловитость, выдержку и спокойный оптимизм. Люди театральные представляют себе

хлопотливые обязанности главного администратора гастролей и понимают, что найти время для душевных бесед, даже если гастрольный быт по-левковски отлажен, – более чем трудно.

И все-таки однажды мне повезло. Поезд № 35 Москва – Варшава с участниками гастролей Большого театра подходил к польской столице. Из своего купе я вышел в коридор вагона и увидел Владимира Иосифовича Левко, смотревшего на бегущую панораму с какой-то особой, мужественной торжественностью. Увидев меня, он улыбнулся одними глазами и, как бы продолжая вслух размышлять, тихо сказал:

– Вот здесь, в варшавском небе, я сбил два «фокке-вульфа»-190. Помолчал и уточнил: – Разменял свой второй сбитый десяток – научился. До Берлина, до конца войны оставалось совсем немного.

Вечером в гостинице я зашел в номер к Владимиру Иосифовичу и после каких-то организационно-гастрольных тем мы незаметно перешли в ту душевную тональность, с которой подъезжали к Варшаве...

...В.И.Левко – коренной москвич. Его биографию, как и биографию советских людей его поколения, отличает гордая причастность к «будням великих строек» первых пятилеток, когда мобилизующая сила партии и энтузиазм масс творили великие дела народа.

...Школа № 128, работа на автозаводе. В 1940 году по спецнабору – поступление в Тушинский аэроклуб. А уже в феврале того же года В.Левко поступил в Качинскую авиашколу им.П.И.Мясникова.

Война застала В.И.Левко под Севастополем, где качинские курсанты проходили лагерную летнюю подготовку. Вскоре боевая обстановка фронтового Севастополя стала такой, что курсанты авиашколы были переброшены под Саратов, где и состоялся ускоренный выпуск летчиков из последних предвоенных наборов.

Так В.И.Левко стал летать, стал летчиком-истребителем. В 1942 году он воевал на Северо-Западном фронте, и это была его легендарная, песенная «военная молодость». Владимир Иосифович говорит о военных годах как-то просто и буднично: каждый, мол, в те трудные годы делал свое дело. Но это написать легко, что «после ликвидации немецкой группировки войск под Старой Руссой, в 1943 году нас перебросили на Центральный фронт, а после этого полк принимал участие в знаменитой битве на Курской дуге». А стоят за этим и тяжелые бои, и гибель товарищей, и горящий истребитель, и первый сбитый фашистский самолет, и первый орден Боевого Красного Знамени. А после боев за Барановичи авиаполк, в котором служил В.И.Левко, стал именоваться гвардейский Барановичский 67-й истребительно-авиационный полк. И с ним Владимир Иосифович прошел путь до Берлина, сбив 15 самолетов противника (пять бомбардировщиков и десять истребителей!), заслужив орден Ленина, три ордена Боевого Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, четыре ордена Красной Звезды, медали, получив звание майора.

И после войны В.И.Левко продолжал служить в авиации, а с развитием самолетно-реактивной техники в 1949 году стал летчиком-испытателем. По 1962 год продолжалась эта особая, трудная, рискованная, ответственная и важная для Отечества работа.

...После одного из полетов в стратосферу, когда испытывались возможности не только самолета Як-27, но и системы, обеспечивавшие работоспособность пи-

 лота в экстремальных условиях, В.И.Левко пришлось оставить на время работу. Потом вмешалась медицина. Предлагали летать на турбовинтовых машинах, легкомоторных, даже работать при Генштабе. Но надо знать максималистский характер Владимира Иосифовича, доминантой которого стала испытательная заповедь – проверять на себе.

В 1962 году оставил службу в армии.

– В Большой театр пришел логично. Я всегда жил с музыкой – в небе, дома, – скажет В.И.Левко.

Газета «Советский артист», 1985, 25 января

О Ф.ПАРХОМЕНКО

...Летом 1944 года в Белоруссии под натиском советских войск фашистские оккупанты откатывались на запад. Но, отступая, гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. На одном из важных рубежей враг бросил в контрнаступление большое количество новейших танков, известных под названием «тигр». Тогда по приказу командования наши штурмовики обрушили на бронированные колонны противника лавину огня. Ударами с воздуха было уничтожено около 60 танков. В этом бою отличилась эскадрилья Филиппа Пархоменко.

Воспитанник Луганского аэроклуба, Пархоменко пришел в авиацию по путевке комсомола. Окончив военную школу летчиков, он вступил в боевой строй в середине 1943 года. Вместе с однополчанами летчик водил свой Ил-2 в небе Белоруссии, Латвии и Украины, участвовал в освобождении Польши и Чехословакии, в победоносном походе на Берлин.

Многое испытал мужественный авиатор, совершивший за время войны 82 боевых вылета. Ему приходилось сажать горящую машину на территорию, занятую врагом, вступать в воздушные поединки с гитлеровскими летчиками (он лично уничтожил 4 самолета), выполнять задания под бешеным огнем противника. Два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, Отечественной войны 1 степени и медали – заслуженные награды верного патриота нашей родины коммуниста Ф.В.Пархоменко.

Природа одарила Филиппа Васильевича звучным, приятным голосом. Он был желанным участником концертов художественной самодеятельности в летной школе, авиачастях и Военно-воздушной академии, где служил в послевоенное время. Это и решило его дальнейшую судьбу. Майор Пархоменко стал артистом. После двухлетней учебы под руководством опытных педагогов начинающий актер впервые выступил как солист Большого театра СССР.

Газета «Крылья Родины», 1959, № 9

М.ТАШЛЫКОВ

КОМСОРГ ПОЛКА

В июне 1942 года в 25-й гвардейский кавалерийский полк 6-й гвардейской имени А.Я.Пархоменко кавалерийской дивизии был назначен новый комсорг – Михаил Тоцкий. Наш 3-й гвардейский кавалерийский корпус в это очень трудное для нашей страны время вел бои под Сталинградом.

С тех пор, то есть вот уже более 30 лет, знаю я Михаила Алексеевича Тоцкого, ныне артиста оркестра Большого театра Союза ССР.

Михаил Алексеевич участвовал во всех оборонительных боях под Сталинградом, участвовал и в боях 19 ноября 1942 года по прорыву фашистской обороны под станцией Клетской.

В период наступления под Сталинградом, 19 ноября, когда полк переправлялся по неокрепшему льду реки Дон, два артиллерийских орудия провалились под лед; Михаил Алексеевич под огнем противника возглавил группу артиллеристов по спасению орудий. В результате орудия были спасены и тут же открыли огонь по вражеским частям, чем обеспечили продвижение подразделений полка.

За этот подвиг комсорг полка Миша Тоцкий (так его тогда все называли) был награжден орденом Отечественной войны 2 степени.

Впоследствии Михаил Алексеевич участвовал во всех боях по окружению и уничтожению сталинградской группировки немецко-фашистских войск и не раз проявлял отвагу и мужество, за что был отмечен несколькими боевыми наградами. Учитывая боевые заслуги и проявленные организаторские способности, командование и политотдел выдвинули Михаила Алексеевича на должность помощника начальника политотдела 3-го гвардейского кавалерийского корпуса по комсомольской работе.

В 1943 году, как неоднократно отличившегося в боях за Родину, М.А.Тоцкого приняли в ряды ВКП(б) на льготных условиях.

В 1943 году корпус воевал на Западном фронте и принимал участие в освобождении старинного русского города Смоленска, за что частям и соединениям корпуса приказом Верховного Главнокомандующего были присвоены звания «Смоленских».

Прибывший в корпус после освобождения Смоленска маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный выразил сердечную благодарность всему личному составу частей и соединений, отличившихся при освобождении Смоленска. После этого большой группе солдат, сержантов и офицеров Маршал вручил боевые награды. Среди награжденных был и Михаил Алексеевич Тоцкий.

После Смоленской операции корпус вел бои по освобождению Советской Белоруссии. В период боев за освобождение Витебска Михаил Алексеевич был тяжело ранен, контужен и направлен на лечение в госпиталь.

Несколько позже я также был ранен и по счастливой случайности попал в тот же госпиталь, в котором находился наш боевой комсомольский вожак. Позднее я и другие боевые соратники узнали, что Миша Тоцкий по профессии музыкант и работает в оркестре Большого театра.

Окончил войну М.А.Тоцкий в звании подполковника.

Газета «Советский артист», 1975, 28 марта

Гавриил ШАПОШНИКОВ
артист оркестра

КОМАНДИР АВТОМАТЧИКОВ

Вспоминаю годы почти пятидесятилетней давности, и перед глазами воскресают события тех лет, вплоть до мельчайших подробностей.

Годы Великой Отечественной войны – годы единения нашего народа. Девизом жизни было – все для фронта, все для победы.

Мы, молодые, стремились на фронт. Нашему поколению 1923 года рождения трагически не повезло. После войны в живых осталось всего 5 процентов. Я

 мечтал быть летчиком, закончил занятия в аэроклубе. Ждал набора в авиационное училище, а пока решил поступить на военный завод, производящий моторы для бомбардировщиков. Я работал на круглошлифовальном станке – шлифовал шейки коленчатых валов. У меня был высокий разряд и даже бронь, освобождающая от призыва в армию. Тыл работал во время войны с колоссальной нагрузкой, не щадя сил. Трудились по 12 часов в сутки, без выходных дней – неделю в дневную смену, неделю – в ночную.

Но мысль стать летчиком и попасть на фронт не оставляла. И я подал заявление с просьбой направить меня в авиационное училище. Но получил направление в пехотное.

В 1944 году окончил Первое Омское военно-пехотное училище в звании «младший лейтенант». Был направлен на 3-й Прибалтийский фронт. Командовал взводом автоматчиков. Был ранен в боях под г.Либава. День Победы встретил в полевом госпитале.

Победа в такой войне не могла быть легкой. И далась она нашему народу страшной ценой. Но мы победили, прежде всего, благодаря сплоченности всех народов нашей страны, которые вместе противостояли фашизму.

Газета «Большой театр», 1995, 17 февраля

Б.ИВАНОВ

О МОЕМ ОДНОПОЛЧАНИНЕ

В грозные годы войны я воевал в одном полку со старшим лейтенантом Владимиром Антоновичем ВАЛАЙТИСОМ – ныне народным артистом РСФСР.

Фронтовые дороги свели нас с В.Валайтисом в 26-м отдельном Кишиневском ордена Красной Звезды полку связи ВВС.

Большой боевой путь прошел офицер В.Валайтис вместе с полком: от берегов Дона до верхнего течения Дуная, от Сталинграда до Вены, через юг Украины, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию. Много ратного труда и старания вложил В.Валайтис вместе с воинами – связистами полка в дело великой победы.

В полк младший лейтенант Владимир Валайтис прибыл после окончания военного училища радиосвязи. Он был молод, жизнерадостен, всегда опрятно одет и подтянут. Ему как отличному радисту сразу же была доверена ответственная задача подготовки радиотелеграфистов.

В трудных фронтовых условиях приходилось В.Валайтису готовить будущих радистов, проводя с ними занятия по 12 часов в сутки.

Весной 1943 года в городе Миллерово Ростовской области, в результате авиационной бомбежки погиб непосредственный начальник Валайтиса – командир учебной роты Лясковский, погибли из его взвода и две девушки-радистки. Несмотря на большие трудности и свою командирскую молодость, В.Валайтис отлично справился с задачей подготовки квалифицированных кадров радистов. Многие из его бывших питомцев потом стали специалистами первого класса и за свои ратные дела были удостоены наград.

В 1944 году лейтенант В.Валайтис сменил учебный радиовзвод на боевой. Его подчиненные обеспечивали радиосвязь командующего 17 ВА генерал-полковника авиации Судеца (ныне маршала авиации) с частями и соединениями ар-

мии, с Главным штабом ВВС, находившимся в Москве. Одновременно В.Валайтис занимался подготовкой экипажей радиостанций для работы на передовой линии фронта для вызова авиации на поле боя, а затем наведением наших самолетов на воздушные и наземные цели противника.

Опытность этих экипажей, в подготовке которых лично участвовал В.Валайтис, сделала радиосвязь в Яссо-Кишиневской, Будапештской и Венской операциях настолько устойчивой, что нашу радиосвязь вызова авиации на поле боя неоднократно использовало командование фронта, а при помощи радиостанций наведения было сбито до 60% всех сбитых самолетов противника.

Летом 1944 года наш 3-й Украинский фронт стал готовиться к знаменитой Яссо-Кишиневской операции, целью которой было освобождение молдавского народа от немецко-фашистского ига, оказание помощи народам Румынии и Болгарии, а затем Югославии, Венгрии, Австрии в восстановлении национальной независимости.

Много энергии в те знойные летние дни пришлось вложить лейтенанту В.Валайтису в подготовку личного состава и техники к боевой работе в предстоящей операции. В полк на вооружение поступили более современные радиостанции и грузовые автомашины повышенной проходимости и грузоподъемности. В.Валайтису надо было срочно переучить личный состав на новой технике, смонтировать прибывшие рации в кузовах новых автомашин и оборудовать в них места для перевозки запасов горючего. Лейтенант Валайтис блестяще справился с поставленной задачей.

Здесь я хочу сделать одно отступление. Все наши однополчане помнят В.Валайтиса не только как примерного офицера, отличного радиста, но и как большого пропагандиста песен военных лет. Великолепно он исполнял фронтовые песни, и его никогда не надо было уговаривать спеть какую-нибудь песню. Володя пел перед личным составом полка очень часто. Бывало, возвратятся солдаты с боевого дежурства, усталые от напряженной работы, а послушают пение В.Валайтиса, и усталость у людей проходит, и радостней делаются их лица. Песни, исполняемые коммунистом В.Валайтисом, согревали души наших связистов. В связи с этим вспоминаются слова из известной песни: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне».

Пел он песни и из классического репертуара. Любимой его песней была «Шотландская застольная».

Большая оперативная пауза летом 1944 года позволила в первой половине августа впервые за все годы войны провести в армиях фронта смотры художественной самодеятельности. Певцы, музыканты, чтецы и танцоры соревновались в своем мастерстве. Прошел смотр и в нашей 17-й Воздушной армии. Лучшие номера были отобраны для показа Военному Совету фронта. Автору этих строк было поручено вести программу концерта.

Концерт состоялся. Он начался ровно в полночь, на нем присутствовали члены Военного Совета во главе с командующим фронтом генералом армии (позднее – Маршалом Советского Союза) Толбухиным. С большим подъемом выступали все мы на этом концерте, но наибольший успех выпал на долю лейтенанта В.Валайтиса. Его выступлению командующий фронтом дал высокую оценку. Примечательно, что этот памятный концерт состоялся ровно за неделю до начала Яссо-Кишиневской операции.

Вернусь к воспоминаниям о боевой работе. Незабываем один эпизод. Неожиданно чрезвычайно сложная обстановка возникла во время боев наших войск в Венгрии, в январе 1945 года за овладение Будапештом и Секешфехерваром. Фашистским танкам на узком участке фронта удалось прорваться в район расположения штаба 17 ВА и штаба нашего полка. Всю ночь, до подхода резервов, личный состав полка совместно с другими специальными подразделениями штаба армии оборонял имевший важное значение мост через канал Шервиз в селе Цеце, а радиоузел под руководством В.Валайтиса продолжал мужественно обеспечивать боевое управление в непосредственной близости от фашистских танков, которые вели обстрел населенного пункта, где находился армейский узел связи. Немецким танкам так и не удалось прорваться в село Цеце.

Всенародный праздник Победы над гитлеровской Германией – 9 мая 1945 года – полк встретил в австрийском городе Эбенфурте, близ Вены. В военном деле есть такая истина: без связи нет управления, а без управления нет победы. Благодаря отличной работе связистов полка боевое управление авиацией не прекращалось ни на минуту.

За это нашему полку было присвоено почетное наименование, а к полковому знамени был прикреплен орден Красной Звезды.

Родина достойно оценила боевые подвиги своих сыновей и дочерей. В нашем полку за боевую работу было награждено 516 человек, в том числе был удостоен правительственных наград и старший лейтенант В.Валайтис.

Закончилась война. Летом 1945 года мы тепло проводили на новое место службы старшего лейтенанта В.Валайтиса. Убыл он от нас во фронтовой ансамбль песни и пляски. После работы в ансамбле наш однополчанин закончил консерваторию и вот уже много лет с успехом выступает на сцене Большого театра.

Газета «Советский артист», 1975, 29 апреля

Борис АКИМОВ
солист балета

ПУТЬ ОТ САНИНСТРУКТОРА ДО КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА БАЛЕТА

Фронтовик... Как много вмещает в себя это слово – долгие, трудные годы, судьбы, опаленные войной, и за всем этим – человеческая жизнь, в которой резкой границей обозначилось «до войны» и «после войны».

Те, кто прошел войну, – люди особого склада, духа, силы – у них особое ощущение времени, особый заряд оптимизма и молодости.

В коллективе балета хорошо знают двух концертмейстеров-фронтовиков – Владимира Николаевича Кудрявцева и Ирину Сергеевну ЩЕРБИНУ.

В 1941 году ей было 17 лет – она из того военного поколения, которое буквально со школьного порога ушло на фронт. Ирина Сергеевна, тогда Ирочка, училась на втором курсе музыкального училища при Московской консерватории.

– Когда началась война, я решила, что сейчас не время для учебы, что я должна отдать все свои силы Родине, и пошла работать на Московский автомобильный завод, – вспоминает Ирина Сергеевна. – Что я там делала? По 12 часов в сутки навинчивала головки на корпуса мин. Приходила домой с израненными в

кровь руками и буквально замертво валилась спать под разрывы бомб – в небе над Москвой постоянно появлялись немецкие самолеты. 16 октября, когда в Москве было введено военное положение, завод закрыли. Нас послали копать противотанковые рвы в районе нынешнего Ломоносовского проспекта. А в конце ноября, в лютый мороз, уже в Люберцах мы тянули колючую проволоку для заграждений. Я хорошо помню это – жутко стыли руки, из дыр в рваных ботинках выглядывали пальцы, но нас грела любовь к стране и ненависть к врагу. Какой же радостью стала тогда первая победа наших войск под Москвой!

Ирина Сергеевна человек очень скромный и говорит просто:

– В июне 1942 года я стала бойцом Красной Армии.

Она ушла на фронт добровольно, без всякой подготовки, стала старшим санинструктором 30 автотранспортного полка Западного фронта. Сначала работала в санчасти в Подмосковье: Монино – Подольск – Вязьма, а в конце 1942-го автополк оказался на линии фронта под Смоленском.

Ирина Сергеевна продолжает свой рассказ:

– В тихие минуты я, между прочим, «командовала» полковым джаз-оркестром. Да, на фронте часто звучала музыка! Представьте, затих очередной бой, мы берем инструменты, вокруг нас собираются бойцы, начинается импровизированный концерт – пели вместе фронтовые и довоенные песни. А когда в газете появились текст и мелодия нового Гимна Советского Союза, я сразу же сделала оркестровку. На следующий день наш оркестр играл Гимн под аккомпанемент воющих мин и свистящих пуль: бой почти не прекращался, а нужно было поднять настроение и боевой дух солдат.

Война закончилась для меня в мае 1944 года. К этому времени наш автополк был уже в составе 3-го Белорусского фронта и шел все дальше и дальше на запад. Чаша весов перевесила в нашу сторону. Все чаще мы задумывались о возвращении домой и будущей мирной жизни. Я мечтала о консерватории.

Командир полка написал мне справку: «Отпущена с фронта для продолжения образования в консерваторском училище». И я поехала в Москву.

Война для меня – это холод, грязь, голод, бомбы, смерть. Но это и родные лица бойцов, чудесные наши песни, радость побед над врагом. И это любовь – необыкновенная и трудная. Это жизнь и смерть, добро и зло рядом, но жизнь всегда сильнее смерти, добро всегда сильнее зла. Я всегда помню об этом.

Газета «Большой театр», 1995, 10 марта

Е.КОЖЕВНИКОВА
врач

ВОЕННЫЙ ВРАЧ

Годы, прошедшие после Великой Отечественной войны, не погасили в сердцах и памяти нашей пережитое в дни войны.

Женщинам моего поколения выпала трудная судьба, связанная с годами тяжелых военных испытаний: одни не покладая рук трудились в тылу, другие были непосредственно на фронте.

Мне хотелось бы рассказать о нашем враче, с 1965 года работающей в кабинете функциональной диагностики нашей поликлиники, очень скромной женщине – А.И.ГОЛУБЦОВОЙ.

Война застала Александру Ивановну, студентку второго Московского медицинского института в городе Ржеве, где она проходила врачебную практику. После успешного прохождения специализации по полевой хирургии она была призвана в ряды Советской Армии.

Службу в армии Александра Ивановна начала старшим врачом 1226-го габичного артиллерийского полка 21-й артиллерийской дивизии. Боевое крещение получила в первый день пребывания на Калининском фронте, во время выгрузки полка из эшелона попав под пулеметный обстрел пикирующих бомбардировщиков.

В этих условиях, еще не познав фронтовую жизнь, оказывала Александра Ивановна медицинскую помощь раненым и осуществляла их эвакуацию в тыл.

Полковой медицинский пункт (ПМП) обычно размещался на расстоянии одного-полутора километров от передовой, за боевыми артиллерийскими батареями. Полк, где работала врач А.Голубцова, прошел с боями на Калининском фронте, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах и закончил свой путь под Либавой.

За оказание медицинской помощи раненым во время налетов вражеской авиации врач Голубцова была награждена орденом Красной Звезды и медалями.

После окончания Великой Отечественной войны Александра Ивановна закончила курсы усовершенствования при Центральном институте усовершенствования врачей, работала в Главном военном госпитале имени Н.Н.Бурденко, в клинической больнице.

Сейчас А.Голубцова работает непосредственно с артистами балета, изучает условия их труда, нагрузки, чтобы продлить профессиональное долголетие артистов балета.

Газета «Советский артист», 1975, 11 апреля

М.Т.БОГОМОЛОВА
художник-технолог

МИНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

18 июня 1941г. я приехала из Москвы в г.Минск на школьные каникулы к своей бабушке.

22 июня началась война. Отправлять меня в Москву не посчитали необходимым, поскольку, как и большинство людей, мои родные считали, что война не сегодня-завтра окончится.

На второй день войны, с утра, Минск подвергся бомбежке, которая не переставая продолжалась несколько дней.

29 июня город был оккупирован немцами.

Мои минские родственники со стороны матери и отца с самого начала оккупации стали налаживать подпольные связи, причем вначале с целью активной помощи военнопленным для посильного снабжения их одеждой и питанием, а потом и добывая им пропуска для выхода из лагерей, расположенных рядом с Минском, и устройства в городе в качестве довоенных жителей Минска.

Сплочение населения для сопротивления немцам росло, в это же время ширилось партизанское движение Белоруссии. В него вливались люди всех возрастов, а также дети. Начиная с 1942 года в партизаны стали уходить подрастающие дети нашей семьи – три моих брата и сестра. Моя родная тетя стала руководите-

лем группы подпольной организации, действующей на станкостроительном заводе (документ Института истории партии КПБ № 10254, 1981г.).

Мне было уже 14 лет, и я могла выполнять разные поручения, поскольку знала друзей и знакомых моей семьи, так как в Минск я приезжала ежегодно.

Важнейшим моим заданием стало сопровождение связных из партизанских отрядов, пробиравшихся разными способами в город для получения необходимой информации и приготовленных для партизан боеприпасов и медикаментов, необходимых раненым партизанам.

Провожать тех, кто приезжал на подводах якобы для продажи сельхозпродукции, нужно было до городской заставы на окраине Минска, чтобы при проверке документов и поклажи отвлекать немцев от необходимости тщательного досмотра всего перевозимого на телеге. Освоив разговорный немецкий язык, я могла, коверкая слова, внести разнообразие в службу охранников заставы.

В последний раз, 13 февраля 1944 года, я должна была проводить подводу, на которой поверх слоя сена было расстелено с виду обычное стеганое одеяло, в которое в течение предшествующей ночи женщины моей семьи размещали между ватой и марлей медикаменты и пузырьки с йодом. Когда связная на подводе благополучно проехала заставу, я пошла по направлению в город, домой. Но следом за нами уже ехала телега, на которой сидели несколько мужчин, которые, как потом оказалось, были из СД. Они следили за нами от самого дома.

Члены моей семьи, связная и я были арестованы минским СД. Начались допросы с угрозами, пытались запутать ложными сведениями. После трех с половиной месяцев нахождения в минской тюрьме меня перевели в лагерь на окраине города, а оттуда в товарном вагоне, заполненном узниками, повезли на запад. Через три дня пути нас выгрузили в городе Граево (теперь Польша) и направили в лагерь за городом. Во время пребывания в лагере водили на работу на железную дорогу. Это было очень тяжело.

Освобождено Граево было советскими войсками 24 января 1945 года. Через месяц, собрав по окрестностям целый обоз конных подвод и саней, комендатура Граева отправила освобожденных на Родину.

После нескольких месяцев жизни в Минске я вернулась в Москву. Началась трудная, но обнадеживающая жизнь: учеба, семейные заботы, интересная работа.

Удостоверение партизана Белоруссии и орден Отечественной войны II степени – как вещественная память о страшной войне и в то же время помощь для напоминания и оценки действительности, как она есть.

2005г.

Леопольд АНДРЕЕВ
артист оркестра

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

В 1941 году мне было восемнадцать. Мой боевой путь начался 16 октября в кавалерийском полку под Москвой на Малоярославском направлении. Затем воевал в пехоте, был связистом, станковым пулеметчиком, младшим сержантом – в разведвзводе, после чего был направлен на срочные курсы командиров полковой разведки Западного фронта. В 1943 году получил звание младшего лейтенанта. В

 одном из боев на Ельнинском направлении был тяжело контужен, а после частичного выздоровления переведен на границу с Маньчжурией, где в качестве командира взвода полковой разведки принимал участие в боевых действиях с Японией. А после окончания войны еще год служил на границе с Китаем.

Расскажу несколько эпизодов военных лет.

Интересный, можно даже сказать, забавный случай произошел со мной в самом начале войны. На фронте я был всего недели три, не больше. Приехал к нам на беседу командир из политотдела. В хорошем, «с иголочки» полушубке с двумя шпалами, прекрасных хромовых сапогах, уверенный в себе. Он уговаривал нас не робеть перед вражеской техникой. И даже показал газету, где описывался случай, как красноармеец подбил из нашей прославленной трехлинейки фашистский самолет и был награжден за это орденом Красной Звезды. Слушая его, я подумал, почему бы и мне не получить таким образом орден...

Придумал план. Мы договорились с товарищами, что я, как следует экипированный (а дело было в ноябре), залезу на верхушку самой высокой сосны и с помощью ребят подтяну к себе на веревке ручной пулемет, заряженный трассирующими пулями, а они разожгут недалеко от сосны костер, чтобы привлечь внимание немецкого летчика. Так и сделали – залез я на сосну, подтянул пулемет – жду. Минут через сорок слышу – летит самолет-разведчик. Заметил он наш костер и стал разворачиваться для атаки. И вот тут я дал очередь, но несколько не рассчитал, и первая очередь прошла прямо перед его носом. Он резко взмыл ввысь и опять пошел на разворот. Я снова выстрелил, чуть-чуть не задев хвост самолета. Но себя я обнаружил. Он развернулся и пошел на меня в пике, я даже успел заметить в кабине злорадно усмехавшееся лицо немца. Он дал очередь, и меня словно горохом осыпало. Я понял, что схватка не состоится, ибо расклад явно не в мою пользу и, бросив пулемет, кубарем скатился с сосны, чудом ничего себе не переломав. Но шинель и телогрейка были разорваны в клочья и даже на животе осталась приличная ссадина.

Позже, когда товарищ из политотдела снова приехал с воспитательной беседой, ребята встретили его диким хохотом, показав ему мою шинель, в которой было девять пробоин и шапку, простреленную в двух местах. Выслушав наш рассказ, он сказал, что ценит солдатский юмор, но, видя меня живым, не поверил ни одному слову. Так и уехал. Ну а у меня больше не возникало желания состязаться с немецкой авиацией.

Еще один случай. 1942 год. Я в группе разведчиков отправился в тыл врага за необходимой информацией. Мы все сделали, задание выполнили, но, возвращаясь, немного изменили курс, поскольку подозревали, что нас поджидают немцы. Смеркалось. Внезапно мы вышли на землянки, поваленный лес. Были мы в маскхалатах, а надо сказать, что в темноте по ним очень трудно определить, кто перед тобой, свой или чужой. Вдруг по-немецки раздается: «Кто идет?» Это было неожиданно. Спасло то, что я с пяти лет посещал немецкую «Spazierengruppe». Немка-воспитательница ходила с нами на прогулки. И я недурно выучил язык. Но что ответить часовому, чтобы он не заподозрил подвоха?.. Но, видно, в экстремальных условиях сознание работает как-то особенно, и я... послал его к черту, а потом, не давая опомниться, пьяным голосом (почему-то мне показалось это к месту) стал выкрикивать не совсем приличный стишок, услышанный как-то от пленных. Это заморочило ему голову окончательно. Когда же мы оказались лицом к

лицу, в его глазах мелькнуло удивление, но было уже поздно... До сих пор помню его лицо. Но на войне как на войне...

И напоследок – об одной интересной встрече. Было это в самом начале войны, под Малоярославцем. Снег, холод, дикая неразбериха, не знаем, кто справа, кто слева, где наши, где враги. Но как только командующим был назначен Г.К.Жуков, ситуация на глазах начала меняться. Все сразу встало на свои места, и вскоре наши войска даже перешли в контрнаступление.

Однажды ночью в командирскую землянку вызвали переводчика. Его не было. Пошел я. Нужно было допросить «языка». Среди командиров выделялся один – коренастый, крепкий, лобастый, взгляд жесткий и проницательный. Я обратился к нему, как к командиру, объяснив, что допрашивать не умею. «Ничего, – сказал он. – Постарайся. Это важно». Я сделал все, что от меня зависело. Он поблагодарил: «Спасибо, сынок...» – и вышел. Окружающие «набросились» на меня: «Какой он тебе командир, это командарм Жуков...». А я тогда и не знал толком, кто это такой...

Вот такая мимолетная встреча, запомнившаяся на всю жизнь.

Газета «Большой театр», 1995, 7 апреля

Т.МОРОЗОВА
кадровый работник
Большого театра

В ТЫЛУ ВРАГА

Шел июнь 1941 года. Для меня это был год, когда кончалась беззаботная школьная жизнь и открывался широкий простор для выбора профессии. Вот и долгожданный выпускной вечер, споры о том, куда пойти учиться.

А утром 22 июня нашим планам не пришлось осуществиться – гитлеровские полчища внезапно напали на нашу Родину. У меня была одна мысль: а чем я могу помочь в это тяжелое для народа время? К счастью, я училась в спортивной школе, и это помогло мне поступить на двухнедельные курсы инструкторов лечебной физкультуры, по окончании которых в первые же дни войны я стала работать в эвакогоспиталях. Но по мере наступления немцев и эвакуации госпиталей в тыл я снова стала искать путь, как попасть на фронт, и обратилась в Рязанский горком комсомола. Там меня направили в распоряжение ЦК ВЛКСМ, а оттуда – в спецшколу. И вот у меня уже военная специальность.

Летом 1942 года меня направили в тыл к немцам для работы радисткой в штабе 1-й Курской партизанской бригады. Первое боевое крещение я получила под Орлом, когда, пролетая через линию фронта, наш самолет был обстрелян зенитной артиллерией немцев. Но вот позади линия фронта, а впереди – условные партизанские огни. Самолет сделал круг над кострами, и я уже среди своих, в глубоком вражеском тылу. Всю ночь у костра я пела песни, родившиеся в первые месяцы войны, и рассказывала о жизни на Большой земле. Не было предела радости партизан, когда они узнали, что немцы разбиты под Москвой и под натиском наших войск продолжают отступать. (Не имея связи с Большой землей, партизаны не знали о событиях на фронтах и о положении в стране.) А утром я наладила связь со штабом партизанского движения Брянского фронта.

Партизаны нашей бригады ходили в разведку, добывали ценные сведения о дислокации войск противника, брали «языка», участвовали в боях по разгрому не-

 мецких гарнизонов, с запеченными в хлеб минами ходили на железные дороги, подрывая мосты и пуская под откос поезда с живой силой и техникой противника, забирали немецкое оружие, распространяли листовки, неся народу правдивые слова.

Распространение брошюр и листовок имело большое значение в деле привлечения населения оккупированных районов на сторону партизан. Если в 1941 году в Курской области действовало 32 партизанских отряда, то в 1942 году их число выросло более чем в 10 раз. Только в нашей бригаде насчитывалось около 3 тысяч партизан. В зоне действия партизанских отрядов население 25 сельсоветов не подчинялось гитлеровцам, их власть была ликвидирована, предатели уничтожены, население не платило налогов. Фашисты не могли смириться с таким положением и посылали регулярно карательные экспедиции против партизан. С помощью предателей фашисты вылавливали партизан и зверски над ними расправлялись. Так были схвачены и повешены разведчицы нашей бригады Вера Терещенко, Соня Орешко и другие. Но какими жалкими и ничтожными становились гитлеровцы, когда сами попадали в руки партизан!

Вспоминается один эпизод. Зимой 1943 года немецкий самолет совершил вынужденную посадку в районе действия нашей бригады. Необходимо было взять живыми летчиков, окопавшихся в брошенной партизанами землянке. Для проведения этой операции послали чеха Андрея Кривуляка, служившего ранее в немецкой армии, а впоследствии перешедшего к партизанам. В немецкой форме, на лошади, запряженной в сани, он подъехал к землянке и на немецком языке стал объясняться с фашистскими летчиками, уверив их, что сам он из немецкого гарнизона, расположенного поблизости. Четыре немецких летчика сели в сани, и... каков же был их ужас, когда, очутившись в лесу, они предстали перед партизанами: ведь одно слово «партизан» наводило на немцев страх, а здесь их было много. Ради спасения своей шкуры они готовы были делать все, даже помогать нам в борьбе с такими же, как они.

Но ни зверства карателей, ни подлость предателей не могли сломить дух и волю партизан, а наоборот, придавали нам силы, вселяли бодрость, делали стойкими. Действия огромного количества партизан в тылу врага помогли нашей армии в борьбе с фашистами.

Газета «Советский артист», 1965, 7 мая

ЧАСТЬ 5

С СОЛДАТАМИ НАРАВНЕ

ФРОНТОВЫЕ БРИГАДЫ

«...на передовых позициях многочисленных фронтов наряду со скрежетом снарядов лились чарующие звуки музыки Чайковского, Рахманинова, проникновенные песни советских композиторов, и артисты Большого театра со страстью и риском для жизни стремились внести свою скромную лепту в общее дело борьбы».

Сусанна ЗВЯГИНА

Т.ТКАЧЕНКО
солистка балета

ПУТЬ НАШ ЛЕЖАЛ НА ФРОНТ

1941 год. Страшная беда обрушилась на нашу страну. Но люди моментально мобилизовались, сплотились для защиты Родины. И мы, артисты, также не остались в стороне. В конце июля 1941 года по указанию Политического управления Красной Армии была сформирована Первая фронтовая бригада. В нее вошли ведущие артисты нашей страны: артист Театра сатиры, блестящий «король смеха» В.Я.Хенкин; Л.А.Русланова - замечательная исполнительница русских песен; конферансье М.Н.Гаркави; Е.Калашникова и И.Гедройц - артисты Театра оперетты; Г.Кипиани - артист радиовещания; Т.Ткаченко и И.Лентовский - солисты балета Большого театра СССР; в бригаду входили также баянисты И.Борисенко, В.Жерехов и В.Максаков, который аккомпанировал Руслановой на маленькой гармошке. Бригадиром Первой фронтовой был Б.М.Филиппов. В поездке он вел дневник и в 1975 году выпустил книгу под названием «Музы на фронте».

9 августа 1941 года нас всех собрали в скверике около Центрального Дома Красной Армии. Прикрепили к нам от Политуправления политрука товарища Руммера. На наши проводы собралось много народа. В.Я.Хенкина провожала чуть ли не половина Театра сатиры. Было немало и артистов балета. Провожали нас родные, близкие, друзья. К шестнадцати часам подъехала громадная машина - пятитонка. Народный артист А.В.Александров произнес напутственные слова. Погода была теплая, но слегка моросил дождичек. Помню, что у всех было приподнятое настроение. По предложению Гаркави запели. Вещей у нас было мало, если не считать чемоданов с костюмами, нужными нам с Лентовским для выступлений.

Путь наш лежал на Западный фронт. Мы прибыли в Можайск, когда почти стемнело. Так как попали туда в момент воздушной тревоги, то стремглав проскочили город, на который падали зажигательные бомбы. Наш водитель Гриша повернул машину в сторону, и мы остановились в ближайшем леске. Дальше ехать было рискованно: дорога находилась под обстрелом фашистских самолетов. Дождавшись полной темноты, выехали в Гжатск. Подъехали прямо к Дому Красной Армии. Политрук сообщает, что выступать будем в Гжатске, Вязьме, а где дальше - пока не известно.

В нашем репертуаре были испанский танец, цыганский танец, танец советских моряков «Яблочко», кроме того, я танцевала кабардинку в мужском костюме - в черной черкеске с красным башлыком, в черной папахе и черных сапожках. Каждый номер концерта приходилось бисировать, с таким успехом они все проходили. Но усталости мы не чувствовали. Глядя на лица бойцов, которые после концерта должны были пойти в бой, мы хотели только одного - выступить как можно лучше.

Мы обслуживали все рода войск, не говоря уже о госпиталях. Очень волнительно было выступать в госпиталях перед ранеными бойцами. Выступали мы обычно утром и днем, реже вечером, и только в ДКА. За семнадцать дней дали пятьдесят один концерт.

Проезжаем деревеньки и видим скорбную картину войны: обуглившиеся деревянные строения, погнувшиеся от огня железные кровати. Кругом тихо, безлюдно. Все ушли. Лишь на дорогах попадаются женщины, старики, дети, навьюченные тюками. Идут в сторону Москвы.

В Акатове даем концерт для воинской части в грустной обстановке – на местном кладбище. Сценой служат два грузовика. Успех огромный. После выступления нас приглашают обедать, затем опять концерт, уже для другой части. Выезжаем на грузовике в деревню Старое, где даем еще три концерта. Надо сказать, что бойцы Красной Армии – замечательные зрители: для них наш приезд большой праздник, актеров не отпускают, бурно реагируют на каждое выступление.

Утром выезжаем в направлении Вязьмы, где находится штаб фронта. Так же и наша база. Из Вязьмы на этом же грузовике выезжаем в разные пункты. По дороге даем концерты в поселках Бровлино и Столбово. Вечером возвращаемся в Гжатск, в ДКА.

Один из концертов дали в прославленном зенитном дивизионе капитана Русаченко, сбившем немало фашистских самолетов. Концерт был посвящен героям этой части – старшему лейтенанту Бартельску и красноармейцу Акимову. Следующее выступление – в авиачасти у полковника Аладинского. Затем даем концерт в кавалерийской дивизии генерал-майора Дрейера. Там же на лужайке обедаем, затем возвращаемся опять в Гжатск, где выступаем перед пехотинцами. Выезжаем в мотомеханизированную часть подполковника Казанцева. Полк расположен в лесу. Если бы за нами не прислали, то мы бы их не нашли. В этой части мы заночевали. Утром я проснулась совсем больной. Бригадир не разрешал выступать, но запретить мне что-нибудь не так-то просто, и я с температурой 38 градусов все же танцевала на грузовике. После концерта мне дали выпить спирта, принесли глубокую тарелку меда, натянули палатку из простыней и уложили спать, накрыв семью шинелями. Утром просыпаюсь и не знаю, где я. Простуды как не бывало. Мне вообще нравилось ночевать в палатках в лесу – как-то спокойнее было. Наутро политрук сообщил, что мы движемся к фронту. По дороге мы заехали еще в одну танковую часть и вдруг услышали духовой оркестр – это военные встречали нашу бригаду торжественным маршем.

Помимо политрука Руммера к нам был прикреплен сопровождающим товарищ Демченко. Кружим с ним в районе Вязьмы в поисках танковой дивизии Героя Советского Союза Мишулина. Наконец находим одно из подразделений и даем концерт. Но обстановка здесь сложная, этой ночью немцы сбросили десант, непрерывно кружат вражеские самолеты, в воздухе идет бой. Советские танки вышли на разгром десантной группы противника. В одной из танковых частей, которой командует Герой Советского Союза полковник Лизюков, даем концерт. Выступаем на эстраде, сколоченной на опушке леса. Перед нами сидят на земле бойцы, люди разного возраста. Надо было видеть их лица, ощущать, с каким вниманием слушали они выступления артистов и как горячо на все реагировали.

Вечером в части произошел неожиданный случай. Сидели втроем – я, Гедройц и Лентовский. Опушка леса. В свете луны видим, что приближаются две тени. Кто они? Артисты все ушли спать. Узнаем что это сам полковник Лизюков и еще один полковник. Они увидели нас, обрадовались и повели к себе в гости. Взявшись за руки, цепочкой следуем за Лизюковым, кругом траншеи, идти не так просто. Наконец приходим к маленькому фанерному вагончику. Там горит лампа, и сидят еще двое военных. Лизюков объявил, что привел гостей-артистов. Тут же стол накрыли скатертью, мне поставили бутылку шампанского, мужчинам что-то более крепкое. Сидим, беседуем, смеемся. Затем Лизюков пошел нас провожать.

 Вдруг в полной темноте раздается голос: «Стой, кто идет?» Лизюков выдвигает меня вперед, и я говорю: «Это мы, артисты». Голос отвечает: «Артисты, ну и проходите!» Лизюков вскипел: «Что это значит? Кого вы пропускаете? С кем говорите? Из какой вы части? Трое суток!» Я так и обмерла. Мы двинулись дальше, держась за руки. Через некоторое время раздался окрик следующего дежурного, мой ответ и вопрос Лизюкова: «С кем говорите?» Но на этот раз ответ звучал по-иному: «С той артисткой, которая плясала». Лизюков отозвался: «Молодец», – и мы пошли вперед. У палатки распрощались, а наутро отправились дальше на своей пятитонке.

Вспоминается еще эпизод: как я отдала команду генералу. После выступления в авиачасти мы на легковых машинах выехали в лес, и вдруг в полной темноте раздается голос: «Убрать огонь – самолеты!» Оказалось, что кто-то курил, а во время налета делать этого нельзя. Я хорошо запомнила это. Через несколько дней, увидев, что и в нашей палатке появился свет, я молниеносно туда влетела и крикнула: «Убрать огонь – самолеты!» Оказалось, что там был генерал, который хотел посмотреть, как нас устроили на ночлег. Фонарик он, конечно, погасил. После этого случая много шутили надо мной, вспоминая, как отважно я скомандовала генералу.

Вспоминаю, как в одной летной части Гаркави объявил зрителям, что концерт временно прерывается, так как самолетам надо вылетать на боевое задание. И вот мы, сосчитав, сколько самолетов ушло, стали ждать, сколько вернется. Вернулись все. Концерт был продолжен, и легко представить себе, с каким подъемом он шел.

Затем нас переправили под Ельню. Остановились в небольшом лесочке. Задаю вопрос: «Где будем ночевать?» Нам показывают сарайчик, доверху набитый сеном. Попади туда одна бомба – и нам конец. Спрашиваю политрука: «Что это гремит и сверкает? Гром и молния?» Он отвечает: «Да, да!» Оказывается, это шла артиллерийская перестрелка.

А еще был случай, когда просто сработала моя женская интуиция. Утром все сели в нашу машину, я села впереди с шофером и сопровождающим. Выехали в поле, и что-то долгим мне показался наш путь. Впереди лес и вправо тоже лес. Верно ли мы едем? Спрашиваю шофера, он показывает на сопровождающего. Спрашиваю того. Он смотрит в полевую карту и начинает сомневаться. Тогда я сказала Грише, чтобы он ехал обратно и свернул направо. Он быстро погнал машину обратно. День уже кончался, начинало темнеть. Наконец мы попали в санбат. Если бы мы поехали прямо, то угодили бы на передовую. Как только прибыли, начался налет. В санбате уже все волновались, и мы, конечно, тоже были взволнованы. Назавтра, после бани, за нами прилетел самолет, и нас перебросили в Ржев. Фриц сильно бомбил. Утром нас самолетом отправили в Москву. На Тушинском аэродроме состоялся наш пятьдесят первый концерт.

В 1973 году в газете «Советская культура» был снимок нашей бригады на фоне самолета. Статья называлась «Этого забыть нельзя».

Сб. «Искусство в боевом строю». М., «Искусство», 1985

Л.ПЕТРЕЙКОВ
артист

С СОЛДАТАМИ НАРАВНЕ

Октябрь 1942 года.

Мы спешим в район боевых действий. В машине нас четверо: солисты Большого театра Елена Дмитриевна Кругликова (ныне народная артистка РСФСР), народный артист СССР Максим Дормидонтович Михайлов, баянист Петр Григорьевич Швец и я, представитель разговорного жанра, чтец и «по совместительству» руководитель фронтовой бригады ГАБТа. Дорога тряская. Максим Дормидонтович придерживает то и дело выскальзывающий из-под ног небольшой ручной саквояж, Елена Дмитриевна, опустив низко на лоб теплый шерстяной платок, о чем-то задумалась, а я нетерпеливо поглядываю на часы: скоро ли доберемся?

После радушной встречи в политуправлении Воронежского фронта мы сразу же отправились давать концерт.

На этот раз зрительным залом был лес. Бойцы с автоматами на груди сидели прямо на земле, кто на расстеленных плащ-палатках, кто на кучах веток, сидели вплотную друг к другу, образовав громадный полукруг, и в ожидании начала дымили самокрутками, перекидывались острым словцом.

Мы тем временем переодевались за неким подобием ширмы, а проще говоря, за занавеской, натянутой перед нашей машиной. Максим Дормидонтович бережно вынул из своего саквояжа кипенно-белую крахмальную сорочку, смокинг, лакированные штиблеты. Елена Дмитриевна надев открытое, без рукавов, длинное вечернее платье и легкие позолоченные туфельки на высоком каблуке, привычными быстрыми движениями причесала волосы.

Я объявил ее номер.

И вот она, улыбающаяся, свежая, будто и не было позади изнурительной тряски по разбитым дорогам, легко поднялась на «эстраду» – ящик из-под консервов – и, низко поклонившись бойцам, запела:

Там, где кипит жестокий бой,
Где разыгралась смерти вьюга,
Всем сердцем буду я, мой друг, с тобой,
Твой путь я разделю,
Как верная подруга...

Надо было видеть, как просветлели лица бойцов!.. Необычная лесная декорация, нарядное платье Кругликовой, строгие, черные костюмы артистов создавали торжественно-праздничную атмосферу. Задушевная песня, проникновенный голос певицы, казалось, донесли до них милые сердцу голоса любимых девушек, невест и жен. Война с ее тяготами, суровым бытом как бы отдалилась... Но нет! Елена Дмитриевна еще не допела последней фразы, как вдруг загрохотали выстрелы, где-то позади нас стали рваться снаряды, зашлепали мины. Это фашисты устроили нам ответный «концерт», обстреляв зрителей и актеров. Но ни на «сцене», ни в «зале» паники не возникло. Певица проявила поистине неженскую выдержку. Переждав немного, она допела свою песню и только после этого, провожаемая тихими, можно сказать, символическими, аплодисментами, скрылась за импровизированной кулисой, где мы укутали ее, теперь уже дрожащую от холода и пережитого потрясения, в принесенный кем-то тулуп.

Чего греха таить, состояние у нас было не из приятных. Но концерт мы довели до конца. «Дубинушкой» завершил наше выступление Максим Дормидонтович. Он пел полным голосом, с глубоким чувством и так увлек слушателей, что те с воодушевлением подхватили и спели замечательную русскую песню, звучно раскатившуюся по лесу.

Казалось бы, после долгой поездки и этого в полном смысле слова боевого концерта – не могу назвать его иначе, ведь тут мы получили первое за войну боевое крещение, – попав, наконец, в отведенную нам жарко натопленную избу, мы должны были уснуть крепчайшим сном. Но до сна ли нам было! Взволнованные горячим приемом воинов-гвардейцев, мы во всех подробностях перебирали перипетии нашей встречи с ними, дружески подтрунивали друг над другом, в глубине души – теперь по прошествии стольких лет, я полагаю, можно сказать об этом – довольные тем, что не сдрейфили и не уронили себя в глазах бойцов.

Следующие несколько дней слились в моем сознании в один долгий, нескончаемо долгий день, когда мы только и делали, что, дав очередной концерт, в очередной раз переодевались, садились в машину, и нас везли еще в одно «хозяйство», где мы опять – в который уже раз! – облачались в вечерние костюмы и появлялись перед фронтовиками, полные желания хоть ненадолго перенести их в прекрасный мир искусства, очищающего и облагораживающего человека, помогающего переносить трудности, вдохновляющего на борьбу с врагом.

Все, что имеет начало, как известно, имеет и конец. Поздно вечером нас привезли в какую-то деревушку, где нам предстояло провести ночь. Хотя нас прямо-таки пошатывало от усталости, прежде чем улечься, мы, мужчины, аккуратно расправили и положили под матрацы брюки от концертных костюмов, чтобы назавтра они выглядели отутюженными. Засыпая, я с облегчением подумал: «Как хорошо, что накануне успел постирать белую сорочку и даже умудрился подкрахмалить воротничок и манжеты!» Сегодня забота о своем костюме в таких более чем неподходящих условиях, возможно, вызвала бы снисходительную улыбку, но для артиста фронтовой бригады костюм был его оружием и значил не меньше, чем автомат для бойца. Мы представляли здесь, в действующей армии, артистический мир столицы нашей Родины, и это обязывало каждого из нас не только к внутренней, но и к внешней дисциплине. И поэтому не было случая, чтобы кто-то из нас вышел на люди расхлябанным, помятым, небритым.

Меня, Максима Дормидонтовича и Петра Швеца глубокой ночью разбудил дежурный по штабу и передал записку начальника политуправления Воронежского фронта комбрига (ныне генерал-лейтенанта) Сергея Савельевича Шатилова: «Дорогие друзья! Прибыло пополнение славных сибиряков. Утром они уходят в бой. Если можете, дайте этой ночью им концерт».

Через полчаса наша машина с притушенными фарами уже мчалась через лесные прогалины и сожженные деревни. Путь был не близкий. Нас подвезли не то к ангару, не то к сараю, в котором, как говорится, яблоку негде было упасть, столько туда набилось бойцов; их лица были обветрены, за плечами автоматы, на поясах гранаты. Наше выступление началось ровно в четыре часа утра. Мы были в приподнятом настроении и с волнением всматривались в мужественные лица сибиряков, зная, что не всем из них суждено дожить до следующего утра. Максим Дормидонтович пел с огромным душевным подъемом, а когда воины наперебой

стали просить его спеть арию Ивана Сусанина, движением руки попросил тишины и, заметно волнуясь, сказал:

– Много раз на сцене Государственного академического Большого театра исполнял я роль Ивана Сусанина – великого патриота земли русской. И каждый раз проникался гордостью за мой героический народ, который всегда мужественно переносил самые тяжкие испытания, всегда находил в себе силы для разгрома врагов. Из недр народных масс поднимались чудо-богатыри Сусанины, способные на великие подвиги... Воины Красной Армии, правнуки Сусанина, грозное воинство советского народа! Я с большим удовольствием спою вам арию Ивана Сусанина. Сотни, тысячи Сусаниных родились и рождаются в борьбе с ненавистными фашистскими захватчиками. Нет, нельзя покорить могучий русский народ! Поднявший меч от меча и погибнет. На этом стояла и будет стоять русская земля. Мы выдюжим. Бейте сильнее, бейте насмерть врага!..

И Михайлов запел: «Чую правду...» Увы, словами этого не передать, – его Сусанина надо было слышать. Каждому из нас передавалась боль певца за поруганную родную землю, вся его ненависть к врагу.

Во время одной из встреч с бригадой артистов Большого театра командующий Воронежским фронтом генерал армии Николай Федорович Ватутин, явно расстроенный и взволнованный, попросил нас съездить в походный полевой госпиталь к лежавшей там медсестре. Вынося раненых с поля боя, девушка сама была тяжело ранена: снарядом ей оторвало ногу. Николай Федорович сказал, что она находится в состоянии депрессии. Нет, мужества ей не занимать, боли девушка переносит стойко, но мысль о будущей своей физической неполноценности сводит ее с ума, она никого не хочет видеть, ни с кем не говорит. Мы отправились к ней. Она никак не прореагировала, услышав, кто приехал ее навестить. Тогда Елена Дмитриевна спела для нее несколько песен, пел для раненой и Максим Дормидонтович, разумеется, я тоже внес лепту в этот своеобразный концерт для девушки-патриотки. Наградой нам был благодарный взгляд огромных серых глаз, в которых вновь затеплилась жизнь.

Семнадцатое октября 1943 года – был знаменательным для нашей бригады: ровно два года назад начала она свою фронтовую деятельность и теперь, когда число концертов давно уже перевалило за тысячу, давала первый открытый «городской» концерт.

Из Рославля по только что наведенному полотну железной дороги мы двинулись дальше с бронепоездом, который вез боеприпасы. Бригада получила задание обслужить наступающие части.

Прибыв в освобожденный нашими войсками населенный пункт, мы с ходу дали концерт. Усталости не чувствовали, хотя не спали более двух суток. Зато после концерта наступила реакция. Мы свалились в каком-то гараже на солому, едва успев подстелить плащ-палатки.

...На любой площадке – будь то в лесу или на льду – ухитрялись выступать солистка балета Большого театра Нонна Кузнецова и всемирно известные акробаты Лаврентьевы. Представьте себе освещенную фарами «студебеккеров» ледовую площадку: тридцатиградусный мороз, снег, ветер, а перед бойцами под аккомпанемент прекрасного баяниста Анатолия Маркелова в легкой балетной пачке танцует вариации из «Спящей красавицы» и «Коппелии» Нонна Кузнецова.

...Первое время я выступал с произведениями советских поэтов и писателей

 и, признаться, побаивался читать вещи, по своей теме далекие от войны, считая, что в эти трудные дни фронтовикам нужно лишь сугубо актуальное, сегодняшнее. Но оказалось, что они чудесно слушают и Ромена Роллана, и Мопассана, и Горького, и Чехова, не говоря уже о Пушкине, Толстом, Лермонтове, Гоголе. Не только слушают, но и сами просят, называют любимых авторов. «Тов. Петрейков, – писали в записках бойцы, – если можете, почитайте Пушкина и что-нибудь из Гоголя».

Как же взволнованы были мы, прочитав 20 мая 1944 года в красноармейской газете «За победу» о том, что по ходатайству гвардейских частей нашей группе присвоено звание «почетных гвардейцев»!

...Май 1945 года. Северный флот.

Баренцево море еще было полно мин, так что для тральщиков война, увы, продолжалась. Продолжалась она и для нас, актеров. Нашей группе, в составе которой были солисты балета Большого театра Анастасия Какурина и Юрий Жданов (ныне народный артист РСФСР), исполнительница русских песен Евдокия Людмилова, артистки Наталия Сиротенко, Ирина Вестерман, Ада Гржиас, баянист Василий Кудряшов и я, предстояло обслужить дальние морские и сухопутные гарнизоны, где никогда еще не бывали актерские бригады.

Из множества концертов на сопках и на кораблях, в тесном матросском кубрике, общежитиях, сколько буду жить, буду помнить наше выступление на одном из островов. Там на скалистых кручах нес свою нелегкую службу сторожевой отряд, человек пятнадцать, которых перед самой войной должны были сменить, но не успели, так что шесть долгих лет они были оторваны от Большой земли. Когда катер подвез нас к острову и я, подняв голову, увидел отвесную скалистую стену с висевшей на ней веревочной лестницей, признаться, стало не по себе.

–Только не смотрите вниз, а то сорветесь, – посоветовал кто-то из моряков.

Не знаю, смог бы кто-либо из моих товарищей по бригаде и сам я повторить сегодня этот подъем по раскачивавшейся над морской пучиной веревочной лестнице. Как знать... Но тогда, в победные дни сорок пятого года, там, на скале, нас ждали военные моряки, герои из героев, и мы к ним поднялись.

Больше месяца провели мы среди героических моряков-североморцев.

После заключительного концерта командующий Северным флотом адмирал А.С.Головко вручил боевые ордена и медали артистам бригады.

Так для нас окончилась Великая Отечественная война.

Журнал «Октябрь», 1970, № 5

И.И.ПЕТРОВ
солист оперы

ВОЙНА НАРОДНАЯ

Когда началась война, Ансамбль оперы расформировали, а меня в качестве солиста филармонии отправили на обслуживание воинских частей. Грустные это воспоминания! Ведь многие молодые люди понимали, что они никогда уже не вернутся домой, и мы старались поднять их боевой дух. Мы выступали на призывных пунктах, в госпиталях.

В октябре 1941 года я получил повестку от директора филармонии. Нужно было срочно явиться с вещами на Казанский вокзал для эвакуации в Алма-Ату.

Ехали мы в Среднюю Азию долго. Помню, что вначале над нами пролетали

немецкие самолеты: немцы бомбили все поезда. По пути мы получили уведомление, что Алма-Ата не может нас принять, нужно ехать во Фрунзе. Столица Киргизии встретила нас гостеприимно. Сколько нужно было помещений, чтобы разместить наш огромный коллектив! Сто человек певцов хора, сто человек оркестр, бухгалтерия, администрация! И хотя мы свалились, можно сказать, как снег на голову, нас как-то устроили. Конечно, условия были тяжелыми, но мы сразу же приступили к работе.

Я начал петь в концертах в сопровождении Государственного симфонического оркестра СССР. Пел арии, патриотические песни, участвовал в исполнении ораторий. Руководили этим оркестром замечательные дирижеры Н.Г.Рахлин и В.Г.Дегтяренко.

Музыканты оркестра относились ко мне дружелюбно и с симпатией, все их замечания я ловил на лету, поэтому работа с этим коллективом помогла моему артистическому становлению, появился профессионализм. Я уже знал, как нужно петь с хором, оркестром.

Иногда я выступал с ансамблем, человек в двадцать, который организовал замечательный трубач оркестра Леонид Юрьев. Мы ездили с концертами в колхозы и совхозы, обслуживали рабочий люд.

Запомнилась одна из таких поездок в находившийся недалеко от Фрунзе украинский колхоз. Как-то вечером мы погрузили на три подводы, которые прислали нам колхозники, инструменты и костюмы, а сами сначала пошли по городу пешком. К тому времени, когда миновали город, стало темно, и мы сели на подводы. Лошади медленно продвигались вперед. Так как недавно прошел дождь, их подковы «квакали» в грязи, а колеса телег «шлюпали». Вдруг колесо той подводы, на которой я сидел, застряло в какой-то яме, и после этого лошадь встала. Я как самый инициативный объявил: «Ребята, сидите, сейчас помогу». Спрыгнул и вдруг почувствовал, что оказался в каком-то месиве и не могу вытащить ноги. Когда же я выбрался из ямы, и меня осветили фонарем, то раздался веселый дружный смех. Вместо лаковых туфель и модных брюк от смокинга у меня на ногах были светло-коричневые сапоги из глины. Все смеялись, но мне было не до смеха. «Как я появлюсь завтра на концерте? Как отмою все это?» – с грустью думал я.

Когда мы приехали, нас гостеприимно встретили колхозницы. Женщины засуетились, вымыли мои туфли, постирали брюки, и на следующий день я был уже в полной парадной форме. Концерт состоялся в поле, где работали колхозники. Я пел русские и украинские песни: «Взял бы я бандуру», «Вдоль по Питерской», «Эй, ухнем!». Наши слушательницы горячо аплодировали каждому номеру, а по окончании концерта решили угостить нас обедом. «Вы уж нас извините, – сказали они, – у нас нет никаких разносолов, только борщ. Но борщ настоящий, со свининой, вам должен понравиться». Мы сели за столы, и нам дали по огромной тарелке борща и по большому, в мой кулак, куску свиного мяса. Мы набросились на этот шикарный борщ и съели несколько тарелок, ведь все кое-как питались по карточкам в столовой. Потом нас угостили чаем, благодарили за концерт. И мы возвращались во Фрунзе сытыми и с чувством исполненного долга. Ведь наша музыка принесла людям столько радости, так подняла настроение!

Некоторое время спустя меня неожиданно вызвал директор филармонии Преображенский и сказал, что самых молодых актеров и певцов призывают в армию. Я отправился на призывной пункт. В военкомате изучили мои документы и

 попросили пройти к военкому – генералу, который только что вернулся из госпиталя после ранения. Он был очень недружелюбно настроен и сразу спросил:

– Почему у вас такая фамилия, вы что – немец?

– Нет, я русский.

– А что же это за фамилия такая – Краузе?

– Ну, может быть, кто-нибудь из моих далеких родственников был немцем, потом обрусел.

– Да, рассказывайте сказки!

Он что-то написал на моей справке, которую я получил вместо паспорта и военного билета, и через пару дней мне сообщили, что я зачислен в стройбатальон. Мы могли жить у себя на квартирах, но к определенному часу должны были приходить на работу и участвовать в строительстве военного объекта, рыли траншеи для огромного фундамента. Они были очень глубокими, и снизу стала проступать холодная вода. Вскоре мы рыли уже по колено, а потом по пояс в воде. Я сильно простудился. У меня свернуло набок голову и шею, я ходил скрюченный, не мог разогнуться.

Однажды я получил приглашение выступить на концерте в честь открытия Дома работников искусств Киргизии и по окончании его, по-прежнему скрюченный, поплелся к себе домой. Вдруг вижу – в двухэтажном домике открыта настежь дверь, за столом сидит военный и что-то пишет. Оказалось, что это приемная военкомата Киргизской ССР. Я решил попытаться записаться на следующий день на прием. Поздоровался с секретарем и сказал, что хотел бы поговорить с военкомом. «Подождите, я сейчас доложу». И через минуту услышал: «Начальник вас ждет». Увидев меня, военком улыбнулся, встал из-за стола, поздоровался со мной и спросил:

– Что это с вами такое?

Я все ему рассказал.

– Я слышал вас на концерте, – сказал он, – и уверен, что вас нужно беречь. Ведь война не будет длиться вечно! Год- два, и она закончится, а вы будете петь в Большом театре! Попомните мое слово!

Он вселил в меня такую радость, как будто у меня выросли крылья.

Я воскрес.

– Чем же я могу вам помочь? Может быть, вас отправить в Алма-Ату? Там ведь ансамбль Среднеазиатского военного округа, и вы можете работать в ансамбле. Я позвоню, и все будет в порядке.

– Конечно, это было бы хорошо, большое вам спасибо, – говорю. – Но лучше бы мне поехать в Ташкент, где сейчас находится Ленинградская консерватория. Тогда я мог бы продолжить свое музыкальное образование.

– Давайте ваши документы.

Я ему дал справку, и он на ней написал: «Снять с учета, выдать документы, отправить на учебу в Ташкент».

На следующий день я опять пришел к военкому города Фрунзе, так как он тоже должен был поставить свою подпись, и он сначала открыл было рот, чтобы меня выгнать, но когда прочитал резолюцию вышестоящего начальника, только сжал губы. Я уехал в Ташкент.

Очень сожалею о том, что не помню имени, отчества и фамилии военкома Киргизии, который так ко мне сердечно отнесся и оказался прорицателем моей судьбы: действительно, уже через год я был солистом Большого театра.

Приехал в Ташкент, спел в консерватории перед педагогами, очень всем понравился, мне назначили преподавателя, но случилось опять непредвиденное. Я заболел малярией. Приступы повторялись через день, и температура была выше сорока. Я терял сознание. Когда чувствовал приближение приступа, то садился где-нибудь около дерева и час или полтора приходил в себя. Кроме того, я получал очень маленькую стипендию, денег не хватало, положение вскоре стало бедственным.

Как-то, когда я во время приступа сидел у себя в комнате, пришел Павел Серебряков, который был директором консерватории.

– Здравствуйте, – говорит.

– Здравствуйте, – отвечаю я еле-еле.

– А почему, – спрашивает, – вы не встаете, когда входит директор?

– Да я бы рад встать, но у меня нет сил.

– А что такое?

Я ему все рассказал. Он предложил:

– Поезжайте сейчас на лесозаготовки, мы организовали группу заготовителей дров для филармонии. Там хорошие бесплатные пайки. Правда, мяса нет, но есть картошка, крупы, сахар, овощи. Я вам советую поехать. Это в сторону Чирчика.

Я отправился на лесозаготовки, но малярия продолжала меня бить через день. Я уже стал худой, как палка. И мой товарищ, тоже бас, Виктор Морозов однажды сказал: «Брось ты свою малярию. Я достал бредень, чтобы наловить рыбы. Полезем, заведем его, поймаем рыбы, вся твоя малярия пройдет». И я полез в ледяную реку. Она была довольно глубокая – по пояс, а то и по грудь. Поймать мы ничего не поймали, но я так замерз, что у меня зуб на зуб не попадал. Меня положили на матрац и накрыли чем попало. После этого малярия у меня действительно прошла. Когда я рассказал об этом врачу, тот покачал головой: «Хорошо, что так кончилось, а мог бы и умереть».

Однажды на заготовки леса приехал посыльный из консерватории. Он привез нам продукты и распоряжение, чтобы я срочно явился к директору. Пошел я один в Ташкент – это километров пятнадцать. Прихожу к Серебрякову, он говорит: «Сейчас организуется бригада артистов от нашей консерватории, нужно поехать обслужить фронт. Вы пели здесь и всем понравилось. Мы хотим, чтобы вы поехали. Что вы нам можете спеть?» Я спел две или три арии. И комиссия, и директор были удовлетворены.

Нам дали обмундирование, кирзовые сапоги, брюки-галифе, гимнастерки, пайки, и наша бригада, шестнадцать человек, поехала на фронт. Сначала мы заехали в Москву, чтобы узнать более точно, куда мы командируемся. Я зашел к себе домой, а потом забежал к своему педагогу А.К.Минееву. Он очень обрадовался, увидев меня, расспросил, откуда я, поинтересовался, как звучит голос, и я тут же ему спел. Минеев удивился.

– Вы так выросли, голос окреп! Откуда это у вас?

– Я много выступал с оркестром, с хором, – отвечаю.

– Завтра же переговорю с Самосудом, чтобы вас прослушали в Большом театре.

Основная группа Большого театра находилась тогда в эвакуации в Куйбышеве, а в Москве осталась небольшая ее часть, которая выступала в филиале. Минеев сдержал свое слово, и на следующий день я, как был в старенькой потертой гимнастерке и в сапогах, предстал перед Самосудом. Я понимал, какой передо

 мной замечательный музыкант и строгий судья, и, конечно, очень волновался. Но делать нечего, назвался груздем – полезай в кузов. Самуил Абрамович был очень доброжелательным, милым и обаятельным человеком. Он пригласил меня пройти на сцену и спросил, что я буду петь. Я назвал несколько арий. Он предложил: «Давайте Гремина». Я спел Гремина. «Давайте Сусанина». Я спел Сусанина. «Давайте Дона Базилио». Я спел Дона Базилио. «Ну, хватит, теперь идите сюда».

Я смотрю, в зале сидит много народу – репетиция какая-то была, и происходило это в антракте между репетициями.

– Вот, познакомьтесь, – говорит Самуил Абрамович. – Вы узнаете? Валерия Владимировна Барсова, Никандр Сергеевич Ханаев. А это – Владимир Михайлович Политковский и Леонид Филиппович Савранский. Видите, какие артисты вас слушали! И вы им понравились. Как, берем его?

Они все засмеялись и говорят: «Ну, разумеется, берем, берем!» И тут Самуил Абрамович, как всегда в нос и картавя, произнес:

– У вас европейский голос, но вы еще очень молодой, поэтому сразу на большие партии не рассчитывайте, будете петь маленькие.

– Ну, конечно, Самуил Абрамович! – восклицаю. – Такое счастье – попасть в театр! А уж там – что дадите, то и буду петь. Но ведь мне нужно ехать на фронт. Я еду с бригадой и не могу подвести товарищей.

– А... это правильно. Подводить товарищей не нужно. Поезжайте на фронт, а потом приедете, тогда будете работать.

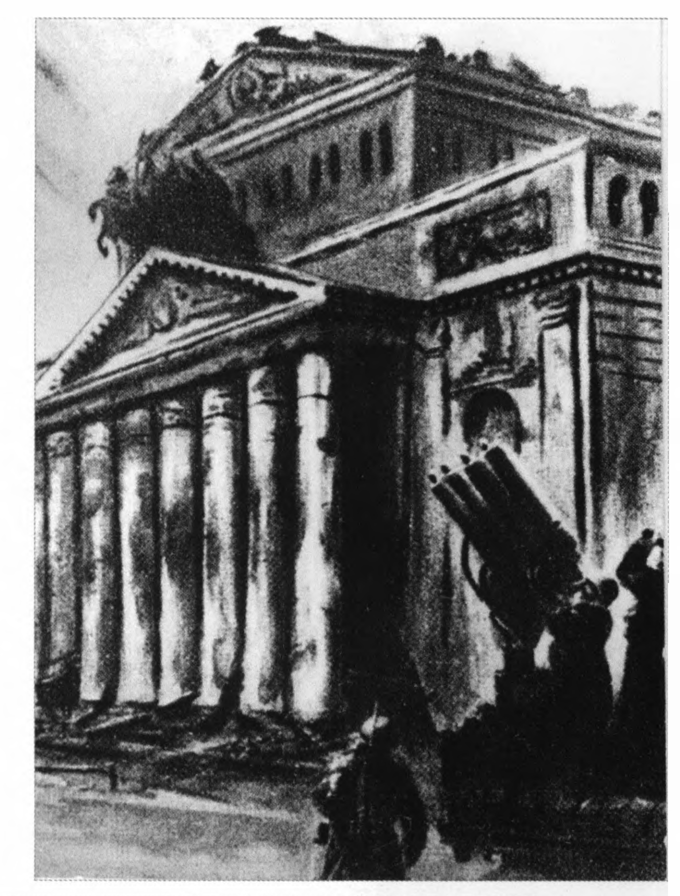
И я уехал с бригадой. Сначала мы поехали на Брянский фронт, на котором пробыли три месяца – ноябрь, декабрь и январь. Зима стояла страшно холодная. А какие у нас концертные залы были? В лучшем случае – изба. Или же просто выступали на опушке леса под елками. Или в разбитой церкви, где ни окон, ни дверей и такие сквозняки, что хуже, чем на открытом воздухе. А чаще всего выступали в землянках. Из части в часть мы шли пешком, а в саночки складывали свой скарб. Порой же нас перевозили на лошадях, запряженных в сани.

За шесть месяцев на двух фронтах мы дали около трехсот концертов.

Начинали ансамблем: «Идет война священная, народная война». Дальше я пел два дуэта с тенором Альпертом, певцом Одесской оперы. Один дуэт белорусский – «Веселуха моя», комический, а второй в том же плане Даргомыжского «В селе малом Ванька жил, Ванька Таньку полюбил». С заслуженной артисткой Людмилой Грудиной, работавшей потом в Кировском театре, я исполнял дуэт Карася и Одарки из оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Затем я пел сольные две-три вещи и заканчивал опять бравурной песней. Когда мы пели на открытом воздухе, то к концу концерта челюсти сводило и губы уже не могли артикулировать. Я еле-еле выговаривал слова. И каждый раз думал: «Ну, простудился!» Но ни разу никто не заболел, хотя пели много. Мобилизовывало ощущение, что наше дело нужно для фронта, для победы.

Много было забавных случаев. Руководил нашей бригадой профессор А.Б. Меерович, человек бесстрашный. Он не скрывал, что хочет заработать орден, и говорил: «Мы будем обслуживать самые передовые части». И мы действительно выступали в таких подразделениях, что немцы тоже слушали и «аплодировали»: обстреливали нас из минометов. Вот мы в землянке поем, закончился номер, и – бух! – на нас сыплется земля. Это немецкие аплодисменты.

Ходы сообщений на передовой были не очень глубокими, поэтому приходи-

П.П.Соколова-Скаля.
Большой театр в дни войны

С.Я.Лемешев.
Москва, призывной пункт. 1941г.

Солисты оперы А.И.Орфенов, Е.А.Степанова, Н.А.Обухова. 1941г.

На рытье противотанковых траншей под Москвой

М.Д.Михайлов и Е.Д.Кругликова выступают перед воинами под Воронежем. 1941г.
Концертмейстер - П.Г.Швец.

М.Д.Михайлов на фронте. 1941г.

С.М.Хромченко у трофейной пушки. Белорусский фронт. 1941г.

Артистка балета Нона Кузнецова выступает перед воинами. Ноябрь 1941г.

Солистка оперы А.А.Иванова. Южный фронт, 1942г.

*Артистическая бригада
на Волховском фронте. 1942г.*

И.С.Козловский на фронте. 1942г.

Артисты балета
М.В.Дамаева,
Б.С.Холфин.
Волховский фронт,
1942г.

Фронтовая бригада артистов среди бойцов.
В центре - П.Г.Лисициан

Артистическая бригада. Калининский фронт. 1942г.

Артисты Большого театра среди воинов

Л.А.Русланова, Е.А.Степанова, О.В.Лепешинская, Б.Н.Ливанов, И.С.Козловский

Бригада артистов у воинов Северо-Западного фронта. Средний ряд: артист оркестра Я.Шухман, солистка балета С.Н.Звягина, артист оркестра В.Карцев, солисты оперы Г.А.Воробьев, Я.И.Енакиев; верхний ряд: солист балета В.Я.Хрусталев, артисты оркестра - Л.Вайнрот, Ф.Дусович

И.С.Козловский (стоит справа)

Фронтовая бригада. Северный фронт, 1943г.

Н.Д.Шпиллер выступает в госпитале

Артисты оркестра Большого театра. 1-й Прибалтийский фронт. 1944г.

Участники первого концерта у рейхстага - С.В.Гоцеридзе, Ю.М.Реентович, Е.К.Межераук, Н.М.Спасовская, П.И.Селиванов, П.Г.Швец и др. Май 1945г.

АРТИСТЫ В ГОСТЯХ У ГЕРОЕВ

Концерт бригады Московского Большого театра воинам-участникам штурма рейхстага

Вчера фронтовой бригадой Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР в здании германского рейхстага дан концерт. Зрителями были непосредственные герои последних боев, участники штурма рейхстага.

Руководитель бригады артистка Наталия Спасовская взволнованно говорит:

— Сегодня у нас самый незабываемый концерт—мы даем его в гнезде фашистских разбойников. Гитлеровские бандиты в 1941 г. бросили бомбу в Большой театр. Сегодня наши песни звучат в мрачных стенах этого проклятого логовища зверя.

Бойцы, сержанты, офицеры с огромным вниманием слушают концерт. Солист Сергей Гоцеридзе исполняет „Песню о Сталине". Громом аплодисментов отвечают воины. Мысли всех направлены к великому вождю, который привел наш народ к блестящей победе — взятию Берлина.

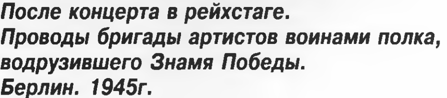
Тепло встречают воины артиста П. Селиванова, исполнившего песни „Парень с Васильевского острова", „В лесу прифронтовом". Артисты театра сатиры А. Киселевская, В. Анисимов с большим мастерством исполняют веселый скетч. С живой, стремительной пляской выступают Н. В. Спасовская, Н. Д. Лонтовский. Заслуженная артистка республики Е. К. Межераук исполнила несколько песен из классического репертуара. С большим успехом прошли выступления баяниста П. Швец, скрипача Ю. Реентович, и артиста Н. Корольковой.

От имени всех бойцов и офицеров заместитель командира подразделения по политчасти товарищ Ефимов горячо благодарил артистов Государственного Большого театра за интересный концерт.

— До скорой встречи в Москве,—говорили друг другу на прощание артисты и воины.

Старший лейтенант
В. СУББОТИН.

После концерта в рейхстаге. Проводы бригады артистов воинами полка, водрузившего Знамя Победы. Берлин. 1945г.

Солисты оперы - Н.Д.Шпиллер, А.П.Иванов. 1945г. Австрия

Участники фронтовых бригад, награжденные орденом Красной Звезды: Н.М.Спасовская, Е.К.Межерауп, С.Н.Звягина, И.Д.Лентовский и В.Я.Хрусталев, 1944г.

А.П.Иванов, Г.С.Уланова, генерал Благодатов, Н.Д.Шпиллер. Вена. 1945г.

Концертные бригады артистов Большого театра прошли по всем фронтам

лось идти все время сильно согнувшись, особенно мне с моим ростом. Чуть выпрямлюсь – сразу свистят пули. А немецкие снайперы попадали здорово. Иногда передвигались просто ползком.

Как-то раз шел концерт в землянке. Солдаты расположились на нарах кто где, а мы в уголочке. Так как я во весь рост не мог стоять в землянке, я садился или на табуретку, или на ящик из-под патронов. Сидя в обнимочку со столбиком, который подпирал потолок землянки, я и пел. Во время одного из номеров старшина вдруг встает и, называя несколько фамилий, командует: «За мной!» Ну, военное дело. Ушли. Мы продолжаем концерт. Через полчаса открываются двери, и по крутой лестнице солдаты скатываются вниз. С ними пленный немец с круглыми от испуга глазами. А сержант говорит:

– Разрешите обратиться!

Ему отвечают:

– Пожалуйста.

– Товарищи артисты, вы нам дали такой концерт! Мы должны же были вас чем-то отблагодарить. Цветов нет, конфет тоже, для подарка ничего нет. Поэтому мы решили пойти во вражеское распоряжение, завязали там бой, двух часовых уложили, а одного взяли в плен. И вот этот язык – наш подарок за ваш концерт.

А еще помню, как однажды мы пели на опушке леса дуэт Карася и Одарки из «Запорожца». Когда Одарка начала нападать на Карася: «Аж две ночи не ночевал, где ты пропадал» – и бросилась на него с кулаками, над нашими головами вдруг просвистел снаряд. Тут я в паузе говорю: «Бачишь?» И как только я это сказал, такой смех раздался!

Февраль, март, апрель мы провели на Волховском фронте. Началась оттепель, и все поплыло. Валенки мои стали каких-то неимоверных размеров. Пришлось долго ждать, пока нам привезли новую обувь, но мы продолжали выступать.

Однажды после концерта мы разместились в двух землянках. Вдруг вбегает постовой и взволнованно командует: «Чтобы в течение трех минут духу вашего здесь не было! Машина ждет!»

Мы быстро собрались, влезли в грузовик, однако Павлик Воловов (позднее солист Большого театра, с которым мы долгие годы пели вместе в различных спектаклях) замешкался. Мы стали его звать. Наконец, он появился, мы помогли ему взобраться в кузов, и в эту минуту раздался страшный взрыв. Снаряд угодил прямо в землянку, из которой вышел Воловов, и на этом месте образовалась огромная яма. Ударная волна была такой силы, что некоторые из нас чуть не вылетели из машины. Этот случай потряс нас и на всю жизнь остался в памяти.

В конце апреля я возвратился в Москву, где нас наградили грамотами. Через полгода после фронтовых концертов снова отправился в Большой театр к Самосуду. Тот говорит: «Нужно спеть еще раз». Я удивился: «Зачем?»

– А вдруг вы потеряли голос!

Я чуть не впал в амбицию, но тут же услышал взволнованный шепот моего педагога:

– Да ты что, с ума сошел?

Я вышел, спел какую-то арию, и Самуил Абрамович был удовлетворен:

– Ну, теперь все в порядке, идите и оформляйтесь.

Так, 30 апреля 1943 года я стал солистом Большого театра. Но и после этого считал своим долгом держать связь с армией. Мы продолжали обслуживать фрон-

 ты, выезжали в действующую армию в район Ефремово. И все последующие годы я всегда с удовольствием выступал перед солдатами и офицерами, за что получил немало почетных грамот и благодарностей.

И.Петров. Четверть века в Большом... М., «Композитор», 1997

Е.КРУГЛИКОВА
солистка оперы

ПОД ГУЛ КАНОНАДЫ

Ночь на 3 августа 1943 года я провела на фронтовом командном пункте под Белгородом. Артисты находились примерно в восьмистах метрах от линии огня. Мы давали концерт для бойцов, которым предстояло вскоре идти в наступление. Я спела арию Антониды из оперы Глинки «Иван Сусанин». Затем исполнила популярную песенку Тихона Хренникова «Иди, любимый мой, родной». Я сказала тогда нашим бойцам и офицерам:

– С этими сердечными словами любви и привета к вам обращаются ваши жены, матери, сестры, любимые девушки.

Сотни лиц смотрели на меня, и в их глазах я уловила, что каждый из моих слушателей считал себя прямым адресатом, к которому обращены слова песни.

Не могу забыть встречи с Иваном Барминым, молодым танкистом, родом из заволжской деревни. Он ходил десятки раз в бой и ни разу не был ранен. Мы угостили его папиросами. Он улыбнулся и сказал: «Покурить приятно, а дома мама не позволяла».

Мы двигались вслед за наступавшими войсками. Концерты проходили под открытым небом, под гул канонады, иногда под стрекот пулеметов.

Осенью 1943 года мы давали концерт в Харькове, только что освобожденном от фашистов. Мы смотрели на город с Холодной горы. Издали он прекрасен и сейчас, но вблизи зияют страшные развалины. Дома взорваны отступавшими гитлеровцами.

В октябре 1943 года мы выступали на Киевском направлении. Бойцы благодарили советских артистов и брали на себя боевые обязательства. Снайпер Иван Молочков, на счету которого числилось более шестидесяти подстреленных фашистов, вызвался ответить на наш приезд значительным увеличением своего боевого счета.

А лейтенант Сергей Птахин предложил спеть песню, недавно сочиненную самими красноармейцами. Он сказал: «Песня эта выражает наши чувства и думы. Когда вернетесь в Москву, спойте ее по радио – от нашего имени – и это будет нашим ответом на обращение к нам наших матерей, жен и сестер, высказанное в лирической песне Тихона Хренникова».

И мы вместе с бойцами пели:

Я стою на посту под сосной у реки,
Друзей вспоминаю, что мне дороги,
Тебя вспоминаю, тебе обещаю –
В спокойный твой сон не ворвутся враги...

Вернувшись домой, в одном из первых своих выступлений на радио я исполнила эту песню, привезенную с фронта.

1944, 3 января 1944г.

Журнал «Театр», 1975, № 5

А.ИВАНОВА
солистка оперы

ДВЕ ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

Великая Отечественная война застала меня в общежитии при Московской консерватории, в аспирантуре которой я в то время училась. С первых дней войны как солистка Гастрольного концертного объединения, я ездила в составе концертных бригад в различные воинские части. В этих бригадах были артисты из различных московских театров.

14 февраля 1942 года командование ЦДКА отправило нашу концертную бригаду из 14 человек на Керченский полуостров. Это была моя первая поездка на фронт, и я ее хорошо помню. В пути мы столкнулись со многими трудностями и лишениями, о которых не знали раньше. Ехать пришлось в переполненных, прокуренных вагонах, множество военных сидели и стояли в проходе, и войти в вагон или выйти было просто невозможно.

Но с самого первого дня пути мы, артисты, почувствовали к себе необыкновенное внимание и уважение. Особенно относилось это к женщинам. Каждый хотел нас обязательно угостить чем-нибудь вкусным, и пока наша бригада ехала без продуктов, мы и не отказывались от еды.

Мы должны были попасть в Керчь 23 февраля на празднование Дня Красной Армии. На пароходе «Потемкин» матросы предупредили нас, что вокруг много мин, поэтому плавание очень опасно, и действительно, целых два часа мы приставали к берегу Керченского полуострова. Потом машиной нас доставили в г.Керчь.

Наши доблестные, смелые десантники под новый, 1942 год очистили от фашистов полуостров и отогнали их, но война все время давала о себе знать. Бомбили дороги, саму Керчь, и мы увидели разрушенным недавно еще красивый южный город. Нам сказали, что на полуострове нет соломы и сена, нет воды и за водой надо ходить далеко к источнику. Около полуразрушенного здания мы увидели восемь виселиц – фашисты казнили здесь восемь юных комсомольцев. Рассказ об этом трудно было слушать без слез. Во всем были следы насилия, грабежа – всего того, что несет с собой война. Впервые я увидела так близко ее лицо.

Всех артистов нашей бригады распределили по разным домам. Я поселилась в семье крымчаков, состоявшей из мужа, жены и четырех детей. Хозяева рассказали мне, что 3 января они должны были явиться на площадь, где фашисты собирались расстрелять всех оставшихся в живых жителей города, и лишь чудом им удалось спастись от смерти. Этот рассказ, то, что мы сами увидели в городе, вызывало желание как можно лучше выступить перед освободителями Керчи от фашистов, своим искусством выразить им признательность за спасенные жизни советских людей, за освобождение родной земли от врага.

Вечером в Керченском ДКА состоялся наш концерт, который прошел с большим успехом. Пианист В.Родин задолго до поездки на фронт переключился на аккордеон, выучил всю нашу программу и мог даже проаккомпанировать арию Кумы из «Чародейки» и классические романсы. Пела я русские и украинские народные песни, песни советских композиторов, специально выучила «Синий платочек» и «Тонкую рябину». От бойцов было много записок с просьбой спеть ту или иную песню, и я охотно выполняла эти просьбы.

28 февраля мы получили приказ от командования ехать на передовую. По-

теплело, и дороги развезло. Однажды наша машина завязла в грязи среди целой цепи других машин, и нам предстояло идти до очередной части пешком семь километров. Грязь прилипала к подошвам, идти было тяжело, но мы знали, что нас ждут, мы нужны, и это помогло нам дойти.

После нескольких концертов на передовой мы возвращались в Керчь. Фашисты ожесточенно бомбили город, и там, где я жила, дома были разрушены, стояли женщины и рыдали, под грудой развалин остались их родные и близкие. Дом моих хозяев уцелел. Но при одной из бомбежек потолок дома обвалился, осколками пробило стену, хорошо, что хозяева, их дети и я успели спрятаться кто куда. Меня засыпало до половины, и спас от ранений ватный костюм. Вся улица была в руинах.

И все же мы ездили по воинским частям и каждый день давали по 3 –4 концерта. Перед концертом я переодевалась из ватника в бархатное синее платье, и этот ритуал переодевания помогал сосредоточиться, собраться, подготовиться к выступлению. Принимали нас всюду просто чудесно, благодарностям не было конца.

Пусть не с винтовкой в руках, но искусством своим мы тоже помогали защищать нашу Родину и от командования Крымского фронта получили благодарности и хорошие отзывы о нашей работе.

Вторая моя поездка на фронт состоялась в 1943 году в составе агитбригады, посланной Главным политическим управлением Морского флота на Черноморский фронт, под Новороссийск.

Выехали мы из Москвы днем более или менее нормально. В поезде бригада расположилась свободно, чему способствовала расторопность нашего нового бригадира – опытного военного моряка. Поезд шел по той же дороге, что и в Керчь. Проезжая Сталинград, нельзя было не огорчиться и не всплакнуть, видя разрушение, которому подвергся этот город. Остались сплошные развалины, местами вообще груда камней и выжженная равнина. На всех нас это произвело неизгладимое впечатление.

Наконец-то прибыли в Батуми. Жара стоит ужасная, спасаемся, обливаясь холодной водой. Первый наш концерт был на корабле «Бойкий» и прошел с большим успехом. Выступали мы потом на других кораблях, у подводников, летчиков, много ездили.

Я не случайно вспоминаю бытовые подробности, с которыми связаны мои поездки на фронт. Шла война, было трудно – на фронте, в глубоком тылу, на территории, недавно освобожденной от врага. Этот тяжелый быт военных лет советские артисты переносили мужественно, не боялись трудностей и невзгод. У каждого кто-то близкий был на фронте, а кто-то еще находился на захваченной врагом земле, и всю нашу любовь к Родине, боль и гнев, ненависть к врагу, мечты о мирной, счастливой жизни несли мы своим искусством, выступая перед фронтовиками.

В Геленджике ночевать нас поместили в кубрик, но там нас загрызли клопы. Пришлось вытаскивать постель на траву и спать на воздухе. Ночью начались залпы дальнобойных орудий, и казалось, земля дрожала от этих залпов. 20 августа наш концерт состоялся в необычное время – в 5 час. 30 мин. утра, в ущелье, в семи километрах от врага. Я боялась, что в такое время голос не будет звучать. Но выступали мы все с большим подъемом.

16 сентября в 8 часов утра прибыли в Тбилиси. Первый концерт был в клубе в 8 часов вечера, и когда после выступления иллюзиониста Дика Читашвили начальник клуба со сцены сообщил, что наши войска штурмом овладели городом

Новороссийском, в зале, на сцене кричали «Ура!» и аплодировали. Мы были горды тем, что частичка и нашей работы есть в деле победы над врагом и освобождении Новороссийска – ведь меньше месяца прошло после того, как мы выступали перед будущими освободителями этого города. По дороге в Москву мы услышали еще одно радостное известие – освобождена Полтава. Так завершилась моя вторая поездка на фронт. Была осень 1943 года.

Газета «Советский артист», 1985, 18 января

В.ИВАНОВСКИЙ
солист оперы

900 ДНЕЙ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Великая Отечественная война застала меня в г.Ленинграде, в оперной труппе Театра оперы и балета имени С.М.Кирова, куда я был принят по конкурсу после окончания Московского театрально-музыкального училища имени Глазунова. И в блокадном Ленинграде провел я все 900 дней его героической истории.

С первых же дней после объявления войны у нас в театре были скомплектованы артистические бригады по обслуживанию призывных пунктов и военных госпиталей. Все солисты театра были поставлены на спецучет и в армию не призывались.

Меня направили солистом в ансамбль песни и пляски, с которым в июле 1941г. я выехал на фронт обслуживать авиационные части и части береговой обороны по Финскому заливу.

В конце августа фашисты окружили Ленинград, и связь города с Большой землей прекратилась. О том, как героически сражались доблестные ленинградцы, защищая свой родной город, какую выдержку и мужество проявили они, написано немало. И вряд ли мой рассказ добавит новые краски к тому, что уже стало историей.

Помню, с какой надеждой восприняли ленинградцы весть о том, что начала действовать знаменитая «дорога жизни» по льду Ладожского озера (около 40 км), которая связала блокадный город с Большой землей. Непрерывным потоком двинулись автомашины, которые везли боеприпасы и продовольствие в Ленинград, а обратно – больных, женщин и детей.

На восточном берегу Ладожского озера есть город Новая Ладога, на окраине которого находился аэродром, с него вылетали наши летчики для прикрытия от бомбежек «дороги жизни». За героические подвиги двум авиационным полкам было присвоено звание гвардейских и в связи с этим 13 января 1942 г. в Ленинграде была сформирована бригада, в которую вошли известные артисты: народная артистка СССР С.Преображенская, заслуженные артисты РСФСР Н.Вельтер и В.Легков, художник Б.Пророков, киномеханик и другие артисты оперы и эстрады, в том числе и я.

Выехали мы ночью на двух полуторках, закрытых брезентом, мороз стоял лютый. Утром благополучно переехали Ладожское озеро и, чтобы отогреться и отдохнуть, остались на один день в деревне Выстов, где дали два концерта.

Нас поставили на довольствие, и пока официантка приносила чай, мы сидели за столом, где на большом блюде лежал **настоящий** ржаной хлеб, от которого ленинградцы отвыкли; мы не удержались, и от хлеба быстро не осталось даже крошек.

На аэродроме мы встретились с подлинными героями. Во время концерта, который шел при керосиновых лампах, С.П.Преображенская разговорилась с мо-

 лодым лейтенантом, который только что вернулся с боевого задания, сбив фашистский самолет. А рассказывал об этом он совершенно спокойно, будто о чем-то обыденном. Меня поразило, что война стала буднями для этих людей.

Вскоре меня пригласили в театр Балтфлота. В этот театр, помимо драматической труппы, входили ансамбль песни и пляски и концертная бригада под управлением композитора Н.Минха. В сопровождении джаза я исполнял в основном песни советских композиторов. Так, я впервые спел известные песни В.Соловьева-Седого «Играй, мой баян» и «Вечер на рейде»; «Краснофлотскую улыбку» Н.Будашкина, «Ленинградскую песенку» А.Лепина и многие другие. С этим джазом я как вольнонаемный проработал около полутора лет, и где только нам не пришлось побывать.

На тральщике ходили на остров Лаваансари – самую западную точку, где находилась база подводных лодок, которые летом 1941 г. успешно топили вражеские транспорты. Много раз бывали в Кронштадте. Зимой и летом неоднократно пересекали Ладожское озеро и везде встречались с героями-балтийцами, героически защищавшими Ленинград. Многие из них погибли, не дожив до Победы. Вечная им слава!

У нас в оперной труппе есть еще один блокадник – Володя Атлантов: в войну ему было всего 3 года. Я дружил с его отцом – А.П.Атлантовым, прекрасным певцом-артистом. Почти каждый вечер мы встречались в концертах (когда я вернулся в оперную труппу, состоявшую из артистов Театра имени Кирова и Малого оперного). После концертов, когда нас угощали скудным ужином – щами из хряпы (так называли мы капусту серого цвета) и кусочком хлеба, А.П.Атлантов делил хлеб пополам и половину нес своему сыну.

Помню концерты уже после того, как было разорвано блокадное кольцо и наши части гнали фашистов, освобождая Ленинградскую область. Бои шли на подступах к Пскову. Концерты проходили в разбитых сараях, на импровизированных сценах (соединяли два грузовика), пели и танцевали при температуре ниже нуля, спали в палатках в лесу, бросив на снег ветки елок, покрытые брезентом, умывались утром на снегу, а трахеитов не было...

Как два великих праздника вошли в жизнь прорыв блокады и День Победы! Из всех наград Родины самой дорогой для меня остается медаль «За оборону Ленинграда».

Газета «Советский артист», 1985, 22 февраля

И.ИОНОВ
солист оперы

НАША СВЯТАЯ ВЕРА

Идут года незримо,
как виденья,
Их бег нам не замедлить,
не унять.
Но сердце помнит те
мгновенья,
Которых не должны мы
забывать.

Сороковые годы. Идет жестокая кровопролитная война. Все больницы и госпитали переполнены ранеными бойцами. Мы, артисты, видя тяжело раненных бойцов, прилагали все силы, чтобы уменьшить их страдания своим пением. А бойцы старались отблагодарить нас своими аплодисментами, старались, потому что не у всех были целы руки. В госпитале в Лефортове два бойца, у которых осталось по одной руке, аплодировали нам оставшимися руками. Горло сжималось при виде этих молодых, искалеченных на всю жизнь парней. Но мы пели и стремились петь как можно больше и репертуар выбирали повеселей. И это сказывалось на настроении раненых бойцов.

Артисты Большого театра, оставшиеся в Москве, почти ежедневно выступали с концертами или участвовали в спектаклях филиала, который работал, когда значительная часть коллектива была эвакуирована в г.Куйбышев.

Однажды мне пришлось выступать в концерте на военном командном пункте под Москвой. В концерте принимала участие Н.А.Обухова, которая особенно проникновенно исполняла любимую всеми русскую песню «Помню, я еще молодушкой была», покоряя и своим роскошным голосом, и душевным пением и бойцов, и своих коллег, участвовавших в концерте. Военачальники благодарили нас, артистов, за прекрасный концерт и заверили, что советские воины, не жалея своей жизни, будут сражаться за Родину и приближать день разгрома врага.

Помню, как по решению МГК ВКП(б) и приказу Главного управления театрами Комитета по делам искусств в ноябре-декабре 1942 г. я был направлен в г.Тулу в качестве руководителя бригады артистов Большого театра и МХАТа.

Здесь, в Туле, угольщики своим трудом ковали победу, и это тоже был фронт, правда, фронт трудовой. Стояли лютые морозы. Помещения, где нам приходилось работать, не отапливались. Зрители сидели, укутавшись в тулупы и шубы, а мы выступали на сцене в концертных костюмах. Пели, а изо рта пар шел, да такой, что певцы не видели слушателей. Но мы пели и... не простуживались! Слушатели принимали нас восторженно. Большой успех имели наши артисты, в том числе Татьяна Бессмертнова; помню, как горячо принимали Эллу Бочарникову, которая с блеском исполнила цыганский и венгерский танцы.

А первый раз я выезжал в этот город для художественного обслуживания Тульского гарнизона с фронтовым музыкальным театром ВТО, в котором работал до поступления в Большой театр. Мы исполняли сцены из оперы «Евгений Онегин», «Черевички», русские, советские песни и романсы. Солдаты восторженно встречали все наши выступления.

...40 лет живем мы под мирным небом. Забылись отдельные детали быта военных лет, но мы никогда не забудем тех, кто шел с нами рядом, тех, кто отдал свою жизнь за наше светлое будущее. Ежегодно 9 мая мы собираемся в ВТО, чтобы отдать дань уважения памяти погибших. И теперь, когда вновь на планете неспокойно, мы, пережившие горе и невзгоды войны, призываем всех бороться за мир, за чистое небо над нашей планетой.

Газета «Советский артист», 1985, 12 апреля

С.ХРОМЧЕНКО
солист оперы

ВЕЛИКОЕ ЕДИНЕНИЕ НАРОДА

Никогда не изгладятся из памяти те страшные и горестные дни, когда войска гитлеровской Германии, без объявления войны напавшей на нашу страну, рвались к столице нашей Родины – Москве. Весь народ по зову Коммунистической партии объединился для того, чтобы дать решительный отпор врагу.

Мы знали, что предстоит длительная борьба, ибо вероломный враг был силен. Он долго готовился к этой войне, вооружался, всячески маскируя свои действия. Сейчас, вспоминая военные годы, читая многочисленные воспоминания наших полководцев, военачальников, конструкторов, мы понимаем, какую титаническую работу проводил советский народ в холоде и недоедании, в тяжелейших боях, готовясь к контрнаступлению. Это был яркий пример массового героизма, какого не знала история человечества за все время своего существования. Мы были свидетелями того, какие нечеловеческие усилия совершали люди, чтобы наша армия не испытывала недостатка в военном снаряжении, обмундировании, питании, медицинском обслуживании. Ведь без этих необходимых компонентов армия не могла существовать. Под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» народ полностью обеспечил своих воинов всем необходимым.

Старались не отставать и люди искусства. Все театры, филармонии, государственные концертные организации считали себя мобилизованными на фронты войны. В Москве создавались концертные бригады, в которые входили артисты различных театров, концертных организаций, в том числе и артисты Большого театра СССР. На протяжении всех четырех лет войны деятели искусства были на передовых позициях вместе с частями Советской Армии.

16 бригад артистов Большого театра выезжало непосредственно на фронт. 1939 концертов дали они для советских воинов. А 14 мая 1945 года артисты Большого театра участвовали в концерте для победителей в здании разрушенного рейхстага. Это были – П.Селиванов, Е.Межерауп, Н.Спасовская, С.Гоциридзе, И.Лентовский, Ю.Реентович, П.Швец.

Вспоминаю позднюю очень 1941 года, когда наша концертная бригада в составе Ирмы Яунзем, Мары Дамаевой, Бориса Холфина, трио баянистов Всесоюзного радиокомитета и других, которых, к сожалению, не помню, была направлена на Вяземское и Гжатское направление. Мы прибыли в распоряжение 29-й Московской Бауманской дивизии ополчения. Была организована так называемая «концертная» сцена: опущены борта грузовой машины, из каких-то деревянных ящиков сделаны ступеньки. Моросил дождь, было уже холодно, а бойцы, в шинелях, с винтовками, сидели на мокрой пожухлой траве, прижавшись друг к другу и слушали наше выступление, невзирая на холод и моросивший дождь. И.Яунзем, выходя на «эстраду», сняла пальто и в одном концертном платье и легких туфельках начала петь. Можно представить себе, как восторженно принимали певицу слушатели, благодаря ее не только за исполнение, но и за уважение к ним, проявленное самим концертным костюмом. И я вышел в обычном концертном костюме. Ирму Петровну и меня бойцы просили спеть знакомые произведения, мы слышали их радостные восклицания: «Концерт как в Колонном зале». Ведь москвичи-бауманцы неоднократно слышали нас в нашем красавце Колонном зале Дома союзов.

Вспоминаю выезд в Клин, к летчикам, оборонявшим Москву, большой концертной бригады, куда входили певцы и артисты балета Большого театра – Ал.Иванов, С.Головкина, Н.Нелина, А.Жук; О.Андровская и М.Яншин из МХАТа, певица Д.Пантофель-Нечецкая, пианист А.Макаров и другие. Уже после концерта мы узнали, что во время нашего выступления из зала была вызвана группа летчиков, которая тут же села в самолеты и вступила в бой с вражескими стервятниками, летевшими бомбить Москву.

Не могу не вспомнить о группе московских артистов, которые были направлены в 1941 году в конце августа – начале сентября в город Гомель. В состав этой группы входили Николай Осипов – его имя теперь носит оркестр русских народных инструментов, Дмитрий Осипов – пианист, балетная пара М.Дамаева и Б.Холфин, певец Алексей Королев; баянист, солист нашего оркестра П.Швец, я и артисты эстрады. Начальником нашей группы был нынешний заместитель директора Центрального Дома литераторов М.М.Шапиро.

По указанию военного начальства мы выехали из горевшего Гомеля и долгое время колесили по белорусским лесам, в частях нас принимали, мы давали концерты, а были случаи, когда в связи с исключительной обстановкой наши выступления не могли состояться. Через какое-то время мы оказались в Чернигове, где успели выступить в военной комендатуре, и нас отправили в Москву через Брянск по горевшим шпалам.

Трудно описать наши выступления в Москве и Куйбышеве, когда с Петром Ивановичем Селивановым мы под аккомпанемент баяна пели в госпиталях песни советских композиторов: «Землянку» Листова, «Любимый город» Соловьева-Седого, пели, переходя из одной палаты в другую. Это были концерты без аплодисментов, потому что для аплодисментов нужны руки, а перед нами лежали безрукие, а то и безногие бойцы.

Многие подробности ушли из памяти – ведь прошло столько лет. Но об одном, очень важном, хочется сейчас сказать. Советская Армия – это детище нашего народа. Еще будучи студентами консерватории, мы были связаны с Советской Армией военно-шефской работой, и в послевоенные годы не порывали этой связи. Это – наша святая обязанность, долг патриотов нашей Родины. В годы Великой Отечественной войны связи работников искусства с нашей родной армией стали еще крепче. Выступая с концертами на фронте, в госпиталях, на призывных пунктах, видя, как нуждаются воины в песне, в музыке, мы чувствовали свою причастность к борьбе с врагом, понимали, что вносим свой посильный вклад в общую Победу. А военные годы остались в нашей памяти, в наших сердцах, как годы великого единения всего советского народа, когда каждый человек старался сделать все от него зависящее, чтобы приблизить желанную Победу.

Газета «Советский артист», 1985, 11 января

Г.БЕЛЯЕВА-ЧЕЛОМБИТЬКО
искусствовед

Танцевать в Большом театре она начала в 1937 году, а когда в сорок первом грянула война, балерина посвятила свое искусство народу, поднявшемуся на борьбу с грозным нашествием. Более тысячи концертов для воинов Красной Армии дали бригады артистов во главе с молодой солисткой ГАБТа Сусанной Звягиной. В марте 1943 года первой из своих товарищей по балетной труппе театра она была удостоена высокой воинской награды – ордена Красной Звезды. За этой наградой – бес-

 счетные километры тяжелейших дорог на семи фронтах Великой Отечественной, свыше трех лет выступлений на передовой, под бомбежками, в госпиталях. Артистка выступала со своими боевыми товарищами на Кавказе, Донском, Северо-Западном и Волховском фронтах, на Северном флоте в Заполярье... Вот красноречивые «свидетели» ратного пути балерины – медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа», «За оборону Заполярья». Творчество сомкнулось с солдатским подвигом.

Сусанна ЗВЯГИНА
солистка балета

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

Трудно переоценить высочайший патриотизм, который проявили ветераны сцены Большого театра в период жестокой битвы советского народа с ненавистным фашизмом. Они не только сохранили сам театр, его кадры, репертуар, но сумели благодаря особому творческому энтузиазму, в сложных бытовых условиях эвакуации в Куйбышеве, а также в прифронтовой Москве, где героически работал филиал, создать новые прекрасные спектакли.

Как подсчитать, сколько дней и ночей проработали сиделками и санитарами мои коллеги в госпиталях, на каких весах можно взвесить их помощь в поддержании здоровья и воли раненых, какой мерой измерить их донорскую кровь, многочисленные мини-концерты в палатах тяжелобольных.

Высокую оценку Правительства и командования Советской Армии получила деятельность мастеров сцены по обслуживанию концертами бойцов и командиров на всех фронтах от Сталинграда и Москвы до Берлина, часто – в условиях передовых позиций. И завершили свои выступления мастера сцены Большого театра в побежденном Берлине, в разгромленном, поверженном здании рейхстага.

Желаю моим молодым коллегам никогда не пережить того, что выпало на долю нашего поколения и хочу поделиться воспоминаниями об одном из многих выездов нашей бригады с концертами на фронт.

* * *

В период героической обороны Сталинграда, когда полчища немецких фашистов рвались к волжской твердыне, устилая в буквальном смысле слова трупами своих солдат каждый метр нашей земли, руководимая мною бригада была направлена в Саратов, а оттуда в Ставку командования Сталинградского фронта.

...500 км на открытых грузовиках, дождь, адский холод. Обмундирования нет. Кругом пожарища, канонада, беспрерывные бомбежки. Даем концерты, как киносеансы, по 6 –7 в сутки, – для резервов, направлявшихся в Сталинград.

Следующее задание – концерты для частей 4-й армии Сталинградского фронта. Когда подъехали к месту назначения, бои уже шли на улицах Сталинграда. Последовал приказ – вернуться назад. Но бригада горела желанием продолжать работу, и командование, поверив в наше мужество, видя, как в это жестокое время мы своим искусством поддерживаем боевой дух бойцов и командиров, решило направить бригаду в армию генерала Труфанова, где борьба велась за воду, за каждый колодец. Но для этого надо было переправиться через Волгу. Сейчас

трудно даже поверить, что это был не сон и что мы благополучно прибыли на командный пункт – ведь Волга кипела и обливала нас ледяной водой от ежеминутных взрывов.

Невозможность вывода бойцов на отдых с передовой, кругом бескрайняя калмыцкая степь. Переезды ночью и только на рассвете. Работаем, то есть выступаем, в непосредственной близости от противника – зрители в окопах и блиндажах.

В землянку вошел командир дивизии генерал Калинин – высокий, статный, но с очень хмурым лицом. Увидев бригаду, он одарил нас счастливой улыбкой и откровенно признался, что возражал против «таких» гостей. Но тут же попросил встать в 4 часа утра, чтобы начать концерт на передовой не позже 5-ти.

Надев поверх костюмов черные стеганые ватники, на хорошо замаскированном небольшом автобусике мы медленно приблизились к крохотному лесочку, а он оказался... мазанкой. Неподалеку от нее в просторной землянке расположилась полевая кухня, от которой воздух доносил невыносимо вкусный запах пищи. У входа в землянку стоял бравый солдат Никита, поверх формы одетый в белоснежный фартук, а вместо пилотки – поварской колпак. Можно было только удивляться, как здесь, где каждый литр воды на вес золота, Никита был так безукоризненно чист. Громким басом приветствуя нас, он пообещал угостить вкусным обедом. Но увы... судьба распорядилась иначе.

От кухни начинались длинные дороги окопов. Двигались по ним, как будто под конвоем, солдаты перемещали нас по несколько человек. На подступах к блиндажу нас пропустили вперед одних. Блиндаж заполнили зрители, плотно прижавшиеся друг к другу. В итоге наш «зрительный зал» стал похож на селедочную бочку. Над землей остались только головы. Сценой служила песчаная площадка над блиндажом.

«Можно начинать, – как-то по особенному взволнованно прозвучали слова командира роты. – Только, пожалуйста, не снимайте ватников, ведь вы и так там наверху будете просматриваться на большое расстояние...особенно вы в яркой цыганской юбке», – обратился он ко мне.

Концерт начался, восторженно реагировали наши зрители, но больше кричали «браво» или подпрыгивали – аплодировать было неудобно. А артисты, поочередно подсаживаемые многими руками, вылезали из блиндажа на простор и с наслаждением читали стихи, пели, танцевали. В блиндаж не спускался только баянист. Концерт шел к концу. Не успел закончить свое выступление лишь вокальный квартет: появился вражеский самолет-разведчик. Попытка командования увести нас в автобус в безопасную зону не удалась. Было поздно, начался минометный обстрел, и прозвучала команда: «Врассыпную, на землю!»

И когда болтуны-хвастуны говорят, что на фронте не так уж и страшно, – это абсурдное вранье. Ох, как страшно, по-животному страшно, и мы это ощутили сами, когда при жутком свисте мин хотелось вгрызться в землю. По неопытности тогда мы еще не знали, что когда свист слышен, значит, мимо – перелет. Одной из мин была взорвана полевая кухня. Как же после окончания обстрела, не стесняясь нас, горько плакал во весь голос Никита, сам уцелевший буквально чудом, проклиная немцев и сетуя, что теперь много часов ему нечем будет кормить бойцов. А мы? Мы тоже горько сетовали на врага за пережитое и за то, что наши новые черные стеганые ватники стали похожими на хлопковые коконы – так они были изодраны осколками. Но нас, к счастью, Бог миловал. Все остались живы. Задание командования было выполнено. Главным в этом задании оказался не

 сам концерт: главным, как говорилось в сообщении генерала Калинина в штаб командования фронта, было то, что наконец-то благодаря концерту они смогли точно установить расположение врага.

Несмотря на перевязанные у многих пальцы рук, из-за в кровь изодранных ногтей, ссадин и заклеек на лицах, из-под которых просачивалась кровь, в этот день и вечер наши последующие выступления состоялись с такой особой реакцией бойцов, что об этом и не расскажешь. Не обошлось наше боевое крещение и без анекдота: через «языка» генерал Калинин узнал, что немцы сообщили в Ставку о появлении на этом участке фронта советской морской пехоты и просили незамедлительного подкрепления. Долго разгадывали эту загадку наши командиры. Спустя много дней, уже на подступах к Ростову, наша бригада узнала, что именно мы, а вернее, наши черные ватники, были приняты фашистами за морские бушлаты и вызвали переполох.

В предрассветной мгле стали вырисовываться сначала вздыбленные мосты Ростова, затем взорванные многочисленные коробки зданий. Нескончаемый «поезд» грузовиков с воинами, в одном из которых находилась наша бригада, через понтонный мост въезжал в город. Ехали строго по указателям, так как Ростов был заминирован. По пути нас сопровождал смрадный туман. Наш грузовик прибыл на территорию гражданского аэропорта, где не все немецкие летчики успели вылететь и рядом с разбитыми самолетами находились совсем целые машины со свастикой, черными пиковыми тузами, а то и с эдельвейсами на крыльях.

Остановились мы среди длинной вереницы бараков, слева от которых тянулись длинные прогоны колючей проволоки. За ней и даже на ней дотлевали обгоревшие трупы советских людей. То был лагерь военнопленных, где содержалось более 1200 человек. Несмотря на паническое бегство, фашисты все же успели сотворить свое чудовищное злодейство. Ощущение тошноты и головокружения было прервано громким голосом и резко заданным вопросом, обращенным ко мне: «Через сколько минут вы можете начать концерт? Один из бараков полностью разминирован, даже выметен. Окна забивать нельзя – будет темно. Электричества, как вы понимаете, быть не может, идет наступление на Новочеркасск. Думаю, не замерзнете – народу будет много, надышат».

В этой трудной обстановке невыносимо было преодолеть недомогание, тем более собраться творчески. И все же через час мы предстали перед нашими зрителями – героями-летчиками, освободившими Ростов и совершающими непрерывные полеты по пути наступления нашей Армии. Путь их лежал на Новочеркасск.

Переодевшись в заботливо поставленной для нас палатке, где горела чаша с каким-то пахучим салом, мы заглянули в заднюю дверь барака и увидели в первых рядах странно выглядевших зрителей: летная форма как форма, а головы представляли собой подобие сегодняшних шлемов космонавтов. Потом разглядели, что это белоснежные бинты и забинтованы не только головы, но и лица, с прорезями лишь для глаз и рта. А еще более странным казалось их непрерывное покачивание. На наше недоумение последовал ответ: «Это только что обгоревшие при задании летчики, которые категорически отказались от медсанбата, считая, что искусство будет лучшим лекарством, чем медицина, от их мучительной боли».

За этим концертом последовали десятки новых в постепенно оживающем Ростове, а после Ростова на пути стремительного наступления нашей Армии на всем фронте.

Совершенно незабываемой останется ночь 18 марта 1943 года, проведенная в Нахичевани, когда в кошмарную, ужасную бомбардировку в нашем небольшом крестьянском домике раздался громкий стук в дверь и мы услышали требовательный голос: «Где вы там?» Вслед за этим в хибару буквально ввалился генерал-полковник Пронин – начальник Главного Политического Управления Советской Армии со своими спутниками. Выставив нас в одну шеренгу, он торжественно прочитал приказ Правительства о награждении бригады боевыми орденами и медалями. Так у меня на гимнастерке появился орден Красной Звезды. Бомбардировка продолжалась и невольно думалось: доведется ли нам поносить эти драгоценные награды? Судьба отсчитывала уже вторую тысячу концертов.

В Новочеркасске командование, оценив по достоинству нашу работу, предоставило нам самолет для перелета в Москву, понимая, что отдых нам был жизненно необходим.

Лететь пришлось в маленьком самолете с двумя продувными оконцами, в которые были вставлены орудия на случай столкновения с самолетами врага. Поначалу самолет шел на бреющем полете – так было безопаснее и не так холодно. А вот когда благополучно миновав опасную зону, он набрал высоту, мы начали замерзать. И как! Было ощущение, что замерзли не только руки, ноги, лицо, но и все внутренности. Результатом такого перелета было «прямое попадание» на Пироговку, в госпиталь, где мне разрезали сапоги, так как ноги превратились в замороженные тумбы.

Этим закончилась незабываемая жизнь, жизнь, как мне и по сей день кажется, на самом героическом фронте – Сталинградском.

Расчеты командования на то, что мы снова вернемся, не оправдались. После передышки наш путь лежал уже на Северный флот.

Газета «Большой театр», 1994, 5 мая

А.СОЛОДОВНИКОВ

ГРАНИ ДАРОВАНИЯ

Об О.В.Лепешинской

Перед нами документ, которым по праву можно гордиться. На плотном листе писчей бумаги, видимо, средствами фронтовой типографии, напечатано:

«Заслуженной артистке республики

Ольге Васильевне ЛЕПЕШИНСКОЙ.

Военный совет и Политическое управление Степного фронта выражает Вам глубокую благодарность за участие в концертах для частей Действующей Красной Армии и населения освобожденного от немецких захватчиков гор. Харькова.

Рядовой, сержантский, офицерский состав и генералы фронта восхищены высоким художественным мастерством Ваших творческих выступлений и всегда рады видеть и слышать Вас на фронте.

Искренне желаем Вам новых успехов в развитии нашей прекрасной советской культуры!

Командующий войсками Степного фронта генерал Армии И.Конев.
Член Военного совета Степного фронта генерал-лейтенант И.Сусайков.
Начальник Политического управления Степного фронта генерал-майор А.Тевченков.
1 сентября 1943г. Действующая армия».

Лепешинская вместе с другими артистами выступила в частях Степного фронта сразу после завершения знаменитой битвы на Курской дуге, окончательно предопределившей исход войны. Войска Степного фронта освободили Харьков 23 августа 1943 года. Еще гремели залпы артиллерии в окрестностях города, с ревом неслись на запад самолеты наступающей Красной Армии, а жизнь уже входила в свою колею, и в этом деле немалую роль сыграли концерты советских артистов.

Примечательно в тексте благодарности слово «слышать». Лепешинская помогала людям выстоять в войне и танцем, и словом. Танец, полный огня и вдохновения, поднимал настроение бойцов. А из кратких слов приветствия воины узнавали о настроении тыла, готового все отдать для помощи фронту.

В разгар Сталинградского сражения 31 августа 1942 года в Куйбышеве Ольга Васильевна дает свой первый сольный концерт, сбор от которого поступил в фонд обороны. Такой же концерт повторяется 16 ноября 1942 года в Москве, на сцене филиала Большого театра, а 29 марта 1943 года – концерт в фонд средств на создание танковой колонны «Советский актер».

Так, без устали, с полной отдачей творческих сил балерина на протяжении всех трудных лет войны проводит один концерт за другим. Площадка грузовика, поляна в лесу, палата в госпитале, сцена театра – везде Лепешинская со своими партнерами старалась выступать как можно лучше, не считаясь с условиями, помня о главном.

Концертная деятельность Лепешинской началась рано, практически сразу после окончания Хореографического училища. Побудительных мотивов к этому было несколько: в период, когда балетный театр увлекался сюжетами литературной классики, концертные номера позволяли молодой балерине быстрее откликаться «на злобу дня», поскольку ее дарование, весь склад характера настойчиво требовали танца, который передавал бы атмосферу времени, его стремительный бег. Так родились виртуозные вальсы на музыку Либлинга и Мошковского, исполнялись также дуэты из балетных спектаклей. Партнерами ее в 30-х годах чаще всего бывали Ермолаев, Габович, Гусев, Мессерер.

В военное время хотелось в танце отразить непосредственно схватки с противником. Балетмейстер Р.В.Захаров пошел навстречу этому желанию балерины, и на народную мелодию «Молдаванеску» он поставил номер, в котором плененная девушка сражалась с захватившим ее фашистским воякой. Все на стороне «фрица» – и сила, и оружие, и жестокость. Но девушка не сдается. Танец кончался эффектным финалом: улучив момент, она выхватывала из-за пояса противника гранату и обращала «фрица» в бегство, бросая гранату ему вслед. А сама, сорвав красную косынку, поднимала ее как знамя Победы и в танце исчезала за кулисой. Задора здесь было больше, пожалуй, чем художественной правды: плясовая мелодия не очень соответствовала суровости сюжета. Но надо вспомнить тяжкое лето 1942 года, разгар наступления немецко-фашистских войск на Сталинград и Северный Кавказ, чтобы понять впечатление, которое производил этот незатейливый балетный номер на публику. В нем была и надежда на победу, и жажда ее, и как бы предвидение дальнейшего развития событий.

Лукавая улыбчивость, комедийное развитие сюжета составляли содержание номера «Русская песня», поставленного молодыми балетмейстерами (А.И.Радунский, Н.М.Попко, Л.А.Поспехин) на известную мелодию В.Г.Захарова «И кто его знает». В характерных танцевальных движениях раскрываются от-

ношения нетерпеливой невесты, жаждущей поцелуя, и застенчивого жениха, боящегося столь решительного шага. Две тонкие косички да угол по-деревенски повязанного цветастого платка Лепешинской дергались в такт притоптывающим ботинкам с ушками.

Настроения невесты менялись ежесекундно. В широко раскрытых глазах – радость, надежда, удивление, разочарование и, наконец, гнев. И всем этим эмоциям соответствовал перепляс в русском стиле, то задорный, то сердитый. «Жених» – П.Гусев тоже мастерски вел свою партию. Так и не решившись на поцелуй, он скромно удалялся, оставив в подарок невесте платочек. А она отдергивала в глубине сцены занавеску, которая скрывала десяток платочков, подаренных ранее, и со вздохом присоединяла к ним одиннадцатый. Номер переключал мысли и эмоции зрителей совсем в другую сферу – в сферу милой наивности мирной жизни. И перипетии молодого чувства любви нужны были зрителям той поры не менее, чем сцена схватки с противником.

Неудивительно, что большинство концертных программ Лепешинской было создано в страдное военное время. Силу и размах ее концертным поискам давало особое чувство мобилизованности, пришедшее вместе с войной, жажда отдать все свое умение стране, людям – и здоровым, и раненным. Выступать приходилось иногда в действующих частях, иногда в госпитале, а порою – в дальних уголках страны, где зрители почти не имели представления о балете.

А.Солодовников. Ольга Лепешинская. М., «Искусство», 1983

Ф.ДУСОВИЧ
артист оркестра

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В июне 1942 года в Москве была сформирована концертная бригада Большого театра (бригадир – С.Звягина) для обслуживания Северо-Западного фронта. В состав бригады вошли солисты оперы: Я.Енакиев (тенор), Г.Воробьев (баритон), О.Седых (сопрано); солисты балета С.Звягина и В.Хрусталев; квартет в составе Я.Шухмана, В.Карцева (скрипка), Ф.Дусовича (альт) и Л.Вайнрота (виолончель), а также артистка Москонцерта С.Магдесян.

Первый наш концерт состоялся в Кремлевском клубе для бойцов и офицеров Кремля. Мы очень волновались, но принимали нас хорошо, концерт прошел с большим успехом, и это убедило нас в том, что программа подобрана удачно. Когда мы отправлялись на фронт, настроение у всех было приподнятое, бодрое, мы понимали, чувствовали, что наши выступления нужны бойцам Красной Армии.

Первую остановку сделали в г.Валдае. Там уже знали, что приехала концертная бригада Большого театра, и каждая часть, бригада, корпус нас с нетерпением ждали. Мы старались давать как можно больше концертов, и нас слушали танкисты, летчики, артиллеристы; проходили концерты в госпиталях для раненых. Бригада стремилась обслужить как можно больше бойцов и командиров Северо-Западного фронта.

Почти после каждого концерта проходили митинги, где звучали слова благодарности в адрес Большого театра и всех участников концерта. В ответ мы желали бойцам скорой победы и полного разгрома фашистских войск. Так торжественно заканчивались все наши концерты.

Мы переезжали из одной части в другую на грузовике, а там, где началось бездорожье, – на лошадях. Кузов грузовика часто служил нам и эстрадой. Выступали мы и на больших полянах, где нас одновременно могли слушать очень много солдат и офицеров. Концерты проходили вблизи от линии фронта. Вспоминаю, как однажды сразу после концерта два бойца возвратились из-за линии фронта, захватив «языка». Эту сложную и удачную операцию они посвятили Большому театру.

По пути из одной части в другую мы встречали множество разрушенных деревень, видели заминированные поля с дощечками, на которых было написано: «Опасно, мины, фугасы». Как-то вечером, возвращаясь после концерта на базу, в темноте мы чуть не наскочили на мины, но в итоге все обошлось благополучно. Помню и такой случай: мы приехали в артиллерийскую часть, нас приветливо встретил молодой полковник и с гордостью сказал, что специально для нашего концерта солдаты построили настоящую эстраду. Начался концерт. С.Магдесян читала стихотворение К.Симонова «Сын артиллериста», и каждый раз, когда она произносила слово «огонь», совсем рядом раздавался оглушительный пушечный выстрел. Она была страшно перепугана, но дочитала до конца. Оказалось, что полковник при слове «огонь» по телефону давал аналогичную команду артиллеристам, а после мы увидели тщательно замаскированную рядом в лесочке батарею. В честь Большого театра батарея еще несколько раз выстрелила по врагу. Залпы гаубиц были оглушительны. Так бойцы и офицеры благодарили нас за выступление.

Перед отъездом с фронта нас пригласило к себе командование. Много теплых слов было сказано в наш адрес и адрес Большого театра. В Москве наш отчет о поездке слушали Я.Леонтьев, С.Самосуд и В.Барсова. Они поблагодарили бригадира С.Звягину за хорошую организацию концертной работы и всех остальных участников бригады. Эта поездка была нашим маленьким вкладом в Победу.

Газета «Советский артист», 1985, 22 марта

Александр ЦАРМАН
солист балета

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

В первые годы войны мне не довелось близко соприкоснуться с фронтовой обстановкой переднего края, и я лишь с глубоким волнением слушал рассказы артистов балета Сусанны Звягиной, Натальи Спасовской, Бориса Холфина о той атмосфере, в которой проходили их выступления в действующей армии. Но вот в ноябре 1944 года Большой театр совместно с Московской филармонией по заданию командования Второго Прибалтийского фронта организовал артистическую бригаду для культурного обслуживания частей и подразделений действующей армии. В ее состав вошли певица Елена Кругликова, солисты балета Ирина Тихомирнова, Елена Чикваидзе, Сергей Корень, автор этих строк, чтец Эммануил Каминка, пианисты Нина Емельянова, Борис Мандрус.

Трудно описать, какими волнующими и радостными были для нас недолгие сборы. И вот в один из осенних дней мы поздно вечером выехали поездом по направлению к Риге, вокруг которой шли ожесточенные бои. В окно вагона мы видели страшную картину разрушений: обуглившиеся здания железнодорожных станций, остовы обгоревших танков и бронемашин... Поезд, словно ощупью, ос-

торожно двигался вперед, туда, где еще продолжалась великая битва. Все чаще делались вынужденные остановки – то затор впереди, то путь не в порядке. А один раз по тревоге даже пришлось срочно покинуть поезд и укрыться в ближайшем перелеске. Но по счастливой для нас случайности вражеские самолеты сбросили свой смертоносный груз где-то впереди. Все сильнее ощущалось приближение линии фронта.

Наконец, уже на территории Латвии, мы пересели в небольшой штабной автобус, который направился в расположение одной из воинских частей. Только вечером мы добрались до большого соснового бора, где нас с нетерпением ждали.

...Начался концерт. Все мы выступали с особым подъемом. Однако в середине концертной программы к руководителю нашей бригады С.Евелинову подошел какой-то военный и взволнованно приказал прекратить концерт, а артистам срочно покинуть лес: данный квадрат находился под вражеским обстрелом. Поляна быстро опустела. Зашумели моторы, откуда-то из-за кустов, лязгая гусеницами, выползли наши знаменитые танки «Т-34», а нас быстро посадили в автобус и вывезли из леса.

Ночь мы провели в походной палатке, а затем отправились по разбитому шоссе в Ригу, только что освобожденную нашими войсками. Въехав в столицу Латвии, мы тотчас ощутили атмосферу недавнего боя. На улицах было полно битого стекла, многие здания еще дымились, подожженные снарядами, а на закопченных стенах висели плакаты: «Проверено! Мин нет!» Или, наоборот: «Осторожно, мины!» На перекрестках стояли указатели с надписями: «Хозяйство Булгакова», «Хозяйство Комарова»...

Как выяснилось, оперный театр фашисты заминировали, и потому решено было дать нам возможность передохнуть в гостинице, где мы были единственными ее обитателями. Однако ни света, ни воды не было, комнаты не запирались. Но усталость взяла свое, и мы проспали до вечера. А вечером на трех легковых машинах отправились в путь, поближе к передовой. За десять дней наша бригада исколесила всю Латвию, и везде нас ждал теплый, сердечный прием зрителей. Наша программа состояла из разных концертных номеров. Так я, например, танцевал с Тихомирновой па де де из балета «Дон Кихот» или «Вальс» И.Штрауса, иногда моя партнерша исполняла на пальцах «Русский танец» на музыку П.И.Чайковского. С.Корень танцевал свои испанские танцы, а Е.Чикваидзе всегда имела успех после классической «Лезгинки». Это был поистине уникальный зритель, тонко чувствующий и воспринимающий искусство! А когда, закончив свои выступления на передовой, мы вновь вернулись в Ригу, на фасаде здания оперного театра уже висела надпись: «Разминировано!» И здесь, на большой сцене, мы дали наш заключительный концерт.

Недавно мастера Большого театра побывали на гастролях в Риге, и я, уже в качестве режиссера, ведущего спектакль, вновь оказался на сцене Театра оперы и балета Латвийской ССР. Ожили воспоминания сорокалетней давности. Перед глазами, словно кадры документального кино, пронеслись события фронтовых лет, незабываемые дни освобождения нашей Родины от фашистской нечисти и те волнующие моменты собственной биографии, когда мы, артисты балета, в меру своих сил несли наше искусство воинам нашей армии, скрашивая их суровые военные будни.

Журнал «Советский балет», 1985, № 3

Юрий БАХРУШИН
историк балета

НАШИ БАЛЕТНЫЕ БРИГАДЫ

Каждый советский человек всегда будет помнить, где он был и что делал в двенадцать часов дня 22 июня 1941 года. В этот воскресный день в Москве и Ленинграде были назначены очередные балетные спектакли. В обычное время артисты пришли в театр, и зрительные залы филиала Большого театра (сам Большой театр был закрыт на ремонт) и Театр имени Кирова наполнились публикой. Хотя спектакли и шли своим чередом, но мысли всех были с теми, кто на дальних рубежах уже вел героическую борьбу с врагом. Многим артистам балета в этот вечер казалось, что их искусство стало ненужным, несвоевременным. Между тем уже во время спектаклей стало известно, что очень скоро будут организованы концертные бригады, которые станут обслуживать воинские части.

На долю первых, еще неопытных и робких фронтовых бригад выпал самый суровый период войны. Приказ о выезде бригады приходил всегда внезапно. Станция назначения давалась обычно ориентировочно, и, как правило, до нее не доезжали. Армия отступала. Приехав на место назначения, приходилось наскоро одеваться, гримироваться, выступать и спешить назад, нередко вместе с частью. Выступали, где придется, - на траве, на помосте из бревен, на грузовиках, а глубокой осенью даже на снегу. Были случаи, когда артистам «на всякий случай» выдавали оружие.

В августе 1941 года с Брянского вокзала в Гомель отправлялась бригада Большого театра. В ее составе был артист Большого театра Б.Холфин. Вот его рассказ: «Обслуживая по дороге встречные эшелоны, мы прибыли в Гомель через двое суток. В ночь с 13 на 14 августа немцы обрушились на город своей авиацией. Мы потеряли связь со штабом фронта. Блуждая на машине в районе новозыбковских лесов в поисках штаба, мы не прекращали работу. Вот танковая дивизия. Принимают нас как лучших друзей. На небольшой полянке около наскоро вырытой щели (куда во время концерта приходилось неоднократно укрываться от обстрелов и бомбежки) шел наш концерт. По окончании – краткий митинг. Потом опять тревога, опять срочный приказ о снятии части, а мы уже у конников, у пехотинцев, у саперов. Решаем двигаться вдоль железной дороги Гомель – Брянск, тем же путем, как приехали, не подозревая того, что немцы перерезали эту дорогу. В районе Злынки нас окружил наш же истребительный отряд, приняв за диверсантов. Эта встреча нас во многом выручила. Она и натолкнула на след штаба. Там нам объяснили всю обстановку и приказали пробираться в Москву. На Черниговском тракте ночью нашему взору предстала страшная картина: грандиозное зарево пожара. Это горел Гомель».

Танцовщица Большого театра Елена Бочарникова писала в своем дневнике: «На Западном фронте, обслуживая авиачасти, нам пришлось выступать при сильном дожде. Каково было наше изумление, когда мы увидели приготовленную сцену и зрительный зал. Под крылом одного бомбардировщика была поставлена грузовая машина, борта которой держались на авиабомбах. Вся сцена была декорирована коврами, проведено электричество! Наши летчики с большим вниманием прослушали концерт. В своем приветствии артистам они заявили, что с большим удовлетворением сбросят бомбы, на которых мы выступали, на голову врагам. Через несколько дней нам сообщили, что ими это было выполнено.

В гвардейской дивизии нам пришлось выступать в разрушенной конюшне. Здесь саперы сделали небольшую сцену, провели электричество, и, несмотря на февральский мороз, артисты в нарядных костюмах с большим подъемом дали концерт. На следующий день мы выступали на открытом воздухе, сценой служило крыльцо дома, освещением были фары грузовых машин.

Однажды, когда наше выступление должно было состояться в одном километре от места боя за населенный пункт, мы увидели наскоро сооруженную палатку, внутри которой был написан большими буквами плакат: «Фронтовой привет работникам искусств». Сколько было случаев, когда воинские части «похищали» бригады. При переезде или переходе артистов из части в часть неожиданно «ломалась» машина и, в ожидании починки, бригаде предлагалось дать концерт в частях, не предусмотренных расписанием командования. Иной раз «ремонт» транспорта длился несколько дней. Естественно, после этого следовал по телефону нагоняй самоуправцам от командующего армией или корпуса, который кончался тем, что генерал, бросив трубку, разражался смехом и откровенно замечал: «Собственно говоря, на их месте я поступил бы так же!»

Подобные случаи вошли в правило, и против них стали принимать меры сами бойцы. Е.Бочарникова пишет в своем дневнике: «К вечеру приезжаем к танкистам, которые ждут нас уже третий день, и, куда бы мы ни ехали, за нами следует их машина. «Чтобы не перехватил вас кто-нибудь», - так, смущенно улыбаясь, сказал нам водитель».

Артист театра имени К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко Александр Томский занес в свою записную книжку: «Условия, особенно в июле, были невероятно тяжелые: выступали все время под проливным дождем. Подъезжаем на машине к какой-нибудь части. Люди сидят на мокрой земле, ждут концерта, им наплевать на дождь. У кого из нас повернется язык сказать, что мы выступать не будем?! Особое место занимает аккордеонистка: она садится в кабину под крышей, (мы дрожали над аккордеоном – беда, если с ним что-нибудь случится, тогда мы погибли), иногда мы сажаем ее на пенек и держим над ней плащ-палатку. А исполнители выбегают на дождь, выступают и обратно прячутся в машину. Танцуют на траве, в грязи, падают, встают, танцуют дальше... Едем в авиаподразделение, где командиром Герой Советского Союза Байдуков. Концерт для офицерского состава. Присутствует сам Байдуков. Говорит: «Жалко, моих ребят нельзя обслужить. Они с утра до ночи заняты – с шести часов утра и дотемна!» Мы говорим: «Пожалуйста, давайте до шести!» - «Неужели встанете?» - «Встанем!» На следующий день мы поднялись в четыре часа, в пять часов были на аэродроме и тут, около самых машин, выступили. Кончился концерт, зрители разостлали на траве карту, все с планшетами, записали задание, сели в машины и вылетели на операцию».

Возвращаясь в Москву, рассказывали порой и о комических приключениях. Артист балета Большого театра Н.Соколов записал в своем дневнике такую историю: «К полудню въехали в город Острув-Мазовецки, накануне взятый нашими войсками. Пронеслись через город, взяли, как нам казалось, нужное направление и выехали на северо-западную окраину. Быстро проскочили с нашим лихим шофером ту часть дороги, на которой еще были указатели о разминировании. Постепенно дорога теряла свой мало-мальски проезжий вид. Майор, нас сопровождавший, сидел рядом с шофером с развернутой картой в руке. Едем все дальше, кончились все признаки пребывания наших саперов, в душу закрадывается со-

 мнение. Наконец дорога уже совершенно перестала существовать. В стороне видим деревню – это как раз то, куда нам нужно, - Гронды. Сворачиваем с дороги и въезжаем в нее с чувством облегчения. Но что это? В деревне ни души. Догорают отдельные строения, валяются трупы немцев и лошадей. После некоторого раздумья решаем вернуться обратно и запастись более верными сведениями. Это нас и спасло. Когда мы подъезжали на обратном пути к первой линии наших окопов, увидели бегущих к нам бойцов с офицером во главе. «Откуда машина на передовой? Что за черт?!» Объясняем, как и что. «Ну, поздравляем вас. Побывали у черта в пекле. Дальше нет наших укреплений. Вы покатались на «ничейной» земле. Проехали бы немного дальше – объяснения пришлось бы давать уже немцам...» Лишь через день наша армия взяла Гронды. Так мы и прослыли среди бойцов «бригадой, взявшей населенный пункт на день раньше, чем туда вошли наши войска».

Журнал «Театр», 1970, № 5

М.ДАМАЕВА
артистка балета

МОЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Память – моя записная книжка о фронтовой жизни. Прошло два десятка лет со дня окончания войны – срок немалый, но время бессильно сгладить в памяти те события, которые воочию довелось мне увидеть, людей, с которыми приходилось встречаться на фронтовых дорогах. Я не совершала опасных рейдов в тыл врага и не стреляла из винтовки по противнику – я была всего лишь участницей фронтовых концертных бригад. И все же я испытываю чувство гордости за то, что крупица и моего труда внесена в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

...Враг был у самой Москвы, бои велись за каждый метр земли. Искалеченная и израненная, земля русская ни на минуту не отдыхала от грохота взрывов и повизгиваний пуль да осколков снарядов. В такое вот время с артистом Б.Холфиным мы приехали в одну из войсковых частей. Начало концерта явно затягивалось – наши зрители отражали натиск гитлеровцев, а мы вынуждены были отсиживаться на командном пункте. Вдруг входит какой-то командир и сразу же – к телефону. В нашем присутствии он стал давать коррективы о ведении боя в близлежащей деревне. Взглянув на нас, штатских, и узнав, что мы артисты, командир сказал: «От наших артистов нет тайн, они же воины искусства». Такое доверие обязывало ко многому.

После окончания боя в импровизированном «храме искусства» - просторной деревенской избе – состоялся наш концерт. Вот они, наши долгожданные зрители в видавших виды прокопченных гимнастерках, усталые и измученные, еще живущие событиями недавнего боя. Но до чего же удивительно устроен русский человек: при первых же аккордах музыки усталости как и не бывало.

...В другой раз нам пришлось выступать в прифронтовом населенном пункте. Дом под клуб нашли сразу, но как оборудовать сцену, ведь нужно хоть какое-нибудь возвышение. Из особого уважения к артистам балета, уважения до наивности трогательного, бойцы выложили сцену матрацами. Делать хоть какие-либо движения на такой зыблющейся «сцене», конечно, было невозможно, и я не могу сейчас без юмора вспомнить наш танец «Полянку». «Полянка», признаться, больше напоминала передвижение по топкому болоту двух заблудившихся путников.

...На Ленинградском фронте нам посчастливилось прибыть в одно войсковое соединение в торжественное время награждения воинов, наиболее отличившихся в боях. После награждения состоялся концерт самодеятельности, в котором приняли участие и мы. Живописней сцены и декораций к концерту трудно придумать: лес, поляна, кочки и небо иссиня-голубое. Номер сменялся номером. И вдруг кто-то из командиров, озорно захлопав в ладоши, попросил баяниста сыграть «Лезгинку» и предложил мне поддержать его... Картина была впечатляющая: командир танцует с балериной. Бойцы ожили, не жалели ладоней и до хрипоты выкрикивали: «Асса!». А когда мы кончили танцевать, бурные аплодисменты долго будили тишину леса.

Не было для меня зрителя благодарнее, нежели славные защитники нашей Родины, отважные и стойкие, простые и сердечные. Я не знаю их имен и фамилий, но и сейчас живо вижу перед собой их лица.

Разве забыть мне милое, почти детское лицо одной девушки, которая после концерта несмело подошла к нам и, волнуясь, заговорила со мной об искусстве. Ей очень хотелось стать балериной. «Вот закончится война, обязательно пойду учиться», - сказала она на прощанье.

А через два дня я увидела ее в глубоком бездыханном сне. Один из командиров рассказал, что это юное создание – настоящая героиня, что она много раз ходила в тыл врага и каждый раз возвращалась с очень ценными сведениями о численности противника и его технике. Она погибла от рук фашистских убийц. В части ее звали «наша Люба».

Глядя сейчас на талантливую молодежь, пришедшую нам на смену, я думаю, что среди них могла бы быть и бесстрашная юная разведчица Люба, жизнь которой оборвала война.

И я горжусь тем, что сегодняшний работник искусства по-прежнему остается на боевом посту, отстаивая своим искусством дело мира.

Газета «Советский артист», 1965, 7 мая

ДЛЯ ВОИНОВ ВО ИМЯ МИРА

Это было 37 лет назад.

Весной 1945 года наступление советских войск перешагнуло границы СССР. Вместе с армией в разрушенную Варшаву прибыли и мы, группа советских артистов. Концерты наши проходили в разрушенных зданиях и просто на полянках. Войска двигались стремительно, переезды были длительные. Картины вокруг были ужасающие – руины, лагеря смерти. И, наконец, Германия, та самая фашистская Германия, злобу на которую копили мы в тяжелые ночи в Подмосковье, на Волховском и Брянском фронтах. Но эта злоба куда-то исчезла. Может быть, ее вытеснили ощущение близкой победы или полные трагизма лица немецких женщин и голодные глаза немецких ребятишек. А меня все время не покидала мысль: как случилось, что страна, давшая миру величайших гениев культуры, колыбель высочайших философских теорий и тех социальных идей, которые наследовал великий Ленин, как случилось, что такая страна позволила укрепиться и развиться фашизму – этой гнуснейшей человеконенавистнической идеологии!

Наши последние выступления проходили в поверженном Берлине. На другой день после победы мы дали девять концертов. Воодушевление было столь

 велико, что мы не чувствовали усталости. И в зале сияли совсем юные, будто не познавшие нечеловеческих тягот войны, лица наших солдат и офицеров.

А потом был эшелон победителей, эшелон этот спешил в Москву на парад победителей; герои только что закончившейся войны, прошедшие с боями от Москвы до Берлина, были удостоены чести участвовать в этом параде. В последнем вагоне ехала и наша фронтовая бригада, в которую входили артисты Большого театра: Галина Матросова, Борис Реентович.

И сегодня – я свято верю в это – наше советское искусство, его славные представители сделают все для того, чтобы каждый музыкант и поэт реально ощущали себя бойцами, рядовыми великой армии нашей страны, борющейся за мир и справедливость во всем мире.

Газета «Советский артист», 1982, 7 мая

Анна КУЗНЕЦОВА
солистка оперы

ФРОНТ ПРОХОДИЛ ЧЕРЕЗ СЦЕНУ БОЛЬШОГО...

Около землянки остановился «виллис», робко просигналил. Через минуту в узкую дверь протиснулся широченный в плечах лейтенант, звонко прокричал:

- Товарищи артисты Большого театра, я за вами. У нас с утра полное затишье. Едемте к нам!

Я осмотрелась вокруг. «Товарищи артисты» спали: кто прямо на расстеленном по полу тулупе, кто на раскладушке... Все в концертных костюмах. Особенно необычным для серого колорита землянки выглядел черный смокинг Г.Пасечника. Тенор лежал свернувшись на солдатском сундучке с зажатыми в руках нотами и похрапывал очень тихо.

Через десять минут, памятуя о всяких неожиданностях фронтовой обстановки, мы все уже были готовы к отъезду.

- По коням! – закричал тот же лейтенант, прибывший делегатом из расположения соседнего полка.

И так каждый день. Выступали то на тыловых оборонительных рубежах, то почти на передовой. Нас всего бывало в концертной бригаде Большого театра человек по десять – двенадцать, но даже вся тяжесть осенних дней сорок первого года не могла отнять радость, которую давали нам восторженные слушатели – бойцы Красной Армии. Они защищали столицу, мы защищали честь нашего искусства быть всегда с народом, делить его счастье и горе.

В конце октября, когда враг был «в трех шагах от Москвы», мы, оставшаяся часть труппы Большого театра (основная часть была эвакуирована в Куйбышев), получили разрешение ставить спектакли в помещении филиала. В основном – молодежь во главе с Н.Обуховой, С.Лемешевым, Е.Степановой и И.Бурлаком, окрещенными нами «могучей кучкой».

Зрители наши были в шинелях, касках, с автоматами и винтовками. По окончании спектакля вся труппа выходила на авансцену; мы желали бойцам счастья и удачи.

Реквизит и театральные костюмы у нас были более чем скромными. Я, например, пела Виолетту в опере «Травиата» в платье из тюля, подкрашенного в розовый цвет. Но усилия театральных костюмеров не пропадали даром, и платье было хоть куда.

Спектакли прерывались неоднократно. Под вой сирен, проникавший и сюда, в театр, часть зрителей шла в убежище и метро, нас упрашивали, но мы оставались: костюмы, грим – куда же идти? Ведь спектакль после отбоя продолжался с прерванного места. Предположим, Жермон – И.Бурлак спрашивал меня: «Вы ли синьора Валери?» На утвердительный ответ сообщал: «Отец Альфреда перед вами». «Вы?» - замирала я. «Да, я, к несчастью»... Вдруг: «Воздушная тревога!» А после... И.Бурлак снова пел: «Вы ли синьора Валери?» А я, занявшая свое место, отвечала: «Да, это я». И спектакль возобновлялся.

В худшем случае по тревоге лезли мы на крышу театра помогать пожарным гасить и бросать вниз, в сугробы, «зажигалки». В лучшем – собирались на сцене или в красном уголке и старались занять друг друга рассказами.

Волновали особые сведения о жизни и делах на фронте, особенно под Москвой, ну и прежде всего о наших товарищах по театру, ушедших на фронт. А их было много – 200. Колонна ополченцев – работников театра – была сформирована в первые месяцы войны. В сведениях о них было много, как казалось, невероятного, неприложимого к ним, к нашим товарищам. Например, кто-то сообщил, что художник театра С.Самохвалов один взял в плен немецкий взвод и доставил его колонной в штаб.

«Дело было так, - рассказал сам Самохвалов, - я шел больной к полковому врачу. День выдался солнечный, искрящийся снег слепил глаза. Тишина. Недвижные деревья по обеим сторонам дороги – безветрие. Вдалеке навстречу идет человек. Расстояние между нами было большое, и первой моей мыслью было спросить у встречного, по той ли дороге я иду. Но, приблизившись, увидел, что это вражеский солдат. Чувствовал я себя плохо, но вспомнил, что по уставу надо брать инициативу на себя. Едва чужой солдат услышал щелчок затвора, поднял руки». Самохвалов разоружил его и повел в полк.

- «Вена», «опера», - повторял все время солдат по дороге и мимически изображал игру на скрипке.

- Вот ведь как бывает, - заключил С.Самохвалов, - художник из Большого театра взял в плен скрипача из Венской оперы. А он все твердил: мир, мир, музыка!

В самом начале войны среди комсомольцев, первыми ушедших на фронт, был премьер балета, замечательный танцор Миша Сулханишвили. Труппа провожала его, он уверенно говорил: «Вернусь. Носы не вешать!» - и улыбался огненно, по-южному. Лучше его лезгинку никто не танцевал. И вскоре – известие о его смерти. Она была тяжелой утратой для нас, его друзей, ощутительной – для театра. А сколько таких потерь выпало на долю советского народа!

Никогда не забуду и еще одного человека.

Шел концерт. В большую брезентовую палатку, в дальнем конце которой длинный на козлах стол изображал сцену, сошлось много солдат.

Быстрой походкой к сцене, когда я кончила петь, приблизился офицер. Большие мечтательные глаза, голубые, светлые. И волосы, почти белые, зачесаны назад. Он не смотрел на меня, ни на кого. Взгляд его устремлен был вдаль. Но обратился он ко мне:

- Спойте, пожалуйста, «Белеет парус одинокий». Я очень люблю Лермонтова.

Аккордеонист кое-как подобрал мелодию, я пела, а лейтенант стоял на месте, задумчивый и ясный... Вдруг все загрохотало, забушевало, солдаты вскакивали с мест, куда-то бежали, нас снимали со стола. Верх палатки понесло невиди-

 мой волной в сторону. Крик: «Ложись!» Все упали на землю. Мы ведь не были храбрецами и то, что делали, не считали героическим.

Заночевали в этой же части. Утром, когда я вышла из землянки, увидела солдат с носилками. Идут тихо. Белые волосы человека на брезенте я узнала сразу. Только глаза были уже закрыты. Несший носилки спереди, приостановившись возле меня, сказал:

- Бомбой... - и махнул рукой сверху вниз. – А какие стихи писал наш командир! Вот надо вам тетрадочку его передать.

Но она ко мне так и не попала. Скоро мы уезжали в другую часть, а фамилию поэта я так и не спросила.

Миша Сулханишвили, этот неизвестный поэт и многие, многие другие талантливые люди пошли на защиту Родины, погибли, уверенные, что она не будет покорена фашистами.

Радостное известие о начале контрнаступления наших войск под Москвой застало нас в театре, во время спектакля. Я была в артистической уборной. Кто-то пробежал, стукнув в дверь: «Всем на сцену!»

Участники спектакля «Севильский цирюльник» уже толпятся там. Занавес поднят, и никто из артистов не поймет, в чем дело.

Директор театра М.М.Габович громко, твердо, волнуясь, зачитал сводку Информбюро. Я не помню, как уже и наши зрители оказались на сцене, обнимались, целовали нас. Дирижер А.П.Чугунов дал команду оркестру, и грянул «Интернационал».

Была теперь радость, уверенность в победе!

Не сговариваясь, все участники спектакля, и я в их числе, пошли к Кремлю, к Мавзолею. Огромные аэростаты, загораживающие ночное небо, теперь, казалось, были уже ни к чему. И мы стояли молча на древней, седой от мороза брусчатке Красной площади...

Вскоре маршрут нашей концертной бригады пролег по освобожденной земле через Нахабино, Калинин, Наро-Фоминск, Клин...

Поездка в Клин для нас была особенно манящей, желанной. С Клином нерасторжимо связано имя великого Чайковского. Его домик, рояль, крыльцо так хотелось увидеть, и мы боялись, что все сожжено, сломано, похищено.

Приехали в город на автомашинах. Немецкие надписи, выполненные основательно, аккуратно, видно, наперед и надолго, еще пестрели нахально на дверях, домах, углах улиц. Там и здесь исковерканные машины, куда-то не докатившие колеса, наспех оттащенные с дороги трупы немецких солдат, новенькие и смятые каски. И над всем этим – ликование, радость победы, на сотни ладов повторяющееся: «Москва, Москва!».

Мы сошли с машин, идем, к нам присоединяются люди, кричат: «Большой театр!» А нас – маленькая кучка. Поглядываем на нашего директора М.Габовича.

В каком-то доме или клубе нам показали гитару, висевшую на стене. На деке ее красовалась любовно выведенная надпись: «Испания». Рассказали, что ее хозяином был испанец, он часто пел, вместе с песнями своей родины и нашу «Ой ты, степь широкая», задумчиво перебирая струны. Он погиб, выйдя на фашистский танк с тремя гранатами. Теперь на грифе висел веночек из увядших полевых цветов. После войны, много позже, я часто бывала в Клину, но уже ничего не слышала об этой гитаре и ее хозяине, как он оказался в России, кем был.

К домику П.И.Чайковского мы не попали: нас увезли на другую окраину. В

ангаре авиационного полка проходило вручение гвардейского знамени. Помню, у летчика Катрича, красивого до невероятности паренька, на фюзеляже истребителя в тот день появилась 24-я звездочка. А асу было всего 20 лет. После торжества состоялся концерт, как повелось, с импровизациями: балерина танцевала с сержантом грузином, я пела «Калинку», но мне казалось, мой голос порой невозможно различить в слаженном хоре молодцеватых летчиков, подпевавших мне. Г.Пасечник вне программы спел «Нелюдимо наше море» в дуэте с рослым детиной, грудь которого украшал добрый десяток медалей. Да так, будто век пели вместе...

Нас везде ждали. В искусстве солдат находил силу, отвагу, касался мужества народа, запечатленного в замечательных песнях, танцах. И искусство наше мужало, набиралось силой солдатских сердец.

Газета «Красная звезда», 1966, 27 декабря

Н.СПАСОВСКАЯ
артистка балета

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны Большой театр СССР неоднократно посылал на фронт артистические бригады. Двенадцать раз одной из них руководила солистка балета Наталия Спасовская. Состав этой бригады иногда менялся, но Елена Межерауп, Петр Селиванов, Юлий Реентович, Серго Гоцеридзе, Наталия Спасовская, Игорь Лентовский, Петр Швец, артистка эстрады Рина Зеленая, артисты Театра сатиры Александра Киселевская и Владимир Анисимов, артист Московской государственной филармонии Николай Корольков были постоянными ее участниками. Бригада прошла большой и трудный путь. Трижды артисты награждались боевыми орденами и медалями Советского Союза. Вместе с бойцами и офицерами они получили от Верховного Главнокомандования благодарность за взятие Берлина. Ниже мы публикуем воспоминания Наталии Спасовской.

Фронтовая жизнь нашей бригады началась на Первом Прибалтийском. С войсками Четвертого Украинского фронта мы прошли весь путь освобождения Крыма – от маленькой станции Акимовка, через Сиваш, Перекоп, Джанкой, до Севастополя. Затем – переход через Карпаты, Чехословакия, Венгрия. Наконец, с войсками Первого Белорусского фронта, которые вели победоносное наступление от Варшавы до Берлина, мы вступили в столицу Германии.

Выступали мы в избах, землянках, холодных сараях, на грузовых машинах, а то и просто на снятых с петель деревянных воротах, как было однажды в Закарпатье, причем хозяин терпеливо ожидал окончания концерта, чтобы водворить их на место.

Зимой за несколько часов для нас сооружали открытую эстраду, а зрители часто сидели на срубленных деревьях. Помню, на одной из таких эстрад стояли три маленькие печурки, которые в равной степени обогревали как нас, выступающих, так и морозный воздух, но это не мешало солистке ГАБТ Ларисе Алемасовой петь «Сказки венского леса» Штрауса в открытом бархатном платье.

Все мы помним наше боевое крещение. Первый Прибалтийский фронт. Земля, взрытая воронками. Где-то совсем близко громыхают орудия. Над траншеями облака горького дыма, смешанного с пылью. Наш «студебеккер» шел по большаку. По команде «воздух!» все спрыгнули с машины и залегли по обочине дороги.

Когда тревога кончилась, мы обнаружили, что нет Межераул. Но волнение было недолгим. Подойдя к машине, мы увидели ее сидящей в кабине шофера. Елена Кирилловна старательно закрывала голову сумочкой и была твердо убеждена, что обеспечила себе полную безопасность от осколков.

А в Карпатах, когда мы уже чувствовали себя настоящими «фронтовиками», произошел однажды такой случай. Наша машина только что вышла из горного ущелья и на развилке дорог вдруг была остановлена. Мы увидели в оврагах замаскированные ветками танки, танкетки, мотоциклы. «Кто тут у вас за старшего?» - последовал вопрос. Меня вместе с сопровождавшим нас младшим лейтенантом проводили на командный пункт.

Полковник, к которому нас привели, не очень любезно поинтересовался, кто мы такие и какой дурак нас сюда привез. Узнав, что мы – артисты Большого театра, полковник спокойно сказал: «Видите там деревья и овраг? Так вот это, дорогой товарищ, называется передовая. Каждую минуту здесь может начаться бой. Поэтому немедленно уезжайте. Чтобы духа вашего здесь не было...»

Совершенно обескураженные, мы побежали к своей машине. А там Рина Зеленая уже начала концерт – слышался громкий смех, сопровождавший каждое ее слово. Пришлось срочно прервать выступление и ретироваться...

Много и смешных, и трагических эпизодов было в нашей фронтовой жизни – они навсегда останутся в памяти. И, конечно, никто из нас никогда не забудет день 21 февраля 1945 года, когда мы в последний раз отправились на фронт. Ранним утром бригада Большого театра вылетела с московского аэродрома в распоряжение Первого Белорусского фронта. Каким далеким кажется сейчас это морозное утро!

И вот мы в Варшаве. Наша бригада провела первую радиопередачу советских артистов по варшавскому радио. Десятки людей толпились в тот день у репродукторов на улицах, несмотря на проливной дождь.

Затем, дав несколько платных концертов в пользу польских детей-сирот, мы двинулись дальше.

...Познань – суровый облик только что освобожденного города. Из крепости еще стреляют. Ночью – зарево пожаров, где-то вдалеке бомбежки. Утром по улицам города тянется непрерывный поток людей, возвращающихся домой.

Улицы как бы вспороты: рояли, свисающие с балконов разрушенных домов, груды развороченных снарядами машин, разбитые танки, вихрь бумажных листов, застревающих на колючей проволоке.

Наш первый познанский концерт состоялся в госпитале, размещенном в костеле. Сцена – на алтаре. Раненых бойцов вносят на кроватях. Обожженные лица, забинтованные руки. Вместо аплодисментов – горячие слова благодарности.

Работаем без устали, «сеансами». На одном из таких концертов, во время выступления скрипача Юлия Реентовича (он исполнял «Цыганские напевы» Сарасате), кто-то из бойцов, наклонившись к своему соседу, сказал: «Не верится... Как далеко все это от войны!» А в ответ послышалось: «От войны далеко, зато к тебе близко».

...Трудно передать словами волнение, охватившее нас, когда мы подъехали к немецкой границе. Наш путь проходил через мертвые, выжженные отступавшими фашистами города. В корреспонденциях с фронта в те дни часто говорилось: «По обочинам дорог валяется разбитая вражеская техника». Но только там, на этих дорогах, воочию увидев развороченные орудия, смятые танки, разбитые зе-

нитки, машины всех марок, можно было понять и оценить силу сокрушительного удара Советской Армии.

И вот среди этого хаоса войны однажды на развилке дорог мы увидели совсем мирного плюшевого детского мишку с глазами-пуговками. Он сидел на опрокинутом ящике, рядом с регулировщиком, и важно держал пристроенный к лапам указатель: *до Берлина – 140 км.*

Мы работали напряженно. Два, три концерта в день. Передвигались с частями. Вставали по тревоге. Во время форсирования реки Одер выступали в непосредственной близости от передового края, обслуживая части, вышедшие из боя.

Как-то концерт для летчиков был дан в доме, поспешно покинутом хозяевами. На столе – тарелки с супом и чашки с компотом. Все это подернулось пылью, плесенью. Почти как в балете «Спящая красавица».

...*Ландсберг* – город, в котором остались и живут немцы. Белые флаги на окнах, белые повязки на рукавах одежды. Море белых полотнищ: сдались!

С каким волнением однажды мы остановили машину у столба с указателями:

БЕРЛИН – 80 КМ.

МОСКВА – 1624 КМ.

И наконец настал день, которого ждал весь наш народ, весь мир, - *день штурма Берлина.* Четыре часа утра. Мы проснулись от того, что из окон вылетели стекла, задрожали двери, стены, сама земля. В единый мощный гул слились орудийные залпы. Воздух был горячим и дымным. Началась артиллерийская подготовка. Все небо покрылось самолетами, волнами идущими на Берлин. Казалось, что совсем не рассветает...

В Берлин мы вошли с танковыми войсками маршала Богданова. Мы видели огромный горящий город, опрокинутые столбы, спутанные провода. На тротуарах около убитых лошадей выстроились очереди. Жители делили по кускам конское мясо.

Наши машины шли по узкой, только что разминированной полосе. Мы остановились возле регулировщика, чтобы спросить, как проехать в район Панков. Регулировщик, молодой узбек, весело сверкая глазами, сказал: «Сам стою здесь только полчаса, и где стою – не знаю!»

3 мая 1945 года – на другой день после падения Берлина – полковник из политотдела армии повез нас на Александерплац. Туда устремились машины всех наших войск, встретившихся в Берлине. Регулировала движение молодая краснощекая девушка. Она чувствовала себя хозяйкой всей этой лавины. И когда полковник, сидевший за рулем, хотел объехать шедшую впереди машину, девушка-регулировщица бросила ему через плечо: «Эх, деревня!» Мы весело рассмеялись, рассмеялся и сам не на шутку смущенный полковник...

На нашу долю выпала честь выступать перед бойцами полка, водрузившего знамя победы над Берлином. Это был первый концерт советских артистов в рейхстаге! Штатские советские люди выглядели в этом здании, вероятно, довольно странно. Во всяком случае у входа в рейхстаг к артисту Серго Гоцеридзе подошел боец и звонко окликнул его: «Эй, фриц! Скажи, где тут у вас труп Гитлера?» Ошеломленный Серго быстро нашелся. Он ответил: «Слушай, дорогой, я сам его ищу!»

В конце длинного подземного коридора девушка-связист монотонно повторяла, вероятно, уже в тысячный раз: «Рейхстаг, рейхстаг, говорит рейхстаг...» Трубку полевого телефона она накрепко привязала к голове платком, и поэтому казалось, что у нее болят зубы. Увидев нас, она сначала замолчала, а потом вдруг

 быстро заговорила: «Товарищ полковник, идите скорее – у нас концерт, приехал Большой театр! Как какой? Да! Наш Большой театр, настоящий, из Москвы!»

Слово «рейхстаг» для девушки-связиста из Пензы звучало уже буднично, зато выступление бригады артистов ей показалось важным, значительным событием фронтовой жизни.

Выступали мы в узком, заставленном кроватями коридоре бомбоубежища. В конце коридора, за нашей «сценой» были две лестницы. Одна из них вела к выходу, другая – в подвалы. По ней во время концерта выводили только что сдавшихся в плен фашистов – в глубоких подвалах еще шел бой.

Комендант рейхстага полковник Зинченко махал рукой: ведите, мол, скорее, не мешайте артистам. Пробираясь вдоль стен гуськом, немцы на минуту становились свидетелями нашего концерта. Советские песни звучали в стенах рейхстага!

Этот день сохранился в нашей памяти как первый день мира, хотя капитуляции еще не было. В газете «Воин Родины» от 6 мая на первой странице были рядом помещены статьи под заголовком «Штурм рейхстага» и «Артисты в гостях у героев» (концерт бригады московского Большого театра).

Позже мы, так же как и связистка из Пензы, освоились в Берлине. Ездили на машинах из гаража Геббельса, давали концерты в казармах Геринга, бродили по грудам обесцененных орденов в имперской канцелярии Гитлера.

8 мая, в день подписания акта о капитуляции, мы выступили в Карлсхорсте. А 5 июня состоялся наш последний «фронтовой» концерт. В этот день в Берлине встретились уполномоченные четырех союзных держав для подписания Декларации о поражении Германии. В концерте в честь этой встречи, помимо нас, артистов Большого театра, приняли участие Надежда Казанцева и Святослав Кнушевицкий. Все мы были бесконечно счастливы и горды, что выступаем как представители великого советского народа, народа-победителя.

Журнал «Музыкальная жизнь», 1960, № 9

П.СЕЛИВАНОВ
солист оперы

КОНЦЕРТ В РЕЙХСТАГЕ

Прошло уже больше трех месяцев с того дня, как мы вылетели из Москвы.

По дорогам, где стремительно пронеслась война, мимо безмолвных немецких пушек и зениток, поднявших к небу свои длинные хоботы, через разбитые огнем войны и так похожие друг на друга немецкие города и местечки, прошли и проехали мы за это время вместе с войсками 1-го Белорусского фронта.

Мы давали свои концерты у летчиков, пехотинцев, танкистов. И вместе с нашими слушателями все мы горели одним желанием – скорей в Берлин!

И вот день наступил!

Мы в логове фашистского зверя, в Берлине. Я не буду сейчас описывать наших впечатлений от этого проклятого, смрадного фашистского города, принесшего так много страданий человечеству. Хочу лишь рассказать в этом письме о том, как мы давали свой 140-й концерт.

Бригаду Большого театра повезли осматривать рейхстаг. Это было 5 мая, то есть на третий день после взятия Берлина. В огромном полуразрушенном здании еще пахло гарью от догоравших ящиков и обломков мебели, которыми баррика-

дировались оголтелые фашистские разбойники, с упорством смертников защищавшие свое логово.

Узнав, что здесь расположилась часть, штурмом овладевшая рейхстагом, мы обратились к полковнику, командиру этой части, с просьбой разрешить нам, советским артистам, показать свое искусство воинам-героям. Полковник охотно согласился.

В подвале рейхстага, оборудованном под бомбоубежище, и состоялся наш концерт.

Трудно описать наше состояние, когда мы увидели переполненный «зал». Это они, вот они, тесно стоящие плечом к плечу солдаты и офицеры, третьего дня водрузили так гордо развевающееся над рейхстагом огромное, овеянное славой пурпурное знамя нашей победы.

Концерт начался.

Как восторженно приняли зрители московских артистов, пишет капитан А.Шифман в красноармейской газете «Советский боец»:

«Горячо были встречены солисты Большого театра С.В.Гоцеридзе, П.И.Селиванов и заслуженная артистка РСФСР Е.К.Межераун, исполнившие арии из опер «Евгений Онегин» Чайковского, «Русалка» Даргомыжского и другие арии, романсы и русские песни.

Высокое художественное мастерство продемонстрировали солисты балета Большого театра Наталия Спасовская и Игорь Лентовский. С большим темпераментом исполнили они испанский танец, горскую пляску и танец по мотивам «Фантазии» Брамса.

Большое удовольствие доставили слушателям солист оркестра Большого театра Юлий Реентович (скрипка), исполнивший ряд произведений Глиэра, солист Московской государственной филармонии Н.В.Корольков (рояль), солист оркестра ГАБТ СССР П.Швец (баян). Весело прошли остроумные скетчи «Сюрприз» и «История одного знакомства» в исполнении артистов Московского государственного театра Сатиры А.М.Киселевской и В.Н.Анисимова. Но особенную овацию вызвала исполненная Гоцеридзе «Песня о Сталине».

Это была подлинная демонстрация горячей любви и преданности нашему великому вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину.

В заключение вечера генерал-майор Кощеев горячо поблагодарил участников концерта за радость, доставленную слушателям мастерским исполнением произведений классического репертуара и народного творчества.

- Ваши песни, - сказал тов.Кощеев, - донесли до нас теплое дыхание Родины, прозвучали приветом из любимой Москвы.

Газета «Советский артист», 1945, 12 июня

Н.М.МИХАЛОВСКАЯ
артистка

2-Й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

Начиная с февраля 1945 года я находилась в составе объединенной фронтовой бригады. Помимо мхатовцев в нее входили артисты Большого театра, певцы и музыканты Московской консерватории имени П.И.Чайковского. Поездка была трудной и длительной - она продолжалась около четырех месяцев.

С самого начала нас направили в распоряжение Политуправления 2-го Белорусского фронта, начальником которого был генерал-лейтенант А.Окороков. Вместе с наступающей Красной Армией мы прошли через Польшу, Восточную Померанию, вышли к Одеру и, наконец, попали в Берлин.

Итак, снежным февральским днем 1945 года мы выехали дачным поездом из Москвы в Брест. Мы – это артисты Большого театра Е.Корнеева, М.Дамаева и Н.Лихачев, струнный квартет консерватории в составе Я.Рабиновича, Г.Матросовой, Б.Питкуса и Б.Реентовича, певицы Е.Грузинова, Г.Сейдаметова и двое мхатовцев: Я.Лакшин и я.

Приехав в Брест, мы дали свой первый концерт в агитвагоне поезда, который отправлялся на фронт.

Прекрасно звучал струнный квартет, покоривший слушателей высокой музыкальной культурой. По существу, это был небольшой оркестр, исполнявший произведения русских и советских композиторов. Проникновенно пела Е.Корнеева арии и романсы Чайковского, Глинки, Балакирева. Наибольший успех выпал на долю М.Дамаевой и Н.Лихачева. Их искрометные жанровые танцы очень нравились зрителям. Тепло принимали бойцы и популярные в ту пору песни «На солнечной поляночке» и «В лесу прифронтовом» в исполнении Е.Грузиновой.

У нас с Я.Лакшиным были в репертуаре произведения А.Пушкина, Л.Толстого, А.Чехова и М.Горького. Кроме того, мы играли еще сцену свидания из комедии А.Островского «Женитьба Бальзаминова».

В Бресте бригада дала четыре концерта, затем мы переехали в город Торн, где работали больше недели. Дальше наш путь лежал к Варшаве.

Фашисты взрывали этот прекрасный город методически, по плану, квартал за кварталом, строго выполняя приказ Гитлера – полностью уничтожить Варшаву, стереть ее с лица земли.

Запомнилась надпись, сохранившаяся на высоком дорожном камне: «Аллея Роз». Так называлась улица, которая здесь когда-то была. Розы и развалины – какой зловещий контраст!

И вот наступил день, когда мы переступили границу Германии. Нашу бригаду разместили в двух небольших домиках на окраине Фалькенбурга, в Восточной Померании. Отсюда ежедневно на большом «студебеккере» мы выезжали с концертами в воинские части. Теперь мы выступали уже не в землянках и сараях, а в довольно хороших, мало пострадавших от войны помещениях.

Между тем весна брала свое – пришел апрель, а вместе с ним первые теплые дни. Однажды майор Николаев, который обычно сопровождал бригаду на концерты, сказал:

- Сегодня вы будете выступать в лесу.

И действительно, нас привезли на широкую лесную поляну. Мы сразу почувствовали, что нас ждали, к нашему приезду тщательно готовились. У кромки леса возвышалась эстрада из свежевыструганных досок, которые так чудесно пахли. Вокруг нее на высоких столбах были прикреплены букеты из хвойных ветвей. Хвоя вместо цветов! И вся наша эстрада благоухала и сливалась с ароматом леса.

Каких-либо скамеек для зрителей, естественно, не было: зеленая лужайка заменяла партер. А березы и сосны, полукольцом окружавшие эстраду, служили бельэтажем. За эстрадой, между деревьями, мы увидели висящие плащ-палатки, за которыми мы могли переодеваться.

Когда мы подъехали к поляне, «партер» был уже заполнен, и зрители поспешно занимали места в «бельэтаже». Делали они это очень ловко: подпрыгивали, хватались руками за ветви и подтягивались вверх. Вскоре на всех деревьях, окружавших поляну, как большие птицы, сидели солдаты.

Программа была составлена в основном из веселых номеров и вполне соответствовала весенней лесной эстраде. Бойцы воспринимали концерт очень непосредственно – они подталкивали друг друга локтями, аплодировали, хохотали, а иногда вдруг срывали с голов пилотки и в знак особенного удовольствия подбрасывали их вверх.

А на следующий день наш концерт шел в старой, заброшенной церкви, или кирхе, как называли ее там. Мы давали его для летчиков.

Летчикам очень понравился концерт. Командир части майор Борисенко, лично сбивший более двадцати вражеских самолетов, выразил нам в своем отзыве глубокую благодарность от имени личного состава. «Большое вам спасибо, - писал он, - за прекрасный концерт. Теперь наши летчики с новыми силами, с новым зарядом бодрости и энергии полетят на выполнение боевых заданий по разгрому ненавистного врага!».

Пробыв у летчиков до позднего вечера, утром следующего дня мы поехали дальше, в расположение части генерал-майора Кононова. Путь предстоял не близкий да еще по разрушенным фронтовым дорогам. Ехали мы на своем «студебеккере» более шести часов. И, несмотря на ковровые дорожки, которыми были покрыты скамейки в машине, нас сильно растрясло. Добравшись до места, мы вышли из машины совершенно разбитыми и еле стояли на ногах. И вдруг узнаем, что концерт должен начаться немедленно, так как бойцы давно нас ждут. Стоим растерянные и не знаем, что делать.

Подходит к нам генерал-майор Кононов, очень худой, с сильно выступающими скулами и глубоко сидящими глазами. И то ли от головной боли, то ли от сильной усталости после дороги, от которой рябило в глазах, он показался мне очень похожим на диснеевского волка.

Генерал встретил нас сурово.

– Кто старший? – грозно, как нам показалось, спросил он.

– Я бригадир, – вежливо ответил Борис Реентович.

– Вы опоздали, – так же грозно продолжал генерал, – приехали на два часа позже, чем было намечено. Бойцы давно ждут вас. Поэтому прошу немедленно начать концерт.

Потом помолчал, пожевал губами и спросил, не нужна ли нам какая-либо помощь.

Реентович стал советоваться с женщинами, так как у нас был особенно усталый вид. Мы немного подумали, посовещались, а потом я подошла к генералу и сказала:

– Распорядитесь, пожалуйста, дать нам ведро горячей воды. Умоемся, приведем себя хоть немного в порядок и через пятнадцать минут начнем концерт.

Ведро кипятка и оловянная кружка были тут же принесены. Мы умылись прямо во дворе, буквально ошпарив себе лица, но эта «ванна» хорошо освежила всех. Потом мы быстро переоделись в каком-то домике и отправились на концерт.

Большой длинный сарай, стоявший в соседнем дворе, был заполнен до отказа. Бойцам, очевидно, надоело долго ждать, поэтому они встретили нас особенно бурными аплодисментами.

Сначала играть и петь было трудновато – сказывалось утомление после долгой дороги, но вскоре, воодушевленные приемом наших зрителей, мы словно забыли об усталости. А когда из дальнего угла сарая послышался юношеский голос: «Товарищи артисты, сыграйте, пожалуйста, Чайковского еще раз!» - мы были покорены окончательно. И концерт, который начался несколько вяло, потом, как говорится, разошелся – мы выступали легко, весело, с полной самоотдачей.

Бойцы долго не отпускали нас. Очень понравился концерт и генералу Кононову, который вдруг стал ласковым и добрым и написал нам хороший отзыв. В нем говорилось: «Ваше искусство – тоже оружие. Оно вооружает сердца и души людей новыми силами, приумножает их мужество в борьбе с врагом». Что могло быть для нас дороже таких слов!

Дав несколько концертов для воинских частей этого лесного района, мы поехали дальше, к Одеру, где уже шли последние решающие бои на подступах к Берлину.

В ПОВЕРЖЕННОМ БЕРЛИНЕ

В конце апреля 1945 года вся наша фронтовая бригада была направлена в город Штеттин, где артисты получили несколько дней отдыха после напряженной работы, а мне было разрешено вместе с военными товарищами побывать в побежденном Берлине. И вот в маленьком «опеле» мы выехали из Штеттина по знаменитой когда-то Берлинской автостраде.

После долгого пути мы подъезжаем, наконец, к Берлину. Вокруг огромные пустые коробки домов или, точнее, их передние стены с зияющими провалами окон. Мы едем среди развалин, и на уцелевших кирпичных стенах я читаю огромные надписи по-немецки, выведенные белой краской: «Берлин останется немецким!» «Это слова Гитлера из его обращения к населению города», - объясняют мне военные товарищи.

Читаю дальше: «Увидишь большевика – убей его!» - все из того же обращения неразумного фюрера.

Возле стен – сваленные в кучу вражеские автоматы. По улицам плетутся тысячи гитлеровских солдат и офицеров, сдавшихся в плен. Только кое-где с чердаков еще продолжают отстреливаться засевшие там фашисты...

Едем дальше, по району Тиргартена. Это сравнительно сохранившийся аристократический район Берлина. Перед нами главная его улица – Курфюрстендамм.

В одном месте улицу перегораживает длинная кирпичная стена. Видимо, ее построили в дни обороны города. Сейчас стену разбирают за ненадобностью. Работают женщины-немки. Все они аккуратно причесаны, в перчатках и длинных фартуках. Стоят длинной цепочкой поперек улицы и старательно передают кирпичи из рук в руки, осторожно беря их тремя пальцами.

Взгляды, которыми они нас провожают, отнюдь не добрые. Но нас это не удивляет: откуда им взяться, добрым-то взглядам! Ведь их воспитали в духе шовинизма и ненависти.

И вот мы на главной улице Берлина Унтер-ден-Линден. Те же скелеты домов, груды камней, обнаженные этажи, из подвалов которых идет зеленовато-желтый дым. Дальше – взорванные станции метро, снова дома-коробки с уцелевшими кое-где стенами. Я вижу, как жители жмутся к стенам этих коробок. У многих в руках пустые ведра: очевидно, вышли за водой. А еще дальше – длинные очереди у колонок с водой.

Пожилые, с изможденными лицами мужчины и женщины смотрят на нас робкими, испуганными глазами. И сквозь испуг проглядывает даже нечто похожее на упрек, на осуждение. А кого упрекать, кого осуждать? Разве что своих сумасшедших правителей, которые ввергли немецкий народ в чудовищную войну, привели к тому, что благоустроенный и чопорный Берлин превращен в груду дымящихся развалин!

5 мая. День ясный и солнечный, и на куполе рейхстага развевалось и трепетало на весеннем ветру наше алое знамя Победы. На фоне голубого неба это было великолепное зрелище! Впервые за всю войну я увидела как бы зримый символ нашей полной победы! Кругом еще пылали пожары, ветер доносил порой залпы орудий и одиночные выстрелы, но все мы чувствовали, знали, что с проклятым гитлеровским фашизмом покончено навсегда.

И вот перед нами бывший Коронационный зал. Много он видел помпезных торжеств, празднеств, шествий. Как все это сегодня далеко, нереально, словно из другого мира! От прежнего великолепия нет и следа: разбитые стены, взорванные куски бетонных перекрытий, торчащие железные и цементные балки. Все окна, конечно, выбиты, всюду хаос и разрушение, и только в левом углу зала стоит поцарапанная пулями мраморная статуя Вильгельма Первого. Вряд ли думал этот надменный «завоеватель», что его скульптурное изваяние окажется когда-нибудь в поверженном рейхстаге среди советских солдат и офицеров.

Справа от входа вижу три больших ящика из-под снарядов, поставленные один на другой. Догадываюсь, что это моя «концертная эстрада». Вот только как я заберусь на такую эстраду – высота ее больше трех метров. Но оказывается, что и это предусмотрено – сзади приделано что-то вроде лестницы.

Меня просят подождать немного. Сажусь за «эстрадой» и жду. До меня доносятся обрывки разговоров.

– Говорят, какая-то артистка из Москвы приехала, выступать будет.

– Ишь куда хватил – из Москвы! Откуда им здесь, московским-то, взяться?

– На 1-й Белорусский приезжали...

– И у нас, на 2-м Белорусском, московские артисты были.

– А у нас Русланова пела...

Слышу этот негромкий разговор, и сердце замирает от сознания всей ответственности того, что происходит.

А время между тем идет – концерт не начинается. Говорят, что ждут какого-то майора. Он – в санчасти в нижнем помещении рейхстага, где ему делают перевязку после ранения. Узнаю, кто он – заместитель коменданта рейхстага, майор Александр Владимирович Соколов.

Наконец майор появляется в зале. Он забинтован почти до самых глаз, на голове широкая марлевая повязка. Майор садится на одну из табуреток, рядом с полковником Зинченко, капитаном Неустроевым, генералом Берзариным. Значит, можно начинать. Чьи-то бережные руки помогают мне взобраться на ящики.

Сверху мне хорошо видно, как в этот необычный концертный зал со всех сторон сходятся бойцы. Они в потемневших от пороха гимнастерках. Многие идут, поддерживая друг друга или опираясь на палки. Мне видны их бледные, измученные лица, перебинтованные головы и руки. Совсем недавно здесь шли ожесточенные бои за каждый метр, за каждую ступеньку! Большинство бойцов садится или ложится на полу вокруг ящиков, на которых я стою.

Стою под сотнями устремленных на меня глаз и мучительно думаю: «С чего начинать? Что читать в этих необычных условиях?» И решаю начать свое выступление с фрагмента из моей концертной программы «Сыны русского народа», составленной по роману Л.Н.Толстого «Война и мир».

В притихшем, замершем зале звучат бессмертные строки:

«Не та победа, которая определяется пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими...»

ПОБЕДНЫЕ ДНИ

Уже позже я узнала, что в эти победные майские дни в разрушенной фашистской столице побывали многие деятели нашего искусства. Перед героями штурма Берлина выступали мхатовцы А.Зуева и Н.Дорохин, солисты Большого театра П.Селиванов, Е.Межерауп, С.Гоцеридзе, Н.Спасовская, артисты эстрады Л.Русланова, М.Гаркави, С.Кочарян, Н.Першин, Н.Голубенцев, В.Бельцова, З.Овчарова, И.Теплых, М.Веревкин, Н.Эфрос, П.Ярославцев – всех не перечислишь. По улицам Берлина прошел в эти дни танк «Т-34», построенный на личные средства артиста С.Балашова. Экипаж этого танка уничтожил свыше ста гитлеровцев, подбил четыре вражеских танка...

НАКАНУНЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

В Берлин мы приехали вечером. После обеда стало известно, что вечером нам предстоит выступать перед работниками нашей военной комендатуры и интеллигенцией Берлина: бургомистрами, профессурой, учителями. Концерт должен состояться в хорошо сохранившемся здании одного из театров Тиргартена.

Начало в половине восьмого, но уже в семь мы одеты и готовы к выходу. Театр превзошел все наши ожидания – таких прекрасных артистических комнат мы не видели с тех пор, как уехали из Москвы. Большие зеркала, удобные диваны для отдыха, даже умывальники с горячей водой. Поначалу нам даже как-то непривычно было в этой роскошной обстановке.

Поочередно смотрим в зал через щелочку в красивом темно-синем занавесе. Постепенно ряды кресел заполняются зрителями. Слышен гул голосов, доносятся отдельные слова, восклицания по-русски и по-немецки. Среди мундиров наших военных виднеются черные штатские костюмы, нарядные туалеты дам. Ну, прямо как в Москве, в Колонном зале Дома Союзов!

Знакомимся с переводчиком. Он немец, но хорошо говорит по-русски. Борис Реентович подробно рассказывает ему о номерах программы. Тот все записывает, потом желает нам успеха и выходит из артистической.

И вот уже пошел занавес. На сцену выходит наш бригадир и передает всем присутствующим в зале горячий привет от московских артистов. Переводчик переводит его слова, негромкие «вежливые» аплодисменты слышны в ответ.

Концерт начинает струнный квартет консерватории, который исполняет произведения Бетховена, Моцарта, Чайковского. Переводчику здесь почти нечего делать – он только объявляет композиторов, названия произведений и фамилии артистов.

Теперь, когда занавес открыт, мы можем из-за кулис внимательно рассмотреть зал. В первых рядах сидят пожилые, седовласые мужчины в строгих застегнутых

сюртуках. Многие пришли с женами, такими же седыми, тщательно одетыми, худощавыми. На лицах – сосредоточенное внимание, все поглощены музыкой. И когда квартет заканчивает свое выступление, его провожают бурными аплодисментами.

Потом поет Е.Корнеева, и ее бархатное сопрано чудесно сливается с музыкой то Чайковского, то Глинки, то Балакирева. Романс Глинки «Сомнение» ее просят повторить на «бис».

Так же живо воспринимались залом инсценированные рассказы А.Чехова. А когда выступили наши замечательные танцоры М.Дамаева и Н.Лихачев, зрители были окончательно покорены.

Концерт прошел с успехом. Нам долго аплодировали и после окончания программы несколько раз вызывали всех исполнителей.

Потом из зрительного зала поднялся на сцену первый военный комендант Берлина, генерал-полковник Н.Берзарин. Он поблагодарил нас от имени военной комендатуры, от имени всей прогрессивной интеллигенции города, побывавшей сегодня на нашем концерте. Он особенно благодарил нас за те концерты, которые мы дали для солдат и офицеров Красной Армии.

«Вы привезли к нам родное советское искусство с нашей любимой далекой Родины, - сказал Николай Эрастович. – Бывая на ваших концертах, воины отдыхали от тягот фронтовой жизни, получали благотворный заряд нравственной энергии. Большое спасибо вам, дорогие товарищи, за ваш приезд сюда, за ваше жизнерадостное искусство...»

Весь зал стоя слушал коменданта Берлина. Его речь тут же переводилась на немецкий язык. А потом и сам переводчик от имени присутствующих профессоров, учителей и бургомистров горячо поблагодарил советских артистов за интересный концерт. Весь зал скандировал:

«Спасибо!», «Данке!», «Дружба!», «Фройндшафт!» После концерта многие немцы пришли к нам за кулисы, горячо жали руки.

Я подумала о том, что в сердцах многих немцев живет чувство признательности к советскому народу, освободившему их многострадальную родину от проклятого фашизма.

Наконец наступил долгожданный день отъезда в Москву. Накануне, во время прощального ужина на квартире Петра Александровича Топоркова, мы с волнением узнали, что нам выпала большая честь возвращаться на родину «Поездом Победы». Это был эшелон, в котором солдаты и офицеры 2-го Белорусского фронта ехали в Москву на парад Победы.

Когда мы подъехали к вокзалу и вышли на перрон, то увидели множество людей, пришедших проводить домой воинов-победителей. Весь состав был украшен красными флагами, цветами и зелеными ветвями деревьев. Паровоз же просто утопал в цветах.

Из окон вагонов выглядывали радостные лица людей, переживших суровые испытания войны, прошедших через столько смертей и страданий, и добивших врага на его же собственной территории. Труден был путь от Москвы до Берлина. Но все выдержал, все перенес советский солдат и кровью своей спас Отечество, избавил народы Европы от ига фашизма. Теперь воины-победители возвращались домой, к своим родным и близким, к своему прерванному войной мирному труду. На их гимнастерках сверкают боевые награды и медали, но еще ярче светятся глаза победителей...

Мы занимаем свои места в санитарном вагоне поезда. Ровно в десять часов утра сопровождаемый звуками оркестра «Поезд Победы» отходит от перрона Берлинского вокзала. Под громовое «ура» он набирает скорость и мчится на восток, к любимой Москве, с самыми счастливыми пассажирами на земле.

Помню, мы не могли оторваться от окон вагона. Наш эшелон идет через дымящиеся руины Германии и Польши, мимо разрушенных городов и сел Белоруссии. Вот они, горькие следы войны! Но кое-где уже виднеются свежевыстроенные избы, так чудесно выделяющиеся на фоне черных пожарищ и разрушений. Их, правда, пока немного, но это уже начало возрождающейся жизни, радостное свидетельство того, что люди возвращаются к мирному бытию.

Мы были, пожалуй, единственные «штатские» в этом поезде, и очень скоро по составу проносится слух, что в санитарном вагоне едут с фронта московские артисты. «Парламентеры» не заставили себя ждать – к нам приходит молодой капитан и от имени своих товарищей просит дать концерт для воинов-победителей.

Мы сразу и охотно соглашаемся – благо, в нашем санитарном вагоне есть довольно просторное помещение, предназначенное, видимо, для срочных операций и перевязок. Туда, в это помещение, из всех вагонов поезда сносятся табуретки, скамейки, ящики, и бывшая операционная превращается в небольшой концертный зал.

Первый концерт начинается в час дня, второй – в три, третий – в пять, четвертый – в семь часов. Программа составлена веселая, жизнерадостная; солдаты хохочут, аплодируют, просят повторить особенно понравившиеся выступления. Постукивают колеса поезда, иногда громко свистит паровоз, но нам после концертов в Восточной Померании и на Одере не привыкать к посторонним шумам. Мы счастливы от сознания, что делим с нашими воинами-победителями их радость возвращения на родину.

- Ох, и большое же вам спасибо, дорогие товарищи артисты, - растроганно сказал нам сержант Грачев, просидевший на всех четырех концертах подряд, не вставая с ящика. – И так на душе птицы поют, а тут еще вы своими замечательными выступлениями разбередили сердце. Это же надо как повезло, что вы оказались в нашем эшелоне!

Спать в этот день мы легли поздно. Долго не могли уснуть, покачиваясь на санитарных койках, и в голове, как кадры киноленты, проходило все виденное и пережитое за последние месяцы.

На другой день наши выступления начались уже с двенадцати часов дня и продолжались до вечера с часовым перерывом на обед. Скамейки, табуретки и ящики, стоявшие в санитарном вагоне, сержант Грачев, распорядился не трогать и не убирать. Перерывы между концертами мы свели до минимума, чтобы обслужить по возможности всех бойцов, ехавших в «Поезде Победы».

Выступления в санитарном вагоне послужили только началом. Не знаю, как это получилось, но на больших станциях сразу становилось известно, что в поезде едут московские артисты, и тогда концерты переносились прямо на перроны вокзалов. Они бывали обычно до отказа заполнены людьми, радостно встречавшими «Поезд Победы»; тут же возникали летучие митинги, заканчивающиеся нашим выступлением. Бывало, что по распоряжению начальника станции время стоянки поезда удлинялось, чтобы все собравшиеся могли посмотреть и послушать концерт.

С большим успехом выступала наша балетная пара – Марина Дамаева и

Николай Лихачев, чудесно пела фронтовые песни Евгения Грузинова, которую буквально не отпускали со «сцены», да и нам с Яковом Лакшиным не приходилось сидеть сложа руки.

Наиболее волнующей и грандиозной была встреча «Поезда Победы» на недавно восстановленном вокзале Бреста. На перроне собрались сотни, тысячи людей. Подошедший состав встретили цветами, аплодисментами. Чувствовалась атмосфера особой приподнятости, особого торжества, ведь именно Брест принял на себя один из первых ожесточенных ударов врага, защитники Брестской крепости покрыли себя неувядаемой славой. Об этом вспоминали участники торжественного митинга, они говорили о том огромном волнении, с которым встречают сегодня воинов-победителей. И это волнение передалось нам, артистам.

К концу второго дня пути мы почувствовали, что порядком устали. И не мудрено – за два с половиной дня было дано более двадцати концертов. Но это была удивительно приятная усталость. И если бы путь продолжался, мы, наверное, выступали бы еще и еще...

Но поезд уже подходил к Москве. Было ясное солнечное утро. Приближаясь к вокзалу, мы увидели необозримое море цветов и флагов. Было такое впечатление, будто весь город вышел встречать героев-фронтовиков, со славой пронесших свои боевые знамена от Москвы до Берлина.

Под торжественные звуки военного оркестра, выстроившегося почетным караулом, «Поезд Победы» медленно подходит к перрону. И вот уже первые объятия, поцелуи, радостные слезы, восклицания... Здравствуй, Москва непобежденная! Здравствуй, Москва победная!

Михаловская Н.М. Глазами актрисы. М.: Искусство, 1980

А.П.ИВАНОВ
солист оперы

Победоносное окончание войны ознаменовалось множеством торжественных мероприятий и совпало с целым рядом юбилеев. 29 июня вся страна отмечала 220 лет со дня основания в России Академии наук. Была проведена юбилейная сессия Академии наук, на которую съехались ученые со всего света. По окончании сессии в Большом театре мы давали для ученых концерт, а на следующий день их принимали в Кремле – и опять концерт. И так каждый день...

Наконец, завершился сезон в театре, и 4 июля, после беспрерывной пятилетней работы, нам был предоставлен летний отпуск. Целых сорок дней! Однако меня начальство предупредило, что предполагается поездка в Вену и я включен в труппу. Значит, далеко забираться нельзя, решил поехать на Сенежское озеро.

Отдохнуть пришлось лишь неделю. Вечером 12 июля гастрольную группу пригласили в ВОКС для разговора о выступлениях в Австрии. Население страны, находившееся восемь лет под влиянием геббельсовской пропаганды, было в полном неведении относительно Советской страны и советских людей. Нам дали наказ:

– Советские войска освободили Австрию силой оружия, вы должны силой искусства покорить австрийцев.

14 июля мы вылетели в Вену. Мы – это Н.Шпиллер, Г.Уланова, Н.Капустина, Д.Ойстрах, Л.Оборин, С.Кнушевицкий, В.Преображенский, Б.Борисов, А.Макаров, А.Жак и А.Иванов. Летели десять часов с двумя посадками – в Киеве и в Гляйвице. В Вену прибыли утомленные, но довольные – ведь мы были первыми

 послевоенными вестниками мира и дружбы в Европе. И потом, как ни говори, первая заграничная гастроль - все интересно. Нас радушно встретили представители советских войск и политический советник Е.Д.Киселев. Разместили в одной из немногих уцелевших центральных гостиниц - Гранд-отеле на Ринг-штрассе, поблизости от разрушенного здания оперного театра.

Утром следующего свободного дня мы отправились на центральное кладбище и возложили венки на могилы Бетховена, Шуберта, Брамса, Штрауса, Брукнера, которые похоронены на одной площадке, вокруг символической могилы Моцарта. Великий Моцарт, как известно, был погребен в общей могиле бедняков, но впоследствии австрийцы поставили ему скульптурный памятник на центральном кладбище Вены.

Оттуда поехали в Шенбрунн, где осматривали дворец, парк. С арки был хорошо виден город, получивший тяжелые повреждения в последние дни войны. В центре оказались разрушенными дворец Марии Терезы, собор св.Стефана, оперный театр, повреждены парламент, университет, Хофбург, уничтожены целые кварталы жилых домов, магазинов, учреждений. Декорировался город от разрушений обилием зеленых насаждений. Парки, бульвары прикрыли своей листвой эти раны войны. Некоторые улицы и переулки оказались буквально заваленными грудами щебня, и их приходилось объезжать. Через Дунай уцелел только один мост.

Из Шенбрунна поехали в Венский лес, так романтично воспетый в вальсах Штрауса и в народных песнях. Сделали остановку на Каленберге (Лысая гора). Там находится ресторан и кирха, между которыми расположен небольшой уютный садик со столиками, где венцы распивают свой «бир». Было как раз воскресенье, и население высыпало сюда для отдыха. Венцы, влюбленные в свой великолепный город, несмотря на тяжелое послевоенное положение - голод, разруху, - остались верны старым традициям и едут сюда любоваться красотами природы.

Нас соблазнил уют садика, и мы решили здесь отдохнуть от впечатлений за кружкой пива. Только что успели занять места за столиками, как уже завязалась беседа с любопытными венцами, узнавшими нас по портретам из свежих газет.

Свободный вечер мы также решили использовать рационально: пошли в сохранившийся от бомбежек оперный театр «Фольксопера», который служил как бы филиалом основного разрушенного театра «Штаатсопера». Там в этот вечер показывали оперу Бедржиха Сметаны «Проданная невеста». Здесь мы сразу ощутили высокий класс музыкальной культуры. Особенно восхитил оркестр: каждая группа инструментов звучала предельно слаженно, одним тембром. Это достигается не только высоким мастерством австрийских музыкантов, но и однородностью инструментов, сработанных на одной фабрике, по заказу театра, - это помимо мастерства исполнителей тоже имеет немалое значение. Певцы, кроме немногих, все были хороши.

На второй день состоялось объединенное заседание нашей группы с театральными деятелями Вены, на котором председательствовал министр просвещения Э.Фишер. Был выработан календарный план нашей работы. Сверх намеченной программы мы предложили дать несколько бесплатных концертов в рабочих районах и один большой концерт, сборы с которого пойдут на восстановление Вены. Остальное время решено использовать для выступлений в частях Советской Армии, расположенных в других городах Австрии.

Наши выступления начались концертом с оркестром Венской филармонии под руководством дирижера Йозефа Крипса. Солистами выступали Н.Шпиллер и я. Первое отделение открывалось исполнением арии Игоря и монолога Яго. Заканчивала первое отделение Н.Шпиллер, спевшая арии Маргариты из «Фауста» и Микаэлы из «Кармен». Во втором отделении Н.Шпиллер исполнила письмо Татьяны, а я пел монолог Бориса и сцену коронации из «Годунова» с хором Венской оперы.

На следующий день в газетах появились рецензии с многочисленными фотографиями. Одно за другим следовали выступления мастеров советского искусства перед строгими ценителями музыки, и они неизменно сопровождались бурными овациями и самыми благожелательными отзывами прессы. С утра на всю ночь выстраивались очереди за билетами. Залы были переполнены...

Сольный мой концерт, как и все наши выступления, был принят восторженно. Мне предстояло спеть в двух операх – «Тоска» и «Риголетто». Венцам пришлось восстанавливать эти спектакли в «Фольксопере». Первой шла «Тоска». Спектакль был поставлен без всяких режиссерских ухищрений, в самых реалистических тонах, поэтому я не испытывал трудностей, исполняя роль Скарпиа, и очень легко включился в ансамбль. Партнерами были прекрасные молодые певцы: Тоска – Деница Илич, сербка по национальности, Каварадосси – болгарин Венко Венков. Пели на трех языках – Венков по-итальянски, Илич по-немецки, я по-русски. Разноязычие не мешало никому – ни артистам, ни зрителям. Музыка – тот международный язык, который объединяет всех. Быть может, покажется несправедливым умолчать о том, что по окончании спектакля Венская опера увенчала меня огромным лавровым венком с красной муаровой лентой. Говорю об этом лишь потому, что воспринял это не как личное признание, а как величайшую оценку всего нашего оперного искусства.

Идя со сцены к себе в уборную, я сожалел, что не с кем поделиться радостью и никто не поможет мне скоротать остаток вечера. Дело в том, что все наши еще утром уехали в город Баден – там была ставка маршала И.С.Конева.

Очень тоскливо вдруг я себя почувствовал. Вхожу в уборную и вижу советского офицера. Он вытянулся, щелкнул каблуками, козырнул и отрапортовал:

- Прибыл по приказанию маршала Конева. Маршал приказал немедленно доставить вас в Баден.

Никогда ничьим приказаниям не подчинялся я охотнее, чем этому. Через полчаса мы примчались в Баден. Маршал занимал особняк, укрытый густой зеленью. В зале было человек пятьдесят офицеров, среди них много героев Советского Союза. Войдя, я хотел устроиться где-нибудь в уголке, но Конев увидел меня, предложил место рядом с собой и попросил произнести тост. Я запел старинную студенческую песню:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради славного труда,
Ради вольности веселой собралися мы сюда.
Вспомним горы, вспомним долы,
Наши нивы, наши села.
И в стране, стране чужой мы пируем пир веселый
И за Родину мы пьем!
Пьем с надеждою чудесной

Из стаканов полновесных.
Первый тост – за наш народ,
За святой девиз – вперед!

- Да ведь это я с Волги! Это ведь про нас! – воскликнул какой-то молодой офицер, увешанный орденами и медалями, и слезы стояли у него в глазах. Как потом мне сказали, он четыре года не был на Родине. Ко мне подходили, обнимали, крепко жали руки. Я впервые в жизни понял, что значит на чужбине для человека родная песня...

Наутро мы посетили домик Л.Бетховена, где он в бедности провел последние годы жизни, где творил свою величайшую симфонию – Девятую. Когда мы поднимались по узкой темной лестнице, Лев Николаевич Оборин остановил нас и прошептал:

– Представьте, как по этим стертым каменным ступеням тяжело поднимался уже глухой Бетховен...

Комната совсем небольшая. Посредине стол, на нем рукопись партитуры Девятой симфонии, карандашные наброски. Слева от входа старинный прямострунный рояль. На столике в простенке, между окнами, лежат две маски Бетховена: одна – посмертный слепок, другая – художественная обработка этого слепка. Справа простая железная кровать. Вот и все. В книге посетителей мы оставляем запись. Льву Николаевичу Оборину предоставили возможность поиграть на рояле Бетховена, и он проникновенно исполняет первую часть «Лунной сонаты»...

Из «Бетховенштадта», как любовно называли венцы город Баден, мы вернулись обратно в Вену. Большинство магазинов разрушено или наглухо закрыто жалюзи. А в тех, которые сохранились, - пустота: пуговицы, значки и бумажные игрушки. Забрел на канал Франца Иосифа. У кино «Урания» знакомая реклама – демонстрировался наш музыкальный фильм «Черевички» в немецком переводе – «Пантофельхен» (туфельки). Странно под этой немецкой надписью выглядел Максим Михайлов в роли Чуба или Григорий Большаков в роли Вакулы.

Как-то вечером наше военное командование устроило в Гранд-отеле прием для театральной общественности Вены. Среди гостей присутствовал министр просвещения Эрнст Фишер, общественный деятель Матейко, дирижер Йозеф Крипс, композитор Бауэр, руководители театров, артисты. Гости разговорились. А потом состоялся импровизированный концерт, имевший немалое значение для установления взаимопонимания. Вообще, мы придавали большое значение общению с местной театральной общественностью, понимая, что каждая наша встреча, каждое выступление – это залог укрепления дружбы между нашими народами, мирного сотрудничества. И следует сказать, что общение всегда было плодотворным, дружеским. Обстановка доброжелательности нарушилась лишь один раз. Д.Ойстрах должен был исполнять концерт А.Хачатуряна для скрипки с оркестром. За три часа до начала к нему явился дирижер Фриц Седлак и заявил, что у него пропал портфель, в котором была партитура концерта. Пришлось Д.Ойстраху делать замену – он исполнил концерт Чайковского. Однако чуть позже концерт Хачатуряна для скрипки с оркестром венцы все-таки услышали: на самолете из Москвы Д.Ойстраху доставили другой экземпляр партитуры.

На протяжении всех наших гастролей в ложе сидел дирижер В.Краус, не принимавший никакого участия в концертах. Мы заинтересовались его особой. Это

был один из виднейших австрийских музыкантов, возглавлявших концертную жизнь столицы во времена гитлеровской оккупации. После освобождения Вены нашими войсками В.Краус отошел от работы и остался в качестве постороннего наблюдателя. На смену ему пришел другой крупный музыкант – Йозеф Крипс, подвергавшийся в те времена преследованиям фашистов. Как музыкант В.Краус интересовался искусством «большевистской России» и хотел воочию убедиться, на какой ступени развития будут его представлять советские артисты. Во время наших выступлений он хмуро молчал, ни с кем не делился мнениями, не аплодировал. Его правая рука была запущена в пышные бакенбарды; время от времени он приглаживал волосы. На заключительном фестивальном выступлении всей нашей группы Краус не выдержал и сказал рядом сидевшему советскому офицеру:

- Теперь, кажется, я начинаю понимать русский язык...

Не желая отталкивать от себя этого музыканта, мы решили пригласить В.Крауса на банкет, где он, окончательно «добитый» нашей доброжелательностью, признался в своих заблуждениях и не искал никакого снисхождения.

Йозефа Крипса, с которым у нас установился полный творческий контакт, мы пригласили посетить с концертами Москву.

Блестяще прошел концерт Л.Оборина. Наталья Шпиллер покорила слушателей изумительным исполнением партии Баттерфляй в опере «Чио-Чио-сан». Триумфальными были выступления прославленных артистов балета Г.Улановой и В.Преображенского. Неотразимо прекрасно звучало трио Л.Оборин, Д.Ойстрах и С.Кнушевицкий. Словом, австрийцы были покорены...

Наконец, 8 августа – большой прощальный концерт. Как я уже упоминал, ввиду комендантского часа все зрелища в Вене были по существу дневными, а в дневных концертах артисты по традиции выступают в обычных темных костюмах. На этот раз комендатура в виде исключения разрешила сделать концерт вечерним, и потому мы все были во фраках, а наша единственная певица – Н.Шпиллер – в длинном вечернем туалете. Концерт длился четыре часа и окончился в 12 часов ночи.

Наши фраки повергли венцев в глубокое изумление, а платье Шпиллер вызвало в зале нечто вроде шока. Зрители не верили своим глазам. Как, эти «азиаты» умеют носить фраки? Нам было скорее смешно, чем обидно, а если и обидно, то не за себя, а за венцев, поверивших упорной злобной пропагандистской лжи.

Один советский офицер, майор, после концерта рассказывал нам, что он сидел рядом с пожилой дамой. Увидев фраки, она пришла в непонятное возбуждение, ахала, вздыхала, всплескивала руками и все порывалась что-то спросить у соседа в форме советского офицера. Но правила хорошего тона, которые она и без того уже нарушила своим слишком откровенным проявлением чувств, мешали ей это сделать. Наконец, когда вышла Шпиллер, дама не выдержала, обратилась к майору с вопросом:

- Скажите, пожалуйста, а в каких костюмах выступают ваши артисты у себя дома, в России?

Майор в совершенстве владел немецким и был умный человек.

- Разумеется, в красных рубашках, с поясом и в высоких русских сапогах. Знаете, такие сапоги, которые смазывают тележным дегтем, - совершенно серьезно ответил майор.

Дама сначала удивленно подняла брови, но, взглянув майору в лицо, уловила иронию и искренне попросила извинения за глупый вопрос...

Фестивалем официально закончились наши венские гастроли. А в Хофбурге мы дали концерт для гарнизона Советской Армии. После концерта к нам явилась делегация от одной авиачасти, расположенной неподалеку от Вены. Летчики весьма настойчиво приглашали приехать к ним.

- Мы вас приглашаем не для концерта, а в гости, - говорили они. Наши ребята так давно не были в родных краях и не слышали русского пения, что нам будет доставлять огромное удовольствие просто находиться среди вас. Ну, если появится желание, то вы что-нибудь исполните неофициально.

Разумеется, у нас духу не хватило отказать в столь убедительной просьбе. Утром мы выехали в авиационную часть дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта В.Г.Рязанова, расположившуюся в 50 километрах от Вены. Неподалеку от авиачасти – глубокое озеро, а за ним – горы. В наше распоряжение предоставили небольшой особняк, утопающий в зелени.

Генерал Рязанов был родом из Нижнего Новгорода. Открытый, широкий, он сразу располагал к себе. Встретили нас как дорогих, долгожданных гостей. А когда я затянул народные песни про волжские просторы, про раздольные волжские степи, один из летчиков сказал соседу:

- Видишь, Вася, вот мы и дома, на Волге! Да, песня быстрее «ястребка» переносит нас в родные края.

И незаметно начался наш импровизированный концерт. Пела Шпиллер, играли Оборин, Ойстрах, Кнушевицкий. Засиделись далеко за полночь...

Встретило нас чудесное солнечное утро. Выкупались в озере и отправились в обратный путь. По дороге заехали в Хернштейн – замок австрийской императорской фамилии, переданный маршалу Коневу для его резиденции, но которую он, по своей скромности, кажется, так и не использовал.

До отъезда осталось еще два дня. В порядке поощрения нам дали возможность посетить Южный Тироль – одно из красивейших мест Европы. В жизни ведь не часто бывают такие поездки. И поэтому я не могу не поделиться с читателями своими впечатлениями.

Дорога уже сама по себе представляла интерес, но когда среди диких скал перед нами открылся средневековый монастырь «Хайлигенкрейц» («Святой крест»), то нам показалось, что мы попали в сказку. Строгие архитектурные формы подчеркивали мощь дикой природы.

В последний день мы решили посмотреть в кино популярный художественный фильм «Девушка моей мечты». На картину мы отправились в сопровождении советского капитана, который брал нам билеты. Пока капитан ходил в кассу, сеанс уже начался. Не нарушая общего порядка, мы тихонько в темноте пробрались в ложу. Вдруг показ фильма прекратился, и зажегся полный свет. Директор кинотеатра объявил, что в зале находятся советские артисты и, пользуясь случаем, он приветствует их от имени публики. Раздались аплодисменты, и взоры всего зала устремились в нашу сторону. От неожиданности мы почувствовали неловкость, но так как аплодисменты продолжались, то пришлось встать и раскланяться. Свет погас, и фильм пустили с самого начала.

А.Иванов. Жизнь артиста. М.: Советская Россия, 1978

Г.УЛАНОВА
солистка балета

В ВЕНЕ

На днях в Москву из Вены возвратилась бригада мастеров искусств в составе Г.Улановой, Д.Ойстраха, Н.Шпиллер, Л.Оборина, А.Иванова, С.Кнушевицкого, В.Преображенского, Н.Капустиной, Б.Борисова, А.Макарова, А.Жака и О.Кайдаловой (бригадир). В течение 25 дней своего пребывания в Вене бригада дала свыше 30 концертов.

Ниже мы печатаем путевые заметки Г.Улановой.

В городском саду Бадена под Веной есть маленький храм – простая, утопающая в зелени, беседка. В ней гениальный Бетховен писал свою Девятую симфонию.

Венское кладбище – пантеон бессмертных. Не туристское любопытство влекло нас к этим местам. Мы принесли цветы на могилы Бетховена, Шуберта, Штрауса. Рядом с нами в благоговейном молчании у могил великих композиторов стояли русские воины-победители, освободившие этот край от оков фашистского рабства.

Свой первый концерт мы дали в помещении драматического театра (оперный театр до основания разрушен бомбардировкой). В этом театре я сразу же почувствовала себя легко и свободно – до такой степени по архитектуре и внутреннему убранству напоминал он Ленинградский театр имени Пушкина. Только пол на сцене, устланный линолеумом, внушал серьезные опасения – как танцевать на эстраде, все отражающей, как в зеркале, и с виду скользкой! Но опасения оказались напрасными.

Население Вены принимало нас восторженно. Цветы, поздравления, просьбы подарить автограф сопутствовали нам от концерта к концерту. Горячие аплодисменты и топот, которым экспансивные венцы выражали свое одобрение, порой заглушались могучим русским «ура!» Это приветствовали нас офицеры-соотечественники, с трудом добывшие билеты в залы, переполненные венской публикой.

В честь пребывания советских работников искусств в Вене артисты оперного театра показали «Бориса Годунова» в концертном исполнении. Это было трогательно и знаменательно. Здесь нашла свое выражение любовь венцев к русскому музыкальному творчеству, находившемуся под запретом при немецком господстве в Австрии. Я видела объемистый каталог произведений, исполнение которых считалось преступлением перед немецким «новым порядком»; в числе «запрещенных» композиторов я нашла имена Глинки, Мусоргского, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Бородина, Чайковского...

Успех наших артистов в Вене был ярким проявлением огромного интереса к советскому искусству в этом городе, который слыл до гитлеровской оккупации одним из крупнейших музыкальных центров Европы. Мы могли лишь в небольшой мере удовлетворить этот интерес. Тем не менее, как показывают многочисленные восторженные отклики австрийской печати, выступления бригады стали крупным событием в культурной жизни страны.

На артистов, знакомящих население освобожденных стран Европы с советским искусством, возложена почетная и важная задача.

Об этом сказал нам на прощание прославленный маршал Конев:

– Мастера советского искусства достойно довершают победы Красной Армии – они завоевывают сердца!

Газета «Советское искусство», М., 1945, 24 августа

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ АРХИВ...

Приказ Политического управления Западного фронта об объявлении благодарности бригаде артистов московских театров и эстрады

22 сентября 1941г.

Советские работники искусств в дни Отечественной войны нашего народа с заклятым врагом человечества – немецким фашизмом – рука об руку с Красной Армией и всем нашим народом направляют все свои силы на разгром фашизма.

Выполняя эту почетную задачу, бригада артистов в составе заслуженного артиста Республики Кара-Дмитриева, Балашова, Тоддес, Домогатской, Дамаевой, Холфина, Королева, Николаевой, Ван Тен-тау, Кулакова, Степановой, Соловьевой и Шапиро с 29 августа по 20 сентября 1941г. в действующих частях нашего фронта дали 57 высококачественных концертов. Кроме этого, актеры за время пребывания в частях своим активным участием оказали большую помощь подразделениям в разучивании боевой походной и русской народной песни, по внедрению веселой и задорной пляски.

За добросовестную и высокохудожественную работу в частях фронта объявить благодарность заслуженному артисту Республики Кара-Дмитриеву, актерам Балашову, Тоддес, Домогатской, Дамаевой, Холфину, Королеву, Николаевой, Ван Тен-тау, Кулакову, Степановой, Шапиро.

Политуправление Западного фронта уверено, что благородной работой и впредь работники искусства нашей столицы окажут помощь в выполнении боевой задачи по разгрому фашистских извергов, за счастье нашего народа во славу великой Родины.

Зам.начальника Политуправления Западного фронта
бригадный комиссар Григоренко

Приказ войскам Воронежского фронта

25 октября 1941г. **_№ 14/а_** **_Действующая армия_**

Содержание: *О работе группы артистов Государственного Ордена Ленина Академического Большого Театра Союза ССР.*

Бригада артистов Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР в составе: Народного артиста Союза ССР, дважды Сталинского лауреата, орденоносца - М.Д. Михайлова, заслуженной артистки РСФСР, орденоносца - Е.Д. Кругликовой, лауреата Всесоюзного конкурса чтецов - Л.М.Петрейкова и солиста оркестра ГАБТа П.Г. Швец, - проделали исключительно большую работу по художественному обслуживанию частей фронта.

Бригада обслужила больше 20 000 бойцов и командиров всех родов оружия на передовых позициях. Артисты работали все время в сложнейшей фронтовой обстановке, рискуя жизнью, в полосе артиллерийского и минометного огня противника.

Тесное общение и задушевные беседы исполнителей с бойцами способствовали еще большей доходчивости и действенности искусства. Артисты завоевали горячую любовь у бойцов и командиров. Как правило, все концерты, выступления коллектива переходили в горячие митинги, на которых воины-зрители в ответ на высококачественную творческую благородную работу артистического коллектива, брали на себя конкретные обязательства по истреблению немецких фашистов, по образцовому выполнению боевых задач.

Высокое мастерство исполнения идейно насыщенных произведений музыки, песен, стихов и рассказов вдохновило бойцов, командиров и политработников на новые героические подвиги, помогало росту патриотического подъема, разжигало ненависть к врагу, во славу нашей Родины.

За высокое мастерство исполнения прекрасных патриотических песен и музыки, за большую культурную и политическую работу, проделанную в частях и соединениях фронта – Приказываю:

1. Народному артисту Советского Союза ССР, дважды Сталинскому лауреату, орденоносцу Максиму Дормидонтовичу Михайлову, заслуженной артистке РСФСР, орденоносцу Елене Дмитриевне Кругликовой, лауреату Всесоюзного конкурса чтецов Лазарю Марковичу Петрейкову, солисту оркестра ГАБТа Петру Григорьевичу Швец – объявляю благодарность.

Красноармейское спасибо коллективу Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР, приславшему на фронт прекрасную группу.

Командующий Воронежским фронтом генерал-лейтенант Голиков
Член Военного совета Воронежского фронта бригадный комиссар Кузнецов
Начальник политического управления Воронежского фронта
бригадный комиссар Шатилов.

Письмо командования 110-й стрелковой дивизии дирекции ГАБТ Союза ССР с благодарностью за выступления артистов

1942г.

Дорогие товарищи!

Командование дивизии, бойцы, командиры и политработники наших частей горячо и искренне благодарят Вас за то большое, теплое, творческое внимание, которое Вы оказали нам в знаменательный день – день первой годовщины сформирования нашей дивизии.

Выступления посланного Вами квалифицированного, тщательно подобранного и высокоталантливого коллектива московских артистов - Звягиной С.Н., Хрусталева В.Я., Сидоровой Е.Г. и Воробьева Г.А. – прошли блестяще, обслужили все наши части, в том числе и находящиеся на передовой линии, причем подавляющую часть своих выступлений артисты провели непосредственно в частях. Всего за короткий период своего пребывания у нас коллектив провел девять выступлений.

Бойцы, командиры и политработники наших частей восторженно отзываются о выступлении всего Вашего коллектива и каждого артиста в отдельности.

Бойцы заявили, что приезд к ним московских артистов ярко продемонстрировал им нерушимое единство, существующее в нашей стране между фронтом и тылом, что любовь и внимание, оказанное им Москвой присылкой на дивизион-

 ный праздник артистов, еще раз вселил в их сердца уверенность в близкой победе над озверелым врагом.

Прошедший год – год напряженного боевого пути нашей дивизии - этот год закалил нашу волю и сердце, зажег личный состав дивизии священной ненавистью к немецко-фашистским врагам и вассалам.

Этот год, как никогда, научил нас любить глубокой великой любовью наш советский народ, его социалистическую культуру, нашу Родину-мать, нашу родную прекрасную Москву, великую большевистскую партию.

Вы можете быть, дорогие наши товарищи и друзья, уверены в том, что наша дивизия с честью выполнит свой долг перед Родиной и что вместе со всей Красной Армией мы выполним приказ (...) об окончательном разгроме фашистских оккупантов в 1942 году.

Желаем вам, дорогие товарищи, дальнейших успехов в Вашей плодотворной, ответственной и по-настоящему боевой работе, помогающей нашей доблестной Красной Армии ковать победу над врагом.

Да здравствуют трудящиеся славной Советской страны!

Военный комиссар 110-й стрелковой дивизии
полковой комиссар А. Соколов,
Начальник Политотдела 110-й стрелковой дивизии
ст. батальонный комиссар Королев.

Письмо командования 37-й зенитно-стрелковой бригады дирекции ГАБТ СССР с благодарностью за выступления артистов. 4 августа 1942г.

Дорогие товарищи Я.Л. Леонтьев и Ф.Л. Петров!

Ваше чуткое и внимательное отношение к части, которая находится в особых условиях, заслуживает того, чтобы принести вам от всех бойцов, командиров, комиссаров и политработников вверенной мне части красноармейское спасибо.

Показ мастеров вокального, балетного и музыкального искусства – это проявление связи крупнейшего театра СССР с красноармейскими массами, которые идут непосредственно на фронт разить врага.

Присланная вами бригада за три дня, проведенных в нашей части, сделала большую работу. Достаточно сказать, что за это время было дано столько концертов, сколько мы их просили (семь концертов). Причем все концерты были проведены на высоком художественном уровне, достойном крупнейшего театра Советского Союза.

Имело место сочетание классической музыки и пения с советской тематикой, что было весьма доходчиво до красноармейской массы. Это особенно удалось солистам оперы тт. Т.А. Парфененко и Н.В. Синицыну. Они сочетали советскую песню с классическим репертуаром. После каждого концерта бойцы напевали мотивы исполненных песенок т. Парфененко «Синий платочек» (со словами, полученными на фронте), «Кисет» и другие. Также исполнено Н.В. Синицыным «Сердце красавицы» из оперы «Риголетто».

Нельзя не отметить хорошее исполнение классического репертуара солистской оперы т. Н.Л. Бенисович.

И как всегда концерт завершался веселой красноармейской пляской, великолепно исполняемой солистами балета тт. Ивлиевым и Рыбкиным.

Весь репертуар музыкальный, хорошо исполняемый солистами оркестра тт. Терпливым и Гурфинкелем, а также вокальный и балетный, исполняемый молодой балериной т. Садовской.

Все это поднимало дух бойца на новые боевые успехи.

Особо отмечаем работу концертмейстера т. Б.М. Юртайкина, который несмотря на то, что у нас в клубах инструменты не в порядке, иногда ниже или выше, тов. Юртайкин сам транспонировал, и концерты проходили успешно.

Заканчивая письмо от лица командования, еще раз искренне вас благодарим и надеемся, что в дальнейшем по нашей просьбе вы нам не откажете помочь в высылке такой бригады, с тем чтобы перед отправкой на фронт поднять дух бойцов на боевые подвиги, тем более, что искусство находится на вооружении Красной Армии.

Комбриг 37-й ЗСБ Ткачев,
Комиссар бригады Гвоздовский,
Начальник политотдела Конюхов.

ИСКУССТВО РОДИНЫ

К выступлениям фронтовой бригады артистов Московского Государственного Большого театра в наших частях

В горячие дни боев за Берлин, на фронтовых дорогах, среди бесконечного потока военных машин, можно было часто видеть запыленный «студебеккер» с необычным грузом. Регулировщицы с улыбкой провожали машину и дружески козыряли ее штатскому «экипажу». Это фронтовая бригада артистов Московского Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР спешила на передний край, чтобы в редкие часы затишья украсить досуг бойцов своим ярким и замечательным искусством.

В лесу, на полянке, или в тесном блиндаже, порою под грохот батарей, волнующе звучали родные русские песни. Они напоминали бойцам о далекой Родине, о Москве, о скорой победе над врагом...

Фронтовая бригада Большого театра (руководитель Н. Спасовская) прошла с воинами Красной Армии большой и славный путь. Начав работу среди бойцов, освобождавших Крым, бригада обслуживала наших воинов в Венгрии, Чехословакии, Польше, а с февраля этого года – и части нашего фронта. Сегодня бригада дает свой 150-й концерт.

За время пребывания на нашем фронте бригада обрела много боевых друзей. Среди них – и воины, штурмовавшие познанскую цитадель, и летчики, прикрывавшие переправы на Одере, и прославленные танкисты-богдановцы, и герои уличных боев в Берлине. 5 мая бригада дала концерт в рейхстаге – первый в Берлине концерт советских артистов, знаменовавший собой не только победу нашего оружия, но и торжество советского искусства над гитлеровским мракобесием.

Позавчера состоялся первый концерт бригады для генералов и офицеров наших частей. Вечер прошел с большим успехом. Горячо были встречены солисты Большого театра С.В. Гоцеридзе, П.И. Селиванов и заслуженная артистка РСФСР Е.К. Межерауп, исполнившие арии из опер «Евгений Онегин» Чайковского, «Русалка» Даргомыжского и другие арии, романсы и русские песни.

Высокое художественное мастерство продемонстрировали солисты балета Большого театра Наталия Спасовская и Игорь Лентовский. С большим темпераментом ис-

 полнили они испанский танец, горскую пляску и танец по мотивам «Фантазии» Брамса.

Большое удовольствие доставили слушателям солист оркестра Большого театра Юлий Реентович (скрипка), исполнивший ряд произведений Глиэра, солист Московской государственной филармонии Н.В. Корольков (рояль), солист оркестра ГАБТ СССР П. Швец (баян). Весело, под хохот зала, прошли остроумные скетчи «Сюрприз» и «История одного знакомства» в исполнении артистов Московского Государственного театра сатиры А.М. Киселевской и В.Н. Анисимова.

В заключение вечера генерал-майор Кощеев горячо поблагодарил участников концерта за радость, доставленную слушателям мастерским исполнением произведений классического репертуара и народного творчества.

– Ваши песни – сказал тов. Кощеев, – донесли до нас теплое дыхание Родины, прозвучали приветом из любимой Москвы.

Бригада пробудет в наших подразделениях месяц и даст ряд концертов для бойцов и офицеров.

Капитан А.Шифман

Газета «Советский боец», 1945, 17 мая

КОЛЛЕКТИВУ МОСКОВСКИХ АРТИСТОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ СУСАННЫ ЗВЯГИНОЙ

Наш полк дерется на юге за родной Донбасс с немецким фашизмом второй год. Люди полка вписали не одну героическую страницу в дни Отечественной войны. Сегодня мы слушали вас и чувствовали – «после боя сердце просит музыки вдвойне».

Мы слушали концерт и отдыхали, вспоминали наше прошлое, счастливое и мирное, боевое настоящее и будущее – встречу с родными, все это было выражено в ваших рассказах, песнях и плясках.

Мы видели, что вы, представители гордой Москвы, – вместе с нами, людьми, которые здесь отдыхают, а завтра полетят бомбить врага. Этот концерт влил в нашу боевую жизнь новую энергию.

Благодарим весь коллектив, ибо трудно выделить кого-либо, так как каждый из вас отдавал все свои способности для нас – фронтовиков.

Ваш концерт вдохновляет нас на новые подвиги.

Зам.командира Н-ской части по политчасти, майор – Голубев
Дважды орденоносец, капитан – Пеколок
Капитан-орденоносец, летчик – Семенюк
Орденоносец, летчик – Кубышкин
1942г.

ЧАСТЬ 6

Юность и детство, опаленные войной

Как это было! Как совпало -
Война, беда, мечта и юность!

Давид САМОЙЛОВ

Зоя ЛЯШКО
заведующая музеем
Московского хореографического училища

В архивном фонде училища имеются немногочисленные, теперь уже ставшие уникальными, документы о работе училища в годы Великой Отечественной войны. Среди них – дневник, который велся в училище. Записи в нем позволяют судить об учебном процессе, об общественной деятельности педагогов и учеников во время пребывания школы в эвакуации в городе Васильсурске.

Первые страницы посвящены событиям последних дней мирной жизни – это план выпускного концерта училища в Большом театре и выпускного вечера в училище с торжественной частью, вручением подарков, концертом, чаем, танцами и непременным в те годы капустником. Через несколько страниц – планы о проведении летнего отдыха учеников в пионерском лагере в Поленово и о подготовке к новому 1941-1942 учебному году.

Но с девятой страницы записи в дневнике резко меняются. Перед нами список эвакуированных в Васильсурск педагогов и учеников, в котором – художественный руководитель училища Н.И.Тарасов, педагоги Е.А.Лапчинская, Е.Н.Сергиевская, Е.Я.Попова, И.П.Дега, концертмейстер К.А.Потапов, а также ученики младших классов Петя Андрианов, Гога Бовт, Валя Блинов, Лида Крупенина, ученики средних и старших классов Юра Выренков, Евгения Минская, Ваня Покровский, Люся Сахарова, Петя Хомутов, Женя Ситникова, Рая Стручкова, Ира Дашкова, Виолетта Бовт, Мира Редина, Саша Лапаури, Игорь Филатов, Лида Хлюстова – они стали потом известными танцовщиками, педагогами, балетмейстерами.

Учебный год начался, несмотря на трудности с жильем, на то, что не было в Васильсурске залов, приспособленных для занятий. Педагоги поставили перед собой задачу планомерно вести занятия по специальным и общеобразовательным дисциплинам, готовить концерты для госпиталей и эвакуированного населения, проводить беседы с учащимися, посвященные истории нашей Родины, международному положению. Ученики встречались с командирами, бойцами, слушали их рассказы, обсуждали положение на фронтах.

В непривычных, нелегких условиях, далеко от Москвы, от дома дети стараются хорошо учиться, помогают отстающим, лучшие вступают в комсомол.

Страницы дневника рассказывают о том, что в тяжелое для нашей страны время вместе со всем советским народом ученики Московского хореографического училища трудились на колхозных полях, разгружали овощи, заготавливали дрова, собирали лекарственные травы и плоды для госпиталей, собирали хлеб для ленинградских рабочих. Но, пожалуй, самое большое место в общественной жизни школы занимали концерты в госпиталях, колхозах, школах, детских домах и интернатах, перед населением Васильсурска. Сохранился пригласительный билет на концерт учеников хореографического училища Большого театра, как тогда называлось училище. Текст билета написан детским почерком на небольшом листке бумаги в линейку. До наших дней дошли также несколько программок. Вот одна из них:

«*Сабо* – Шалдина, Кряж, Крупенина, Талицкая.
Детская полька – Бовт, Редина.
Полька-дождичек – Бовт, Редина.
Мазурка из балета «Ручей» – Стручкова, Лапаури.

Вариация из балета «Пахита» - Ситникова.
Вариация из балета «Лебединое озеро» - Сахарова.
Классическая вариация – Бовт.
Мазурка – Бовт, Дорофеев.
Вальс – Сахарова, Дементьева, Хлюстова, Семилетникова, Пещурова.
Белорусский – Архипова, Белова, Каменева, Иванова, Соловов, Покровский, Дорофеев, Рыбаков.
Молдаванеска – Бовт, Ситникова, Филатов, Покровский, Соловов, Дорофеев».

В канун нового 1942 года балетмейстер К.Я.Голейзовский, находившийся в эвакуации в Васильсурске, поставил для учеников училища спектакль «Елка Деда Мороза», куда наряду с хореографической композицией были включены вокальные номера и декламация.

Хранящиеся в архиве эскизы декораций к этому спектаклю художника Ф.Ф.Федоровского позволяют более точно восстановить облик спектакля, замысел балетмейстера.

«Спектакль прошел при битковых сборах восемь раз. Вчера (8 января) был последний спектакль. Успех спектакля поразительный. Как-то неудобно о себе писать хорошо, но должен сказать, постановка эта у меня получилась исключительно удачно», - писал К.Я.Голейзовский.

Об успехе спектакля можно судить по следующей записи в дневнике училища: 1 января – премьера, 2 – для актива клуба водников, 3 – для штаба, 4 – госпиталь, 5 – для штаба, 6 – школьники, 7 – школьники, 8, 9, 10 – для населения Васильсурска.

В 1941 году в Васильсурске было дано 60 концертов: 40 – в госпитале, 7 – для уходящих на фронт бойцов, 13 – для эвакуированных школьников и жителей Васильсурска. В 1942 году было дано 34 концерта в госпитале, 4 – для колхозников во время посевной и уборочной, 10 – для колхозников, учеников местных школ и работников поссовета, 4 – в эвакуированных интернатах для учителей и детей.

Вот письмо – приглашение московских школьников ученикам училища от 29 апреля 1942 года: «В течение 6 месяцев пребывания в Васильсурске мы не видели ни кино, ни театра, ваше выступление на вечере 1 мая будет для нас большой радостью».

Сохранилась также копия письма начальника эвакуационного госпиталя Климкова от 3 января 1942 года Председателю комитета по делам искусств при Совнаркоме Союза ССР тов.Храпченко:

«Над эвакогоспиталем НКЗ № 2879 шефствует хореографическое училище при Государственном ордена Ленина академическом Большом театре Союза ССР. Учащиеся этого училища с августа месяца до конца 1941 года дали в госпитале 8 концертов по разнообразной и весьма содержательной программе. В этих концертах участвовало 37 человек. Выступления учащихся всегда пользовались большим успехом, а некоторые концерты превращались в вечера теплых встреч будущих работников искусства с доблестными воинами Красной Армии. После окончания одного из концертов, находящиеся на излечении красноармейцы, командиры и политработники просили нас сообщить Вам о большой работе, проводимой хореографическим училищем по их культурному воспитанию». Это одна из последних страниц дневника.

Дневник – яркое свидетельство того, как в дни Великой Отечественной войны будущие артисты помогали взрослым в их нелегком труде.

В наши дни в Московском хореографическом училище преподают педагоги, многие из которых были в эвакуации в Васильсурске, в Перми, Свердловске, Куйбышеве, работали в фронтовом филиале Большого театра СССР, выезжали с артистическими бригадами на фронт, есть среди них и участники боев с фашистами. Назовем имена директора училища С.Головкиной, заместителя директора Д.Яхнина, О.Ильиной, Е.Фарманянц, И.Македонской, Л.Литавкиной, Г.Кузнецовой, Н.Золотовой, Е.Малаховской, Р.Петерсон, Б.Рахманина, Л.Жданова, П.Пестова, В.Самароковой, И.Самодуровой, Л.Лавровой, Н.Шапошниковой, Е.Поповой, И.Дашковой.

Журнал «Советский балет», 1985, № 3

Председателю Васильсурского Поссовета
тов.Хрусталеву

Пионерская организация и учащиеся хореографического училища Большого театра просят принять в фонд помощи Ленинградским рабочим 27 килограмм хлеба от учащихся.

Председатель Совета пионерской организации – М.Салов
Члены Совета В.Соловьев, К.Корягин

В редакцию «Колхозный рупор»

Учащиеся хореографического училища Большого театра, находящегося в Васильсурске, горячо откликнулись на постановление Правительства о выпуске Государственного Военного займа 1942г. Сознавая всю важность борьбы с фашистскими захватчиками и желая быстрого уничтожения врагов, внесли в первые дни подписки в фонд обороны 1000р.

С.Баскина

Р.СТРУЧКОВА
солистка балета

НАШ ЛЮБИМЫЙ ПРОФЕССОР

О Н.И.Тарасове

1941 год. Великая Отечественная война. Будучи директором и художественным руководителем училища, Николай Иванович проводил эвакуацию учеников в волжский город Васильсурск. Поселились мы в клубе водников, там же и занимались. Один зал предназначался для уроков, а остальные комнаты служили спальнями для детей. Было холодно, голодно. Мы тосковали без родительской ласки. По вечерам, когда нам становилось особенно грустно, зимние сумерки навевали мысли о доме, родителях, о беззаботной московской жизни; Тарасов собирал нас у печки-времянки, которую сам заботливо топил, чтобы согреть помещение для завтрашних занятий, и рассказывал, рассказывал... Представьте себе эту картину: полумрак, освещаемый неверным мерцанием огня в топке, а мы, благодаря Николаю Ивановичу, мысленно переносимся в сверкающий огнями зал любимого театра, встречаемся с его замечательными мастерами. Тарасов как-то очень естественно, без назойливой дидактики умел объяснять нам, что здесь, в этих холодных, неуютных комнатах, мы готовимся придти на смену прославленным артистам, что преемственность, верность традициям помогает нам сохранить славу великого

русского балета. «И хотя идет война, - говорил Тарасов, - мы должны учиться, чтобы быть достойной сменой тем, кто сейчас украшает прославленную сцену».

Николай Иванович всегда был с нами, всегда был впереди – собирали ли ребята лекарственные травы или заготавливали в лесу за Волгой дрова. Он вникал во все мелочи нашей жизни, и любую, даже физически очень трудную работу, умел превратить в творчески интересное занятие.

Удивительно трогательно заботился Н.И.Тарасов о самых младших воспитанниках, после уроков все свое время отдавал детям. Делал все, чтобы облегчить нашу жизнь, всегда знал, кто в первую очередь нуждался в помощи. Независимо от возраста ребенка Николай Иванович видел в нем личность.

...Кругом горят коптилки, раскалилась докрасна печка-буржуйка, около которой греется наш «неизменный зритель», посещавший все уроки и живший с нами в большой дружбе, - собачка Цыганок. Пианист Константин Александрович Потапов в валенках и перчатках старается, как волшебник, извлечь какие-то звуки из старого, разбитого пианино. Так мы учились, так готовились к концертам, с которыми выступали перед ранеными бойцами васильсурского госпиталя.

В столь сложных условиях под руководством Касьяна Ярославича Голейзовского был даже поставлен детский балет «Сон Дремович».

К Николаю Ивановичу шли письма из Москвы, с фронта – в них родители детей, которые находились под его опекой, благодарили за заботу. Было поистине героизмом – учить ребят танцу в таких тяжелых условиях, но Николай Иванович смотрел вперед – сохраняя Московскую балетную школу, он заботился о будущем труппы Большого балета, о взаимосвязанности, взаимодействии поколений. Первым помощником Тарасова во всем была его жена Нина Ксенофонтовна, верный друг и спутник жизни. Казалось, она никогда не уставала, все делала с большой сердечной отдачей, окружая в далеком Васильсурске детей материнской лаской.

Когда мы вернулись в Москву, то увидели здание школы осиротевшим, неухоженным – разбитые окна, обвалившаяся штукатурка в классах... И Николай Иванович собрал нас в первый же день по приезде и сказал: «Это наш дом, и мы сами должны сделать его красивым и уютным». Мы начали – снова под руководством Н.И.Тарасова и при его самом активном участии – приводить родное училище в порядок: мыли, чистили, ремонтировали помещения.

Оглядываясь сегодня назад, можно сказать: благодаря энергии, доброму сердцу Николая Ивановича, его умению всех заразить энтузиазмом, училище в последние годы войны подготовило достойные выпуски артистов балета и пополнило труппу Большого театра СССР новыми квалифицированными кадрами.

Журнал «Советский балет», 1983, № 1

Г.БЕЛЯЕВА-ЧЕЛОМБИТЬКО
искусствовед

О Р.С. СТРУЧКОВОЙ

Поколение Стручковой возмужало за один день – 22 июня 1941 года.

Война обрушилась внезапно. Рая Стручкова успела ощутить ее жестокость еще в Москве, до того, как хореографическое училище выехало в эвакуацию. Во время одного из вражеских налетов в их дом попала бомба – живы остались чу-

 дом. Серьезно пострадала бабушка: от контузии она на время потеряла зрение. Мария Иосифовна назначается ответственной за ближайшее бомбоубежище. Ее обязанность – следить здесь за порядком.

Раиса Степановна и сегодня часто вспоминает ту тревожную военную пору, вспоминает во время праздников, встреч с коллегами, друзьями. Есть в ее воспоминаниях определенный лейтмотив. Он акцентирует не ужасы испытаний, выпавших на долю ее и ее близких, но именно то духовное начало, которое выявила война в людях.

...Вражеские бомбардировщики над Москвой. Воют сирены – воздушная тревога. И Мария Иосифовна торопится, беспокоится, собирая людей в бомбоубежище. А в доме семьи с детьми и стариками. Им одним самостоятельно не добраться до укрытия. «Рая, беги, помоги», - посылает она дочку. И та бежит, забывая о страхе...

Покинув Москву в эшелонах для эвакуируемых, Рая Стручкова и ее товарищи оказались перед лицом новых трудностей. Их усугубляла разлука с близкими, ведь многие дети впервые надолго отрывались от семей. Старшие, естественно, взяли опеку над младшими.

Среди ста пятидесяти пяти учащихся хореографического училища, выехавших в волжский городок Васильсурск, шестнадцатилетняя Рая сознавала себя почти взрослой. Она по-матерински ухаживала за малышами. И тут пригодилась ее самостоятельность, умение многое делать, ее оптимизм, так помогающий морально поддерживать слабых.

Училище разместилось в небольшом деревянном клубе водников. Холодно, нет ни постелей, ни мебели, предназначенной для жилья. Первое время, пока не наладили быт, спали все вместе на полу, на расстеленных матрацах, экономя общее тепло. Словом, жили одной семьей, все делили поровну: и голод, и «пиршества» из картошки и хлеба.

Один из залов быстро приспособили для занятий, соорудили станки. Абсолютно все делали своими руками: мальчики научились орудовать пилой и рубанком, заготавливать дрова, топить «буржуйку». А девочки быстро смастерили костюмы и реквизит в ожидании скорой премьеры, которая не замедлила состояться. Несмотря на то, что занимались и репетировали в плохо отопленном зале, она готовилась. Правда, постановщик Касьян Ярославич Голейзовский работал в валенках, а пианисту Косте Потапову уберечь от холода окоченевшие руки не помогали ни валенки, ни телогрейка.

Новый 1942 год встретили постановкой спектакля. Он назывался «Елка Деда Мороза» («Сон Дремович»). Хореография принадлежала К.Я.Голейзовскому, оформление – Ф.Ф. Федоровскому, музыка – К.А.Потапову. Успех у зрителей удивил даже сдержанного в оценках своих работ Голейзовского. Он радовался вместе с юными зрителями. Новогодняя балетная сказка разыгрывалась ожившими игрушками во сне девочки Маши. Рая Стручкова танцевала партию Снежка, а предварялся спектакль литературным вступлением, которое читал Саша Лапаури.

Наверное, там, в Васильсурске, окончательно сформировался их танцевальный и жизненный дуэт. Столько было пережито вместе трудного, что закалило их содружество! Они много танцевали, выступая перед ранеными в госпиталях, перед колхозниками, рабочими.

Особенно волновали концерты в госпитале, над которым училище взяло шеф-

ство. «Они видели в нас не просто артистов, а своих детей, таких же, каких оставили в городах и селах. Они глядели на нас, одетых в сшитые из марли и подкрашенные кое-как пачки, и трудно было понять, чего больше было во влажных глазах солдат – удовольствия от концерта или отцовского чувства», - рассказывает Стручкова.

Обычно такие концерты проходили на импровизированных тесных площадках, на отгороженной кроватями части больничной палаты. Как-то раз, танцуя с А.Лапаури дуэт, после верхней поддержки Рая опустилась ногой не на поверхность пола, а буквально на колени сидящего рядом солдата. «Ничего, не стесняйтесь, ребята, В тесноте, да не в обиде», - одобрительно улыбнулся раненый.

Вот такими были первые концерты Р.Стручковой. Их атмосферу кровной духовной близости со своим народом она пронесет через все творчество.

В годы эвакуации Раиса Стручкова – одна из самых активных молодых танцовщиц. Ее имя особенно часто упоминается в связи с васильсурским периодом училища. Тогда же она вступила в комсомол.

«Обращаясь мыслями к тем дням, я вспоминаю небольшой волжский городок Васильсурск, - пишет Раиса Степановна. – Он приютил и обогрел эвакуированное из Москвы хореографическое училище, отдал ему свое лучшее здание, кормил и поил будущих танцовщиков. Нам, старшеклассникам, нестерпимо малым казалось все то, чем занимались мы тогда, - в нас постоянно жило желание как-то действительно помочь стране, фронту. Конечно, все мы тайно мечтали о подвигах, о больших свершениях, но повседневная суровая действительность требовала реального труда – дежурств и концертов в госпиталях города, работы по заготовке дров, часть которых отдавалась все тем же госпиталям, помощи окрестным колхозам, шефства над младшими воспитанниками училища... Военные будни приучили нас добросовестно выполнять (пусть небольшое!) дело, которое в данных условиях было необходимо.

Там же, в Васильсурске, я получила важный урок на всю, как говорится, оставшуюся жизнь. Мы, группа старшеклассников, вступили в комсомол, и в тот зимний день нам должны были вручить комсомольские билеты. Мы пошли в райком, который находился в расположенном на другом берегу Волги поселке Воротынец. Короткий зимний день кончался, смеркалось, началась метель... Но мы упорно продолжали свой путь, крепко взявшись за руки, помогая друг другу бороться с вьюгой, не давая друг другу упасть, отстать, затеряться. Тот, кто бывал в тех местах, знает, что идти по огромной, никак не защищенной от шквального ветра, покрытой льдом Волге, да еще в сильный мороз, совсем не просто. А мы были так счастливы! Вот когда я наглядно убедилась, какую великую силу представляет собой единство, сплоченность, дружеская поддержка. Участвуя позже в антивоенных манифестациях, митингах, шествиях, объединявших огромное разноязыкое племя защитников мира, я вспоминаю тот васильсурский вечер, маленькую цепочку подростков, упрямо пробивающихся сквозь снежную пелену метели». О двух зимах, пережитых в Васильсурске, Раиса Стручкова говорит как о самом важном моменте своего становления, научившем понимать всю меру ответственности перед людьми и перед великим искусством балета.

Две волжские зимы стали для нее преддверием дальнейшего пути художника – во многом благодаря тому, что она находилась рядом с замечательным человеком и учителем Николаем Ивановичем Тарасовым. Это на его плечи легла труднейшая миссия сохранить здоровье и жизнь детей, не вычеркнув из их професси-

 ональной биографии короткие, но в то же время чрезвычайно важные для балетного танцовщика два года.

«Это было подвигом – учить ребят танцу в таких тяжелых условиях. Но Николай Иванович смотрел вперед. Он не просто сохранял жизнь московской балетной школы, но сумел развить и укрепить ее традиции», - подчеркивает Раиса Стручкова.

Из васильсурских питомцев Н.И.Тарасова вышло немало известных исполнителей: Р.Стручкова, А.Лапаури, В.Бовт, Г.Бовт, М.Редина, Л.Крупенина, Е.Талицкая и многие другие. Для всех них Тарасов и его жена Нина Ксенофонтовна в те трудные месяцы заменили родителей.

Николая Ивановича безмерно уважали и любили. От «Ники» (так звали его дети) не скрывали ничего: ни первых юношеских поцелуев, ни самых горьких обид. Он пожурит, внимательно выслушает, искренне воспримет услышанное. Так и стоит в глазах у Раисы Степановны заботливый Ника, тихо ступающий между спящими детьми, отечески поправляющий откинутые одеяла. Или сидящий рядом с «буржуйкой», долго и бережно разогревая ее щепками.

Мы не будем говорить здесь о Николае Ивановиче – мастере, педагоге. О нем много сказано и написано. Искусство такого художника оставалось бескомпромиссным и в эвакуации. Его уроки для Р.Стручковой были бесценными в те решающие годы учебы, когда обычно из ученицы формируется артистка. Вот почему, вернувшись в Москву, она смогла блестяще окончить училище.

Васильсурск! Кажется, она помнит каждый день, проведенный там, будто он был вчера, хотя никогда больше не возвращалась, не заглядывала в городок у излучины Волги и Суры.

Фронт отходил на запад, хореографическое училище вернулось в Москву. Родное здание на Пушечной улице встретило выбитыми стеклами окон, горами обвалившейся штукатурки: чувствовалось разрушительное вмешательство бомбежек, хотя и непосредственно в здание школы бомбы не попадали. Ребята своими силами отремонтировали залы и приступили к занятиям. Раисе Стручковой предстоял ответственный заключительный аккорд ее учебы – выпускной экзамен и концерт.

Рая повзрослела, технически окрепла. Уже стал проглядывать в ее чертах женственный очаровательный облик будущей Стручковой. Особенно выразительна она была в композиции «Жаворонок» К.Голейзовского на музыку В.Шебалина. Нежный рисунок классического танца окрашивался русскими пластическими мотивами, как бы вторящими звонким трелям жаворонка незатейливыми мелодиями пастушьей дудочки.

Елизавета Павловна Гердт еще не вернулась из эвакуации, и выпускной класс взяла Мария Алексеевна Кожухова. Она решила подготовить со Стручковой два па де де из «Лебединого озера» - из второго и третьего актов. Одетта и Одиллия – молодой танцовщице предстояло продемонстрировать одновременно и талант актерско-пластического перевоплощения, и свою техническую подготовку. Педагог подготовила к выпуску свою ученицу без малейших технических скидок, считая, что Рая выдержит и тридцать два фуэте и не погрешит против тончайших стилистических требований партии.

Так и произошло. 7 августа 1944 года на выпускном спектакле в Концертном зале имени Чайковского двадцать пять воспитанников училища выходили на большую сцену. Раиса Стручкова сразу заявила о себе как о будущей балерине, видевшие ее тогда предрекали ей большое будущее в Большом театре.

Русская школа, школа Е.П.Гердт, уже тогда замечательно проявилась в ее танце: мягкие «говорящие» руки, выразительная элегантная стопа, строгость и женственность исполнения, безупречная отделка мелких и связующих движений. А самое главное – в танце Стручковой ощущался девиз Гердт: «Не расплескай душу!»

С фотографии выпускников 1944 года Рая Стручкова смотрит открытым, чуть наивным взглядом. Подобраны на висках темные волосы, скромна, сдержанна. Довольно далеко от нее в ряду юношей Саша Лапаури, как всегда, избегающий показывать свои чувства. То было время расцвета их молодой любви. Они решили пожениться и вскоре стали супругами.

Скупая, военная Москва сороковых годов материально не баловала восемнадцатилетних молодоженов. Они много выступали, их дуэт часто приглашался в концерты. Юные артисты не отказывались от работы, несмотря на то, что танцевать порой приходилось в студеных помещениях. Особенно часто их номер «Охотник и птица» (на музыку Э.Грига) включал в концерты директор студии Театра имени Станиславского, а расплачивался ...буханкой черного хлеба.

Вспоминается и канун 1945-го. У них с Сашей поздний вечерний концерт, спешат домой, в Козицкий переулок, чтобы успеть встретить Новый год. Но чуть-чуть не поспели... Бой часов застает на Пушкинской площади. У них с собой хлеб и кулечек с конфетами-подушечками. Присели на скамейке, мысленно чокнулись – глаза в глаза. Саша сказал: «Пусть конфеты будут нашим новогодним шампанским!» Замерзшие, проголодавшиеся, но переполненные счастьем надежд, они вступали в победный 1945 год.

Позволим себе процитировать фрагмент из неопубликованных заметок Раисы Степановны Стручковой «Большой театр в моей жизни»: «Впервые придя в Большой театр, я ощутила, что театр – это особый, ни на что не похожий мир. На сцене идет спектакль! Свершается таинство рождения прекрасного, неповторимого живого искусства. За кулисами – легкий запах грима, пудры, декораций. Проносят костюмы. Пробегают артисты. Из залов слышна музыка из разных спектаклей. Идут репетиции! Огромные залы. Горящие люстры. Великолепие декораций».

Ощутив эту завораживающую атмосферу, я полюбила театр на всю жизнь. В детстве участие в спектаклях Большого театра для нас, учеников хореографического училища, было огромным праздником. Мы с нетерпением ждали, когда нас займут в балетах, операх, где мы изображали цветы, амуров, эльфов, птиц.

Во время репетиционной работы, уже будучи в старших классах, мы с трепетом смотрели на творческую работу артистов балета. И в суровые, тяжелые годы войны, далеко от Москвы, от Большого театра, мы, занимаясь классикой в труднейших условиях, часто вспоминали о Большом театре и мечтали снова там оказаться.

И вот наступил момент, когда мы держали экзамен на зрелость. Наступил самый счастливый день, когда нам сказали, что после конкурса мы приняты в Большой театр и стали артистами балета.

Г.Беляева-Челомбитько. Раиса Стручкова. М.: Балет, 2002

В.ТЕЙДЕР
театровед

ОБ А.А.ЛАПАУРИ

Беззаботное детство внезапно окончилось. На страну обрушилось страшное испытание – война.

Хореографическое училище было эвакуировано в маленький городок Васильсурск, расположенный в излучине двух рек – легендарной Волги и Суры. Интернат был размещен в бывшем клубе водников и в поселковом клубе.

Вспоминая о том времени, Лапаури писал: «Мы, старшие, тринадцати-четырнадцатилетние ребята, в один день стали взрослыми. Причем это было сознательное взросление с чувством предельной ответственности за любое исполняемое нами дело и с чувством какой-то родительской заботы о наших младших товарищах. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь не выполнил порученное ему задание. А дел было много!»

Прежде всего, надо было своими силами срочно переоборудовать клуб под жилье, а зрительный зал – для занятий специальностью. Те, кто раньше никогда не держал в руках топора и пилы, орудовали ими теперь, как заправские дровосеки: дрова для отопления приходилось заготавливать самим. А кто не был знаком с иголкой и ниткой – теперь довольно ловко справлялись с ремонтом своей одежды, шили костюмы для выступлений.

Подготовив помещение для занятий, все дружно принялись за учебу. Изо дня в день, как и прежде, вставали они к станку и усердно проделывали необходимые экзерсисы, чтобы еще хоть на шаг приблизиться к заветной профессии танцовщика. Одновременно ученики стали давать концерты для раненых и населения города. Надо было срочно создавать репертуар, шить костюмы, делать реквизит. К великой радости всех, в городок на попутной барже прибыл К.Я.Голейзовский. Здесь он в канун нового, 1942 года, поставил по собственному либретто небольшой спектакль «Елка Деда Мороза» на музыку, сочиненную концертмейстером К.А.Потаповым. Ф.Ф.Федоровский вместе со своими маленькими помощниками осуществил оформление балета. Костюмы тоже мастерили сами с помощью взрослых. Саша Лапаури перед началом спектакля читал поэтическое вступление, вводившее зрителей в сказочный мир оживающих игрушек – двух Куколок, Паяца, Красной Шапочки и Волка, Мальчика-с-пальчик и Людоеда, Кота и Кошечки. Новогоднее представление прошло с большим успехом, оставив яркое впечатление не только у детей, но и у взрослых.

Позднее Голейзовский создал вторую редакцию этого балета и назвал его «Сон-Дремович». Музыку к новому балету написал композитор Н.Чемберджи.

В Васильсурске сцены как таковой не было, для нее отводилась часть зрительного зала, освещаемая двумя керосиновыми лампами. Площадка была совсем крохотной, но зато ребята с удовольствием танцевали, исполняя почти импровизированные номера. Так возник в этом городке своеобразный очаг культуры. В этих концертах принимал участие и Лапаури, которого из-за крупного сложения очень часто объявляли «артистом». Вместе с Е.Лапчинской они исполняли «Мазурку» на музыку Венявского. «Не знаю, какова была художественная ценность нашего выступления, но энтузиазма и самоотдачи было хоть отбавляй!» - признавался три десятилетия спустя артист.

Случалось, что вместе со взрослыми им приходилось выезжать на розвальнях с концертами далеко за пределы городка. Замерзнув, они бежали за дровнями, чтобы согреться, а потом, несмотря на усталость, с удовольствием танцевали. Благодарные зрители, видя энтузиазм самоотверженных гастролеров, часто устраивали для них коллективные обеды, чтобы хоть как-то поддержать детей, оказавшихся оторванными от родного жилья и близких.

С особой ответственностью ученики относились к выступлениям перед ранеными бойцами. Эти трогательные встречи запомнились на всю жизнь. «Вы для нас – наши дети, наш дом, наш мир, который мы обязательно вернем, чего бы нам это ни стоило!» - говорил один из бойцов, у которого были ампутированы обе ноги. Эти слова простого солдата глубоко врезались в сознание каждого и были высшей оценкой самозабвенного труда ребят.

Трудно переоценить воспитательное значение этих концертов, способствовавших познанию жизни советских людей в те трудные годы. Любое проявление слабости даже среди самых маленьких считалось постыдным, позорившим звание советского школьника.

Едва дождавшись положенного возраста, в комсомол вступали все без исключения, вступил в комсомол и Лапаури.

Этот день запал в его память надолго: в снежную метель, продрогшие, шли они в районный центр за комсомольскими билетами. Но настроение у подростков было приподнятое, и возвращались они как-то по-особенному подтянутые, взволнованные. Мужали бывшие дети, становились рассудительными и деловыми людьми. Мир был для них не пустой абстракцией, а той конкретной реальностью, за которую надо бороться, не жалея сил. Именно так они понимали свои задачи и вместе со старшими с достоинством несли лишения эвакуации.

Закалился и характер Лапаури. Уже тогда его отличали сильная воля и талант организатора. Среди ребят, которые выбрали его своим комсомольским вожаком, он был, несмотря на равный возраст, вожаком с заслуженным авторитетом. Эти черты в характере юноши сознательно развивал Н.И.Тарасов, поддерживая интересные начинания, которые юноша организовывал.

В июне 1942 года Саше Лапаури исполнилось шестнадцать лет. За год эвакуации он заметно вытянулся и возмужал, и только чрезмерная нетерпеливость подчас выдавала в нем подростка. В Васильсурске окрепло его чувство к Р.Стручковой. Здесь их сближали и общие трудности, и забота о младших товарищах. Часто они бывали вместе, и каждая встреча приносила им радость молчаливого общения. С мальчишеской застенчивостью он прятал свое чувство от окружающих, хотя оно давно уже не было тайной. Особую радость доставляли ребятам школьные вечера, где сама атмосфера непринужденного веселья делала их дружеские взаимоотношения более свободными. Но Лапаури и здесь скрывал свою привязанность за маской напускного равнодушия, что выдавало его еще больше, и эта врожденная стеснительность доставляла юноше немало душевных переживаний.

Вскоре до Васильсурска донеслись добрые вести: враг от Москвы отброшен. Стали поговаривать о скором возвращении в столицу. У Лапаури с приездом отца, который выхлопотал разрешение на посещение сына, возник план – первым уехать домой.

Москва встретила его непривычно спокойной для столицы тишиной. Чувствовалось, что грозившая опасность позади, и люди как-то особенно приветливы. Но мысли юноши постоянно возвращались к тем, кто жил еще в Васильсурске.

Но и в Васильсурске жизнь круто изменилась: стали готовиться к возвращению в Москву. Всем не терпелось поскорее вернуться домой, увидеться с родными. И вот долгожданные минуты наступили. С приближением поезда к столице всех охватило радостное волнение. Прильнув к окнам, каждый высматривал встречающих. На платформе толпился народ, и среди них – Саша Лапаури и мать Раи Стручковой Мария Иосифовна. Долгая разлука, постоянная тревога друг за друга наконец окончились.

Радостные, счастливые, вскоре все собрались в училище. И ученики, и преподаватели дружно принялись приводить в порядок помещение. Разбитые стекла в окнах заделали кусками картона и фанеры, вымыли классы и залы, расставили уцелевшую мебель. Можно было начинать занятия дома, о чем так долго мечтали в эвакуации. В коридорах и раздевалках, как и прежде, звенели голоса ребят, с детской непосредственностью переживавших радость возвращения. Они вошли в привычную атмосферу школы: здесь все друг друга хорошо знали, и всех сближало одно общее дело – творчество. За первым уроком последовал второй, третий, и все стало входить в обычную колею, знакомую каждому до мелочей. Занятия день ото дня становились напряженнее – приближалась ответственная пора выпуска.

В своих рукописных набросках, сделанных много лет спустя после выпускного экзамена, Лапаури писал: «Приближаются выпускные экзамены. Сил требуется все больше и больше, а трудности на пути к завершению все возрастают. Но какие трудности нельзя преодолеть, если вам по семнадцать лет, если вы любите друг друга, если верите в прекрасное будущее своей Родины!»

Приближалась весна 1944 года, а вместе с ней незаметно наступил и день последнего экзамена. По сложившейся традиции, на экзамен были приглашены гости – ведущие артисты и руководители балета Большого театра. Присутствующие специалисты отметили высокий уровень подготовки будущих танцовщиков и балерин, которые показали крепкую профессиональную выучку и артистизм.

Одновременно с подготовкой к экзаменам шли и репетиции выпускного концерта. 7 августа 1944 года, впервые за все военные годы, в Концертном зале имени П.И.Чайковского состоялся открытый выпускной спектакль учащихся Московского хореографического училища, подготовившего вопреки трудностям эвакуационного времени, группу одаренных балерин и танцовщиков.

В.Тейдер. Александр Лапаури. М.: Искусство, 1980

Н.ФЕДОРОВСКАЯ
художник

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛЬСУРСКЕ

Снежная холодная зима Васильсурска – это не забудется. Как вообще можно забыть эти годы, самые тяжелые. 1941, 1942 годы – они вставали друг за другом, и ты не знал, что же еще более жестокое идет следом...

Шел август 1941 года. Мой отец, Федор Федорович Федоровский, художник Большого театра, работал над камуфляжем Кремля и Большого театра, но совсем скоро мы получили распоряжение уехать из Москвы. Тогда отец сказал мне: «Война – это ненадолго, думаю, месяца на два. Поедем в Васильсурск, будем ловить рыбу».

Мы действительно, почти каждое лето отдыхали в этом прелестном рыбацком поселке на берегу Волги. Плесы, песчаные пляжи, гуляния за полночь, уха на берегу, словом, все летние волжские красоты остались в довоенном прошлом. И как же было хорошо, что мама, не послушав отца, взяла с собой шубы. Конечно, август и сентябрь пролетели, но в Москву мы не вернулись, а остались зимовать в Васильсурске. В этот же маленький городок было эвакуировано и Московское хореографическое училище при Большом театре.

Как жили мы тогда? Думаю, что по военным меркам нормально. Все было организовано, чувствовалась определенная стабильность. И даже проблема питания как-то решалась, кстати, я до сих пор помню вкус варенья из зеленых помидор. Учащихся и педагогов разместили в большом, переоборудованном клубе рыбаков. Оставили одно просторное помещение для утреннего класса, поставили там станки, все остальное было отведено под спальные комнаты. Конечно, не все поместилось в клубе, некоторые также жили в избах у хозяев – словом, мы были эвакуированными. По-моему, в училище тогда много занимались, жили полноценной жизнью: ежедневные классы, репетиции.

Я помню Новый год – 1942. Ребята решили устроить в клубе праздничный концерт для жителей Васильсурска и раненых из многочисленных госпиталей. Танцы поставил сам Николай Иванович Тарасов, тогда директор училища – красивый, гибкий, высокий, а танцевала его жена Нина Тарасова. Рая Стручкова выступала в роли Снегурочки, а Саша Лапаури был Дедом Морозом. Федор Федорович сделал наброски костюмов, педагоги училища сами сшили их. Получился настоящий праздничный концерт и даже арфистка в нем принимала участие, не помню, к сожалению, как ее звали. Вообще ребята много времени проводили тогда в госпиталях – устраивали концерты, просто помогали ухаживать за ранеными.

У Федора Федоровича был заказ: сделать эскизы для «арлекина» (драпировка неподвижной верхней части занавеса) Большого театра. Большая работа, много деталей и точность требовалась графическая. Я ему тоже помогала, мне было доверено выписывать кисти на флагах.

Еще я очень хорошо помню педагога училища Женю Лопчинскую, она жила в Васильсурске с мамой и сестрой. Милая, спокойная женщина, преданная своей работе.

Вскоре отца вызвали для постановки с Л.Баратовым оперы М.Коваля «Емельян Пугачев» в Пермь (бывший Молотов), куда был эвакуирован из Ленинграда Кировский театр. И мы по весеннему ледоходу ушли на разбитом черном пароходе по Волге, а затем по Каме в Пермь. Все пароходы на Волге были тогда такими – последствия Сталинградской битвы.

Но возвращаясь к Васильсурску, хочу сказать, что у меня осталось несколько работ Федора Федоровича того времени. И особенно ярка одна: поздний зимний вечер, избы, укутанные в снег. Я помню, как Федор Федорович в тот вечер вышел из теплой избы на улицу, 52° мороза, волжские просторы, снег искрится, казалось, что все вокруг звенит от этой постоянной мерцающей белизны. Этот вечер запечатлелся в моей памяти, а картина, которая висит в кабинете отца, где я сейчас работаю, постоянно напоминает мне об этом.

Газета «Большой театр», 1995, 17 февраля

ВОЙНА

Я хорошо запомнила первый день войны. На улицах люди грудились возле громкоговорителей, транслировавших героическую музыку и сообщающих свежие новости. Кое-где трамваи прекратили свои маршруты, так как большие группы людей шли по путям к центру города. Лица несли тревогу и напряжение. Начались воздушные тревоги, звук воющей сирены ворвался в нашу жизнь. Немцы ночами бомбили Москву. Весь город погрузился в кромешную темень. Размалевали Кремль, Красную площадь, Большой театр. Маскировка. В небе плавали заградительные цеппелины – ловушки для германских бомбардировщиков. Окна заклеивали крест-накрест бумагой. Впрочем, зачем я все это живопишу. Документальных кадров хроника сохранила во множестве...

Весь театр и школа склоняли новое для ушей слово «эвакуация». Куда будут отправлять, когда, с семьей ли, без. Мита трудилась в поте лица, чтобы первой выведать сокровенный секрет маршрута. Она всегда была «впереди прогресса» и не хотела изменять своим принципам и в этом разе.

В один из сентябрьских вечеров вошла в дом, торжествуя: «Театр едет в Свердловск. Мне сказал по секрету такой-то, - голос был притишен до шепота, - а уж он-то все знает».

Какими путями удалось ей достать четыре билета (два детских) в общий вагон поезда Москва – Свердловск, узнать мне было не суждено. Но она их достала. И мама, я, два брата вновь отправились в путь...

Все с того же Казанского вокзала. Нам удалось выехать из Москвы в конце сентября, задолго – по счету тех дней – до панического 17 октября 1941 года, когда немцы уже вплотную подошли к Москве.

И путешествие поездом, и житье в Свердловске были сплошными мытарствами. Но так мучилась вся страна, и я не ропщу.

В Свердловске мы разместились в квартире инженера Падучева. Его фамилию я запомнила. В тесную трехкомнатную обитель, помимо нас, исполком поселил еще одну семью с Украины. Четыре женщины, четыре поколения. Прабабушка, бабушка, мать и семилетняя дочь. Сам инженер – человек добрый и безответный – с пятью домочадцами остался ютиться в дальней третьей комнате.

Но и это не оказалось пределом. В одно прекрасное утро в падучевскую квартиру сумели втиснуться еще двое. Родной дядя инженера с женой. Они тоже были из Москвы и тоже эвакуировались «по счастливому случаю». Жили мы мирно, подсобляли друг другу, занимали места в километровых очередях, ссужали кирпичиком хлеба в долг или трешницей до получки...

Мать с превеликим трудом устроилась регистраторшей в поликлинику. Помню ее в деревянном некрашеном окошечке в белом халате. Оттуда она давала мне «стратегические» команды, в какую очередь встать и какой талон иждивенческой продовольственной карточки следует «отоварить».

Я долгими часами стояла в очередях, наслушалась печальных и трогательных военных новостей, замысловатых судеб. Сдружилась с такими же эвакуированными горемыками, как и я. Обуглившимися черными истуканами с впавшими глазами немо стояли уже и вдовы, получившие похоронки военкоматов.

Очереди были за всем. Без исключения. Люди стояли, стояли, стояли, отпрашивались уйти ненадолго, возвращались, вновь стояли, судачили, жалобились, тревожились на перекличках. Самая голосистая, бедовая прокрикивала порядковые трех-четырехзначные цифры. Очередь откликалась хриплыми, продрогшими голосами: двести семьдесят шестой – тут, двести семьдесят седьмой – здесь... Девятьсот шестьдесят пятый – ушла куда-то. Вычеркивай!..

Писали номера на руках, слюнявя огрызок химического карандаша. Отмыть цифру не удавалось неделями. Что-что, а химический карандаш делали отменно едким. Цифры разных очередей путались на ладони – какая вчерашняя, какая теперешняя...

Зима в Свердловске лютая. После шпицбергенских метелей организм и не думал принимать стужу пообвычнее. Кто-то из полярных путешественников сказал, что человек может привыкнуть ко всему – кроме холода. Это правда. Да и как привыкнешь. Пальтецо драповое – чуть коленки прикрывает. Ноги в часовых стояниях зябли отчаянно. О балете было забыто.

Поддерживали меня посещения театров. В Свердловске в тот военный год подобралась неплохая команда в театре оперы и балета. Из постановок упомнила «Гугеноты» Мейербера и нигде, кроме Свердловска, не шедший балет Асафьева «Суламифь» по Куприну. Саму Суламифь танцевала аристократичная, совершенно сложенная с головы до пят, привлекательная вагановская ученица Нина Млодзинская. Муж ее тоже стал жертвой террора 1937 года, а сама Млодзинская, пройдя тюрьму, лагерь и сибирскую ссылку, чудом провидения оказалась в свердловском театре. На сей раз дивная красота ей помогла. Она замечательно начинала в Ленинграде, и мне не приходится сомневаться, что была бы примой в своей родной Мариинке. Но судьба ее была сломана.

Полюбилась мне и свердловская оперетта, считающаяся и поныне лучшей в Союзе. Весь кальмановский репертуар – «Сильва», «Марица»...

Ровно год, с пятнадцати с половиной до шестнадцати с половиной лет, я балетом не занималась. Это был для меня год стояния в очередях. Мало-помалу меня охватила паника. Еще такой год – и с балетом надо распрощаться. В попавшейся на глаза газетной заметке было написано, что остававшаяся в Москве часть труппы показала премьеру на сцене филиала Большого. Сам Большой был закрыт. Потом дошли вести, что и часть училища не уехала. Занятия продолжаются. Меня как током ударило. Надо ехать в Москву. И, словно чеховские три сестры, я стала твердить себе: «В Москву, в Москву, в Москву...» Но как? Нужен специальный пропуск. Влиятельных знакомых – никого. Идти по учреждениям да объяснять почему и зачем – трата времени. Кто будет слушать девчонку про балет, тренировки, физические кондиции, учителей?..

Я решилась на отчаянный шаг – пробраться в Москву нелегально. Мать паниковала, отговаривала: «Тебя заберут, арестуют». «Пускай, - горячилась я, - время уходит, я истомилась, задеревенела, заскорузла...»

Купить билет на поезд было нелегко. Он стоил дорого, денег – в обрез. Да и без пропуска билет не продадут. Рукою провидения оказался шахматист Рохлин, взявшийся мне помочь. Он был мужем балерины Валентины Лопухиной, которая через несколько лет тоже протянет мне руку помощи. Их обоих уже нет в живых. Но я помню добро вашей семьи, отзывчивые, славные люди.

Из Свердловска поезд шел пятеро суток. Весь путь я решала, сойти ли перед

 Москвой на последней остановке и дальше идти пешком? Или сыграть ва-банк – в многолюдье вокзала скорее проскочишь? Повторю, пропуска на въезд в Москву у меня не было. Решила рискнуть. И выиграла. Пристроилась к хромому старцу и, поднеся его саквояж, чему он сердечно обрадовался, подыграв мне со всей искренностью, я проскользнула через военный патруль у дверей вокзала. Роль подростка при старом инвалиде мне удалась на славу. Я – в Москве.

На трамвае, с пересадками, я добралась до Митиной квартиры на Щепкинском. Я знала, что Мита не поехала с театром и осталась в Москве. Но сообщить ей о своей попытке пробраться в столицу возможности не было никакой. Я свалилась как снег на голову. На мою удачу, Мита сама открыла мне дверь и всплеснула руками. Ты откуда?

Проговорив целую ночь напролет, поутру мы вдвоем пошли в помещение училища на Пушечной. Сердце мое колотилось, как после трудной сольной вариации. Вот-вот выскочит. Моему приходу обрадовались. Никто и не стал допытываться, как я добралась в закрытый город. Был ли у меня пропуск, с мамой или без.

Последний, выпускной класс вела Мария Михайловна Леонтьева (Е.П.Гердт была в эвакуации), тоже бывшая танцовщица Мариинского театра. Пишу и дивлюсь сама – все мои истоки из Петербурга. Хотя и по рождению, и по складу характера, я сущая москвичка. Мария Михайловна согласилась меня взять, не страшась пропущенного мною года.

– Ты должна будешь лезть из кожи, чтобы наверстать упущенное. Твои данные – тебе в помощь. Я в тебя верю. Восстанавливайся...

На работу я набросилась с ожесточением. Мне нравилось опять стоять у станка, выполнять задаваемые комбинации, видеть себя в зеркале. За свердловский год я вытянулась, но исхудала изрядно. Больше четырнадцати лет дать мне было нельзя.

Леонтьева оказалась покладистой, внимательной учительницей. Она знала историю моей семьи и проявляла ко мне тепло и участливость. На мариинской сцене М.М. перетанцевала все партии солисток – двойки, тройки, всевозможных солирующих фей. Она понимала в балете и цепким глазом ухватывала наши промахи. Особенно заботилась, чтобы спина была профессионально прямой. Говорила М.М. басом, так как была заядлой курильщицей. Всегда аккуратно, гладко причесанная, подтянутая, спокойная.

С Леонтьевой я прозанималась чуть более полугода. Подходил срок выпускного экзамена. Ни о какой сцене, оркестре речи быть не могло. Мы должны станцевать в шестом – самом просторном – зале училища по сольной вариации, а до нее проявить себя в общем классе. Я приготовила с М.М. вариацию повелительницы дриад из «Дон Кихота».

Настал день экзамена. Это был конец марта 1943 года. Война продолжалась. Мама была еще в Свердловске. Все ждали открытия второго фронта. Ругали союзников за затяжку. Радовались сообщениям Информбюро об отбитых обратно у немцев городах. Слушали звенящий голос Левитана, зачитывающего по радио приказы Верховного Главнокомандующего.

В шестой зал набилось много народу. Но специального ничего не было. Комиссия за узким столом, знакомые лица, тандю, батманы, середина, прыжки, пальцы... Все было сугубо по-деловому, без цветов и оваций. Все мы знали, что в театр нас зачислят. Оставшаяся в Москве часть труппы нуждалась в пополнении.

М.М.Плисецкая. Я, Майя Плисецкая. М.: Новости, 1994

Н.РОСЛАВЛЕВА
критик

О М.ПЛИСЕЦКОЙ

В 1941 году ученица седьмого класса Майя Плисецкая выступила еще раз, приняв участие в школьном выпускном концерте. С удивительной артистичностью и музыкальностью исполнила она «Экспромт» на музыку Чайковского, ранее называвшийся «Нимфа и сатиры». Газета «Советское искусство» в статье от 25 мая 1941 года писала: «Майя Плисецкая – одна из самых одаренных учениц школы. Здесь подрастает отличная смена – прекрасное будущее советского хореографического искусства».

Как в начальных, так и в старших классах школы Плисецкая была очень живой и активной девочкой. Ее волновало все, что касалось жизни школы, ее успехов, и Плисецкая с радостью участвовала в шефских концертах.

Сохранился интересный документ военных лет – командировочное удостоверение Плисецкой: «Предъявитель сего балерина Плисецкая М.М. командируется в Действующую армию сроком с 5 мая 1942 года по 1 июля 1942г.». Тогда Плисецкая была ученицей восьмого класса.

Выпуск семнадцатилетней Майи Плисецкой в 1943 году не был отмечен ни школьным концертом, ни другими торжественными мероприятиями. Шла война. Находясь в последнем классе, молодая танцовщица исполняла много ответственных сольных партий в балетах, которые в связи с военным временем были перенесены на сцену филиала Большого театра. Выпускной год Плисецкая проучилась у опытного педагога, бывшей прекрасной танцовщицы М.М.Леонтьевой.

Артистической практики для юной выпускницы на сцене филиала было много. Не хватало артистов балета – основная часть труппы была эвакуирована в Куйбышев, – и на учеников школы приходилась большая нагрузка. Вот почему случилось, что Плисецкая, будучи еще ученицей, исполняла ответственные партии в «Лебедином озере» – одного из шести лебедей во втором акте и невесту в третьем. Волновалась она за «невесту» так, как, кажется, никогда больше не волновалась. Танец невесты был исполнен блестяще.

А 24 октября 1943 года Плисецкая впервые выступает в па-де-труа первого акта «Лебединого озера» (для двух солисток с кавалером). В этом па-де-труа по традиции танцуют первые солистки балета, и поручение этой ответственной партии такой молодой танцовщице явилось признанием ее незаурядных данных.

Вскоре состоялась встреча и с балетом Минкуса «Дон Кихот» в классической постановке А.А.Горского. Плисецкая перетанцевала почти все женские партии «Дон Кихота» – сперва одну из трех, а потом и четырех дриад в поэтической сцене сна, а затем и повелительницу дриад, одну из двух подруг Китри (эту партию тоже обычно поручают первым солисткам), и, наконец, в ноябре 1943 года она неожиданно, вместо заболевшей солистки, получила так называемую «прыжковую» вариацию четвертого акта. Тут была заключена первая заявка на главную партию – Китри – в том же балете.

В ноябре 1943 года Плисецкой было поручено исполнение мазурки в «Шопениане». Самые строгие ценители – артисты театра – говорили ей после окончания «Шопенианы», что такого танца не ожидали.

И вот наступила пора работы над первой центральной партией в большом классическом балете – «Щелкунчике» Чайковского.

Премьера «Щелкунчика» состоялась 6 апреля 1944 года. На второй день после премьеры «Щелкунчика», ее работа была высоко оценена – в «Комсомольской правде» появилась статья с самым похвальным отзывом в адрес исполнительницы главной роли Плисецкой. После выхода этой статьи Майя Плисецкая получила с фронта массу писем бойцов и офицеров. Они поздравляли ее, желая дальнейших успехов, радовались, что в советском балете растет такая прекрасная балерина, выражали надежду увидеть ее на сцене. Не имея возможности ответить отдельно каждому из писавших, Майя Плисецкая обратилась к ним всем по радио с одним большим, теплым письмом – в те годы существовала специальная радиопередача «Письма с фронта».

В июне 1944 года Плисецкая получила свою первую роль в «Бахчисарайском фонтане». Этот новый дивертисментный «Танец с колокольчиками» (во втором акте) был поставлен специально для нее.

Этапной для нее была первая встреча с балетом «Жизель» Адана. Спектакль возобновили в Большом театре 30 августа 1944 года, к столетию первой постановки балета в России.

Н.Рославлева. Майя Плисецкая. М.: Искусство, 1968

Н.БОЧАРНИКОВ
солист балета

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Нам, молодым выпускникам хореографического училища при Большом театре, сезон 1940-41гг. сулил радужные перспективы...

Многие из нас за короткое время уже станцевали что-то для себя значительное и с нетерпением ждали продолжения интересной работы. В марте состоялась премьера балета В.Соловьева-Седого «Тарас Бульба» в постановке Р.Захарова, мы участвовали в первых спектаклях, а когда театр поставили на ремонт, продолжали работать в Филиале. В день начала войны в Филиале состоялась премьера оперы Ш.Гуно «Ромео и Джульетта». Для нас, артистов Большого театра, начало войны было так же неожиданно, как для всех советских людей.

На следующий день, 23 июня, придя с репетиции домой, я обнаружил повестку. Не мешкая ни минуты, пошел в райвоенкомат, а дальше все происходило в темпе allegro: сдал паспорт, получил направление и вот я уже в военной части, правда, пока в Москве.

Поворот в жизни был настолько стремительным, что я, еще не успев ничего осознать, вскоре уже шагал в колонне солдат, направлявшихся выполнять задание по охране наиболее важных объектов Наркомата обороны в Москве. «Я как все, - думал я, - значит, так и надо». Эти первые дни войны вспоминаются как небывалый подъем патриотизма, всеобщего единения, уверенности в быстром разгроме врага и победе нашей несокрушимой Красной Армии.

В дальнейшем моя воинская служба продолжалась в ансамбле МВО, что позволило мне не потерять танцевальную форму и вместе с тем чувствовать нужность, полезность того, что мы делали. Наш ансамбль испытывал все тяготы войны, побывав во многих горячих ее точках, выступал на разных фронтах, в том числе и на передовых позициях.

Так случилось, что я первым из артистов балета Большого театра оказался в армии и прослужил в ней до конца Великой Отечественной войны.

Война стала испытанием для всего народа, и артисты Большого театра не остались в стороне. Не все вернулись после войны домой, погиб наш товарищ, талантливый танцовщик Миша Сулханишвили, но память обо всех, кто сражался за Родину, - священна.

Газета «Большой театр», 1995, 27 января

О Ю.ЖДАНОВЕ

Война ускорила возмужание Юрия Жданова, как и многих тысяч других подростков. Отец ушел в ополчение. Немцы рвались к Москве, и Мария Макаровна решила уехать с детьми в Калужскую область, под Алексин, к родственникам. Тогда казалось, что эвакуировались в глубокий тыл. Два месяца Юрий работал в колхозе, а потом фронт угрожающе приблизился, и пришлось спешно бежать. Они возвратились в Москву, ставшую прифронтовым городом. Это было в конце сентября.

По возвращении Юрий узнал, что Хореографическое училище эвакуировано в Васильсурск на Волгу. Среди преподавателей и учеников, оставшихся в Москве, учебная жизнь еле теплилась, жили трудно, голодно... Как и летом Юрий дежурил на крыше, тушил зажигательные бомбы. Дежурили по двое, забрасывали «зажигалки» песком. Для этого требовалось незаурядное мужество, душевная и физическая сила. Несколько минут растерянности - и старый деревянный дом запылал бы факелом.

Паника, охватившая Москву 16-17 октября, показала и на Озерковке свое неприглядное лицо. Напротив дома Ждановых, через Канал, располагалось несколько предприятий, дирекция которых пыталась позорно бежать, прихватив с собой заводскую кассу. Толпы собравшихся рабочих ловили их, отбирали деньги. Происходили жаркие схватки, во время которых отдельные денежные купюры, перелетев канаву, оседали на Озерковской набережной.

В начале декабря на фронте произошел перелом, который сразу отразился на жизни столицы.

Известный солист балета и партийный деятель Михаил Габович стал собирать оставшихся в Москве артистов, формируя балетную труппу. В здание Большого театра попала бомба и повредила его. Новый сезон должен был открыться в филиале Большого театра. Жданова разыскали, как и многих других «балетных», позднее он вспоминал:

«Я пришел в Филиал и предстал перед Габовичем, который был почему-то вооружен револьвером в кобуре. На мне была старая дедова гимнастерка и его же кирзовые сапоги. Ведь все наши вещи остались под Алексиным и пропали во время немецкой оккупации.

Габович меня не знал, но принял доброжелательно и на другой день я был зачислен в труппу балета и получил рабочую карточку».

В декабре 1941 года открылся первый военный сезон в Филиале Большого. Жизнь Юрия Жданова круто переменилась, в нее властно вошла сцена.

«Я танцевал в кордебалете во всех балетах и операх (Репертуар Филиала не был особенно обширным, я участвовал в балетах «Лебединое озеро», «Тщетная пре-

 досторожность», «Шопениана», в операх «Черевички», «Евгений Онегин», «Травиата»), с обожанием и восхищением смотрел на всех артистов. Но работа в труппе складывалась нелегко. Первым моим спектаклем был «Евгений Онегин».

Я проработал на сцене Филиала почти полтора года, выступая почти ежедневно. В жизни нашей страны были Сталинград и Курская дуга, но если посмотреть на зал Филиала, когда дают балетный спектакль, то было бы трудно поверить, что за его стенами война, страдания и смерть. Партер битком набит элегантными молодыми военными и дипломатами из союзнических штабов, миссий, представительств и т.п.»

Ю. ЖДАНОВ
солист балета

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Я пришел из школы в Большой театр, когда война уже близилась к концу, но как раз в свой первый сезон мне довелось провести около трех месяцев на Северном флоте, выступая в составе фронтовой бригады артистов. В нее входили музыканты, вокалисты, чтецы. Балет представляла единственная пара – солистка балета Большого театра А. Кокурина и я. Репертуар был по возможности приспособлен к условиям выступлений на фронте. Мы исполняли «Чардаш» (музыка Монти), адажио из балета «Дон Кихот» и мой выпускной номер – вальс Штрауса «Весенние голоса».

Гастроли начались в Мурманске, где мы дали концерт в Доме офицеров. Потом переехали в г. Полярный, из которого выезжали в Вайенгу, Ленахамари, Петсамо, Луастари, на полуостров Рыбачий, остров Кильдин. Гражданского населения там не осталось, нашими зрителями были труженики войны – моряки, морская пехота, бойцы береговой артиллерии, летчики.

Жить и выступать приходилось в землянках-гостиницах, землянках-клубах, вся жизнь протекала под землей или в убежищах, вырубленных в скалах. Немцев уже прогнали из этих мест, но из всех ущелий тянуло трупным запахом – запахом войны. В Ленахамари перед нашим приездом шли тяжелые бои. Немецкий гарнизон был выбит оттуда ночной атакой с моря. Ленинградский фронт нажимал на немцев с юга, а Северный флот громил их с моря.

В горах еще стреляли, дороги были разбиты и минированы. Машины шли только по строго определенным маршрутам. По суше мы передвигались на военных автомашинах, но чаще – по Баренцеву морю на катерах-охотниках (были тогда такие американские катера). Приходилось ходить и на рыбачьих шхунах, и на торпедных катерах, от которых потом долго гудела голова.

Обычно мы выезжали из Полярного в какую-нибудь военную часть на два-три дня. Подземные клубы не вмещали всех зрителей, и приходилось давать несколько концертов подряд. Вспоминаю один остров на границе с Норвегией. Военная часть, куда мы приехали, ушла на боевое задание. На острове осталось всего несколько человек. Тогда они пригласили рыбаков – норвежцев, молодых бородатых ребят, которых откуда-то набралось очень много. Как водилось в те времена, после концерта состоялся импровизированный банкет, на котором нас угощали ромом.

Для артистов балета выступления в землянках были сопряжены с большими трудностями. Ведь нам нужна сценическая площадка! Если был рояль, выступали под рояль, где его не было – под аккордеон (был в нашей группе Вася – аккорде-

онист). Помню, на острове Кильдин мы выступали на двух сдвинутых грузовиках, а зрители – моряки расположились вокруг на земле, на камнях. Настроение у зрителей и артистов было прекрасное. Многие номера бисировались. Самый большой успех имел вальс Штрауса, в котором мы использовали элементы акробатического танца, как тогда было принято. Мы так часто исполняли этот номер, что дошли до полного автоматизма, могли бы танцевать с закрытыми глазами. Моя партнерша бесстрашно перелетала «на рыбку» через любую «сцену» и точно попадала в мои руки. Зрители принимали нас восторженно. Многие из них видели артистов только в кино, а классического балета вообще никогда не видели.

Я был также молод, как мои зрители, недавно сошел со школьной скамьи. До этой поездки знал только природу средней полосы, а здесь попал на сказочный русский Север в пору, когда начиналось полярное лето. Наши успехи, военная обстановка, фантастическая природа – все для меня было овеяно романтикой, кружило голову. Я испытывал невероятный внутренний подъем. Думаю, что в то время все испытывали это чувство. Наша страна выиграла войну, но ее грозный облик еще стоял перед нами. В районе Рыбачьего и острова Кильдин мне приходилось видеть суда конвоев, шедших из Америки в Мурманск. Огромные тральщики прочесывали залив от мин. Большинство мин было поставлено на якорях, закрывая вход в бухту. Их поднимали и расстреливали из пушек. Были и шальные мины, плавучие.

В Полярном, на оборудованном среди скал стадионе наша группа присутствовала на футбольном матче между английской и советской командами. Трибуны заполняли русские, американцы, англичане, молодые отчаянные ребята. Кипели футбольные страсти.

Условия работы в прифронтовой полосе были нелегкими. Вспоминаю, как мы обрадовались, когда в Полярном попали в баню. Питались американскими консервами, которые очень надоели, но иногда перепадали и деликатесы: в Луастари моряки угощали выловленной в озерах семгой. А на море бывало так: спускали шлюпку, взрывали заряд мины – и, пожалуйста, повар доволен и добавляет к сушеной картошке свежую треску, очень вкусную.

Когда наступило полярное лето, солнце не уходило за горизонт. Чтобы заснуть, мы стали зашторивать маленькие, как амбразуры, окна в нашем земляном доме. Но в темноте появлялись полчища черных тараканов, огромных, как мыши. Света они боялись, прятались в щели. Так и пришлось спать при свете дня.

С приходом полярного лета начался буйный рост трав. Кипрей стоял, как лес, выше человеческого роста. Как-то раз я даже заблудился в его зарослях, где гнездилось множество уток. Зато березки выглядели не деревьями, а прутиками с листочками, стелящимися во мху.

Помню, из бухты Пуманка мы шли на какой-то рыбачьей шхуне. Я сидел на палубе на дровах и трясся от холода, но с палубы не уходил – смотрел. Стояло раннее утро, солнце только встало. В туманной мгле за нами шли тюлени (или это были северные дельфины?), несколько часов придерживались нашего курса, мелькали черными спинами. В другой раз мы ждали катера в Пуманке. Стоял штиль. Вдруг вода покрылась рябью на несколько километров. Моряк на пирсе объяснил, что это идут нереститься пикша и сайда. Рыба шла так плотно, что, казалось, воды не было, только серебрились блестящие спинки.

В районе бухты Петсамо вблизи норвежской границы береговая линия изрезана фьордами, окруженными скалами высотой триста – четыреста метров. С моря незаметно, но когда приближаешься, то открываются протоки, которые петляют далеко вглубь. Таким я увидел Варангер – фьорд. На берегах, на отвесных гранитных скалах – птичьи базары. У меня был с собой пистолет ТТ. Предупреждали, чтобы этого не делать, но я выстрелил. Все птичье население взметнулось вверх, и с считанные секунды мы покрылись их белыми следами. Моряки ругались, мою новую куртку пришлось выбросить. Это были раньше невиданные мною чайки с ярко-красными клювами...

В Ленахамари по кочкам на берегу моря росло много очень вкусной ягоды морошки. Я увлекся, стал собирать. Слышу – кричат: «Быстрей беги назад!» Как оказалось, во время прилива вода поднимается там метра на два. Я побежал по каменному дну, по водорослям. Берег повышался незаметно. Вода догнала меня очень быстро, намочила ноги. Потом я благодарил этого человека – старшину-морячка: сидеть бы мне на торчащей из воды кочке часов двенадцать. Это был первый и последний раз в моей жизни, когда я собирал ягоды, но набрал морошки много, на всю актерскую братию.

В Полярном нас несколько раз принимал адмирал А.Г.Головко, знакомил с офицерами, отличившимися на войне. Это были летчики и моряки, герои Советского Союза, которые непосредственно участвовали в защите американских конвоев, а также разведчики суперкласса, которые следили за перемещениями запасов немецкой тяжелой воды, материала необходимого для создания атомной бомбы. Большинство из этих людей, прошедших тяжелые военные испытания, поражали своей молодостью. Сам Арсений Григорьевич Головко казался мне едва ли не пожилым человеком, а ему не было тогда и сорока лет.

Мерцающие краски Севера, гамма перламутра, солнце над самым горизонтом, камни, вода, острый, присущий Северу, силуэт гор – все это пробудило во мне художника. Хотелось рисовать, но под рукой ничего не было. Потом в одной землянке нашел немецкую пастель, достал тетрадь в клеточку и пытался запечатлеть, передать в цвете. Это были первые работы, выполненные пастелью, материалом, который позднее я полюбил и часто использовал. Свои рисунки я привез в Москву, но скоро краска испортилась, расплылась, и этих вещей у меня не осталось.

Прошло несколько лет. Я стал ведущим солистом балета Большого театра и часто выступал в Ленинграде на сцене Кировского театра. Там ко мне за кулисы несколько раз приходили моряки – зрители военных лет. Один рассказывал: «Родом я из глухого сибирского села, после десятилетки сразу попал на фронт. Ваше выступление было моей первой встречей с искусством. Вас запомнил и с тех пор следил за вами. Теперь в Ленинграде часто хожу на балетные спектакли». Другой говорил: «Вы меня, наверное, помните. Я тогда был капитаном, вез вас на виллисе. Еще мы в ручье засели, подкладывали камушки под колеса».

Я всегда ответственно относился к своим выступлениям, будь то обычный концерт или спектакль на первой сцене мира. Скажу, что всего ответственнее выступать перед зрителями, которые впервые знакомятся с искусством. Так было на Севере. Что могли мы показать в землянках, на грузовиках, какой балет? Но, видимо, даже в фронтовых условиях сумели затронуть простые души наших зрителей. И вот через годы я встречаю их в театре ценителями классического балета. Это большая награда для артиста.

Перед отъездом в Москву нас снова пригласил к себе адмирал Головко, поблагодарил за хорошую работу. Прошло довольно много времени, и я узнал, что награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Советского Заполярья». А.Г. Головко вручал мне эти награды уже в мирное время в своем салон-вагоне на Курском вокзале.

Леокадия МАСЛЕННИКОВА
солистка оперы

КОГДА ГОВОРИЛИ ПУШКИ

За неделю до начала Великой Отечественной войны я окончила музыкальное училище и была принята в Минскую консерваторию. Наш город одним из первых, уже рано утром, 22 июня, подвергся вражеской бомбардировке. Под обстрелом летевших на бреющем полете немецких самолетов покидали мы город. И в хаосе первых месяцев войны, в далекой Удмуртии, где я оказалась с ребенком и старой матерью, пению, казалось, нет места.

Но как же внимательны, добры были люди друг к другу в это тяжелое время, в эти годы испытаний. Видя, как я тянусь к пению, чувствуя, что для меня в нем – смысл жизни, товарищи обещали позаботиться о моей семье, а меня отправили в Свердловск, куда была эвакуирована Киевская консерватория. Так в 1942 году я стала студенткой второго курса Киевской консерватории.

В жизни каждого человека моего поколения, прошедшего войну, есть много примеров поистине братской дружбы народов нашей многонациональной страны, бескорыстной помощи друг другу, когда люди в глубоком тылу делились с эвакуированными последним куском хлеба, сажали за общий, отнюдь не богатый стол своих и чужих детей. Но жили мы все с верой в победу, с надеждой на счастливую послевоенную мирную жизнь, с уверенностью, что Родина наша после войны станет еще краше, богаче, а мы все заживем благополучной, счастливой мирной жизнью.

Наверное, эта вера и помогла нашему народу выстоять и победить.

Уже в 1943 году я участвовала в показе молодых дарований, проходившем в Москве. Сейчас это даже трудно себе представить – 43-й год, до победы еще два года, а в Большом зале Московской консерватории идет смотр молодых дарований.

Я могу много рассказать о том, как прослушивали меня в Московскую консерваторию – и взяли, как прослушивали в Большой театр – и тоже удачно, но закончила я все же Киевскую консерваторию, было это уже в 1945 году, когда возвратилась из Свердловска. А студенткой третьего курса я с бригадой артистов впервые выехала на фронт.

Н.С.Хрущев, бывший в то время членом Военного совета 1-го Украинского фронта, уделял большое внимание артистическим бригадам, выезжавшим на передовую. И наша бригада с его «легкой руки» обслуживала и летчиков, и пехотинцев, и артиллеристов. Выступали на кораблях Днепровской военной флотилии, а оказавшись в октябре 1944 года в расположении частей 4-го Украинского фронта, попали на 50-летие Маршала Советского Союза Федора Ивановича Толбухина.

На всю жизнь запомню, как выступали мы в только что освобожденном от фашистов Львове – город еще дымился от пожарищ, еще не сняли с фонарей повешенных большевиков и тех, кто им сочувствовал. Это было страшное зрелище!

Студенткой четвертого курса меня зачислили в Киевский театр оперы и балета. Я училась, делала первые сценические шаги и продолжала выступать перед нашими бойцами. После всего, что натерпелась я от войны, это мне казалось посильным вкладом в приближение победы.

Война шла к завершению. Все понимали, что еще несколько дней, и придет долгожданный мир. Ночью 8 мая мне позвонили и сообщили, что вместе с группой артистов в 3 часа ночи я должна вылететь в столицу Югославии – Белград. Так и получилось, что День Победы я встретила в Белграде, исполняя на одной из площадей с маршалом Иосипом Броз Тито национальный танец коло. Советских артистов принимали в Югославии великолепно, нас буквально носили на руках. Мы чувствовали себя неотъемлемой частью армии-освободительницы, народа, принесшего этой стране независимость.

А в 1946 году, в перерыве репетиции «Бориса Годунова», я вышла перед занавесом Большого театра и меня слушала комиссия, в которую входили А.В.-Нежданова, Н.С.Голованов, А.М.Пазовский, И.С.Козловский, Н.С.Ханаев... Аплодировали слушавшие меня солисты, музыканты, артисты хора. Н.С.Ханаев поздравил и сказал, что меня берут в Большой театр. Но это – уже другая история.

А сейчас, глядя на медали «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и югославский орден «Братство и единство», я вспоминаю тяжелые годы войны, разбитые фронтовые дороги, по которым добиралась в воинские части наша артистическая бригада, незабываемые встречи со слушателями, которые заставляли нас верить, что когда говорят пушки, не должно молчать искусство.

Газета «Большой театр», 1995 года, 10 марта

Н.КУСУРГАШЕВА (ДЕМЕНТЬЕВА)
артистка балета
театровед

В мае 1941 года мне было 11 лет, и я только что окончила третий класс балетной школы.

Мой отец был военным, мать – врачом-психиатром, и мы с братом, которому не было еще и двух лет, видели родителей только по вечерам, когда они усталые возвращались с работы. С нами постоянно жила няня.

22 июня в день объявления войны мы находились в 60 км от Москвы в Мещерском, где мама работала летом, чтобы обеспечить нам отдых за городом. Все были взволнованы, население бросилось в магазины, скупали соль, спички и мыло. К обеду за нами приехал отец, сказал, что имеет повестку в военкомат. К вечеру мы уже были в Москве. Чувствовалась беда, настроение у всех было напряженное.

Через несколько дней отец ушел на фронт. Как врач была мобилизована и мама: это означало, что при бомбежках Москвы она должна была находиться в своем медучреждении и принимать раненых.

А бомбежки были страшные. Все уходили прятаться в метро. Мы жили на Малой Бронной, и ближайшей станцией для нас была «Маяковская». Няня несла брата, я тащила тяжелые одеяла. Тем, у кого были маленькие дети, разрешали спать на платформе, остальные люди спали на рельсах. К утру объявляли отбой, и мы возвращались домой. Через две недели открыли бомбоубежище под нашим домом, и уже там, в жутком скоплении людей, мы проводили все ночи.

Зима 1942 года была морозная. Хореографическое училище эвакуировали в г.Васильсурск на Волгу, но некоторые ученики остались в Москве. Школы не работали из-за холода, дома или плохо, или совсем не отапливались. У нас на кухне была плита, которую топили дровами. И хотя дрова выделялись, этого было мало. Я, как многие подростки, с пилой и топором целыми днями добывала все, чем можно было топить печь. Вскоре прекрасные заборы, отделявшие один дом от другого, были разрушены. Спали мы в кухне на полу, здесь было тепло.

Балетная школа в Москве не работала всю зиму, но уже в следующем году начались занятия для тех, кто остался. На уроках мы сидели в шубах и валенках и только на танцевальные уроки снимали верхнюю одежду и быстро бежали в залы.

Правительство заботилось об училище: нам давали рабочую карточку 2-й категории и УДП – усиленное дополнительное питание. Это был талон на обед в столовую школы-студии МХАТа, где мы видели многих актеров Художественного театра – Грибова, Масальского, Еланскую, других... Многие актеры не покинули столицу, а продолжали работать. Несмотря на тяжелое положение, Москва жила интенсивной духовной жизнью, что поддерживало не только оставшихся в ней жителей, но всех людей, поднимало боевой дух и вселяло веру в победу.

И мы, дети, жили так же. Участвовали в спектаклях филиала Большого театра: в опере «Снегурочка» Н.Римского-Корсакова мы танцевали в Прологе птиц вокруг Весны, в балете «Дон Кихот» - амуров. Выступали с концертными номерами в госпиталях. Помню госпиталь у Абельмановской заставы, где мы были шефами и танцевали перед ранеными. Это были молодые бойцы, лет на 5 старше нас. Какими глазами они смотрели!

Вечерами после занятий в школе мы бежали в филиал слушать С.Я.Лемешева, И.С.Козловского, В.В.Барсову и других прекрасных певцов. К этому периоду относится мое увлечение оперой. Первая опера, которую я услышала, «Демон» А.Рубинштейна, очаровала меня, вторая – «Евгений Онегин» П.Чайковского – окончательно покорила.

Позднее пришло увлечение Малым театром. Щепкинское театральное училище находилось рядом с нашей балетной школой, и мы общались с его студентами.

Но особо мне хочется вспомнить о балетной школе того времени. У нас был замечательный педагогический состав. Классический танец в старших классах вели прима-балерины еще императорских театров, они отличались особым воспитанием и манерами: это - Е.П.Гердт, М.А.Кожухова, позднее А.А.Джури, М.М.Леонтьева.

Мужской класс вел ведущий танцовщик Большого театра Н.И.Тарасов. В эти годы преподавали А.И.Чекрыгин и В.А.Семенов.

Характерный танец вели артисты Большого театра Т.С.Ткаченко и Б.И.Борисов. Исторический танец – М.В.Васильева-Рождественская. Многих из них мы могли видеть на сцене и учиться у них.

Столь же удивителен был состав педагогов общеобразовательных дисциплин. Нашим классным руководителем был профессор Н.А.Гейнике, один из крупнейших историков. Он имел два или три высших образования, кафедру в педагогическом институте. Влюбленный в Москву, Николай Алексеевич часто устраивал для нашего класса экскурсии: в храм Василия Блаженного, хотя он был закрыт, в Симонов монастырь, в Новодевичий монастырь, где рассказал нам о заточении в нем царевны Софьи... На эту экскурсию он повез нас на трамвае в День Победы 9 мая, когда в школе отменили занятия. А однажды Николай Алексеевич повез

 нас к своему другу – исследователю Северного полюса. Мы попали в большую квартиру, где было немало чудесного – шкуры белых медведей на полу, а вместо скамеечек мы сидели на позвонках кита. Но еще интереснее было то, что у этого человека оказалась полная коллекция пластинок Ф.И.Шаляпина. Так в 13 лет мы узнали и услышали великого певца, имя которого в то время нельзя было даже упоминать.

Еще одним замечательным педагогом в училище был профессор Сергей Михайлович Флоренский, по его учебникам по русской литературе учились в институтах. Его уроки, абсолютно не заштампованные, интересные, вызвали у нас любовь к литературе навсегда.

Легендой хореографического училища был преподаватель истории балета Юрий Алексеевич Бахрушин, сын основателя Театрального музея в Москве. Юрий Алексеевич работал с К.С.Станиславским и В.И.Немировичем-Данченко, лично был знаком с Анной Павловой и Тамарой Карсавиной. По его просьбе я выписывала из газет, оставаясь после уроков, все статьи о балете. На лекциях Юрия Алексеевича, в общении с этим удивительным педагогом воспитано не одно поколение артистов балета.

О нашей школе в те годы можно рассказывать много. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, как повезло нашему поколению, что мы встретились с такими яркими личностями, которые духовно нас формировали, а в то тяжелое военное время помогли не только перенести лишения, не потерять веру в добро и свет, что позволило их ученикам не растерять в течение жизни вложенного ими в нас духовного богатства.

2004г.

Н.И.ПОКРОВСКАЯ
солистка оперы

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Узнав о новом наборе певцов в ансамбль НКВД, созданный в 1939 году, я в октябре 1940 года отправилась на прослушивание и была сразу принята. В ансамбле работали выдающиеся музыканты, артисты. Музыкальным руководителем симфонического оркестра был И.О.Дунаевский, народным оркестром управлял наш лучший гитарист А.М.Иванов-Крамской. Постановщиками были известные режиссеры Р.Н.Симонов и С.И.Юткевич. Танцевальной частью руководили И.В.-Тихомирнова, Е.М.Ильющенко и А.М.Мессерер. С хором работали А.В.Свешников и А.С.Степанов, а с артистами драматической группы – М.М.Тарханов и В.В.Белокуров. Вообще ансамбль был очень профессиональным. Оркестранты все учились в консерватории, певцы имели образование не ниже музыкального училища. Мужская группа была вся из военнообязанных, – это были солдаты, проходившие службу. Репертуар ансамбля составляли развернутые композиции типа драматического спектакля с пением.

Сразу же после набора мы отправились на заставы у границ с Финляндией. Дело было зимой, и от заставы к заставе мы ездили на розвальнях. Уже тогда мы ощущали запах войны: в Выборге нас разместили в церкви, где во время войны с Финляндией был госпиталь. Спать приходилось на матрасах, брошенных прямо на пол, и повсюду были видны следы крови. Но мы были так далеки от мыслей о войне, все казалось так прочно!

В июне 1941 года мы выехали с концертами в пограничные районы Эстонии, Латвии и Литвы. В субботу 21 июня к вечеру наш железнодорожный состав (в нем мы и жили) прибыл в Каунас. Девчата побежали в город по магазинам. Местные жители, встречая нас, говорили:

– Вот подождите, скоро вам покажут.

Но мы ничего не понимали и только смеялись. Однако утром 22 июня началась стрельба, послышались разрывы снарядов в небе. Мы были совершенно уверены, что это обычные военные учения. Тем не менее наш начальник Б.С.Тимофеев приказал не выпускать нас из вагонов. А в 10 часов утра он объявил:

– Это война с Германией.

Все же в 12 часов мы еще давали концерт в летнем театре, известном выступлениями Шаляпина, Смирнова. В середине представления неожиданно вошел генерал и приказал немедленно уезжать:

– Немцы перешли Неман и уже на краю города.

Мы быстро (по-военному!) сложили костюмы и станки в машину, но тут выяснилось, что шофер сбежал, нас некому везти к составу. Тогда стали искать водителя среди своих артистов, и оказалось, что управлять машиной могли только двое: И.О.Дунаевский и солист ансамбля П.П.Покровский. Так мы и доехали до нашего поезда.

А на вокзале в это время творилось что-то неописуемое. Пограничные заставы были почти все разбиты, а жены пограничников с детьми, узлами торопились любым способом вернуться в Россию. Перед отправкой возникла еще одна серьезная преграда: сбежал машинист. И вновь из наших ребят нашелся человек, знакомый с вождением поезда. Так и тронулись в Вильнюс.

Только мы доехали до Вильнюса, как налетела армада самолетов. Мы выскочили из вагонов и попрятались в подвал вокзала. Но, слава Богу, бомбежки не было, и мы опять отправились в путь.

Однако вскоре нас вновь настигла туча самолетов. Поезд остановился на возвышенности, кругом – чистое поле. Наверное, мы выглядели комично, закрываясь, кто юбкой, кто веточкой. Кто-то ударился в панику, кто-то поцарапался, прыгая с насыпи. Но самолеты (я насчитала тридцать один) прошли над нами, не задев никого: психическая атака. На кого? Ведь мы вовсе не военные люди, были совершенно одни, и кругом пустое поле.

Первая бомбежка настигла нас в Полоцке. Я никогда не видела такого скопления поездов и такого людского столпотворения – кто на фронт, кто в тыл. Мы пытались уйти от войны, а она шла за нами по пятам.

Так, с постоянным ожиданием бомбежки, мы добрались до Москвы. И здесь каждый вечер с 22 июня 1941 года по 22 июня 1942 года в 21 час 50 минут завывала сирена – приближались фашистские самолеты. Мы все стали военнообязанными и поселились в казармах. Давали концерты в госпиталях, выступали перед солдатами и ополченцами, уезжавшими на фронт. Много пели на радио. Правда, часто бывало так: только начнется концерт – загудит сирена. Мы все тут же в подвал.

– Опять играем в кошки-мышки, – шутили наши.

Вернемся в студию – снова сирена. Вторым домом стал для нас Курский вокзал. Мы часто даже ночевали там прямо на рельсах. Вспоминается известный скрипач Буся Гольдштейн, который в любых условиях не расставался со своей

 скрипкой – даже на ночь укладывался на рельсы вместе с ней. И ничего – в таких условиях никто не простыл, не лишился голоса. Принимали мы участие и в правительственных концертах, которые давали в метро «Маяковская».

Однажды, когда мы были с концертами под Москвой (Вязьма, Гжатск, Юхнов), то оказались в тылу у немцев. Идет концерт, звучат русские, украинские, грузинские песни, дух захватывает от красочных, искрометных плясок. И вдруг:

– Уезжайте скорее. Немцы прорвались на 20 километров к Москве, а вы тут пляшете.

Хорошо, что у нас были свои машины. По лесным дорогам мы добрались до Москвы.

Из фронтовых поездок последующих лет вспоминается ленинградская. В конце 1943 года блокада была прорвана, и – как подарок с Большой земли – в первых числах февраля нас послали в Ленинград. Освобождено было 6 километров, обстреливали с обеих сторон, но состав с продуктами и ансамблем благополучно прошел по этому коридору. Свет был погашен, нам велели лечь на пол, и, хотя кое-где вагоны оказались простреленными насквозь, все остались целы.

Артобстрел города не прекращался, но и жители, и бойцы хотели нас слушать. Принимали наши выступления очень тепло. Как и ленинградцы, мы имели паек – 125 граммов хлеба, - но в военных частях нас иногда подкармливали. Отвратительное впечатление осталось от соснового сока, который продавали на каждом углу.

Жили мы в подвале Выборгского дома культуры (дома были почти все разрушены, отовсюду шел смрадный трупный запах). Однажды нас слушали даже немцы. В Нарвском доме культуры не было одной стены (разрушена во время артобстрела), и до находившихся неподалеку немецких солдат доносились звуки наших песен и плясок. Они были удивлены. Как это так? Город мертвый, а люди там поют и пляшут.

Отчетливо сохранилась в памяти поездка в Кронштадт. Вначале мы на каком-то маленьком поезде в полной темноте (ночь, кругом лес) прибыли к морю. Все девчата ехали, стоя в проходе последнего вагона. Было жутко: на море увидали луч прожектора, который все время что-то искал. Нам пояснили:

– Море все в минах. До Кронштадта будете добираться на катере.

Еще не легче! Но прибыли благополучно. Разместили нас в казарме, где не было не только окон, но даже частично стен и крыши. А ведь на дворе – зима. Но мы уже ко всему привыкли. Моряки, которые слушали наши концерты, подкармливали нас макаронами по-флотски.

Мне в Кронштадте очень понравился собор – ведь там служил Иоанн Кронштадтский. Ничто – ни годы, ни военные действия – оказалось не в силах уничтожить благодать, исходившую от места пребывания великого русского святого.

Конечно, напряженная работа в ансамбле, постоянные разъезды привели к тому, что я пропустила много занятий в консерватории. Со второго курса я была отчислена. Правда, Елизавета Федоровна, как я уже писала, не прекратила занятий со мной. Она предложила сдавать экзамены экстерном, что я и делала в течение последующих лет.

Я думаю, что ансамбль стал хорошим фундаментом, без которого была бы более затруднена моя работа в Большом театре.

Певцы Большого театра, Выпуск первый. Владимир: Фолиант, 2001

Георгий АНСИМОВ
режиссер

Когда началась война в июне 41-го года, мы, совсем юные, сообщения о переходе границы немецкими войсками, выступление Сталина по радио, приказ о затемненных окнах, изобилие военных не восприняли как начало наступившей трагедии. И даже когда нас, студентов театрального училища им.Щукина, одели в нашу же форму солдат из спектакля «Человек с ружьем», дали сапоги, научили наматывать портянки и отправили рыть противотанковые рвы под Ельней, мы принимали это как новое и интересное в жизни, еще не понимая случившееся как «войну». Понимание пришло, когда на путях наши вагоны стояли, пропуская составы оттуда, куда мы ехали, и мы видели вповалку лежащих раненых солдат с оторванными конечностями, перевязанных грязными бинтами или просто цветастыми тряпками. Или когда нас, пятьсот человек парней из московских театров, училищ, вели на запад по пыльным дорогам, а на нас на бреющем полете налетели самолеты с крестами на крыльях и фюзеляже. Нам закричали: «Ложись!», - и мы, удивляясь и пожимая плечами, легли кто куда и лежали, а потом, когда самолеты, выпустив на нас пулеметные очереди, улетели, мы, покрытые пылью, в которую упали, встали, а один не встал.

Он, маленький блондинчик, - так мы и не узнали, из какого он училища или театра – лежал, уютно поджав ноги в небольшой лужице уже грязной крови с уродливо искаженным лицом и криво раскрытым застывшим ртом. И только его волосы спокойно развевались от ветерка.

Мы уже не смеялись, когда, вырыв пятиметровой глубины рвы, узнали, что танки через них проходят спокойно, и нас, измотанных рытьем, голодных, заставили бежать, потому что мы оказались в окружении.

Отступив на пятьдесят километров, мы начали строить ДОТы и ДЗОТы (долговременные защищенные огневые точки), снова рыли, надрываясь, таскали и накатывали бревна, а вечерами, хоть и измотанные, не ложились спать. Ждали.

Самолеты, летевшие бомбить Москву, шли, казалось, медленно, увесисто. Их гул мы уже узнавали – он катился волнами, замирая и возрастая. Их было двадцать.

Каждый день они пролетали, а мы ждали. Ждали, когда полетят обратно. Они возвращались ночью, и мы считали их по габаритным огням. Обратно летят тоже двадцать. Где же наши зенитчики? Истребители? Сталинские соколы? И так каждый вечер. До нас доходили слухи, что бомбежки что-то разрушали, но мы не могли поверить. А когда нам, «вахтанговцам», сказали, что бомба попала в наш театр и погибли наши педагоги и любимые артисты – В.Куза и К.Миронов, уже все почувствовали, что творится невероятное. Каждый день, каждый час приносил что-то новое, и все это называлось войной, но в сознании не укладывалось. Мы должны строить ДОТы и ДЗОТы. И мы строили, вечерами провожая взглядами двадцать ненавистных нам, самоуверенных, обремененных надутыми бомбами самолетов. Но однажды, промокая под дождем, мы не досчитались двух возвращавшихся. Восемнадцать! А туда-то летело двадцать, значит двух сбили! Урра! Мы ликовали, посылали немыслимые ругательства в хвост восемнадцати и были счастливы. Нам казалось, что начался разгром немцев.

Военная Москва поражала суровостью и болезненным молчанием. Было много следов бомбардировок. Бомбы попали в Большой театр, театр Вахтангова, в телеграф. Толпа москвичей разбирала завал дома на улице Горького, где был

 диетический магазин. Большие витрины всех магазинов закрыты фанерой и обложены ящиками с песком. На всех окнах видны наклеенные крест на крест бумажные ленты – чтобы не рассыпались стекла при бомбежке или сотрясении. На Моховой улице стоял большой длинный дом. В его середину попала бомба, и по бокам огромной кучи согнутых балок, битого кирпича и обгоревших бревен остались лишь два крыла разрушенного дома. Сейчас на этих «крыльях» выросли два одинаковых здания, и уже никто не помнит, что это место одной из московских военных ран.

Автомобили, военные и гражданские, к вечеру ездили только со специальными синими фарами. Уже были введены продовольственные карточки, но по ним давали не то, что было напечатано в талонах. Повсюду длиннющие очереди, особенно за тем, что можно купить без талонов, например, мороженое. Но оно быстро заканчивалось, и «в одни руки» давали только одну пачку «эскимо».

В октябре 1941 года немецкие войска подошли близко к Москве.

Москва – фронтовой город.

16 октября – день ужаса, паники, бегства.

Труппа театра им. Вахтангова, в училище которого я был на втором курсе, должна была собраться на Казанском вокзале и специальным поездом ехать в Омск. Тогда впервые прозвучало это страшное слово «эвакуация». Я бросился в Черкизово, где жил с матерью, за вещами. А когда приехал на вокзал – поезд давно ушел.

Вокзал – десятки тысяч мечущихся людей. Подходят составы, в них, отталкивая друг друга, лезут все. Состав отходит облепленный. Люди на крышах, на буферах.

Солдаты, расталкивая людей прикладами, сапогами, кулаками, пробивают дорогу хорошо одетой веренице людей. Это армия помогает бежать из Москвы Дипломатическому корпусу. Ему подан специальный состав, и этот состав уходит, тоже облепленный сотнями людей, бегущих от неизвестного – от войны, от фашистов, оттого, что бегут все, оттого, что завтра немецкие танки должны быть в Москве.

Большой театр, игравший, как всегда, свои спектакли на двух площадках, - в Большом и в Филиале (теперь там Театр оперетты), узнал об эвакуации, как и все, неожиданно. Сдвинуть с места такую громадину, как коллективы оперы, балета, хора, оркестра, технических цехов в принципе невозможно. Только война может так ударить, что все, как в потревоженном муравейнике, засуетятся. И вот огромная масса музыкантов, певцов, танцовщиков, костюмеров, осветителей, бутафоров, с наполовину упакованными костюмами, с кое-как погруженными на военные машины декорациями, потащилась на Казанский вокзал. Вещей не брали – не разрешено – да и некогда собрать. Надев что-то, схватив чемодан и побросав туда случайное, люди кинулись на Казанский.

Это было в приснопамятный день 16-го октября.

Москва была в паническом шоке. Трамваи и автобусы встали. Милиции нет. Вся работа магазинов, почт, булочных, керосинных и прочих мест торговли прекращена. Все ушли, все бросили и все мечутся, пакуются, предлагают в спешке пробегающим мимо ценности – лишь бы продать, получить хоть какие-то деньги и уехать. Комсомольская площадь пуста. Только у Казанского вокзала немыслимая толпа. Взмыленные, растрепанные люди с чемоданами, узлами, откуда-то вытащенными неописуемыми корзинами осаждают вход, чтобы втиснуться в давку и как-то попасть на перрон и как-то всунуться в вагон и уехать куда-то.

В это столпотворение попали и все из Большого. Им был, правда, подан поезд, но попасть в вокзал, на перрон, подойти к поезду и войти в вагон было невозможно – он уже был набит и своими, и чужими. Крики, плач, вой, ругань, гудки паровозов, визг упавших с крыши вагонов или попавших между вагонами. Уже темнело, и нужны были спички, чтобы в кишащем человеческом месиве найти, куда шагнуть. Все забито. На ступеньках уже устроились, чтобы ехать сидя. Оказавшиеся в вагоне видят на перроне своих и опускают окна. Лезут в окна. И, конечно, среди «своих» полно «чужих» из толпы. Они тоже хотят уехать и говорить им «это наш поезд!» бесполезно. Давясь, ругаясь, прося, плача, сжав зубы, молча лезут. На крышу. На буфера. Детей передают в окна, в окна же суют узлы, чемоданы, шубы. День был пасмурный и прохладный, но вся толпа разгоряченных, склеившихся людей качалась горячими волнами по набитому вспотевшими, растрепанными существами перрону – к вагонам. Толпа качнулась к вокзалу, но ее давит масса, прущая от вокзала, и из-за этого крики, стоны раздавленных. Могли бы быть и драки, если бы не ужасающая теснота. Руки держат багаж и прижаты так, что невозможно залезть в карман. Это месиво людей забурлило еще больше ночью, когда перронных огней из-за военного положения не зажигали, и та же давка, то же смятение, только в полной темноте...

Я нашел каким-то чудом двух друзей-соучеников, которые тоже опоздали к вахтанговскому поезду. Мы провели в обезумевшей вокзальной толпе ночь, пытаясь уехать, не уехали, а утром, поняв, что мы остались москвичами, выдрались из толпы и пошли в военкомат. Нас взяли в ополчение рыть окопы около Москвы. Потом выяснилось, что мы – театральные студенты, и нам дали дополнительную работу – обслуживать воинские части, направляющиеся на фронт.

Началась многослойная осадная жизнь.

Мы рыли траншеи, ставили надолбы, потом ехали на Комсомольскую площадь играть концерты. К ночи шли по опустевшей прифронтовой Москве к Театру революции (ныне Театр им. Маяковского), где была наша база, дежурить на крыше и специальными щипцами хватать горящие зажигательные бомбы, которые в огромном количестве немецкие самолеты сбрасывали на осажденную Москву. Если щипцов не хватало, что случалось чаще всего, или их не было под рукой, то хватали краем пальто, которое, пока им схватишь горячий хвост «зажигалки» и бросишь в ящик с песком, уже начинало дымиться, а руки покрывались волдырями.

А утром (была зима, дни были короткими, и нам казалось, что все время ночь) мы шли по Можайскому шоссе, где сразу после моста через канал уже начинались рвы, укрепления и минные поля. Сейчас эти места мы мигом пролетаем в машине, торопясь на самолет в Шереметьево, а в ноябре-январе 1941-1942 годов мы долго шли сюда с лопатами, кирками (земля была мерзлая), а за пазухой у каждого лежал кусок хлеба и пакетик яичного порошка. Порошок давали по мясному или рыбному талону вместо мяса или рыбы. Дома мы разводили яичный порошок водой и делали что-то вроде кашицы, запекая которую можно было получить подобие омлета. А когда рыли окопы под Москвой, то макали хлеб в порошок. Это и было обедом. Рыли от семи утра до пяти вечера и снова в темноте шли по Можайскому шоссе до метро. А там до Комсомольской с пересадкой, которую старались не проспать, потому что стоило сесть в поезд метро, как нас сразу окутывал сон...

На Комсомольской площади между виадуком Окружной дороги и нынешним

 зданием Таможни стояло, теперь снесенное, здание. Это был Театр транспорта. Его организовали сначала для обслуживания работников железнодорожного транспорта, находящихся в отдаленных районах, а также для населения этих районов. Потом стали создаваться театры на местах, и кратковременные приезды труппы Театра транспорта сочли нецелесообразным. Постепенно Театр перестал выезжать и обосновался в Москве. В дальнейшем на его базе был организован театр имени Гоголя. Во время войны здание пустовало, так как его труппа эвакуировалась. Вот в этом-то помещении нам, солдатам трудфронта и по совместительству артистам, комендантом осажденной Москвы тов. Черных приказано было обслуживать войска. Самостоятельно мы подготовили большую программу, куда входили и песни, и танцы, и сцены, и одноактные пьесы, и даже водевили, которые мы, «вахтанговцы», еще играли в училище театра в порядке учебной работы и тоже вставили в концертную программу. Помещение не отапливалось, и мы, переодевшись в имевшиеся «концертные» костюмы, снова напяливали на себя пальто, шубы и шапки и так ждали своего выхода.

Играли так: нас было четырнадцать человек. Мы делились на две группы, каждая из которых имела в своей программе и скетч, и танцы, и стихи, и водевиль. В то время, как одна группа была на рытье окопов, другая играла. Потом менялись. Дежурство в театре было от десяти утра до четырех и с четырех до десяти. В комнате, где стояла «буржуйка», которую мы топили углем, милостиво поданным машинистами паровозов, сидела одетая и загримированная вся бригада. Услышав грохот солдатских сапог, мы выходили из каморки на сцену, где включался очень экономно расходуемый свет. Занавес был закрыт. Заместитель коменданта вокзала приходил на сцену и говорил: «Можно!» Один из нас хватался за промерзшую веревку занавеса и тянул. На сцену выходили певец или певица, и начинался концерт.

Через несколько минут спертый промерзлый воздух становился туманом – в зале солдаты курили махорку, и дым заволакивал и зал, и всю сцену. Певцов мы выпускали в начале концерта, потому что через десяток минут после начала у всех нас начинался кашель. От кашля было одно спасение – закурить, и мы курили наперегонки с нашими зрителями.

А зрители? Это были солдаты, которых переправляли с одного вокзала на другой, и у них получался – может быть, последний – мирный перерыв. Прямо с концерта в вагон и – в бой. Но как они слушали! Как бешено аплодировали и как дружно, беззаботно смеялись!

Мы, конечно, уставали. Бить киркой с утра до четырех, а потом до десяти играть несколько раз водевиль или пьесу (за смену мы играли по четыре-пять раз), конечно, было нелегко, особенно если учесть обед в виде яичного порошка, но услышав топот сапог, почувствовав запах махры, взглянув в лица мальчишек в криво сидящих на них шинелях, мы забывали все и азартно, увлеченно, самозабвенно играли.

У меня в нашей группе было положение несколько особое. Когда я выходил на сцену, все актеры собирались за кулисами и смотрели на сцену и в зал. Перед началом пьесы, в которой я участвовал, наш руководитель, капитан, выходил перед занавесом и напоминал, что выступают студенты, комсомольцы, солдаты трудфронта, обороняющие Москву и в свободное время играющие вот тут. Но это объявление не всегда помогало. Дело в том, что мы играли одноактную пьесу

«Рыбачка с побережья» (не помню имени автора), и в этой пьесе мне досталась роль немецкого офицера. Когда мы еще только репетировали пьесу, нам сообщили начальники из комендатуры, что на линии фронта захвачено несколько грузовиков с немецким снаряжением, в том числе и с обмундированием. Нас послали со специальным сопровождением на примерку, и оттуда я явился с настоящей офицерской формой подмышкой и даже с найденным там же железным крестом.

Форма предназначалась для немецких офицеров, которые должны были участвовать в параде на Красной площади после взятия Москвы. Отличалась она от обычной офицерской формы только несколько лучшим качеством материала, да обувью. Вернее не обувью, а только каблуками. На каблуках сапог офицеров, которые собирались войти в Москву, была металлическая подкова с вытесненной на ней свастикой. Таким образом получалось, что куда бы ни ступала нога завоевателя Москвы, всюду оставался бы след свастики.

Вот в такой форме я играл этого офицера. Если учесть, что моя худоба, гладкие прилизанные волосы и длинное лицо делали меня непохожим на русского парня, а значит похожим на иностранца, то у зрителей складывалось полное впечатление, что пред ними немецкий офицер. Если добавить к этому, что пьеса была поставлена народным артистом РСФСР Н.К.Свободиным так, что немецкий офицер плохо говорил по-русски, но зато хорошо по-немецки, то можно представить, почему за кулисами собирались все участники. Мое выступление походило на смертельный номер под куполом цирка, где каждую минуту можно сорваться. Никогда неизвестно было, как отреагируют на мое появление и поведение (а немец издевался, бил и даже приговаривал к расстрелу) наши непосредственные зрители – солдаты. Когда я появлялся, все замирали, иногда ахали, а потом началось. В зале слышались ругательства, на сцену летели окурки, гильзы, огрызки. Я в течение получаса был «под обстрелом». Но что творилось в зале, когда меня на сцене убивали! Торжествующие крики солдат не прекращались, даже когда они покидали зал. Стоит ли говорить, что на аплодисменты я не выходил. Я не мог в глазах зрителей быть еще живым, если меня к общей радости уничтожили. Солдаты, идущие на фронт, этого бы не простили.

Мы играли на вокзалах, для частей ПВО в оставленных зданиях театров, выезжали в авиационные и зенитные части, стоявшие в Москве и под Москвой.

Когда линия фронта, придвинувшаяся близко к Москве, стала отодвигаться на запад и грозная опасность миновала, в противопожарной службе мы остались, но защитные рвы и линии заграждения уже ставить было не нужно. Наша театральная деятельность расширилась. Нам дали помещение (театр на Бакунинской улице), труппа увеличилась, и мы стали создавать репертуар. Стоит ли говорить о том, как мы репетировали, не считаясь ни со временем, ни с силами. К весне в репертуаре уже были «Разлом», «На всякого мудреца довольно простоты», «Свадьба Фигаро».

Война, послевоенная сумятица и последующее время восстановления разбросали нас всех кого куда. Сейчас уже трудно найти тех, с кем рыли, тушили, играли...

Семнадцатого и восемнадцатого октября суматоха эвакуации затихала. На удивление паникеров немцы в город не вошли. Потом стало выясняться, что оборона Москвы крепка. Медленно распространялась уверенность, что немцы и не войдут в столицу. Постепенно налаживалась жизнь. Пошли трамваи.

Здание Большого театра было замаскировано. На нем нарисованы дома и деревья, чтобы с воздуха виделась улица. Кроме того, его повредило бомбой. Играть спектакли в нем было нельзя, да и основная часть труппы была эвакуирована в г.Куйбышев (Самару). Но в здании Филиала продолжали работать, и там жизнь текла как бы своим чередом. Вечерами начали показывать оперы и балеты, исполняемые артистами, оставшимися в Москве, и приступили к созданию новой постановки. Солдатам, попавшим в Москву, необходимо было что-то легкое, развлекательное. Начали ставить «Севильского цирюльника» Д.Россини и в январе 1942 года его сыграли. Из репертуара Большого театра перенесли в Филиал «Евгения Онегина, несколько других спектаклей.

Художественным руководителем Филиала был М.М.Габович. Он пригласил композитора Д.Кабалевского, тоже не уехавшего из Москвы в это трудное время, написать оперу об обороне Москвы. Пригласили либреттиста Ц.Солодаря. Работа велась днем и ночью под вой сирен и гул самолетов.

«...Когда я столкнулся с современной темой, то встретились такие трудности, которые мне так и не удалось преодолеть», - вспоминал Д.Кабалевский.

В те времена творческими руководителями оперной труппы были дирижеры. По прихоти высшего партийного начальства они часто менялись. Но, принимаясь за исполнение своих обязанностей, каждый из этих крупнейших музыкантов намеревался сделать все для величия и славы «Большого». И С.А.Самосуд, и А.М. Пазовский, и Н.С.Голованов, поочередно перебывавшие в кресле главного дирижера, делали все для процветания театра. К сожалению, время их деятельности пало на тяжкие предвоенные и военные годы.

Георгий Ансимов. Звездные годы Большого. М.: ГИТИС, 2001

Тимофей ДОКШИЦЕР
солист оркестра

ВОЙНА

Прошло всего полгода после окончания конкурса, и меня призвали в армию. Началась Великая Отечественная война.

Моя армейская служба проходила в Образцовом оркестре штаба Московского военного округа. Это была, по сути, третья моя армейская служба (первая – воспитанником, вторая – вольнонаемным музыкантом в Балалаечном оркестре ЦДКА с ноября 1936 года по ноябрь 1939 года).

Оркестр штаба Московского военного округа был укомплектован в основном профессиональными музыкантами. Из его состава был создан джаз-оркестр, которым руководил выдающийся музыкант Виктор Николаевич Кнушевицкий, создатель первого в нашей стране Государственного эстрадного оркестра.

Пожалуй, никогда в военных оркестрах не играли музыканты столь высокого класса, как во время войны. Служили все исполнители профессиональных оркестров призывного возраста – от молодежи до седовласых. Надо сказать, что служба военного музыканта изнурительна. А на духовом инструменте особенно трудна в зимнее время, когда приходится играть на улице на застывшем инструменте с обледенелым мундштуком. Но во время войны мы с этим не считались, наша ежедневная работа длилась часами. Понятно, что, кроме исполнения музыки, мы выполняли караульную, патрульную службу в прифронтовом городе, каким стала

Москва к середине октября 1941 года и позже. Немцы каждую ночь бомбили город. Мы, вооруженные винтовками, дежурили на крышах домов, в местах скопления людей – бомбоубежищах, станциях метро. Некоторые носили с собой и свои музыкальные инструменты.

Наша профессиональная будничная работа начиналась рано утром. До декабря месяца она была довольно грустной. Исключением стал неожиданный парад 7 ноября на Красной площади по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции. Парад этот никак не готовился. Нас подняли в 5 утра, к 7 часам было приказано явиться на Красную площадь. Кроме нашего оркестра, насчитывающего 50 человек, там были оркестры полков НКВД – всего около 150 музыкантов. Этим маленьким сводным оркестром дирижировал автор популярного марша «Прощание славянки» В.Агапкин.

В параде участвовали части, находящиеся на переформировании. В их марше по Красной площади не было ничего парадного. Усталые, они не могли знать, что им, направляющимся на боевые позиции осажденной немцами столицы, предстоит сначала пройти маршем по Красной площади. Парад начался в 8 часов утра, в то время как обычно они начинались в 10 часов. Предрассветный утренний туман, низкая облачность, метель и мороз делали погоду нелетной, что счастливо сопутствовало проведению парада с наименьшей вероятностью налета немецкой авиации.

В речи И.Сталина с трибуны Мавзолея прозвучали слова, которые запомнились, как вещие предсказания: «Еще полгодика, годик и фашистская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений». Смысл этой фразы тогда не казался реальностью. Он больше был как бы направлен на поднятие духа людей. Но месяцем позже наши войска нанесли врагу первый после начала войны сокрушительный удар и отогнали немцев от Москвы. Вдохновленным победой людям потребовалось больше музыки.

Звуки нашего оркестра, единственного оставшегося в Москве из образцовых военных коллективов, раздавались на московских вокзалах, речных причалах, откуда сформированные части направлялись на фронт и куда прибывали беженцы и эвакуированные из оккупированных районов нашей страны.

Многие люди, порой и сами музыканты, не вполне оценивали роль и значение музыки на войне – как во время кровопролитных сражений на фронтах, так и в тылу. Но надо было видеть лица людей – бросивших все, едущих неизвестно куда стариков, женщин, детей, оставивших свои дома, упавших духом, для которых, казалось, жизнь кончилась – когда они слышали звуки духового оркестра. Услышав музыку, люди плакали, обнимались, кричали: «Музыка! Значит, жизнь, значит, не все кончено и впереди победа!» Это было выражением отчаяния, смешанного с чувством надежды, возвращения к жизни. Глядя на это, невозможно было играть, слезы душили, сбивалось дыхание... Эти минуты – незабываемы.

Во время переезда оркестра на концерты в Горький в октябре 1941 года на наш эшелон напали немецкие самолеты. Была объявлена тревога. Мы выскочили из вагонов, вооруженные старыми винтовками (образца, кажется, 1897 года), и из этих винтовок стали стрелять по пикирующим самолетам, но наш огонь им был – как слону дробинка.

А большую часть оркестра – лучших, смелых людей – отправили на фронт. Среди них были упомянутый уже Виктор Кнушевицкий, гобоист Константин Швечков (после войны – ответственный работник Внешторга). Кирилл Никончук, тоже

гобоист (после войны – профессор Ленинградской консерватории), тубист Владимир Календа (после войны – артист оркестра Московской областной филармонии) и многие другие. Некоторые – увы! – не вернулись обратно.

Между тем коллектив наш был дружным: молодые уважительно относились к старшим. Отцы и дети служили и трудились вместе. Среди старших по возрасту был у нас кларнетист-виртуоз Алексей Тихонович Игнатенко, он носил пенсне, до войны работал в оркестре В.Кнушевицкого и фантастично исполнял на кларнете молдавские танцы. Мы ласково звали его Люля, он всегда был в хорошем настроении, острил, шутил и веселил всех.

К Новому, 1942, году и после него работать стало немного веселее. Немцев погнали от Москвы. Мы играли на аэродромах при награждениях героев-летчиков, в лесах и освобожденных городах, где стояли на переформировании части, при вручении им гвардейских знамен. В освобожденный и совершенно разрушенный город Калинин (теперь Тверь) поехали играть для поднятия духа местных жителей, возвращавшихся из лесов. И нипочем для нас, музыкантов, были трескучие морозы лютой зимы 1941-1942 года, а ехали-то в кузовах открытых грузовиков.

Конечно, трудно говорить о профессиональной форме музыканта, о каких-то серьезных занятиях во время военной службы. Хорошо, если перед игрой едва успевали разогреть мундштук и инструмент. Такой режим растраты исполнительских ресурсов, без их восстановления и накопления, вел к неизбежному снижению уровня мастерства, огрублению исполнительского аппарата, потере тонких ощущений губных мышц. Как результат этого, утрачивалась легкость звучания и многое другое.

Для восстановления игровых навыков требовались регулярные занятия и, естественно, отдохнувший организм. Ни того, ни другого у нас не было.

Моя третья служба в армии продолжалась до конца войны и дальше, до парада Победы 24 июня 1945 года. За армейские годы я дослужился до звания старшего сержанта. Еще будучи на службе, я выдержал конкурс в оркестр Большого театра и в декабре 1945 года начал работу в прославленном коллективе, которая продолжалась без малого сорок лет – как один день...

Тимофей Докшицер. Трубач на коне. Москва, 1996

В.М.ФИРСОВА
солистка оперы

О ПОЕЗДКАХ НА ФРОНТ

Условия для Ивановского училища в те годы сложились действительно очень тяжелые. Несколько месяцев в 1942 г. училище вообще не работало. Часть помещений, в том числе и студенческое общежитие, была занята военным ведомством. Классов не хватало, занятия шли на разных базах, иногда в квартирах педагогов. Заниматься подчас приходилось в неотапливаемых помещениях. Студенческий паек был крайне скуден. Для большинства из нас осталась единственная возможность продолжать учебу – это совмещать ее с работой. Если учесть, что ко всему прибавлялась еще напряженная концертная программа в порядке шефства училища над госпиталями и расквартированными в городе воинскими подразделениями, то станет ясна та эмоциональная и физическая перегрузка, которая оказывала самое непосредственное влияние на весь строй нашей тогдашней жизни.

Само собой разумеется, что помощь старшего в этой ситуации была каждому из нас необходима. Педагоги нам помогали. Помогали повседневно и многообразно, помогали не как учителя, а просто как более опытные и по-человечески заинтересованные люди. Эта помощь была и в том, что они в качестве аккомпаниаторов сопровождали наши первые шаги по сцене, и порой в форме указания на то, что поклон публике – это не гимнастическое упражнение и не «вытаскивание воды из колодца», помогали советом, помогали найти работу. Трудно перечислить все, в чем такая помощь проявлялась. Именно это в те годы складывалось в тот общий тон взаимного доверия и взаимопонимания, который во многом определял успешную учебу даже в сверхтяжелых условиях.

Летом 1943 г. я окончила Ивановское музыкальное училище. По классу ансамбля на экзамене я пела дуэт с Жермоном из второго акта оперы «Травиата» Верди, а 12 июля на экзамене по специальности разнообразную программу.

По окончании училища в составе военно-шефской бригады Ивановской филармонии я выехала с концертами в войска на Орловско-Курское направление.

Поездки на фронт и в воинские подразделения составляли значительную долю моей концертной деятельности. Они почти всегда были сопряжены с большой нервной, физической, а нередко и профессиональной нагрузкой и, не будь наша военная аудитория самой внимательной, расположенной и отзывчивой, для неопытных исполнителей они могли бы оказаться просто непосильными. В 1943-1945гг. я была с бригадами на Орловско-Курском направлении, в войсках IV Украинского фронта и на Японском фронте.

За время фронтовых поездок было все, чему «положено» быть на войне. Жили в неразминированных домах, которые подчас взрывались после нашего отъезда, ездили по заминированным дорогам, поезда останавливались в считанных метрах от участков поврежденного пути. Концерты прерывались бомбежкой, и мы прямо с «эстрады» (кузов грузовика) бежали в кюветы и канавы, выступления проходили на аэродромах во время боевых вылетов под аккомпанемент ревущих моторов. Во Львове на улице бендеровцы стреляли по нам из автоматов, а в Орле на вокзале мы ждали эшелон под немецкими бомбами. В одном из гарнизонов на Маньчжурской Ветке слушатели, чтобы приветствовать нас, оборвали все цветы с клумб городка (других цветов там не было), и на Русском Острове М.Рыба, сидя рядом с аккомпанировавшей мне А.Гольдштейн, вытаскивал западавшие клавиши вконец расстроенного пианино. Выдерживать все это и ежедневно выступать в невероятных условиях случайных залов, сараев, под открытым небом помогали молодой задор, энтузиазм, но в большей степени постоянная забота о нас, артистах, солдат и офицеров – наших слушателей, самой замечательной аудитории, какую может пожелать себе любой исполнитель.

1942г. В.М.Фирсова выступает перед ранеными в госпиталях.

1943г. Лето. Выезжает на фронт на Орловско-Курскую дугу в составе фронтовой концертной бригады Ивановской филармонии.

1945г. Март. Выезжает на 2-й Украинский фронт (Львов, Ровно) в составе фронтовой концертной бригады.

1945г. Июнь-сентябрь. Выезжает на Дальний Восток в составе фронтовой бригады.

художник

СОРОКОВЫЕ РОКОВЫЕ...

Наверное, мои воспоминания о военных годах, о моем прерванном войной детстве, о быстром, прямо-таки стремительном взрослении, вынесенные из тех роковых сороковых впечатления о людях мало чем отличаются от того, что могут рассказать мои сверстники. И все же – у каждого «своя война».

Меня война застала в Москве. Жили мы тогда в Зарядье. Дом этот не сохранился, но расположенная рядом церковь св. Варвары, до сих пор, слава Богу, стоит.

Первое ощущение войны связано у меня не с первыми бомбежками, а со словами мамы. Когда В.М.Молотов выступил по радио с сообщением о том, что на нашу страну вероломно напал враг, мама сказала: «Срочно беги в табачный киоск». Это было первое задание, которое я получил после объявления войны. В ту пору по моим воспоминаниям курили только женщины-медики и актрисы, среди остального дамского населения это было не принято. У табачного киоска к моему приходу уже собрался народ, и все это вместе как-то вдруг обозначило ощущение тревоги: а мне-то было всего-навсего 9 лет и одна неделя. В этот день практически прекратилось детство. В первую военную ночь объявили воздушную тревогу, потом, правда, выяснилось, что она была учебная, но сирены ревели по-настоящему, а мы из Зарядья бежали в метро на площадь Революции – рядышком, пробежать всего два переулка. Но все же, после этого «марш-броска» родители решили, что больше так бегать мы не будем. В церкви св. Варвары был довольно большой подвал, и всю осень, до переезда на Садовую-Сухаревскую, мы в нем, собственно говоря, и прожили.

А потом, после объявления войны, мы с бабушкой уехали на дачу на Сходне. Выкопали, как все, траншеи – спасение от налетов. Но судьба есть судьба. Вспоминаю, как в августе мы с бабушкой ходили в лес за грибами, и возвращаясь домой, вышли на опушку. Навстречу нам очень низко, метров 40-50 от земли летит самолет, обычный «кукурузник» «У-2» с красными звездами, и вдруг, дает по нам пулеметную очередь... Вероятно, - немецкий разведчик, но это не приходило в голову.

В сентябре мы вернулись в Москву. Тогда уже начались регулярные налеты и бомбежки. Мы «приспособились», успевая поужинать до того, как с немецкой пунктуальностью, в половине десятого, объявлялась воздушная тревога. Все начиналось с нарастающего гула самолетов, которые довольно беспорядочно сбрасывали бомбы. В районе Химок самолеты встречались нашими зенитными установками, и зарево над Москвой стояло практически ежевечерне.

В один из дней сентября, не помню когда, бомба попала в здание закамуфлированного Большого театра. Собралась толпа, все оцепили. Но пробоину, которая образовалась между порталом и стеной здания, хорошо было видно, хотя пыль стояла столбом.

В октябре, накануне знаменитого 16-го, когда в Москве было введено военное положение, домоуправ посоветовал всем перебраться куда-нибудь подальше. Для меня так и осталось тайной, знал ли он или предполагал, что мост, рядом с которым стоял наш дом, был заминирован. Мы переехали на Садовую-Сухаревскую, в дом рядом с кинотеатром «Форум», где 20 квартир занимали работники Большого театра. Дядюшка мой, Виктор Иванович Цаплин, был солистом балета

и многие партии танцевал в очередь с Асафом Михайловичем Мессерером (именно поэтому я хорошо помню и того, и другого). Дядя вместе с театром уехал в Куйбышев, и мы поселились в его квартире. Кое-кто из артистов остался. По соседству с нами жила Марианна Боголюбская, позднее приехал Михаил Габович, Ирина Соколова с Александром Руденко, над нами жили Надежда Чубенко и Леонид Адамов, Алексей Петрович Иванов. И все жили как бы единым кланом, одной семьей.

Москва того времени, конечно, не была блокадным Ленинградом, но еды нам, ребятам, постоянно не хватало – организм рос, есть хотелось всегда, того, что выдавали по карточкам – 400 г. хлеба, конечно, было мало. Марианна Боголюбская, - дай Бог ей здоровья, и долгие годы жизни, этого я никогда не забуду – абсолютно посторонним для нее детям приносила из столовой ЦДРИ обеды, или, когда после спектакля поклонницы вместо цветов приносили ей банку молока, половину она отдавала нам.

Осенью 1941 года в Москве был самый напряженный момент, началась паника, все боялись голода. Бабушка ходила на Центральный рынок, который был рядом с домом, и возвращалась безумно счастливая, с 2 кг картошки. Потом уже выяснилось, что после каждого такого похода она лишалась золотого кольца или сережек. Но люди того поколения думали не о драгоценностях – они стремились прокормить детей.

Новый, 1942 год мы встречали в нашей квартире. И получили прямо-таки царский подарок. Дело в том, что той зимой кофе в Москве не было, а родители жить без него не могли. Под Новый год, словно Дед Мороз, приехал из Куйбышева Виктор Иванович Хохряков и привез кофе. Правда, это был зеленый, серый кофе, но – кофе! И я поехал за ним от Самотеки до Марьиной рощи, - получил заветный пакет и возвращался домой. Иду и вижу, буквально над домами летит самолет с красными звездами, и вдруг дает пулеметную очередь по людям. Что можно сказать? Для меня – закон подлости...

Родителей я видел очень редко, в основном был с бабушкой. Мама работала в госпитале, ее не было дома сутками. Папа работал на авиационном заводе. Помню, как-то я ездил с ним несколько дней подряд рыть противотанковые окопы в районе Сходни. Мы, ребята, а я такой был не один, тоже работали лопатами и старались не отставать от взрослых.

В 1941-42 учебном году школы не функционировали. Ближайшим местом, куда можно было пойти, чтобы чем-то интересным заняться, был дом пионеров в переулке Стопани, что выходит на улицу Кирова. Я начал заниматься в студии изобразительного искусства. И часто бывало, - а ходил я в дом пионеров 2-3 раза в неделю, - что пока доберешься – занятия начинались в 5-6 часов вечера, по дороге несколько раз обязательно угодишь в бомбоубежище. Как правило, происходило это и по дороге туда, и по дороге обратно.

А когда открылся Филиал Большого театра, я, кажется, проводил там все время, свободное от занятий в студии. Попадал я в театр очень просто: одна из моих соседок, когда шла на спектакль, брала меня с собой. И во время спектакля, часто по 2-3 раза объявляли воздушную тревогу. А когда спектакль заканчивался, меня снова «за ручки» приводили домой.

Постепенно начали нормально работать школы. Сначала я поступил в школу рядом с Садовой-Сухаревской, а после возвращения из эвакуации В.И.Цаплина, мы перебрались к себе в Зарядье, и я перешел в другую школу.

Война миновала самых близких моих родственников. Только двоюродный брат испытал все «по максимуму». В 1941 году 19-летнего парня сбросили с парашютом недалеко от Москвы в тыл врага, и он приземлился на мину. Ребята, которые были вместе с ним и видели взрыв, считали его погибшим. Но он был ранен, его подобрали и оставили в ближайшей деревне. Потом кто-то выдал брата фашистам, он прошел два немецких лагеря, бежал, провел какое-то время в американской зоне оккупации, а в 1949 году вернулся домой, даже не попав в ГУЛАГ.

...Очень хорошо помню день окончания войны. Все ждали официального сообщения, и я практически сутки не уходил с Красной площади, лишь периодически забегая домой что-нибудь «перехватить». Всеобщему, подлинно всенародному ликованию, когда люди из домов тянулись на улицы, площади Москвы, не было конца.

Газета «Большой театр», 1995, 24 февраля

О. ЧУДИНОВ
артист миманса

ЭТО БЫЛА ВОЙНА...

Так уж устроен человек. С годами память становится слабее на события сегодняшнего дня, зато обостряется на давно прошедшее. В памяти воскресают дни и годы 50-летней давности, перед глазами встают отдельные эпизоды и постепенно выстраиваются в логическую цепочку тяжелых и радостных воспоминаний.

22 июня 1941 года – как гром среди ясного солнечного утра, ещё не осознанный нами, 12-летними детьми, но ударивший по взрослым, воспринявшим как тяжелую трагедию начало войны с фашистской Германией.

10-й день войны принес в Москву первую учебную воздушную тревогу. Но о том, что она учебная, мы все узнали только после её окончания. А пока было очень страшно. Нам, не слышавшим до этого мощных орудийных залпов, показалось, что все вокруг рушится и горит, а на улицу выходить нельзя. Ровно через месяц после начала войны была первая настоящая тревога – с бомбежкой города, со сбитыми самолетами, прожекторами, прорезывающими темное небо Москвы, и немецкими самолетами, попавшими в их пересечение. Я точно запомнил этот день по событию в семье. Умер мой дядя – гример МХАТа Яков Иванович Гремиславский, работавший в Художественном театре со дня его основания.

Первое время бомбежки были каждую ночь, и население (женщины с детьми) в 12 часов ночи, как на работу, отправлялись в метро, в тоннели, где по обеим сторонам рельс были оборудованы деревянные настилы для сна, а в 5 утра люди выходили из метро и шли по домам. И так ежедневно.

Помню, однажды, когда после боя все вышли из убежищ, в город как-то прорвался немецкий бомбардировщик и сбросил три бомбы в центре – на телеграф, перекресток Тверской и Охотного ряда и Большой театр. К счастью, на перекрестке Тверской и Охотного ряда бомба не взорвалась, а ушла глубоко в землю. Потом этот самолет был сбит и выставлен на Театральной площади, где стоял довольно долго, и мы, мальчишки, даже лазили в него и радовались его заслуженной каре.

Детский сад Большого театра, в котором работала моя мама, в первые дни войны был вывезен в Поленово и размещен в двухэтажном доме художника. Но вскоре немецкие самолеты стали летать над нами, раздавались пулеметные оче-

реди, и было принято решение о возвращении в Москву. Последним теплоходом мы добрались до Серпухова и поездом – домой.

Тревожная Москва, погруженная в темноту, встает в памяти летящими хлопьями сгоревшей бумаги (жгли документы) и бесконечными разговорами об эвакуации. Большой театр не был исключением. Работникам театра в дирекции выдавали по 20 кг изюма и 40 кг ржаной муки, из которой мы долго пекли лепешки, казавшиеся очень вкусными.

Улицы города ощетинились металлическими ежами (балки, сваренные в середине), крыши домов и площади были разрисованы, представляясь сверху лесами, реками и полями. Даже фонтан на Театральной площади был одет в леса. Это была маскировка.

На площадях появились аэростаты, которые поднимались в небо каждую ночь, а на крышах домов устанавливались зенитные орудия и пулеметы. На чердаках назначались дежурные, в обязанности которых входило тушение зажигательных бомб, сыпавшихся на город во время налетов немцев.

Весной 1941 года я окончил четвертый класс, а в пятый пошел только осенью 1942 года, поскольку школы были закрыты.

Одновременно с открытием школ в районе начал действовать детский учебно-производственный комбинат. Я поступил туда работать. Работали мы после школы по 4 часа. Получали за это рабочие карточки, а деньги передавали в Фонд обороны. Сначала я работал в свечном цехе, а потом перешел в паяльный, где мы припаивали клямер (ножки) к воинским эмблемам для крепления их на солдатские шинели и погоны. Из школ нас часто направляли на дежурство в госпиталь имени Бурденко на Каляевской улице, мы собирали раненым подарки и несли туда. Сегодня, говорят, патриотизм не в моде, а тогда нам, детям войны, он давал физические и духовные силы выжить в эти тяжелые годы. А уж салюты в ознаменование освобождения наших городов были столь великими праздниками, что и передать нельзя. У многих мальчишек в домах на стенах висели карты и флажками на булавках мы отмечали каждый освобожденный город.

И вот пришел 1945 год – Год Победы. Торжество и радость, царящие повсюду, захлестнули город, улыбки и слезы были на всех лицах.

Через несколько месяцев стали возвращаться с войны солдаты. Дома и дворы наполнились звуками баянов и патефонов, а в некоторых комнатах тревожно ждали так и не вернувшихся отцов и мужей.

Так прошла для меня Великая Отечественная война. В 1946 году я по конкурсу был принят в мимический ансамбль Большого театра. Театр стал моим вторым домом, и, думаю, останется им на всю мою жизнь.

Газета «Большой театр», 1995, 10 февраля

С.КАЗАКОВЦЕВ
артист хора

«НАМ ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ...»

С каждым годом все дальше и дальше в историю уходит от нас военное лихолетье. Мы забываем события, имена, лица. Очень многое стирается в памяти. Но для тех, кто прошел дорогами войны, редкий день обходится без воспоминаний о прошлом.

Когда началась война, мне было одиннадцать лет. Я потерял родителей и все же, думаю, судьба была на моей стороне, не дала погибнуть – я стал воспитанником пятого Гвардейского механизированного полка.

Сын полка – звание гордое. Как все мальчишки этого возраста я мечтал о фронте, о подвигах, о боевых наградах. Люди, окружавшие меня, офицеры и солдаты, стали родными, заменили семью. Их забота, участие и поистине отеческая помощь, сформировали меня как человека.

Далекий город, война, военные песни и военный оркестр, в котором я играл на трубе... Быть может, здесь истоки моей любви к песне, и хоровой – в особенности. Я до сих пор помню, как преображались лица солдат, певших «Прощай, любимый город» или «Темная ночь». Именно тогда и избрал я свою будущую профессию.

Чему научили меня военные годы? Наверное, стойкости, жизнелюбию, честности и, главное, - умению всегда, невзирая ни на что двигаться вперед, жить будущим. И конечно, для меня всегда будут святы те особые товарищество и дружба, которые обычно называют «фронтовыми».

Я пришел в Большой театр в 1962 году, и с этого времени хор стал главным делом моей жизни. Безусловно, не случайно мы решили организовать хор ветеранов Большого театра. Ведь всегда для кого бы то ни было, критерием личности остается профессионализм человека, его стремление ежедневно, ежечасно трудиться. И хор ветеранов – яркое тому подтверждение. Этих людей объединяет любовь к своей профессии, преданность Большому театру, которому они служили всю свою жизнь, и желание доставить своим творчеством удовольствие слушателям. С какой радостью и благодарностью встречают выступления нашего ветеранского хора в заводских дворцах культуры, и самых дальних селах Подмосковья.

Особенно дороги для нас выступления в воинских частях. Во многом это определило выбор нашего репертуара, и хор исполняет много песен военных лет. Может быть, это прозвучит несовременно, но, на мой взгляд, через творчество ветеранов осуществляется передача эстафеты опыта, профессионализма и той совершенно особой духовности, на которой лежит отблеск войны. Особенно важно это сейчас, в наши дни, опаленные событиями в Армении, Азербайджане, Прибалтике, Молдавии. Нельзя оставаться равнодушными к этому.

Музыка помогает нам помнить. На фронтах Великой Отечественной солдаты вспоминали оставленный дом, слушая «Синий платочек». И это давало силы выстоять. А сегодня многие из наших соотечественников обращаются к духовной музыке, непревзойденная мудрость и ценность которой помогает нам жить.

Газета «Большой театр», 1993, 29 апреля

Ирина АРХИПОВА
солистка оперы

ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ

Война началась летним днем, когда в школах только-только закончился учебный год, а у старшеклассников выпускные экзамены, когда для них прозвучал последний школьный звонок и шли выпускные балы.

Мы с мамой собирались на лето поехать в гости к дедушке и бабушке в Николаевку. Папа заранее купил нам билеты на поезд до станции Валуйки. Отъезд

назначили на вечер 22 июня, потому что это было воскресенье, папа был свободен и мог проводить маму с детьми на вокзал.

Но утром радио принесло страшную весть. Для многих это было полной неожиданностью, особенно для нас, подростков. Ведь мы знали, что недавно с Германией был заключен мирный договор, что наша жизнь должна быть спокойной. Но взрослые знали что-то такое, что нам было неизвестно. Помню, как за месяц до начала войны, в школе, на занятиях по военному делу нас учили, как надо обращаться с противогазом. По-юношески беспечные и ироничные, мы относились к этому несерьезно, шутили, воспринимали все как игру. Но преподаватель военного дела на наши шутки и смешки сказал с какой-то душевной тревогой: «Нужно уметь носить противогаз». Он не стал ничего объяснять, не желая пугать нас, по сути еще детей, мало понимавших в том, что происходило в мире, а старался подготовить к тому страшному, что было неизбежно.

И это страшное произошло. Наша прежняя мирная жизнь с ее интересными впечатлениями, чистыми, наивными мечтами, ожиданиями непременно чего-то нового и светлого вдруг кончилась, мы сразу как-то повзрослели. Теперь реальностью стали налеты, бомбежки, воздушные тревоги, свист падающих бомб, взрывы... Окна московских домов, всегда приветливо светившиеся по вечерам, погасли – их закрыли плотные шторы светомаскировки. Теперь их «украшали» белые бумажные – крест-накрест – ленты.

Конечно, ни о какой поездке к бабушке не могло быть и речи. Но родители все-таки решили вывезти нас из Москвы – на дачу к соседям. Это было недалеко – в Поваровке, по Ленинградской дороге. Война отразилась на наших детских играх и занятиях. Теперь мы рыли на даче так называемые щели, чтобы прятаться на случай бомбежки, а мальчишки днем и ночью несли дежурство. Находясь за городом, мы могли видеть воздушные бои, зарево от пожаров в стороне Москвы, на которую фашисты сбрасывали зажигательные бомбы. В августе родители увезли нас с дачи домой.

Наступили особенно страшные для Москвы и всей страны дни, когда враг приближался к столице. Налеты становились все интенсивнее, и по радио, которое в квартирах никогда не выключалось, то и дело объявлялись воздушные тревоги. Москвичи прятались в бомбоубежищах, на станциях метро. Именно в те дни стало особенно ясно, какое значение для города имел метрополитен. Ближайшей к нам станцией была «Библиотека имени Ленина». На всю жизнь мне запомнилось, как прямо на рельсах в туннеле стояли топчаны, на которых сидели или лежали женщины с детьми, старики. Некоторые располагались на платформах, тут же находились медицинские пункты.

Москва на глазах пустела. В те дни многие старались покинуть город – уезжали целыми семьями, эвакуировались учреждения, некоторые промышленные предприятия. Многие уходили из города пешком. Но все же 1 сентября учебный год начался. Правда, большинство школ в нашем районе было закрыто – в них размещались госпитали или формировались новые воинские части, отряды народного ополчения. Да и учеников оставалось немного – семьи с детьми уезжали в первую очередь.

Для остававшихся в городе школьников работали так называемые объединенные школы, где собирались еще не покинувшие Москву учителя и дети из близлежащих районов. В такую школу, действовавшую в арбатских переулках, пошла

 и я. Но наши занятия вряд ли можно было назвать настоящими уроками. Мы сидели в классах и почти не слушали то, что нам объясняли учителя, - мы смотрели в окна, следя за тем, что происходит в небе. Занятия то и дело прерывались объявлениями: «Граждане! Воздушная тревога!» Приходилось спускаться в бомбоубежище.

Так мы прозанимались несколько дней. Потом учеников старших классов отправили на сельскохозяйственные работы к северу от Москвы, в район Лобни – помогать колхозникам убирать урожай, поскольку большинство мужчин были призваны в армию и рук не хватало. Мы оказались в селе Озерецковском. Для нас, городских подростков, не знавших по-настоящему сельского труда, началась другая жизнь. Но мы быстро освоились, относились к порученному делу ответственно, работали с энтузиазмом, учились быть самостоятельными. Сначала нас направили на уборку картофеля. Справившись с этим, получили другое задание – молотить хлеб, потом скирдовать. Во время коротких передышек мы ложились на скирды и глядели в небо – там высоко над нами в сторону Москвы летели самолеты. Значит, наши родные опять скоро услышат: «Граждане! Воздушная тревога!» В нашем сердце тоже была тревога, хотя мы ничего не знали достоверно, что происходит в мире, - в селе не было радио, газет. Точнее сказать, в сельских избах, где нас расселили по несколько человек, не было радио. Председатель колхоза, конечно же, был в курсе происходившего (в этом мы убедились позже).

Так мы проработали недели две. Жили мы группами по пять человек, сами себе готовили еду, установив очередность – кому быть «дежурным поваром». В колхозе нам выдали кое-какие продукты, кроме того, мы ходили в лес за грибами, поэтому у нас все получалось очень вкусно. В моей группе были девочки старше меня, уже имевшие некоторый кулинарный опыт, у них-то я и научилась готовить.

Вдруг неожиданно нас собрали и сказали, что уборочные работы прекращены. Мы не поняли, что произошло. Председатель колхоза объявил только, что каждому из нас выдадут по мешку картошки, капусты, других овощей, что сейчас подадут подводы, чтобы отвезти всех на железнодорожную станцию Лобня – село было в девяти километрах от нее.

И в этот момент неожиданно для себя я увидела папу с братом – они подъехали к селу тоже на подводе. Я очень удивилась их появлению: «Что случилось?» Папа сказал, чтобы не пугать меня: «От тебя долго не было вестей, вот мы и приехали». Но все было гораздо серьезнее. Совпадение их приезда в Озерецковское с распоряжением председателя колхоза о срочном отъезде нашей группы из села не было случайным. Пока мы трудились на полях, ничего не зная о происходящем на фронтах, военная ситуация стала угрожающей – немцы приближались к Москве. Село стояло на шоссе, и именно в этом направлении двигались наступавшие части. Имея возможность слушать радио, и председатель, и мои родители все прекрасно понимали: надо срочно вывозить детей, чтобы они не попали в плен. И сделали это вовремя – через несколько дней в Озерецковское вошли передовые моторизованные части фашистов.

Добравшись на подводе до Лобни, мы сели на «паровичок» - пригородный поезд с очень старыми вагонами, в которых были небольшие узенькие окна. Ходил этот допотопный поезд неспешно и нечасто, но мы все-таки доехали до Савеловского вокзала и оттуда через всю Москву тащили на себе мешки с заработанными мною овощами до самой улицы Грановского.

Меня не было в Москве всего недели две, но я не узнавала родного города.

Всегда шумная, оживленная, Москва стала за это время настоящим прифронтовым городом, приготовившимся к обороне. По обезлюдевшим улицам и бульварам девушки в военной форме «водили» на веревках (или тросах) огромные аэростаты воздушного заграждения, напоминавшие мне больших фантастических животных. На крышах домов и на земле стояли зенитки.

Москву тогда страшно бомбили. Мы жили в самом центре, и я помню, как бомбы падали в нашем районе – фашистские летчики метили в Кремль. Крупная фугаска упала недалеко от нашего дома: она угодила в старое здание университета. Мы в это время укрылись в бомбоубежище, которое находилось под нашим подъездом. Взрывная волна была настолько мощной, что двери глубокого подвала распахнулись настежь. Мы увидели сине-красный огонь и подумали, что дом вот-вот рухнет и погребет нас. Было очень страшно. Потом, когда мы уже вышли на улицу, то увидели, что во всех домах стекла вылетели, и мы ходили по этому стеклянному крошеву, как по снегу.

Следы от других попаданий сохранились и по сей день. На Арбатской площади, рядом с кинотеатром «Художественный» когда-то стоял дом, который в 1941 году разрушила бомба. Теперь на его месте находится скверик, обнесенный красивой решеткой.

Крупная фугаска взорвалась и напротив Библиотеки им. Ленина – на другой стороне Моховой улицы. Это место легко узнать и сейчас: между двумя очень похожими друг на друга зданиями (слева пошире, справа совсем узкое) есть странный разрыв, словно из этого здания вынули кусок. Так и есть – разрушенную часть когда-то большого дома решили не восстанавливать, вот и получилось из одного два. Кстати, соседний с ними застекленный павильон кафе стоит на месте, куда тоже попала авиационная бомба.

Когда мы вернулись с сельскохозяйственных работ, я записалась в санитарную дружину и начала ходить на курсы медсестер. В своей группе я была назначена старшей, мне выдали противогаз.

Конечно, я помню и самый страшный для москвичей день 16 октября 1941 года. Радио зловеще молчало, никто ничего толком не знал, по городу ползли ужасные слухи, что Москву некому защищать, что правительство покинуло город. Во многих местах были случаи разграбления магазинов... Это очень страшно – паника в большом городе. Люди с какими-то котомками бежали к вокзалам, брали штурмом поезда, но многие из них не ходили. Привокзальные площади были запружены народом, обезумевшим от неизвестности, от надвигающейся опасности...

В конце октября институт, где работал папа, наконец-то получил железнодорожный состав, чтобы эвакуироваться из Москвы. Уезжали и семьи сотрудников института. Но поезд, сформированный из товарных вагонов, стоял не в Москве, а далеко за городом. Туда надо было ехать на машине 40 километров. Пока папа доставал машину, чтобы вывезти семью, мама в спешке собирала вещи. Что с собой брать? Ведь мы покидали родной дом в преддверии зимы, ехали в неизвестность. Поэтому брали в основном одежду и самое необходимое. Я уже говорила, что мама немного шила, потому у нее в запасе было несколько кусков (мы их называли «отрезами») различных материй, которые она всегда, как любая женщина, покупала при каждой возможности. Помню, как я возражала, чтобы не брали с собой эти «тряпки», не брали лишних вещей. Хорошо, что мама не послушала меня: именно эти «тряпки» помогали нам выжить в эвакуации – мы меняли их на продукты.

Целый месяц мы ехали в товарных вагонах, где были устроены нары и установлены печки-«буржуйки». В каждом вагоне разместились по нескольку семей. Тогда эшелоны с эвакуированными двигались медленно, с большими остановками – железнодорожники в первую очередь пропускали поезда с солдатами, ехавшими на фронт, с боеприпасами, с военной техникой.

В дороге надо было хоть как-то питаться, добывать продукты. Наш маршрут пролегал в Среднюю Азию, в город Ташкент. Мы проезжали по разным областям. Помню, как на какой-то станции в Пензенской области закупили на весь вагон много сливочного масла. Когда проезжали районы соледобычи (кажется, это было где-то за Волгой), прикупали мешками соль. Тогда, во время войны, она была на вес золота – на нее можно было обменять все что угодно.

Война войной, но красота природы никуда не исчезла. Я на всю жизнь запомнила завораживающую магию степных просторов Южного Урала – они меня просто потрясли, особенно закаты в этих местах. Но как напоминание о страшной реальности по обеим сторонам железной дороги, прямо в степи, огромными грудами лежали выгруженные станки, дорогое оборудование. Это были демонтированные и вывезенные в спешке заводы из западных районов страны, уже оккупированных гитлеровцами. Может быть, позже в этих местах и были построены временные цеха или даже заводы с использованием всего того, что поздней осенью 1941 года лежало брошенным под открытым небом. Тогда мы этого не знали, и лежавшее и пропадавшее без пользы огромное богатство вызывало горькие чувства. Еще мне запомнилось, как по нашему составу, прыгая из вагона в вагон, бродили мальчишки; в основном это были учащиеся ремесленных школ, которым предстояло, немного подучившись, заменить на заводах ушедших на фронт взрослых рабочих. Эти подростки просили у нас подаяние, чтобы хоть как-то прокормиться. Тяжкое было время...

В Ташкенте нас принял местный железнодорожный институт, и мы были поселены в дома железнодорожников – так сказать, к родственным душам. Помню, мы жили у молодого сотрудника института, который уступил нам просторную комнату. Но нас было много – пятеро. Кроме того, с нами из Москвы под видом родственницы мама привезла женщину-еврейку из соседнего дома на нашей улице Грановского, которая боялась оставаться в городе. Ее страхи были обоснованы: случись в Москве самое страшное, женщина попала бы в руки фашистов, и предугадать ее судьбу было нетрудно. В Ташкенте эта наша московская соседка скоро нашла работу и потом помогала нам с мамой.

А в помощи мы очень нуждались. Вскоре после приезда в Ташкент папа уехал – он был мобилизован на строительство Северо-Печорской железной дороги, очень важной стратегической магистрали в те военные годы. Мы остались одни. Мама продолжала кормить грудью маленького Юру, так как это был единственный способ спасти ребенка в тех трудных условиях. Мы постоянно недоедали, меняли на продукты те вещи, которые привезли с собой. Мама похудела на тридцать шесть килограммов, и мало что напоминало теперь ту полную, статную женщину, которой она была до войны. Иногда удавалось покупать для маленького молоко – его приносил нам старый узбек, у которого сыновья были на фронте.

На долгие годы я запомнила тогдашнее чувство голода. В те дни у меня была мечта – вот кончится война, и я сварю целое ведро картошки и накормлю досыта всю семью. А пока приходилось довольствоваться тем, что удавалось достать.

Ташкент хоть и был «городом хлебным» (как назвал его писатель А.С. Неверов), но едоков в нем оказалось тогда слишком много.

Все эвакуировавшиеся вместе с нами сотрудники института весной стали разбивать огородики на любом свободном клочке земли. Нам достался неудобный участок двора – около забора, рядом с воротами. Мы поначалу расстроились – уж очень он был грязный, неприглядный. Но оказалось, что нам просто повезло: в этом месте раньше стояли кони и после них в земле еще оставалось много навоза. У нас выросли здесь необыкновенной величины помидоры.

Школу я оканчивала в Ташкенте, она находилась на Пушкинской улице. А рядом, на этой же улице, в здании местного Политехнического института, размещался эвакуированный из Москвы Архитектурный институт. Еще учась в последнем классе, я узнала, что при институте открылись подготовительные курсы, и стала их посещать. На курсах нас учили рисовать, а поскольку я рисовала с детства, то занималась на них с удовольствием. Выбор моей будущей профессии был предопределен еще в Москве. Когда к нам в гости приходили папины друзья-строители, то, глядя на меня, часто говорили: «Какая серьезная у вас дочка! Наверное, она станет архитектором». Я тогда действительно выглядела строго: носила толстую косу, была подтянутой, всегда с серьезным выражением лица. Мне очень льстило такое мнение взрослых, тем более что это совпадало с моими планами – я восторгалась работами знаменитых женщин-скульпторов А.С.Голубкиной и В.И.Мухиной и мечтала быть скульптором или архитектором. И это было просто счастливым совпадением, что Архитектурный институт оказался в Ташкенте совсем рядом с нашим домом.

Окончив школу в 1943 году, я вместе с несколькими своими подругами держала вступительные экзамены в институт и была принята.

Надо сказать, что наша жизнь была довольно трудной: приходилось не только учиться, но и в полной мере участвовать во всех непростых заботах тылового города, где нашли приют тысячи людей из других районов страны. Нас, студентов, посылали строить саманные домики, поскольку рабочих рук не хватало – большинство мужчин ушло на фронт. Саманные кирпичи делали из глины, смешанной с навозом.

Еще когда мы были старшеклассниками и потом, уже в институте, нас посылали на сельскохозяйственные работы. Сначала мы ездили на окучивание хлопка, потом на его уборку. Помню, как нам было трудно во время окучивания. У многих из нас не было обуви, и приходилось ходить по междурядьям босиком – это было очень больно, так как острые стебли до крови царапали наши подошвы. Но наши мучения усиливались еще и оттого, что приходилось остерегаться скорпионов и тарантулов, которые прятались в потрескавшейся от жары земле и могли укусить в любую минуту.

Помню, как мы ехали на эти работы: сначала на поезде до станции Голодная Степь, а потом на телегах. Наконец мы добрались до места и поселились в каких-то недостроенных саманных домиках. Воду для чая мы брали из арыков. Она была мутная, и как мы не разболелись в таких немыслимых условиях – не понимаю! Кормили нас скудно, но однажды нам дали мясо. Если б мы знали, что это было за мясо! Девочки, дежурившие в этот день и готовившие еду, не сказали, что оно было червивое. Они просто очень тщательно очистили его, промыли как следует и сварили. Каким же вкусным оно показалось нам, почти забывшим его вкус!

Зато в другой раз мы были посланы на уборку персиков. Казалось бы, началась сладкая жизнь – увы! Урожай был богатый, но рабочих не хватало и убирать его было некому. Сочные, спелые плоды, упавшие с деревьев, буквально покрывали землю в несколько слоев. Нам, жившим в Ташкенте впроголодь, глядеть на это было невыносимо. Поскольку мягкие, налитые соком персики транспортировать было нельзя, мы срывали еще недозрелые плоды, укладывали в ящики, которые потом отправляли, как сказали, в госпитали. А созревшие и переспелые персики нам разрешили есть сколько душе угодно. Если бы мы знали, чем это кончится! Конечно же, мы набросились на эту невиданную роскошь и так объелись, что... Что потом было с нашими бедными желудками – лучше не вспоминать! Но не пропадать же такому богатству! И мы мазали спелыми персиками свои юные лица. Зачем? Наша кожа и так была похожа на персик!

На первом курсе института нас послали однажды на рытье какого-то канала. Каждому отводили определенный участок, и мы должны были его углубить и расширить. Помню, я накопала земли выше своего роста – настолько «углубила и расширила». Эту землю потом надо было выбрасывать высоко наверх. Руки у меня буквально отрывались от непосильной нагрузки. Но мне помогал студент-дипломник, который руководил нашей небольшой бригадой. Чем глубже мы опускались, выкапывая землю, тем труднее было выбрасывать ее наверх. Зато потом этот наш прораб похвалил меня: «Эта девочка хорошо работала». И я получила двойную порцию картошки – такие в то время были очень материальные способы поощрения.

Я запомнила этого студента-дипломника не только за помощь мне и справедливое отношение. Мне запомнилось, как у него на руках между пальцев сочилась кровь. Наверное, не просто от трудной работы, от которой лопалась кожа и сосуды, но и от слабости организма – ведь студенты постоянно недоедали, а порой и просто голодали. Фамилия его была Корчагин – она запомнилась мне по ассоциации с героем очень популярной книги Николая Островского, которой в годы моей юности буквально зачитывались миллионы. Последний раз я встретила этого студента, когда он уже защитил диплом. Сразу после окончания института его направили на фронт. И он ушел, чтобы не вернуться... Таким я его и запомнила – красивый, синеглазый блондин в солдатской серой шинели... Так и не успевший пожить по-настоящему, не успевший построить свои дома.

В 1944 году мы вернулись в Москву. Вернулся в Москву и Архитектурный институт, вернее, та его часть, которая была в Ташкенте. Теперь две части – московская и ташкентская – объединились. В нашей группе появились новые студенты, а потом и студенты, в основном демобилизованные после ранения из армии.

Ирина Архипова. Музыка жизни. М.: Вагриус, 1997

Екатерина МАКСИМОВА
солистка балета

Когда началась война, сотрудники консерватории уехали в эвакуацию. Мама рассказывала, как пришла тогда на работу, заглянула в один кабинет – пусто, в другой – пусто, в третий – пусто. Только в парткоме на деревянной скамейке лежит, свернувшись калачиком, Надежда Яковлевна Брюсова (сестра поэта Валерия Брюсова). Мама спросила: «Надежда Яковлевна, что вы тут делаете?» -

«Все уехали, все убежали! Секретарь парткома сбежал, директор сбежал! Никого нет – как же я все брошу?!» - с горечью ответила Надежда Яковлевна. Член парткома консерватории, настоящая старая коммунистка – не как большинство приспособленцев, которые лезли в партию только ради карьеры, - она своим долгом считала даже совсем одной оставаться «на боевом посту».

Мы не уехали – не успели. Ждали эвакуации, даже часть вещей уже отправили, а наш поезд все откладывался и откладывался со дня на день. Москву охватила паника – такой страх, что передать нельзя! Все горело, по улицам бежали люди с узлами, с детскими колясками, доверху наполненными вещами, летали обрывки горелых бумаг – везде жгли документы... А потом наступил тот знаменитый день, когда фашистов погнали от Москвы! Нам позвонили и сказали, что привезут вещи обратно – уже не надо уезжать... Мне тогда два года было, и я сейчас даже не знаю – мои ли это воспоминания, сама ли я все это помню, или в памяти уже переплелись чьи-то чужие рассказы и собственные детские смутные ощущения. Но что-то осталось, точно врезалось в память: военный парад, который мы смотрели с крыши нашего дома в Брюсовском переулке, заклеенные крест-накрест окна, бомбежки. За домом на пустыре напротив церкви упала бомба, стекла в квартире задрожали, все зазвенело, и у шкафа, который казался мне таким огромным, вдруг страшно сами собой распахнулись тяжелые дверцы. Помню, как мы бежали в бомбоубежище (я называла его «убейнизу»), а по небу метались лучи прожекторов и тягуче-замедленно поворачивались, колыхались серые пузатые дирижабли. Как стояли где-то в темноте, на перроне, ждали поезда: мама отвозила меня в Валентиновку, на подмосковную дачу к тетке, потому что от постоянных ночных бомбежек я перестала спать. Первое время ей каждое утро приходилось везти меня обратно в Москву – я не желала оставаться там без мамы. Так она и ездила: вечером после работы со мной на руках и рюкзаком за плечами шла к даче тридцать минут в полной темноте (ни фонарей, ни горящих окон – затемнение) под свист трассирующих в небе пуль, а утром – обратно. Потом я уже привыкла и оставалась в Валентиновке с девочкой, выполнявшей обязанности няни. Так прошло лето, а в сентябре мы окончательно вернулись в Москву.

Еще я очень хорошо до сих пор помню лепешки, которые мама пекла из картофельной кожуры: с торчащими уголочками, как ласточкино гнездо, красивые, поджаренные, румяные, да еще сверху обсыпанные хрустящей подсушенной кофейной гущей от спитого желудевого кофе. Казалось – лакомство необыкновенное! Все прошу сейчас маму: «Сделай те лепешки! Они были безумно вкусные!» Но она отказывается: «Пускай останутся сладкие воспоминания»...

Да, у меня воспоминания – сладкие, а мама рассказывала, что по утрам она просыпалась, что называется, в холодном поту, не представляя, как жить дальше: чем кормить, где что достать, на что покупать. В магазинах ничего не было, все только по карточкам, на рынке такие цены, что не подступишься. Как войну переживали? Одни сплошные трудности, трудности и ничего, кроме трудностей! Мама, чтобы как-то заработать на жизнь, брала заказы на шитье: шила не только платья, но и костюмы, шубы, да все что угодно! Когда я подросла, она и меня научила шить, штопать, вязать. Не зная, как сложится моя судьба и чем мне придется в жизни заниматься, мама старалась, чтобы я умела все. Причем учила ненавязчиво, исподволь – начинала что-нибудь делать и говорила: «Помоги мне пришить

 пуговицу», «Отрежь этот кусочек материи» или «Посмотри, какой красивый получается шарфик – хочешь сама попробовать связать такой?» Никогда не заставляла: «Садись и учись!»

Под Москвой тогда давали участки – обыкновенное поле, заросшее травой, где по целине сажали огороды. С ранней весны все выходные мама вставала в три часа ночи, ехала туда копать, сажать. Летом и осенью все, что можно было законсервировать, засушить, замариновать, все сушилось, мариновалось, заворачивалось в банки и хранилось до зимы, а ели только то, что нельзя хранить. Одно лето вообще обходились только грибами-«зонтиками» и ревенем, из которого мама готовила кисленький супчик, компот и кисель. Из любой ботвы с огорода – морковной, от редиски, от редьки (того, что обычно не едят) – она варила супы, лепешки жарились на всем, что только находилось под рукой, вплоть до рыбьего жира, который покупали в аптеке.

Когда с едой становилось совсем плохо, маме приходилось ездить по деревням, выменивать там продукты на вещи. Она набирала из дома какие-нибудь кусочки мыла, гребешки, старые кофточки, шарфики, шапочки. Брала с собой еще водку, которую давали по карточкам. Надевая тельняшку, повязывала платок по глаза, вся закутывалась и отправлялась в Рязанскую область вместе с молочницами, которые привозили из деревень молоко на продажу. Ехала без билетов (они дорого стоили), подсаживалась в вагоне к этим молочницам с огромными бидонами, а они еще такие добрые попадались: какая-нибудь подставит маме свой бидон, и она сидит с ним, как будто сама молоко везет. Ведь по вагонам ходили с проверками: спрашивали не только билеты, но и документы, и разрешение на выезд из Москвы, а молочниц не трогали. В Рязанской области мама шла по деревням – иногда удавалось выменять на домашние мелочи какой-нибудь крупы, картошки, овощей, иногда даже немного творога или молока. Потом добиралась в Москву: рюкзак за спиной, в руках – сумки. Обратная дорога казалась еще опасней: мама боялась, чтобы не поймали, не отобрали продукты. Значит, приходилось опять как-то прятаться, устраиваться.

Наконец пришла Победа! Все верили и надеялись, что с окончанием войны закончилось и все страшное, плохое в нашей жизни.

Екатерина Максимова. Мадам «Нет». М.: Аст-пресс книга, 2003

А.ОРФЕНОВ
солист оперы

ВЛАДИМИР АТЛАНТОВ

(Фрагмент)

Блокадный Ленинград, морозный, голодный. Город потонул в черных от пыли и копоти сугробах. Тяжелый гул артиллерийской канонады заставляет гудеть мерзлую землю. Редкие прохожие или боязливо жмутся к стенам зданий, либо стараются как можно быстрее перебежать улицу и укрыться под спасительным кровом убежищ.

Подлаживаясь под общий ритм бега, по утоптанному тротуару шагают двое – мужчина и женщина. Они тащат за собой маленькие детские салазки, на которых полусидит-полулежит что-то закутанное, завернутое в одеяло.

Мужчина и женщина – муж и жена. Он – Андрей Петрович Атлантов, артист Ленинградского театра оперы и балета имени С.М.Кирова, известный всему блокадному Ленинграду бас, не пожелавший эвакуироваться из осажденного немцами родного города. Она – Мария Александровна Елизарова, также оперная певица, до войны выступавшая в театре имени Кирова и в Малом оперном, исполняя партии лирического сопрано. Сейчас они оба работают в единственно действующем во время блокады театре – Театре музыкальной комедии – и спешат туда, боясь опоздать на репетицию, а в санках их сынишка Володя, завернутый в одеяло так, что торчит только красный от мороза носишко.

А вот и театр.

Вошли в вестибюль, стали раздеваться. Раскутывая Володю, Мария Александровна прислушалась к тому, что делается в зрительном зале. Оттуда, через полуоткрытые двери, были слышны голоса артистов. Кто-то о чем-то горячо спорил. Репетиция еще не начиналась.

Мария Александровна прошла с сыном в зрительный зал. Мальчуган вскарабкался на кресло в первом ряду и приготовился слушать папу и маму. По тому, как он вел себя, было видно, что присутствовать на репетициях ему не впервой.

Действительно, оставлять малыша одного в нетопленной квартире, голодного, под угрозой бомбежки или артиллерийского обстрела было бы безумием; и Андрей Петрович упросил директора театра разрешить Володе присутствовать на репетициях и спектаклях. Директор разрешил: «Пускай ходит. Может быть, со временем сам артистом будет».

И Володя ходил. Каждый день его можно было увидеть в первом ряду партера. Сидя в кресле, он жадно ловил льющиеся со сцены музыкальные фразы. Каким-то шестым чувством, непонятным для взрослых, он воспринимал это царство звучаний, и оно по-своему было доступно ему.

Мальчик хотел стать таким же, как папа с мамой, выйти на сцену и петь. Пока это были мечты ребенка, мечты, которые нужно было подкрепить знаниями и трудом, чтобы они стали реальностью.

В те годы Володя не понимал, какой это тяжелый и ответственный труд – быть артистом, певцом, сколько нужно для этого сил, терпения и старания, сколько знаний. Ведь только труд делает человека, имеющего голос, данный ему природой, настоящим певцом. Пока что он видел только показную сторону – спектакль, блестящую феерию огней, необычных костюмов, пения и музыки. То, что стояло за этой феерией, труд и переживания артиста, было выше его понимания.

Но шли годы. Кончилась война. И маленького Володю родители отдали учиться в хоровое училище при Ленинградской академической капелле. Андрей Петрович и Мария Александровна хотели видеть в нем продолжателя их семейной профессии певцов, тем более что у Володи был голос и абсолютный музыкальный слух. Достаточно было ему услышать какую-нибудь мелодию, он тотчас же перенимал ее. Вот почему мальчика определили в это старейшее учебное заведение. В хоровом училище при этой капелле и посчастливилось начать свое певческое образование Володе Атлантову.

А.Орфенов. Юность, надежды, свершения. М.: Молодая гвардия, 1973

Снежок ноябрьский белой дымкой
Припорошил Кремлевский сад.
Враг у Москвы.
В осаде Химки.
Но мы выходим на парад.
Решается судьба России:
Советам быть или не быть.
Мы переброшены с Кадыя,
Чтоб сердце Родины прикрыть.
Чеканя шаг у Мавзолея,
Идут ударные полки;
Гремят по камням батареи,
Сверкают каски и штыки.
Казалось, море колыхалось
И не было ему границ,
За ротой рота наплывала
Обветренных усталых лиц.
Здесь только те,
Кто дал присягу,
Кто только мертвым ляжет ниц.
«Враг в воздухе. Назад ни шагу!»

В.Ф.Ноздрев

Т.ДОКШИЦЕР

ДВА ПАРАДА

Мне довелось быть участником многих военных парадов, проходивших на Красной площади. Но военный парад 7 ноября 1941 года оставил впечатление, ни с чем не сравнимое.

...Суровая, словно одетая в шинель, полупустая Москва. Воздушные тревоги днем и ночью.

Оркестр штаба Московского военного округа, переведенный в Горький, был срочно возвращен в столицу. Мы понимали, что, видимо, что-то будет, но мысль о традиционном военном параде никому и в голову не приходила.

Обычно военные парады начинались в 10 часов утра и тщательно готовились. 7 ноября 1941 года военный оркестр уже в 7 часов утра стоял на Красной площади. Над Москвой опустилась низкая облачность, мело. Никто не знал, как поведет себя враг.

И все-таки парад состоялся. Он начался на два часа раньше обычного – в 8 часов. На трибунах Мавзолея – руководители партии и правительства. Метет так, что с середины площади трудно рассмотреть лица.

Парад был короткий, войск мало: не было в этом параде того блеска, к которому мы привыкли в довоенных, тщательно подготовленных и отрепетированных парадах. Эти войска готовили не для парада, а для фронта, куда они и отправлялись прямо с Красной площади.

И в том, что в суровые для нашей Родины дни, в сердце ее, на Красной площа-

ди, проходил традиционный военный парад, советские люди увидели пролог будущей победы.

И вот, почти через четыре года, 24 июня 1945 года, на Красной площади снова проходил парад – парад Победы. Ликование победившего народа, военная мощь страны, триумф сил прогресса над фашизмом и мракобесием воплотились в этом знаменательном параде, участником которого мне тоже довелось быть.

Центральным эпизодом парада стала церемония, во время которой к подножию Мавзолея В.И.Ленина бросались знамена и штандарты поверженных частей гитлеровской армии, захваченные в боях Великой Отечественной войны.

Советский народ праздновал победу!

ПАРАД ПОБЕДЫ

По всей планете нашей та встреча прогремела.
Оркестр московский сводный сыграл отбой войне.
От Спасской башни маршал к нам выехал на белом,
Другой скакал навстречу на вороном коне.
А в сомкнутых колоннах - все, кто на танк с гранатой
Вставал в боях и к миру крепил мосты штыком.
Герои фронтовые - обычные солдаты,
Надежная опора - на ней стоит наш дом.
....
...Но вот пошли...
Трофеи, добытые с боями,
Под грохот барабана несут, ровняя строй.
Штандарты оккупантов, повитые шелками,
Бросают, как рогожу, на камни мостовой,
Клейменные бесчестьем бросают, как в могилу,
Чтоб враг вовек не ожил, чтобы не встать ему.
А столько ж полонить их
нужна какая сила,
Присяге нашей верность и флагу своему.

М.Лужанин
Перевод с белорусского И.Василевского

Газета «Советский артист», 1970, 6 мая

Е.А. ГРОШЕВА
музыковед

БОЛЬШОЙ ТЕАТР – НАРОДУ

(Фрагмент)

Весной 1943г. вся труппа Большого театра вернулась в Москву, и началась усиленная работа по восстановлению репертуара. Среди первых спектаклей особенно запомнилась «Снегурочка». Спектакль шел в давней постановке В.Лосского (возобновлен Н.Домбровским) и в превосходных декорациях К. Коровина. Все было знакомо, как и многие исполнители: Берендея изумительно пел Лемешев, стройной красавицей была Весна Максаковой, обаятельно задорным Лель Злато-

 горовой... В партии же Снегурочки появилась на сцене Большого театра молодая певица Ирина Масленникова, сразу заинтересовавшая зрителей. Её небольшая изящная фигура и кристально чистый голос очень подходили к зрительному и звуковому образу дочери Весны и Мороза.

В «Снегурочке» дебютировал и новый дирижер – молодой Кирилл Кондрашин...

Возобновление «Жизели» Лавровским явилось событием. Спектакль имел поистине громадный успех. Он покорял силой высокой поэзии – признание это было всеобщим.

Тема балета – «любовь сильнее смерти», несмотря на свой трагизм и фантастичность – оказалась близка советским людям, в полной мере познавшим в суровую годину войны цену стойкой преданности. Успех спектаклю принесли и выдающиеся исполнители.

Первое место среди них принадлежало Улановой, уже вошедшей в труппу Большого театра.

Альберт А.Ермолаева возвышался до трагического звучания...

О значении постановки в 1944г. «Жизели» убедительно говорят слова Героя Советского Союза, тогда генерала Армии И. Баграмяна: «Этот балет, игра и танец Улановой производят впечатление столь сильное, что забыть его нельзя, и человек, пробывший так много времени на фронте, испытывает глубокую благодарность к искусству, которое в тяжкие годы военных испытаний не только сохранило весь свой блеск и мастерство, но стало ещё совершенней». (Газета «Советское искусство», 23 июня, 1945г.).

Неиссякаемую трудоспособность балетного коллектива Большого театра демонстрировала и «Раймонда» Глазунова, возобновленная, вернее, заново поставленная Л.Лавровским, за месяц до Победы над фашизмом.

Партия Раймонды была торжеством Семеновой, её искромётного мастерства.

Критика высоко оценивала и исполнение этой партии С. Головкиной.

Партию Жана де Бриена, немного «голубую», с присущим им благородством и мужественностью исполняли Габович и Преображенский.

Премьера «Евгения Онегина» в 1944г. останется заметной вехой в истории большой московской сцены и потому, что впервые выдвинула крупным планом дарование автора сценической интерпретации оперы - молодого Б. Покровского.

Сразу обратили на себя внимание и декорации Вильямса (в 1944 году ставшего главным художником Большого театра), органично вписывавшиеся в общую концепцию спектакля. В последней картине через окно, сквозь тонкую пелену падающего снега просматривался уголок Марсова поля с памятником Суворова (напоминание о приближающейся и страстно чаемой Победе).

Затем, после восстановления «Травиаты» с Лемешевым и «Пиковой дамы», за пульт которой впервые встал Мелик-Пашаев, в декабре 1944 года вновь родился спектакль, который заставил о себе заговорить. Это была заново поставленная «Русалка» Даргомыжского. За пульт спектакля встал В. Небольсин. В этой постановке встретились старые сотрудники В. Лосский и Ф. Федоровский. Мельника пел А. Пирогов – обладатель исключительно яркой, артистичной индивидуальности. Театр в лице Н. Чубенко (Наташа) нашел именно такую певицу, которую искал в свое время и Даргомыжский. Под стать ей был и Г. Большаков (Князь)...

Из военных постановок русской классики особенно отвечало настроениям аудитории монументальное патриотическое полотно А. Бородина «Князь Игорь». В партии Игоря «звучал» великолепно Батурин, вокальное искусство которого к этим годам достигло расцвета.

Наибольший патриотический подъем неизменно вызывал у зрителей «Иван Сусанин», и при его возобновлении в Куйбышеве в мае 1942 года, и особенно в Москве.

В связи с возвращением «Сусанина» в Москву выдающийся советский композитор Ю. Шапорин писал: «Красная Армия идет по Смоленщине, родине нашего великого Глинки. ...Советский народ всегда будет носить в своих сердцах имена новых Сусаниных, рожденных в грозах и бурях Великой Отечественной войны». (Газета «Правда», 22 марта 1943 года).

Зимой победоносного 1945 года «Иван Сусанин» был заново поставлен в Большом театре его новым художественным руководителем, дирижером А. Пазовским. «Постановкой «Ивана Сусанина» мы присоединяем свой голос к могучему «Славься», которое несется от края и до края по всей советской земле, по всему миру в честь великого русского народа», - писал Пазовский. (Газета «Известия», 3 июня 1945 года).

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

(Фрагмент)

...Остановимся на втором послевоенном спектакле – балете С. Прокофьева «Золушка». Она увидела свет в Москве на сцене Большого театра в памятный 1945 год, казалось, воплотив в своей блестящей торжественности ликование народа, выстоявшего и победившего в жестокой схватке с фашистскими легионами. Именно так – как праздничный салют Победе – воспринимался этот спектакль, воспевавший торжество справедливости и гуманизма над злом и ненавистью. И поставлен он был с огромным размахом, небывалой щедростью и даже преизбытком пышности.

По словам Р. Захарова, в спектакле «около пятидесяти разнообразных классических, характерных, бальных, гротескных и других танцев». Но в балете, богатое хореографическое содержание которого включает и испанские, и ориентальные танцы, торжествует вальсовая стихия. Она возникает в самых поэтичных, светлых эпизодах и венчает встречу Золушки и Принца.

Сказочность «Золушки» воспринимается как поэтический фон основной темы произведения – идеально-прекрасного, безоблачно-светлого чувства, соединившего Золушку и Принца. Ласковое обаяние, целомудренность их образов составляют главное очарование балета.

Романтическая тема заключена в рамки сказки-феерии с множеством чудесных превращений, с контрастной сменой увлекательных для глаза и слуха картин. По мановению волшебной палочки феи, тронутой добрым сердцем Золушки, закопченные стены её уголка уступают место прекрасному царству природы. Благоуханная весна, знойно-пышное лето, золотая осень и красавица-зима приветствуют Золушку, даря ей роскошные наряды. Звезды увлекают её в безграничный простор вселенной, чтобы затем перенести в сверкающий замок Принца. Эффектный бал с богатой россыпью танцев, красочные картины экзотических стран, куда попадает Принц в поисках Золушки, создавали феерическое зрелище.

Но Прокофьев не был бы самим собой, если б ограничился лишь романтической феерией. Его блестящее умение создавать живые реальные характеры сказалось и в «Золушке».

Если в Принце Габовича было больше одухотворенности и трепетности, то другой исполнитель этой партии – Преображенский – подчеркивал в своем герое силу, ловкость и мужественность.

На одно из первых мест в спектакле все безоговорочно ставили ярко иронический образ Мачехи, талантливо созданный Викториной Кригер, причем чисто танцевальными средствами. Шостакович назвал танец Кригер «образцом артистического мастерства». Великолепно отточены были характеры двух дочерей Мачехи, созданные М.Шмелькиной и Т.Лазаревич.

Но, конечно, лирическим центром спектакля стал образ Золушки, партию которой танцевали О.Лепешинская и Г.Уланова. Шостакович верно приметил в своей рецензии, что улановская Золушка более сказочна, а героиня Лепешинской более земная. Однако обе балерины, не изменяя своей индивидуальности, отвечали теме спектакля. Хрупкая нежность, благородство и доброта Золушки – Улановой сливались с музыкой Прокофьева, восходящей в своей тонкой изысканной лирике к сказочным героиням Римского - Корсакова. Золушка Лепешинской была проста, скромна и наивна, как подобает девочке из старинной сказки. Блеск же танцевального темперамента балерины, уверенность и чистота техники, овеянной истинным артистизмом, находили опору в общей феерической эффектности постановки.

Захаров и Вильямс создали великолепное по импозантности зрелище. Оформление передавало дух русской архитектуры XVIII века. Два портала с вмонтированными фарфоровыми статуэтками, зеркалами и свечами обрамляли все действие.

В сцене, когда часы бьют полночь, перед зрителем проходила движущаяся панорама пышных апартаментов дворца, по которым в смятении проносилась Золушка.

В заключение балета перед зрителями представали знакомые картины Петергофа, контуры дворца Растрелли.

Спектакль блистал массой режиссерских выдумок. В частности, весьма оригинально было решено в сцене бала «зеркало». Иллюзия отражения танцующих в гигантском зеркале достигалась тем, что у каждого танцора был двойник, повторяющий его движения за прозрачным тюлевым занавесом. Оригинально для того времени был представлен и «звездный вальс» Золушки в финале 1-го акта. В глубине сцены ее поднимали и несли несколько танцоров в черных со сверкающими звездами костюмах, которые сливались с черным фоном декорации. Создавалось полное впечатление, что Золушка возносилась в ночное небо и парила среди звезд.

Е.Грошева. Большой театр Союза ССР. М., Музыка, 1978

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ансимов Г. Звездные годы Большого. М., «Витязь», 2001.
Архипова И. Музыка жизни. М., «Вагриус», 1997.
Бегиашвили Иосиф. Путь большой певицы. «Хеловнеба». Тбилиси, 1977.
Беляева-Челомбитько Г. Раиса Стручкова. М., «Балет», 2002.
газета «Красная Звезда» 27 декабря 1966.
газета «Крылья Родины» № 9, 1959.
газета «Курская правда» 8 марта 1978.
газета «На боевом посту» 3 декабря 1980.
газета «Правда», 16 февраля 1972.
газета «Российские вести» 20 января 1999.
газета «Советский артист» - «Большой театр», с 1940 по 2002.
газета «Советское искусство» 24 августа 1945.
Грошева Е. Елена Климентьевна Катульская. «Советский композитор», М., 1973.
Грошева Е. Большой театр Союза ССР
Докшицер Т. Трубач на коне. М., 1996.
журнал «Музыкальная жизнь» № 9 - 1960, 1975, 1986.
журнал «Октябрь» № 5, 1970.
журнал «Советская музыка» № 10, 1967.
журнал «Советский балет» № 1, 1983, № 3, 1985.
журнал «Театр» № 5, 1970.
журнал «Юность», № 5, 1979.
Захаров Ростислав. Слово о танце. «Молодая гвардия», М., 1979.
Иванов А.П. Жизнь артиста. «Советская Россия», М., 1978.
Иванов Алексей. Чудо на Оке. М., «Советская Россия», 1984.
Кн. Певцы Большого театра. Выпуск 1. «Фолиант», Владимир, 2001.
М.М. Плисецкая. Я, Майя Плисецкая, изд-во «Новости», М., 1994.
Козловский И. Музыка – радость и боль моя! «Композитор», 1992.
Кондратов Ю.Г. По течению. М., 1921.
Кузнецова А. Повесть о народном артисте. «Московский рабочий», 1964.
Лемешев С.Я. Из биографических записок. «Советский композитор», М., 1987.
Лемешев С.Я. Путь к искусству. «Искусство», М., 1968.
Лубенцова Л. Повесть об отце. М., 1990.
Максимова Е. Мадам «Нет». М., Аст-пресс книга, 2003.
Мессерер Асаф. Танец. Мысль. Время. «Искусство», М., 1979.
Михаловская Н.М. Глазами актрисы. «Искусство», М., 1978.
Обухова Н.А.. Воспоминания. Статьи. Материалы. М., ВТО, 1970.
Орфенов А. Юность, надежды, свершения. М., «Молодая гвардия», 1973.
Петров И. Четверть века в Большом. «Композитор», М., 1997.
Рейзен М.О. Автобиографические записки. «Советский композитор», М., 1980.
Рославлева Н. Майя Плисецкая. М., «Искусство», 1968.
Сб. Василий Дмитриевич Тихомиров, «Искусство», М., 1971.
Сб. Мария Петровна Максакова. «Советский композитор», М., 1985.
Сб. Михаил Габович. Статьи. Воспоминания. «Искусство», М., 1977.
Сб. Памяти И.И.Соллертинского. Воспоминания, материалы, исследования. «Советский композитор», Ленинград, 1974, Москва.
Сб. С.А.Самосуд. «Советский композитор», М., 1984.
Сб. Судьбы, опаленные войной, М., 2000.
Серафима Холфина. Воспоминания мастеров Московского балета». «Искусство», М., 1990.
Солодовников А. Ольга Лепешинская. «Искусство», М., 1983.
Тейдер В. Александр Лапаури. М., «Искусство», 1980.
Файер Ю.Ф. О себе, о музыке, о балете. Изд-во «Советский композитор». М., 1970.
Фирсова В.М. Воспоминания о творческой жизни в опере. Владимир, 1996.
Шостакович Д. О времени и о себе. М., «Советский композитор», 1980.
Яковенко С.Б. Павел Герасимович Лисициан. «Музыка», М., 1989.

*В книге использованы материалы
из архива музея Большого театра,
газеты «Советский артист» - «Большой театр»,
из личных архивов артистов и служащих театра.*

*Большая благодарность за помощь в работе над книгой
заведующей музеем ХАРИНОЙ Л.Г. - за поддержку идеи издания
и организационную помощь;
научным сотрудникам музея ЛУГОВОЙ О.В. и РОЗМАХОВОЙ О.О.,
выполнившим на общественных началах ряд компьютерных работ.*

*Особая благодарность сопредседателям профкома Большого театра
КОРОЛЬЧУКУ А.И. и МАЛЬЧЕНКО В.А., выделившим средства для оплаты
компьютерных работ в полном объеме книги.*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 3

БОЛЬШОЙ В ЭВАКУАЦИИ

КУЙБЫШЕВ. 1941-1943гг.

Часть 4

ШЕЛ СМЕРТНЫЙ БОЙ

УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ СРАЖЕНИЙ

Часть 5

С СОЛДАТАМИ НАРАВНЕ

ФРОНТОВЫЕ БРИГАДЫ

Часть 6

ЮНОСТЬ И ДЕТСТВО, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

ВОЙНА И МУЗЫКА

Редактор ***Дергилева Л.И.***
Корректор ***Шаталина Е.А.***

Художник ***Журавлева О.И.***

Подписано в печать 10.05.2005 г. Формат 70×100/16.
Тираж 1000 экз. Физ. печ. л. 19. Усл. печ. л. 24,51. Уч.-изд. л. 21,5.
Заказ № 5813.

ООО "ФОЛИАНТ"
600001, г. Владимир, ул. Студеная гора, 36а
Тел./факс: (0922) 32 16 87, 24 36 90

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Пиковая дама
Вторник, 14 июля 1942 года

Цена 10 коп.

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

ОТДАДИМ ЖИЗНЬ ЗА РОДИНУ!

ФИЛИАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКОГО
БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР

Понедельник 17 апреля

в фонд помощи детям фронтовиков

КОНЦЕРТ
Заслуженной артистки РСФСР
Марии Петровны
МАКСАКОВОЙ

при участии:
Лауреата Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей
Веры ДУЛОВОЙ (арфа)
Засл. арт. РСФСР
Б. М. ЕВЛАХОВА
А. ЖУК, Б. И. ВЕЛЬТМАНА, ГУРВИЧА, И. М. БУРАВСКОГО
Солистка оперы
М. А. СОЛОВЬЕВА
Солисты балета
ВАСИЛЬЕВОЙ, В. В. ДОНУХИНОЙ, В. ЖУКОВА, А. А. ЦАРМАНА

1944 год

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Вильгельм Телль

Воскресенье, 8 ноября 1942 г.

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

Засл. деятель искусств А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ
Режиссер—Р. В. Захаров
Ассистенты: Н. А. Глан и И. Э. Сучков.
Танцы поставлены Р. В. Захаровым
Декорации и костюмы по эскизам художника П. В. Вильямс
Главный хормейстер—М. А. Купер
Художественный руководитель— Лауреат Сталинской премии Народный артист СССР
С. А. САМОСУД

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Алые паруса
Среда, 30 декабря 1942 года

Проклятья на фашистов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР СОЮЗА ССР

Воскресенье 26 сентября

ОТКРЫТИЕ ТЕАТРА

М. И. ГЛИНКА
ИВАН СУСАНИН

МОСКВА
1943 год

Тов. ЗОЛОТОВСКОМУ В.Б.

Дирекция, Художественное руководство, партийная организация и местный комитет Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР, от имени всего коллектива театра, с чувством глубокого восхищения шлют Вам свое приветствие по поводу Вашего высоко патриотического поступка, выразившегося в пожертвовании в фонд обороны полученного Вами по наследству слитка золота.

Доказывая этим свою беспредельную любовь к родине, Вы вносите весьма ценный вклад в дело укрепления обороны нашей страны, способствуя полному освобождению ее от немецко-фашистских захватчиков и окончательной Победе над ними.

ДИРЕКТОР:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
СЕКРЕТАРЬ ПАРТ-БЮРО:
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТКОМА:

ФИЛИАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Понедельник 6 марта

в фонд помощи детям фронтовиков

КОНЦЕРТ
Заслуженной артистки РСФСР, лауреата Сталинской премии
Ольги
ЛЕПЕШИНСКОЙ

1944 год

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
ЧЕРЕВИЧКИ
комико-фантастическая опера
(9 картинах)

ВАКУЛА—Ф. П. Федотов
ЧУБ—С. Н. Колтыпин
ГОЛОВА—Народный артист РСФСР В. Н. Лубенцов
БЕС—А. П. Иванов
СОЛОХА—Е. И. Антонова
ОКСАНА—М. Ф. Бутенина
ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ—Заслуженный артист РСФСР С. Н. Стрельцов
СВЕТЛЕЙШИЙ—Заслуженный артист В. Р. Славинский
ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР—Ф. П. С...
ПАНАС—Ф. М. Годовкин
ДЕЖУРНЫЙ—М. К. Новоженин
СТАРЫЙ ЗАПОРОЖЕЦ—Я. Н. Лу...
ЦАРИЦА—Б. А. Амборская
ЛЕШИЙ—М. В. Сказин
Дирижер—Заслуженный деятель искусств А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ
Постановка Народного артиста РСФСР Р. Н. СИМОНОВА
Режиссер—Б. П. ИВАНОВ
Художник—Заслуженный деятель искусств А. Г. ПЕТРИЦКИЙ
Балетмейстер—В. И. ВАЙНОНЕН
Главный хормейстер—М. А. КУПЕР
Художественный руководитель—Лауреат Сталинской премии Народный артист С. А. САМОСУД

За железную дисциплину!

ФИЛИАЛ
Государственного Ордена ЛЕНИНА Академического Большого Театра Союза ССР

Четверг 24 декабря 1942 года

ДОН-КИХОТ

Балет в 4 действиях засл. арт. РСФСР А. А. Горского. Музыка Л. Минкуса в инструментовке Б. М. Погребова. Либретто М. Петипа в обработке Ю. О. Слонимского

Начало спектакля в 6 ч. 30 м. веч.

Цена 10 коп.

Тип. ГАБТ Петровский пер.

Государственный ордена Ленина Академический
Большой Театр Союза ССР

5 марта 1942 года

СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ
Д. Шостакович

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ
(впервые исполняется)

Исполняет
Оркестр Большого Театра Союза ССР
Дирижер—Лауреат Сталинской премии Народный артист СССР
С. А. САМОСУД

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

Наступил решительный час борьбы

Наглое посягательство ...

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ
Опера в 4 действиях, 6 картинах
Текст и либретто в обработке С. Н. Левик, стихи Кузьмина

Вильгельм Телль . . . . . . В. Н. Прокошев
Арнольд . . Лауреат Сталинской премии Засл. арт. РСФСР Г. Ф. БОЛЬШАКОВ
Матильда . . Лауреат Сталинской премии Засл. арт. РСФСР Н. Д. ШПИЛЛЕР
Геслер . . Засл. арт. РСФСР Б. Н. Бугайский
Вальтер . . Засл. арт. РСФСР С. А. Красовский
Мельхталь . Нар. арт. РСФСР В. Н. ЛУБЕНЦОВ
Джемми . . . . Е. И. Шумилова
Ядвига . . . . В. Д. Гагарина
Рыбак . . . . С. М. Хромченко
Рудольф . . . . Ф. М. Годовкин
Лейтгольд . . . . . . Ф. П. Светланов
Старик . . . . Я. Н. Лубенцов
Крестьянка . . . . . . Л. Г. Рудницкая

Дирижер—Лауреат Сталинской премии Засл. деятель искусств А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ
Режиссер—Р. В. Захаров
Ассистенты: Н. А. Глан и И. Э. Сучков.
Танцы поставлены Р. В. Захаровым
Декорации и костюмы по эскизам художника П. В. Вильямс
Главный хормейстер—М. А. Купер
Художественный руководитель— Лауреат Сталинской премии Народный артист СССР
С. А. САМОСУД

Тип. изд-ва „Волжская коммуна", г. Куйбышев

ИВАН СУСАНИН

Сусанин . . . . . . М. Д. Михайлов
Антонида . . . . . В. В. Барсова
Собинин . . . . . Н. С. Ханаев
Ваня . . . . В. Я. Златогорова

Дирижер—С. А. САМОСУД
Постановка С. А. САМОСУДА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР

Пиковая дама
Вторник, 14 июля 1942 года

Цена 10 коп.

Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР
Союза ССР
Дворец культуры им. В. В. Куйбышева
г. Куйбышев

Четверг 27 мая 1943 года

ДОН-КИХОТ

Балет в 4 действиях с прологом Заслуженного артиста РСФСР А. А. ГОРСКОГО в новой редакции Р. В. ЗАХАРОВА. Музыка Л. МИНКУСА. Либретто Мариуса ПЕТИПА

Китри, она же Дульцинея . . . . . С. М. Мессерер
Базиль, цирюльник . Лауреат Сталинской премии Засл. арт. РСФСР А. М. МЕССЕРЕР
Дон-Кихот Ламанчский . . Засл. арт. РСФСР Вик. В. Смольцов
Санчо-Пансо, его слуга . . . . . Н. И. Авалиани
Жуанитта подруги Китри В. В. Прохорова
Пикиллия Китри Ф. М. Смирнова
Гамаш, богатый дворянин . . . . Л. А. Поспехин
Уличная танцовщица А. И. Абрамова
Эспада . . . . . . Н. М. Голышев
Мерседес . . . . . И. А. Капустина
Три испанки . . . И. Н. Симонова
Г. К. Кузнецова
З. П. Нацкая
Джига . . . . . . Е. М. Садовская
А. И. Ларионов
И. Д. Лентовский
Л. А. Швачкин

Нанесем смертельный удар злодеям

ТРАВИАТА
Опера в 4 действиях, музыка ВЕРДИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ ТЕАТР

«ФОЛИАНТ»